

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 10, № 4, 2017

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала — предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем — стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала — 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 —
социологические
науки; 08.00.00 —
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEC,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Жак Сапир, проф. (Высшая школа социальных наук (EHSS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Пейтер Оуй (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Тюзин Байджан, кандидат наук, профессор (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Чжан Шууха, доктор, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Гориков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф. (Мурманский государственный технический университет, Мурманск, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некиселов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окреплов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (ЦЭМИ РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора д. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Загребельный А.В., ответственный секретарь к. ф. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Задумкин К.А., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора к. ф. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда, Россия)

© ИСЭРТ РАН, 2017

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 10, no. 4, 2017

The Journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast" is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The Journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The Journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vscs.ac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the Journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the Journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

CHIEF EDITOR

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD: FOREIGN MEMBERS

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, doctor of economics, professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, doctor of sociology, professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

EDITORIAL BOARD: RUSSIAN MEMBERS

D.V. Afanasyev, Ph.D. in sociology, associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, doctor of economics, professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, doctor of economics, professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivantsev, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

A.I. Kibitkin, doctor of economics, professor (Murmansk State Technical University, Murmansk, Russia)

S.V. Kuznetsov, doctor of economics, professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

E.B. Len'chuk, doctor of economics, professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, doctor of engineering (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

EDITORIAL STAFF

E.S. Gubanova, doctor of economics, professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy chief editor, doctor of economics, associate professor (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

A.V. Zagrebel'nyi, executive secretary, Ph.D. in philology (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

K.A. Zadumkin, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

G.V. Leonidova, Ph.D. in economics, associate professor ((RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

M.V. Morev, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Ph.D. in economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

S.V. Terebova, Ph.D. in economics, associate professor (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, Deputy chief editor, Ph.D. in philology (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, doctor of economics, associate professor (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, doctor of economics (RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories, Vologda, Russia)

© ISEDT RAS, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 41

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Губанов С.С. О системных основах экономической безопасности России 49

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Мельников А.Е., Леонидова Е.Г. Проблемы развития промышленного сектора экономики старопромышленных регионов России 62
- Кригер А.Б., Ивин В.В. Об использовании аутсорсинга в регионах Восточной Сибири и Дальневосточного федерального округа 78

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

- Кремин А.Е., Гулин К.А. Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона 94

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Лихачева О.И., Советов П.М. Методологические аспекты управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами 111
- Пономаренко Т.В., Ларичкин Ф.Д., Щетинина К.В. Методический подход к оценке ценности проекта освоения месторождения и создания цепочки добавленной стоимости 128

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Поварова А.И. Исполнение бюджетов регионов в 2016 году: кризис не преодолен 144

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию 162
- Стыров М.М., Тихомирова В.В. Проблемы и перспективы духовно-нравственного благополучия российского народа 180
- Львова Н.А., Покровская Н.В., Иванов В.В. Социально ориентированное налогообложение и его восприятие (на материалах опроса будущих экономистов) 196

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

- Козлова О.А., Тухтарова Е.Х., Илинбаева Е.А. Методические вопросы оценки устойчивости трудоспособного населения к негативному экологическому воздействию 212

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Галанов В.А., Галанова А.В., Шибяев С.Р. Случайное и закономерное изменение цены акции в зависимости от длины временного интервала 228

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Суэльда де Альбукерке Ферейра, Мануэла Рау де Альмьеда Каллу, Жевсон Сильва Андраде, Фернанда де Мейо Диаз Гимарайш. Миграция во время кризиса: может ли предпринимательство быть решением? На примере бразильских предпринимателей в Лиссабоне (Португалия) 242

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Чернышев К.А. Исследование постоянной миграции населения депрессивных регионов России 259
- Правила приёма рукописей статей 274
- Информация о подписке 280

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A. Development of Civil Society in Russia in Conditions of “Capitalism for the Few” 9
- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society..... 41

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Gubanov S.S. About the System Fundamentals of Russia’s Economic Security 49

REGIONAL ECONOMY

- Uskova T.V., Lukin E.V., Mel’nikov A.E., Leonidova E.G. Industrial Development Issues in the Economy of the Old Industrial Regions of Russia 62
- Kruger A.B., Ivin V.V. Application of Outsourcing in the Regions of Eastern Siberia and the Far Eastern Federal District 78

ADMINISTRATION IN TERRITORIAL SYSTEMS

- Kremin A.E., Gulin K.A. Managing the Functioning of Small Business at the Municipal Level as a Driver of Regional Economic Development 94

BRANCH-WISE ECONOMY

- Likhacheva O.I., Sovetov P.M. Methodological Aspects of Governing Residential Solid Waste Management Sphere 111
- Ponomarenko T.V., Larichkin F.D., Shchetinina K.V. Methodological Approach to Assessing the Value of the Project on the Development of a Deposit and the Creation of Value Added Chains 128

PUBLIC FINANCE

- Povarova A.I. Administration of Regional Budgets in 2016: the Crisis Has Not Been Overcome..... 144

SOCIAL DEVELOPMENT

- Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Socio-Cultural Reserves of Economic Growth: Productivity of the Work Chosen According to One's Calling 162
- Styrov M.M., Tikhomirova V.V. Problems and Prospects of Spiritual and Moral Well-Being of the Russian People..... 180
- Lvova N.A. Pokrovskaya N.V., Ivanov V.V. Socially Oriented Taxation and How It Is Perceived (Case Study of a Survey of Economists-To-Be)..... 196

ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF PUBLIC HEALTH AND HEALTHCARE

- Kozlova O.A., Tukhtarova E.Kh., Ilinbaeva E.A. Methodological Issues of Assessing the Resilience of the Working-Age Population Against Negative Environmental Impacts 212

THEORETICAL ISSUES

- Galanov V.A., Galanova A.V., Shibaev S.R. Random and Regular Stock Price Change Depending on a Time Span 228

FOREIGN EXPERIENCE

- Suelda de Albuquerque Ferreira, Manuela Rau de Almeida Callou, Gevson Silva Andrade, Fernanda de Mello Dias Guimarães. Migration in Times of Crisis: Can Entrepreneurship be a Solution? The Case of Brazilian Entrepreneurs in Lisbon (Portugal) 242

YOUNG RESEARCHERS

- Chernyshev K.A. The Study of Permanent Migration of Economically Depressed Regions..... 259
- Manuscript Submission Guidelines..... 274
- Subscription Information..... 280

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.1
УДК 338.24(470); ББК 65.050(2Рос)
© Ильин В.А.

Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных»

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

Гражданское общество – термин, известный с древнейших времен, и проблема, волновавшая мыслителей и управленцев на протяжении всей истории человечества, с момента появления первых цивилизаций и государственной власти. С каждым новым шагом развитие человечества (будь то достижения науки и техники, смена политического режима, реформы или революции) неизбежно сталкивалось с вопросами, связанными с гражданским обществом, поскольку двигателем всего нового является человек, а «реципиентом» всего нового – общество.

Гражданское общество представляет собой одну из ценностных категорий, которая (наряду с такими понятиями, как капитализм, рыночные отношения и демократическое государство) характерна преимущественно для западной цивилизации. Как отмечают эксперты, «гражданское общество имеет фундаментальный, исторически обусловленный, этноцентрически западный смысл, который не совсем удачно передается незападной части мира»¹.

В разные эпохи, у разных цивилизаций гражданское общество принимало свой уникальный характер в соответствии с ве-

¹ Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М., 2009. – С. 63.

Для цитирования: Ильин, В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 9-40. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.1

For citation: Ilyin V.A. Development of civil society in Russia in conditions of “capitalism for the few”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 9-40. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.1

ниями времени и культурно-национальными особенностями². Тем не менее можно выделить две характерные черты, объединяющие все культурно-исторические варианты трактовки самого понятия и способов организации гражданского общества.

Во-первых, практически всегда вопросы гражданской активности населения, ее вектора, степени и форм проявления были тесно сопряжены с вопросами эффективности государственного управления, главным критерием которого с нашей точки зрения является «способность государства повышать качество жизни граждан, удовлетворять их интересы на основе повышения темпов и обеспечения устойчивости экономического роста и увеличения реальных доходов населения»³.

В основе гражданского участия всегда лежал определенный пласт социальных потребностей. Какими были эти потребности и насколько государству удавалось реализовывать их? От ответа на эти вопросы зависел и характер развития гражданского общества. Формой гражданского участия можно назвать и протестное

движение луддитов⁴, и пионерско-комсомольскую организацию, созданную в период Советского Союза. Оба этих примера, имевшие место в разные исторические эпохи и противоположные по своей сущности, отражают степень отношения органов управления к проблемам, волнующим население. **История показывает, что отсутствие ориентированности властвующих элит на национальные интересы приводит к объединению людей на основе протестных настроений. В свою очередь, высокая моральная ответственность элит за поступательное и динамичное развитие страны, за обеспечение своих обязательств перед народом приводит к конструктивному диалогу между государством и гражданским обществом, что в конечном итоге является залогом социальной стабильности, национальной безопасности и обеспечивает позитивную динамику конкурентоспособности страны во внешней среде.**

Во-вторых, исторически сложилось две традиции формирования гражданского общества: «сверху» (когда государство выступает инициатором создания институтов гражданского общества с целью органи-

² «Развитие гражданского общества характеризуется национально-культурными особенностями, которые имелись, например, в Англии, Франции, странах Северной Европы, германских княжествах. Так, в англосаксонском мире гражданское общество и государство обычно считались взаимодополняющими, а не враждебными друг другу силами. Напротив, во Франции, Испании и Португалии гражданскому обществу приходилось отвоевывать свои права в борьбе с не желавшим отдавать власть государством, пусть и просвещенным. В немецкоговорящей Центральной Европе XVIII–XIX вв. замысел гражданского общества находил поддержку и распространение, прежде всего, в ложах и объединениях, в корреспондентских и коммуникативных кругах, движениях и партиях, в бытовых условиях жизни и культуре городской буржуазии, к которой относили не только коммерсантов, предпринимателей и банкиров, но и образованных чиновников, профессоров, преподавателей гимназий, врачей, адвокатов, духовных лиц. **Таким образом, постепенно сложились пусть незначительные, но все-таки существующие особенности гражданского общества в каждой национальной культуре»** (источник: Налетова И.В. Гражданское общество и особенности его формирования в культуре России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. – Вып. 5 (121). – С. 174.).

³ Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – С. 10.

⁴ Луддиты (англ. luddites) – участники стихийных протестов первой четверти XIX века против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии. Свое название луддиты получили благодаря своему предводителю Неду Лудду, которому приписывалось уничтожение двух чулочных станков, производивших дешёвые чулки и подрывавших дела опытных вязальщиц, и подпись которого стоит на Манифесте рабочих того времени (хотя исторически существование Н. Лудда не подтверждается). С точки зрения луддитов машины вытесняли из производства людей, что приводило к технологической безработице, поэтому часто протест луддитов выражался в погромах и разрушении машин и оборудования.

зации различных социальных групп и слоев, получения от них обратной связи и поддержания социальной стабильности) и «снизу» (когда инициатором организации гражданской активности выступают представители самого общества — отдельные личности или группы, объединяющие разные социальные слои под эгидой формирования общественного «ответа» на те или иные государственные реформы). И в том, и в другом случае гражданское общество должно стремиться к тому, чтобы быть самостоятельным, независимым субъектом общественного развития и вести полноценный диалог с представителями властвующей элиты в рамках демократических процедур и установленных законом юридических оснований. Иными словами, гражданское общество не должно быть ни панацеей для государства, ни вынужденной необходимостью для социальных групп.

Развитие гражданского общества, его форм и механизмов — проблема, актуальность которой сложно переоценить в современных условиях, характеризующихся напряженностью как международных отношений, так и взаимодействия общества и власти внутри стран, участвующих в геополитической конкуренции. Результаты прошедших в 2016 г. всенародных референдумов в Нидерландах, Великобритании, а также президентские выборы в США наглядно показали, что **если властвующие элиты создают и соблюдают эффективные законодательные нормы, то общество вносит свой вклад в формирование политического курса развития страны.** Так, итоги голосования в Великобритании (23 июня 2016 года) привели к её выходу из Европейского союза и отставке правительства, а в США (8 ноября 2016 г.) — к победе Д. Трампа на президентских выборах. Возможно, эти события и не поменяли кардинально политический истеблишмент в данных странах,

но очевидно, что это весомые шаги для постепенной трансформации политического курса, и не менее очевидно, что это весомые победы гражданского общества, факты, доказывающие реальную возможность гражданского участия в формировании системы государственного управления.

Другими словами, относительно мирная процедура трансформации политического курса согласно национальным интересам становится возможной только тогда, когда власть создает для этого соответствующие условия. В частности, когда она не ограничивается риторикой о необходимости создания эффективно работающих институтов гражданского общества, а разрабатывает для этого законодательные механизмы, принимает их, строго соблюдает и контролирует, что обеспечивает условия не столько для эффективного функционирования самих институтов гражданского общества, сколько для повышения мотивации и проявления широкими слоями населения своей гражданской активности.

Влияние граждан на политическую ситуацию в стране — проблема, крайне актуальная для России, которая за последние 100 лет накопила уникальный, но, к сожалению, негативный опыт смены политического курса насильственными методами. Свержение и царской монархии в 1917 г., и советской власти в 1991 г. в конечном счёте приводили к комплексным масштабным последствиям, которые толкали страну к краю пропасти.

Можно ли сравнивать два этих примера из истории XX века с нынешней внутренней политической ситуацией в России? С одной стороны, как отмечается в Докладе Общественной палаты РФ, в 2016 г. в стране наблюдается «возрастание активности граждан в сфере общественного контроля, от мониторинга закупок до анализа депутатских и министерских деклараций.

Буев М.: «С нормативной точки зрения экономической теории государство должно заботиться о благосостоянии общества, корректируя так называемые провалы рынка. Смысл существования чиновников – делать нашу жизнь лучше там, где рынок это сделать не может. Однако, **когда на практике государство коррумпировано и неэффективно, провалы государства корректируются благотворительностью, то есть за счет граждан. В этом проявляется сплоченность гражданского общества, особенно когда политические свободы ограничены.**

Небывалый рост фондов и инициатив, помогающих детям, старикам, бездомным животным, распространение волонтерских движений – это для нас одновременно и хорошие, и плохие новости. Плохие – потому что **мы сами делаем за государство его работу, разочаровавшись в его дееспособности.** Хорошие – потому что гражданское общество у нас все-таки есть»⁵.

Заметно также возрастание активности молодежных движений и проектов: многочисленные форумы вовлекают всё большее количество молодых людей со всей страны. Важным для российского гражданского общества является также только наметившийся тренд на появление низовой гражданской активности и проектов активных граждан в сельской местности, от сугубо локальных инициатив по обустройству социально-бытовых условий в своем населенном пункте до проведения

федеральных конкурсов на звание самой красивой деревни России»⁶.

Однако это лишь одна «сторона медали»... В уже упомянутом Докладе о развитии гражданского общества не менее важной является и другая часть, в которой эксперты обращают внимание на то, что «состояние гражданского общества определяется не только динамикой количественных параметров развития его институтов и социальной базы. **Не в меньшей степени имеет значение сам спектр вопросов, находящихся в фокусе внимания общества, участие общественности в поиске ответов на вызовы, стоящие перед страной**»⁷.

На чем сосредоточен «фокус внимания» современного российского общества? Уже много лет ключевые проблемы, волнующие население, концентрируются вокруг вопросов, связанных с обеспечением устойчивого и динамичного повышения уровня и качества жизни, достижением социальной справедливости, преодолением шоковых потрясений в функционировании отечественной экономики. Другим аспектом, «приковывающим» внимание социума, является борьба с коррупцией, которая не случайно, по мнению некоторых экспертов, может претендовать на роль идеи, которая консолидирует широкие слои населения и которая именно поэтому может стать центральной в программе В. Путина на приближающихся президентских выборах⁸.

Как показывают результаты социологических опросов, в первую «пятерку» наиболее острых проблем для населения неизменно входит инфляция (по данным за

⁵ Буев М. Аполитичное гражданское общество. Благотворительность в России корректирует провалы государства [Электронный ресурс] // Газета «Ведомости». – 2016. – 28 нояб. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2016/11/28/667126-apolitichnoe-grazhdanskoe>

⁶ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. – М.: Общественная палата РФ, 2016. – С. 6.

⁷ Там же. – С. 129.

⁸ Рожкова Н. ОНФ примеряется к выборам [Электронный ресурс] // Газета «Известия». – 2017. – 26 июня. – Режим доступа: <http://iz.ru/610214/natalia-rozhkova/onf-primeriaetsia-k-uchastiiu-v-prezidentskoi-kampanii>

2017 г. ею обеспокоены 57% людей), низкий уровень жизни (54%), высокая степень социального и имущественного неравенства (39%), коррупция (24%) и экономическая нестабильность (24%; *вкладка*). Со всем немного «отстают» от них проблемы социальной незащищенности (22%), доступности жилья (22%), неудовлетворительного качества услуг ЖКХ (19%). При этом следует отметить, что за последние 17 лет (с 2000 по 2017 г.) актуальность большинства этих проблем не снизилась, а, наоборот, возросла. Так, обеспокоенность динамикой инфляции увеличилась с 45 до 57%; проблемой расслоения населения на «богатых» и «бедных» — с 28 до 39%; коррупцией — с 15 до 24% и т.д. В целом сохранили свои позиции в рейтинге наиболее актуальных проблем и «социальная незащищенность» (4–6 место), и проблема доступности жилья (7–9 место), и несправедливое налогообложение (15–18 место).

Если сравнивать ситуацию в текущем и 2012 году (начало третьего президентского срока В. Путина), то здесь наблюдается примерно аналогичная картина: актуальность проблемы инфляции возросла с 55 до 57%, бедности — с 43 до 54%; имущественного расслоения — 38–39% (эти три проблемы, также как и в 2012 г., занимают лидирующие позиции в рейтинге), несправедливое налогообложение — с 8 до 12% (рост в рейтинге с 18 до 15 места).

Таким образом, безусловно, нельзя не отметить позитивные итоги президентских сроков В. Путина: наведение порядка в стране, сокращение случаев увольнения и задержек в выплате зарплаты и пенсий. **Однако в самых главных проблемах, беспокоящих людей, позитивных изменений за**

последние 17 лет не произошло: вопросы социальной справедливости, имущественного и социального расслоения, бедности стали еще острее.

Вышеперечисленные проблемы составляют основу повестки дня россиян, и их причина, по мнению многих экспертов, заключается в том, что **командные высоты экономики сосредоточены в руках олигархически-компраторской части властвующей элиты, под которой подразумевается «та часть национальной буржуазии, которая безоговорочно подчиняется иностранному капиталу империалистических стран в экономическом и политическом отношении и используется им в своих империалистических интересах. Компраторы действуют как вассалы империалистического капитала, помогая ему удерживать страну в состоянии порабощенной им колонии»⁹.**

О неэффективности правительственных реформ говорят многие эксперты (С.С. Губанов, С.Ю. Глазьев, Н.В. Стариков, Ю.Ю. Болдырев, В.И. Добреньков, К.В. Ремчуков и др.). Характерной чертой компраторов во власти является строительство «капитализма для своих» или «кумовского капитализма», начало которому было положено реформами приватизации и залоговых аукционов, когда бывшая партийная номенклатура фактически «обменяла» неизбежно ускользавшую из их рук власть на национальные богатства. В результате приватизации «500 крупнейших предприятий России стоимостью не менее 200 млрд. долларов были фактически проданы за бесценок — около 7,2 млрд. долларов США. Была создана база для формирования этапа олигархического капитализма. Начиналась эра “капитализма для своих”»¹⁰.

⁹ Губанов С.С. Замечания о системных основах экономической безопасности России // Экономист. — 2017. — № 6. — С. 3.

¹⁰ Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2013. — № 3. — С. 30.

Фурсов А.И.: **«Катастрофические социальные последствия вызваны во многом не действиями Запада, а решениями ответственных лиц в России...»** России объявлена война, поставлена цель сместить власть и в дальнейшем ликвидировать Россию и российский народ. Но таковы исторические цели интервентов, они были всегда. И всегда эта стратегия опирается на мощную «пятую колонну» в России. Наша страна не выигрывала в своей истории ни одной войны, не очистившись от «пятой колонны». Сегодняшняя ситуация – не исключение.

«Пятая колонна» – это конкретные институты и чиновники, которые проводят подготовку к вторжению Запада. В частности, Центробанк обваливает рубль и российскую экономику. ЦБ просто выполняет волю МВФ. Чиновники на региональном уровне проводят свою политику, не все из них, а представители «пятой колонны».

Представители «пятой колонны» действуют не просто так, а как компонент иностранной власти в России. У них есть прикрытие, поддержка, реальная власть. И у нас нет легальных государственных институтов, которые могли бы с ними бороться. Нам не решить проблему «пятой колонны» без правильной оценки 1991 года, как года поражения. Если мы эту правду откроем, то у нас автоматически появится решение этой проблемы. То есть очищение от «пятой колонны» и выстраивание национального стандарта власти...

Сейчас перевес на стороне «пятой колонны». Чтобы перевес был на стороне национальных сил, к ним должен подключиться народ, но он этого пока не хочет. Соответственно, можно ждать реализации негативного сценария. Американцы будут ронять жизненный уровень россиян с помощью Центробанка, поднимут цены в два-три-четыре раза, организуют массовую безработицу. И дальше народ пойдет либо по пути разрушения России, либо по сценарию национально-освободительных сил и очистит государство от «пятой колонны».

Мы должны идти по пути русского тысячелетнего государственного строительства. Формат власти определяется только одним фактором: на кого работает власть? Либо Россия будет колонией-вассалом, либо самостоятельной метрополией. Важна даже не архитектура власти, а ее ориентация. Если власть национально ориентированная, то архитектура подстраивается под историческую модель, в нашем случае – под русскую модель государственного строительства.

Решение многих проблем России связано с политико-правовым, юридическим инструментарием подавления «пятой колонны». Вопрос стоит «по-ленински»: либо мы выстоим, либо «пятая колонна» сметет путинский режим, что будет означать расчленение России. Но выиграв, мы столкнемся с новой проблемой, так как наше противостояние с Западом не окончится. Чтобы успешно ему противостоять, надо иметь нормальную экономику, нормальную армию и нормальные СМИ. Но для этого надо решить проблему «пятой колонны».

Сейчас Россия оказалась на распутье, мы переживаем острый момент нашей истории. Запад против нас построился «клином», «свиньей» и готов в случае необходимости даже к вооруженному конфликту с Россией. Но военный путь – крайнее средство. Пока попытаются решить свои задачи мирным способом. С помощью санкций провоцируется конфликт в элитах. Мы не знаем, какую остроту приобретет этот конфликт. Но перед нами выбор: становиться колонией Запада или отстоять свой суверенитет.

Необходимо сформировать новое правительство, из настоящих профессионалов. В 1998 году было сформировано правительство Примакова – Маслюкова. Подобное надо сделать и сегодня»¹¹.

¹¹ Фурсов А.И. «Пятая колонна» готовится к победному маршу [Эл. рес.] // Официальный сайт А. Фурсова. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/pjataja_kolonna_gotovitsja_k_pobednomu_marshu/2014-12-19-390

Структура наиболее актуальных проблем, волнующих население*

Проблемы	1999 г.		2000 г.		2003 г.		2004 г.		2007 г.		2008 г.		2011 г.		2012 г.		2017 г.		Среднее за 1999–2017 гг.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Инфляция	54,5	2	44,7	2	46,9	1	39,5	1	43,8	1	56,3	1	56,0	1	55,3	1	56,5	1	50,4	1
Низкий уровень жизни, бедность	57,1	1	50,8	1	39,2	3	32,8	4	40,4	2	41,4	2	49,4	2	43,2	2	54,2	2	45,4	2
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	21,3	9	27,7	7	33,6	5	30,8	5	31,0	4	31,4	4	36,2	3	37,5	3	39,0	3	32,1	3
Коррупция, взяточничество	14,8	11	15,4	11	17,8	10	18,7	10	15,0	12	17,5	9	21,8	8	19,8	9	23,9	4	18,3	9
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	39,6	4	29,1	6	17,3	11	14,8	13	14,5	13	16,9	10	19,2	9	16,5	11	23,5	5	21,3	11
Социальная незащищенность граждан	32,5	6	34,4	4	33,4	6	28,7	6	26,7	7	24,8	7	23,1	7	22,3	8	21,5	6	27,5	7
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,8	14	16,8	9	21,2	8	23,1	9	31,8	3	36,3	3	24,8	6	28,6	4	21,5	7	24,0	6
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	19,0	25,3	7	19,3	8	21,2	8	
Политическая нестабильность	21,9	8	16,0	10	9,9	14	8,7	17	7,9	15	7,8	15	8,8	18	11,2	16	18,9	9	12,3	16
Рост алкоголизма	15,8	10	22,2	8	37,7	4	36,1	2	30,9	5	26,5	6	27,1	5	27,3	5	17,3	10	26,8	5
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства и т.д.	33,4	5	36,9	3	39,5	2	34,2	3	30,2	6	28,4	5	29,3	4	25,5	6	16,7	11	30,5	4
Увольнения персонала, безработица	43,7	3	32,1	5	29,4	7	24,4	7	25,0	8	24,6	8	15,4	12	11,1	17	15,9	12	24,6	10
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	8,7	16	11,6	14	15,7	13	16,5	12	15,9	9	14,4	13	16,2	11	14,1	12	15,2	13	14,3	13
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	12,4	13	14,6	13	21,0	9	24,0	8	15,2	11	15,8	11	13,8	14	18,5	10	13,5	14	16,5	12
Несправедливое налогообложение	7,5	17	7,4	18	7,9	17	7,2	19	5,0	17	5,0	16	9,6	17	8,4	18	12,1	15	7,8	19

Проблемы	1999 г.		2000 г.		2003 г.		2004 г.		2007 г.		2008 г.		2011 г.		2012 г.		2017 г.		Среднее за 1999–2017 гг.		
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	
Невозможность влияния простых людей на положение дел в стране, регионе, месте своего проживания	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	12,5	16	11,5	14	10,8	16	11,6	17
Бездуховность, разгул безнравственности	11,6	15	15,1	12	16,9	12	18,2	11	11,9	14	11,0	14	12,9	15	12,2	13	9,3	17	13,2	14	14
Некомпетентность властей	14,1	12	9,4	16	9,6	15	9,6	14	4,5	19	5,0	17	8,1	19	7,2	20	9,1	18	8,5	18	18
Низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	15,8	10	14,6	12	15,1	13	11,4	15	9,1	19	13,2	15	15
Задержки в выплате зарплат, пенсий, стипендий	27,2	7	10,6	15	8,5	16	7,7	18	3,3	20	2,7	20	7,4	20	6,9	21	7,3	20	9,1	20	20
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	5,1	19	6,3	19	7,7	18	9,1	15	4,7	18	4,4	18	5,6	21	7,4	19	5,5	21	6,2	21	21
Притеснения на национальной почве, межнациональная рознь	6,5	18	8,8	17	6,8	19	8,8	16	6,6	16	4,4	19	5,0	22	4,2	22	4,3	22	6,2	22	22
Отсутствие (недостаток) условий для отдыха, проведения досуга	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	4,4	23	3,9	23	2,7	23	3,7	23	23

* Ранжировано по данным в 2017 г. Взяты данные за годы, предшествующие президентским выборам (1999, 2003, 2007 и 2011), а также за годы самих президентских выборов (2000, 2004, 2008, 2012), когда в стране начался новый политический сезон. Коричневой и желтой заливкой выделены соответственно первая «пятерка» и «десятка» наиболее актуальных проблем, волнующих население; голубой и зеленой заливкой – «пятерка» и «десятка» наименее актуальных проблем.

В структуре наиболее актуальных для населения проблем лидирующие позиции на протяжении всего периода с 1999 по 2017 год устойчиво занимали инфляция, низкий уровень жизни, бедность и расслоение населения на «бедных» и «богатых».

Важно отметить, что к 2017 г. по сравнению с началом первого президентского срока В. Путина (2000 г.) заметно снизилась актуальность таких проблем, как высокий уровень преступности, криминалитета (с 3 на 11 позицию), безработица, увольнение персонала (с 5 на 12 позицию), бездуховность, разгул безнравственности (с 12 на 17 позицию), задержки в выплате зарплат и пенсий (с 15 на 20), притеснения на национальной почве (с 17 на 22).

Однако актуальность самых острых проблем не ослабла, а даже усилилась: доля людей, обеспокоенных проблемой инфляции, за период с 2000 по 2017 г. увеличилась с 45 до 57%; низким уровнем жизни – с 51 до 54%; расслоением населения на «бедных» и «богатых» – с 28 до 39% (рост в рейтинге с 7 до 3 места), коррупцией – с 15 до 24% (рост в рейтинге с 11 до 4 места).

31 августа 1995 г. Б. Ельцин издал Указ № 889 «О порядке передачи в 1995 г. в залог акций, находящихся в федеральной собственности». Так было осуществлено правовое «прикрытие» сделки по залоговым аукционам, в результате которых «при расходах, стремящихся к нулю, олигархи приобрели собственность стоимостью не менее 40 млрд. долларов США». Эксперты назвали это «аферой, не имеющей прецедентов в нашей истории...»¹²

За последние 25 лет «капитализм для своих» прочно укоренился в рядах властвующей элиты. Он стал «основой политико-экономического устройства страны». По результатам международных исследований в 2016 г. Россия возглавила рейтинг стран мира по объему «кумовского капитала», который за период с 2004 по 2014 г. вырос на 385%, достигнув 2 трлн. долларов США¹³.

Важно отметить, что это является не только ключевым препятствием для социально-экономического развития России и для решения важнейших проблем, волнующих население. **Сегодня «капитализм для избранных» — это еще и фактор, дискредитирующий Россию на международном уровне, повод для информационной кампании по распространению русофобских настроений и, в частности, — для продолжения санкционной политики США.**

2 августа 2017 г. Президент США Д. Трамп, под давлением со стороны Конгресса, подписал закон о продолжении санкций против России (а также Ирана и КНДР). В этом документе говорится, в частности, о том, что спецслужбы США в течение 180 дней должны будут подготовить 2 доклада.

Первый — «подробное досье о российских элитах», в котором «будут указаны имена крупных бизнесменов, имеющих связи с Кремлем, приведена стоимость их активов, в том числе и тех, которые принадлежат близким и родственникам бизнесменов; указана степень близости контактов крупных предпринимателей с Президентом РФ и его окружением». Кроме того, Конгресс США предполагает выяснить, «были ли олигархи уличены в коррупции, и изучить их отношения с компаниями из-за рубежа», а также «намерен добыть больше информации о российских предприятиях с участием государственного капитала».

Второй доклад «касается связанной с Россией незаконной финансовой активности. Его подготовят те же представители исполнительной власти. На это им выделили год после вступления в силу законопроекта»¹⁴.

¹² Добренев В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2013. — № 3. — С. 30.

¹³ Рейтинг составлен по результатам исследований, проведенных в 22 странах мира. В первой пятёрке рейтинга фигурируют также Малайзия (13%), Филиппины и Сингапур (по 11%), Украина (7%). Замыкают рейтинг Южная Корея, Польша и Германия (меньше 1%). Рейтинг «кумовского капитализма» (Crony-capitalism Index) составляется журналом Economist. Авторы рейтинга оценивают общее богатство миллиардеров, чей бизнес лежит в основном в отраслях, склонных к монополизации, госрегулированию и участию государства (это игорный бизнес, нефтегазовый и оборонный секторы, угольная промышленность и металлургия, недвижимость и строительство, инфраструктурные проекты, банковское дело), и сравнивают его со страновым ВВП (источник: Кум королю как основа экономики. Кумовской капитализм по большей части легален, но всегда нечестен (редакционная статья) [Электронный ресурс] // Газета «Ведомости». — 2016. — 9 мая. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/10/640443-kum-korolyu-kak-osnova-ekonomiki>).

¹⁴ Пудовкин Е. Конгресс ищет секреты российских элит [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2017. — 24 июля. — Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2017-07-24/1_7035_usa.html

Успехи России на международной политической арене, которые были достигнуты командой Президента за последние 10 лет (с момента Мюнхенской конференции 2007 г.), сегодня являются одним из «столпов» народной поддержки В. Путина и одним из аспектов его деятельности, которые заслужили высоких оценок среди экспертов¹⁵.

Социологические исследования показывают, что решение Президентом именно внешнеполитических вопросов находит одобрение в обществе, в то время как успешность решения проблем материального характера оценивалась и продолжает

оцениваться людьми преимущественно негативно. Среди ключевых проблем страны деятельность главы государства по укреплению международных позиций России считают успешной 50–55%; по наведению порядка в стране – около 50%; по защите демократии – 36–40%, по подъему экономики – 28–34% (табл. 1).

Таким образом, «капитализм для избранных» – это проблема не только внутреннего, но и внешнего характера, которая, с одной стороны, усугубляет состояние неопределенности и рисков (что не может не препятствовать готовности широких слоев населения проявлять

Таблица 1. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами (в % от числа опрошенных)

Показатель	2000	2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	1 полу- годие 2017	Изменение 1 полугодие 2017 г. к...	
															2000	2016
<i>Укрепление международных позиций России</i>																
Успешно	42,3	44,9	47,9	58,4	55,1	49,5	49,9	46,2	43,1	45,6	50,4	51,7	51,2	54,1	+12	+3
Неуспешно	30,9	30,1	33,8	24,9	23,7	30,4	29,3	33,7	37,9	36,2	32,4	31,3	29,9	26,7	-4	-3
<i>Наведение порядка в стране</i>																
Успешно	31,4	37,5	41,9	53,2	48,2	39,1	41,1	36,6	35,4	39,4	48,0	50,2	49,2	48,9	+18	0
Неуспешно	49,2	45,1	45,1	34,0	34,2	43,5	42,5	50,0	50,7	47,5	39,1	37,9	36,7	37,1	-12	0
<i>Защита демократии, укрепление свобод граждан</i>																
Успешно	23,5	29,9	33,6	44,4	39,9	36,7	36,3	32,4	28,8	31,8	37,5	40,4	36,6	38,2	+15	+2
Неуспешно	43,8	42,4	47,0	37,0	35,9	41,5	42,6	48,3	52,3	51,0	45,4	41,5	44,3	41,5	-2	-3
<i>Подъем экономики, рост благосостояния граждан</i>																
Успешно	25,6	29,6	35,1	47,2	36,7	31,6	33,5	30,7	28,5	31,3	34,8	34,2	27,2	26,8	+1	0
Неуспешно	52,9	51,4	50,8	39,1	46,0	52,4	51,6	56,1	57,9	56,8	53,4	52,3	59,4	57,9	+5	-2

Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.

¹⁵ Например (источник: «Четырехлетка» Путина: успехи внешней политики и «капризная» экономика» [Эл. рес.] // РИА-новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20160506/1427638180.html>):

Мельников И.И.: «Блестящий, шахматно выверенный внешнеполитический курс в духе всех самых славных и сильных страниц великой российской истории...И крымский триумф, и мощь сирийской операции, и борьба за правду о Победе, и модернизация российских Вооруженных Сил... как следствие – превращение России в ведущего игрока на мировой арене»;

Клинцевич Ф.А.: «Одним из важнейших итогов прошедших четырёх лет можно считать превращение России в ведущего игрока на мировой арене. В этом контексте следует расценивать и шаги по укреплению и модернизации российских Вооруженных Сил. Последние четыре года стали здесь действительно прорывными. Сейчас у нас – одна из самых современных армий в мире»;

Рязанский В.В.: «Несмотря на жесточайшую блокаду, жесточайшие санкции, нам удалось на равных решать проблемы войны и мира... Россия сумела сделать ШОС и БРИКС инструментом политического диалога в международной жизни. Это дает нам основания говорить, что мы сумели восстановить тот паритет, без которого Россия жить не может. Кроме того, наша философия многополярного мира находит все больше сторонников. В качестве примера можно назвать решение парламента Франции рекомендовать правительству отказаться от практики антироссийских санкций».

свою гражданскую активность и интересоваться широкими общественно-политическими вопросами, выходящими за рамки их повседневных, будничных проблем), с другой стороны, ослабляет политические достижения лично В. Путина и его команды (что немаловажно в преддверии приближающихся президентских выборов). **Корни данного явления находятся в сросшихся интересах отдельных представителей властвующей элиты и крупного бизнеса, обладающие в России таким же «завидным» постоянством, как и характер проблем, составляющих основу общественных запросов (инфляция, низкий уровень жизни, имущественное расслоение населения, коррупция, социальная незащищенность). И это обстоятельство нельзя назвать случайным.**

Мы уже неоднократно приводили экспертные оценки и факты, наглядно демонстрирующие то, как неэффективные (а если выразиться более точно – противоречащие национальным интересам) действия кадров государственного управления приводят к тяжелым последствиям для российской экономики, науки и всех ключевых сфер общественной жизни, в результате чего проблемы российского общества приобретают долгосрочный, многолетний характер¹⁶. Об этом свидетельствует и стабильный на протяжении последних 10 лет уровень протестных настроений (17–20%; *рис. 1*), и неослабевающая потребность россиян «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе», иметь возможность «жить, не считая копейки»¹⁷.

Рис. 1. Динамика потенциала протеста* (в % от числа опрошенных)

* Потенциал протеста составляют респонденты, ответившие на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.

¹⁶ См. например: Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – № 3. – С. 9-31.; Ильин В.А. Некрасивая история... // Там же. – № 2. – С. 9-21.; Ильин В.А. Год до четвертого президентского срока // Там же. – № 1. – С. 9-24.

¹⁷ О чём мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2013. – С. 11.

Политика строительства «капитализма для избранных» отразилась и на становлении гражданского общества в постсоветской России. Оно развивается по знаменитому сценарию: **преследование компрадорскими элитами частных интересов в ущерб национальным приоритетам сопровождается имитационным характером выполнения стратегических ориентиров развития страны, утвержденных Президентом.**

В этом контексте следует отметить, что В. Путин с самого начала своих президентских сроков четко обозначил вектор на развитие институтов гражданского общества. Еще в статье «Россия на рубеже тысячелетий» (1999) он говорил о трех «шансах на достойное будущее» и в их числе называл «сильное государство», создающее условия для формирования **«полнокровного гражданского общества, уравнивающего и контролирующего власть»**¹⁸.

Путин В.В.: «Во всем мире наблюдается тенденция к усилению исполнительной власти. И потому далеко не случайно стремление общества усилить контроль над ней во избежание произвола и злоупотреблений. Вот почему лично я придаю **первостепенное значение налаживанию партнерских отношений между исполнительной властью и гражданским обществом, развитию институтов и структур последнего, разрыванию активной и жесткой борьбы с коррупцией**»¹⁹.

Курс на развитие гражданского общества и достижение консолидации в разрозненном после «лихих 1990-х» социуме прослеживался не только в словах Президента, но и в его конкретных решениях. Например:

1. В 2002 г. он ввел налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), вынудив олигархический клан идти на раздел своих доходов с государством, в результате чего к 2002 г. доходы бюджета выросли до 2204,7 млрд. руб., то есть в 3,6 раза по сравнению с 1999 г.

2. В 2003 г. появился Федеральный закон №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

3. В 2005 г. были учреждены Общественная палата РФ и общественные советы²⁰. Как отметил В. Путин спустя 10 лет, «изначально мы планировали Общественную палату России, принципы её формирования и направления деятельности для того, **чтобы расширить базу демократии в прямом смысле этого слова, без всяких громких выражений...** Она не должна подменять собой ни Правительство, ни парламент, у неё должна быть своя ниша, и эту нишу она занимает. Это общественный контроль за тем, что делают исполнительные и представительные органы власти, это экспертная оценка того, что генерируется как ближайшие и более отдалённые планы, это оценка того, как реализуются эти планы, и прямая связь с людьми, прямая связь с теми, кто ощущает на себе усилия властей по улучшению жизни в стране»²¹.

¹⁸ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 1999. — 30 дек. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

¹⁹ Там же.

²⁰ Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. №32 [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2005. — № 3739. — 7 апр. — Режим доступа: <https://rg.ru/2005/04/07/obshestv-palata-dok.html>

²¹ Стенограмма выступления В. Путина на встрече с членами Общественной палаты РФ 20 июня 2017 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54831>

4. В 2011 г. был создан Общероссийский народный фронт (ОНФ), перед которым Президент поставил задачу «контроля над исполнением указов и поручений главы государства, а также борьбы с коррупцией»²². В октябре 2012 г. на первой встрече с активом ОНФ В. Путин отметил, что «при создании ОНФ исходил не столько из политических соображений, сколько руководствовался необходимостью создания широкой общественной коалиции»²³.

5. В 2012 г. был издан Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» № 1199, согласно которому одним из таких показателей стала «Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации»²⁴. В 2014 году появился Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» № 212 и т.д.

Однако ни усиление демократических основ управленческой системы, ни эффективно функционирующие институты гражданского общества, отражающие мнение широких слоев населения, не могли войти в интересы компрадорской элиты, которую продолжает «терпеть» Президент. Поэтому развитие гражданского общества в России столкнулось с таким же примером имитационной деятельности Правительства, с каким оно регулярно «отчитывается» о выполнении майских указов главы государства: общественные палаты и общественные советы (в том числе на

Путин В.В.: «Общероссийский народный фронт должен действительно стать широким общественным движением, чтобы у всех граждан страны была возможность ставить свои, народные задачи, добиваться их исполнения, сдвигать с места те вопросы, которые иногда тонут в бюрократическом болоте, напрямую вносить свои предложения, которые затем станут законами и государственными решениями. **Нужно дать возможность людям использовать имеющиеся инструменты влияния на общественные процессы, искать новые инструменты, умело их применять.** Нужно выдвигать новых людей, новых кандидатов, участвовать в выборах, выдвигать своих людей, востребованных для этих выборов. Но самое главное, чтобы эта работа была живой, она должна быть напрямую связана с людьми, с их интересами и с решением их проблем»²⁵.

региональном уровне) были созданы, но их решения были наделены правом совещательного голоса, который при желании и надлежащем уровне «ответственности» управленческих кадров можно было игнорировать. Ключевых представителей региональных общественных палат и советов определяли действующие власти на местах; властью же они финансировались, то есть, по сути, институты гражданского общества были вынуждены предъявлять претензии к тем, от кого зависели в финансовом плане.

²² История Общероссийского народного фронта [Эл. рес.] // Официальный сайт Общероссийского народного фронта. — Режим доступа: <http://onf.ru/structure/istoriya-onf/>

²³ Стенограмма выступления В. Путина на встрече с активом Общероссийского народного фронта 18 октября 2012 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16680>

²⁴ Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35958>

²⁵ Стенограмма выступления В.В. Путина на Учредительном съезде Общероссийского народного фронта 12 июня 2013 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/18328>

Таким образом, реализация в целом правильной риторики Президента, направленной на преодоление огромной пропасти недоверия, сложившегося между обществом и государством еще в 1990-е гг., оказалась в руках не заинтересованных в этом чиновников. Это привело к двум устойчивым тенденциям в российском обществе.

Первая из них заключается в скептическом отношении людей к институтам гражданского общества, о чем наглядно свидетельствуют результаты социологических опросов населения (см. приложение). Так, индекс доверия людей средствам массовой информации в период третьего президентского срока В. Путина (с 2012 по 2017 г.) снизился со 102 до 89 п.; политическим партиям и движениям — с 89 до 80 п.; органам местного самоуправления — со 104 до 99 п.; общественным организациям — со 102 до 94 п.; Общественной палате области — со 103 до 98 пунктов²⁶.

Но главное даже не негативная динамика, а тот факт, что среди многочисленных государственных и общественных структур именно институты гражданского общества пользуются наименьшим доверием среди людей (для сравнения: индекс доверия Президенту, по данным на 2017 г., составляет 147 п., церкви — 135 п., армии — 128 п., ФСБ — 126 п., суду и прокуратуре — по 121 п. и т.д.). То есть в российском обществе сложился такой уровень доверия институтам гражданского общества, который сравним с доверием банковским и предпринимательским кругам (80–90 пунктов). Разница лишь в том, что в отношении к

предпринимательству «срабатывает» ментальная приверженность россиян к консерватизму и традиционности, а также их стремление к стабильности, порожденное многочисленными фактами обмана со стороны властвовавших элит 1990-х. В отношении же институтов гражданского общества речь скорее идет о неверии в их возможность оказывать реальное воздействие на лиц, принимающих управленческие решения. Не случайно именно эти мотивы («неверие в возможность оказывать влияние на решения властей», «безразличие к общим делам, индивидуализм», «привычка надеяться на готовое, в том числе на власть») регулярно отмечаются людьми как главные причины, препятствующие проявлению гражданской активности (табл. 2).

Вторая тенденция органично вытекает из первой. Она заключается непосредственно в самом снижении гражданской активности широких слоев населения или в социальном атомизме, наличие которого в российском социуме признают многие исследователи, занимающиеся изучением общественных настроений.

В 2008 г. академик РАН В.И. Жуков говорил о том, что «в современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности»²⁷. В 2012 г. академик РАН

²⁶ Согласно методологии вычисления индекса (см. приложение), его значение ниже 100 пунктов означает преобладание отрицательных суждений в оценках населения, или, другими словами, люди чаще говорят о своем недоверии к вышеперечисленным формам организации гражданского общества.

²⁷ Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз (доклад на II съезде Союза социологов России) // Социологические исследования. — 2008. — № 10. — С. 39.

Таблица 2. Какие препятствия Вы считаете главными для проявления людьми своей гражданской позиции? (в % от числа опрошенных)*

Показатель	2008 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Изменение (+ / -) 2017 г. к...	
								2016 г.	2008 г.
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	20,7	24,3	27,2	22,7	21,0	22,3	20,0	-2	-1
Безразличие к общим делам, индивидуализм	43,5	26,2	24,1	23,5	19,6	24,5	19,5	-5	-24
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	24,8	19,1	22,0	21,9	19,5	19,6	19,1	-1	-6
Недостаток знаний, некомпетентность	20,9	15,2	19,1	15,9	15,4	19,7	16,4	-3	-5
Недостаток времени, чрезмерная занятость	9,9	12,3	15,5	15,0	14,4	18,5	14,8	-4	+5
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	–	15,9	19,9	19,7	11,8	13,2	14,6	+1	–
Отсутствие способности к организации	9,5	8,3	11,1	10,7	9,5	10,9	9,6	-1	0
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	–	6,7	9,4	7,4	6,5	5,3	5,9	+1	–
Другое	0,5	0,6	0,3	0,2	0,1	0,3	0,4	0	0
Затрудняюсь ответить	14,9	27,3	29,7	29,9	35,1	35,3	37,0	+2	+22

* Вопрос задаётся 1 раз в год. Ранжировано по данным за 2017 г.

М.К. Горшков писал: «В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешней среды и отсутствия возможности существенно влиять на возникающие ситуации в нем, россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания...»²⁸

Характеризуя российское общество сегодня, эксперты отмечают: «Люди адаптируются к бедности. Обычно это происходит в два скачка. Первый продолжается полтора-два года. За это время изменения не воспринимаются как критичные. Нехватка средств обозначает всего лишь дефицит ресурсов, ничего более. Второй этап начинается примерно через пять лет бедности. К этому моменту меняется цен-

ностная ориентация и круг общения. Процесс привыкания не просто завершается, а приводит к внешним переменам в жизни. А также к внутренним изменениям. Если человек слишком долго пребывает в состоянии безысходности, у него развивается ощущение безнадежности. Он уже не склонен бороться за свои интересы, а думает только о выживании»²⁹.

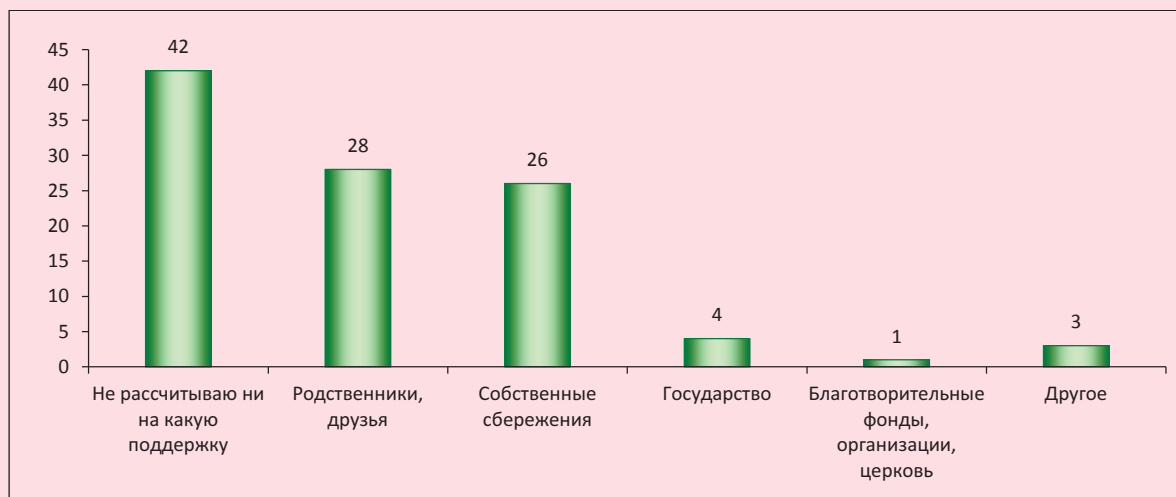
Опрос ВЦИОМ, проведенный в мае 2017 г., показал, что «в случае снижения доходов только 4% семей ожидают помощи от государства, около трети семей полагаются на родственников, каждая четвертая семья рассчитывает на свои сбережения и более 40% семей не рассчитывают ни на чью поддержку» (рис. 2)³⁰.

²⁸ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3.

²⁹ Гранина Н. Привычка к нищете: россияне справляются с кризисом, понемногу привыкая к бедности [Эл. рес.] // Информационный ресурс Lenta.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/03/09/poverty/>

³⁰ Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2017 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 5.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, если доходы Вашей семьи по каким-либо причинам уменьшатся, на что или на кого Вы будете рассчитывать в первую очередь?» (в % от числа опрошенных, расчеты НИУ ВШЭ по данным опроса ВЦИОМ, май 2017 г.)

Источник: Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2017 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 26.

Региональные исследования динамики общественного мнения наглядно подтверждают опасения российских ученых:

- ✓ ощущение согласия и сплоченности на микроуровне (семья, ближайшее окружение) отмечают 62% населения, в стране и области – в три раза меньше (22%);

- ✓ 87% жителей не доверяют никому или доверяют только своим самым близким друзьям и родственникам;

- ✓ 84% людей высоко оценивают степень своего влияния на положение дел в семье (осознают и принимают свою ответственность), однако лишь 4–10% говорят о том, что могут повлиять на положение дел в стране, области, городе;

- ✓ доля людей, готовых объединяться ради достижения общих целей (45–50%), превалирует над удельным весом тех, кто

разделяет противоположную точку зрения (20–25%); однако, как известно, объединяться можно по разным причинам, в том числе и с целью участия в протестных выступлениях, что наглядно продемонстрировали протестные акции, организованные несистемной оппозицией в марте 2016 г.;

- ✓ 33% населения не участвуют в различных мероприятиях общественно-политической жизни (их доля за последние 6 лет увеличилась на 12 п.п.); нельзя не отметить снижение доли людей, не участвующих в общественных мероприятиях в 2017 году (с 50 до 32%), но (как мы отмечали ранее) это также может свидетельствовать лишь о том, что таким образом люди «делают за государство его работу, разочаровавшись в его дееспособности»³¹.

³¹ Був М. Аполитичное гражданское общество. Благотворительность в России корректирует провалы государства [Эл. рес.] // Газета «Ведомости». – 2016. – 28 нояб. – Реж. дост.: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2016/11/28/667126-apolitichnoe-grazhdanskoe>

Все вышеперечисленные факты, свидетельствующие о низком уровне гражданской активности населения, характерны не только для российского общества «образца 2017 года». Аналогичное соотношение оценок межличностного доверия, степени сплоченности, возможности влияния на положение дел и т.д. наблюдается на протяжении всего периода исследования, то есть как минимум последних 6 лет.

Положительную роль в плане развития гражданской активности населения сыгра-

ли события «крымской весны». Они привели к резкому росту консолидационных настроений (оценка уровня сплоченности в стране в 2014 г. возросла с 14 до 29%) и к более активному участию людей в различных общественно-политических мероприятиях (в 2015 г. доля неучаствующих впервые за период исследования сократилась с 44 до 37%; табл. 3). Однако эти положительные изменения оказались краткосрочными. Уже на следующий год удельный вес людей, отмечающих высокий уровень со-

Таблица 3. Динамика показателей гражданской активности и межличностного доверия (в % от числа опрошенных; варианты ответов по каждому вопросу ранжированы по данным 2017 г.)

Варианты ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Изменение 2017 г. к...	
							2016 г.	2011 г.
Доля людей, считающих, что «сегодня больше: согласия, сплочённости, чем несогласия, разобщённости...»								
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	57,7	58,0	62,3	+4	+15
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	32,2	33,4	38,5	+5	+14
В стране	14,2	14,1	28,9	22,0	21,6	22,8	+1	+9
В области	19,3	15,9	26,9	19,9	20,3	21,7	+1	+2
Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?»								
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	52,5	53,4	55,7	60,2	62,7	+3	+5
В наше время никому нельзя доверять	26,1	27,9	27,9	23,5	25,1	24,2	-1	-2
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	15,2	12,2	12,6	10,8	9,7	-1	-3
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	1,6	3,1	2,5	2,3	1,0	-1	-1
Доля людей, считающих, что могут «лично повлиять на состояние дел ...»								
В Вашей семье	77,1	76,9	77,5	75,7	84,5	84,4	0	+7
У Вас на работе	50,7	42,9	40,9	35,1	39,9	46,1	+6	-5
В Вашем доме, дворе	35,6	34,5	33,5	34,1	32,9	35,5	+3	0
В Вашем городе, районе	12,3	7,1	9,4	7,1	7,1	9,8	+3	-3
В нашей области	7,7	3,0	4,1	3,7	4,7	4,5	0	-3
В стране в целом	6,6	2,5	3,7	3,3	3,9	4,5	+1	-2
Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?»								
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	50,6	38,3	45,8	+8	-1
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	18,9	26,1	21,6	-5	-4
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	30,5	35,5	32,6	-3	+5
Участие в различных мероприятиях общественно-политической жизни*								
Не участвовал	20,6	29,0	43,7	36,6	50,1	32,7	-17	+12

* Варианты ответов (мероприятия): выборы, коллективное благоустройство, субботники; работа ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления; сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся; подписание обращений в органы власти; деятельность профсоюзных организаций; проведение избирательной кампании; деятельность общественных организаций; митинги, демонстрации, пикеты; деятельность религиозных организаций; деятельность политических партий; забастовки.
Опрос проводится с 2011 г. 1 раз в год (в апреле).
Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.

гласия и сплоченности в стране, снизился (с 29 до 22%); а доля людей, не принимающих участие в общественно-политических мероприятиях, — увеличилась с 37 до 50%.

Таким образом, Правительство, по сути, выражает интересы правящей элиты, которая занимается строительством «капитализма для своих». Поэтому имитация деятельности чиновников (а по факту — их незаинтересованность ни в решении ключевых проблем, волнующих население, ни в эффективном развитии институтов гражданского общества) приводит к тому, что заданный Президентом курс на сближение власти и общества в значительной степени так и остается нереализованным. Вместо этого реальные условия жизни способствуют тому, что в российском обществе прочно укоренились социальный атомизм, апатия, неверие в возможность влияния на положение дел в стране.

В данном контексте необходимо упомянуть о росте аполитичности россиян. Как показывают результаты социологических опросов, более 40% населения затрудняются определить, какая из основных на сегодняшний день партий отражает их

интересы, или считают, что ни одна из политических сил, представленных в парламенте, не способна на это. За период с 2007 по первое полугодие 2017 г. доля разделяющих это мнение увеличилась с 40 до 44% (табл. 4). Для сравнения: это больше, чем поддержка партии власти (30–35%) и поддержка всех остальных парламентских партий, вместе взятых (около 20%).

Не менее наглядна динамика явки россиян на выборы федерального уровня (в частности, Государственной Думы), которую мы подробно анализировали в одной из наших предыдущих статей³². В целом явка россиян на выборы в парламент имеет устойчивую тенденцию к снижению с 2007 г. (в 1999 г. — 61,9%, в 2003 г. — 55,8%, в 2007 г. — 63,8%, в 2011 г. — 60,2%, в 2016 году — 47,9%). За период с 2007 по 2016 г. количество избирателей, пришедших на избирательные участки, уменьшилось на 17 млн. человек (с 70 до 53 млн.; табл. 5).

Следует отметить, что с 2007 г. явка россиян на президентские выборы также снижается: в 2007 г. она составляла 69,7%, в 2012 г. — 65,3%, и неизвестно, какой она окажется в 2018 году...

Таблица 4. Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	2015	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	1 полугодие 2017 г.	Изменение (+/-) 1 полугодие 2017 г. к		
											2016	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	35,4	38,0	33,2	-2	+2	+3
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	10,4	21,9	10,7	0	+3	+3
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	8,3	14,2	7,3	-1	-3	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	4,2	10,8	4,7	+1	-1	-3
Другая	1,8	—	1,9	—	0,6	0,3	0,2	0,3	—	0,3	0	-2	-2
Никакая	17,8	—	29,4	—	34,9	34,4	31,8	29,4	—	31,5	+2	+2	+14
Затрудняюсь ответить	21,2	—	13,2	—	10,2	11,7	12,2	12,0	—	12,3	0	-1	-9

Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.

³² Ильин В.А. Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5. — С. 9-26.

Таблица 5. Динамика явки избирателей на выборы в Государственную Думу V–VII созывов по федеральным округам России*

в чел.					
Территория	2007 г.	2011 г.	2016 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.
Российская Федерация	69609446	65766594	52700992	-13065602	-16908454
Центральный Федеральный округ	17546326	17049621	12270883	-4778738	-5275443
Приволжский федеральный округ	16043964	15100550	13083343	-2017207	-2960621
Северо-Западный Федеральный округ	6520540	6234123	4378759	-1855364	-2141781
Сибирский Федеральный округ	9351476	8212790	6599218	-1613572	-2752258
Уральский Федеральный округ	6039397	5273346	4258200	-1015146	-1781197
Дальневосточный Федеральный округ	2986327	2530907	1870528	-660379	-1115799
Южный Федеральный округ	6621657	6510122	5896748	-613374	-724909
Северо-Кавказский Федеральный округ	4195352	4544971	4343313	-201658	+147961
в %					
Территория	2007 г.	2011 г.	2016 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2011 г.	Изменение (+/-) 2016 г. к 2007 г.
Российская Федерация	63,78	60,21	47,88	-12,33	-15,9
Северо-Западный Федеральный округ	61,23	57,65	43,18	-14,47	-18,05
Центральный Федеральный округ	60,98	58,78	45,29	-13,49	-15,69
Южный Федеральный округ	63,22	61,51	48,27	-13,24	-14,95
Дальневосточный Федеральный округ	63,68	55,83	42,92	-12,91	-20,76
Сибирский Федеральный округ	66,45	58,19	46,70	-11,49	-19,75
Уральский Федеральный округ	65,51	59,07	48,83	-10,24	-16,68
Приволжский федеральный округ	69,13	64,30	54,44	-9,86	-14,69
Северо-Кавказский Федеральный округ	84,95	86,46	82,22	-4,24	-2,73
* Ранжировано по уровню снижения явки в 2016 г. по сравнению с 2011 г.					

Тенденции гражданской активности населения, фиксируемые по результатам социологических измерений; уровень доверия ключевым институтам гражданского общества; динамика явки россиян на выборы федерального уровня — все эти показатели свидетельствуют о том, что имитация деятельности, с которой правительство взялось за реализацию установок Президента на сближение власти и общества, не привела к эффективным результатам, а лишь накапливала раздражение и апатию среди населения. По большому счету она и не могла привести к выполнению поставленных задач, поскольку ключевые проблемы, волнующие население, продолжали и продолжают оставаться нерешенными. В первую очередь, по причине того, что у самой властвующей

элиты нет заинтересованности в реализации национальных интересов, и вследствие того, что в российской системе государственного управления, на всех уровнях власти, так и не сложилась (ни организационно, ни психологически) традиция ответственности чиновников и их наказания за невыполнение своих профессиональных обязанностей.

Согласен ли Президент с положением дел в сфере государственного управления или он вынужден продолжать терпеть фактически открытое неисполнение своих прямых поручений... — вопрос, на который сложно ответить, но факт остается фактом: либеральный блок Правительства по-прежнему продолжает осуществлять свою деятельность, идущую вразрез с национальными интересами государства.

Возможно, одной из форм влияния на либеральный блок правительства и чиновников регионального уровня являются как раз институты гражданского общества, активно поддерживаемые Президентом. Сегодня они эффективно решают многие задачи. В частности, ОНФ достигает успехов не только в решении острых локальных проблем (таких как расселение аварийных домов, ввод в эксплуатацию детских садов, ремонт автодорог, ликвидация незаконных свалок и т.д.), но и эффективно реализует одну из своих главных целей, отмеченных в Уставе, — «общественный мониторинг и гражданский контроль исполнения законов, президентских инициатив и иных приоритетных государственных решений и программ»³³. **Не случайно именно проверки ОНФ инициировали аресты губернаторов Волгоградской, Новосибирской, Брянской, Челябинской, Рязанской, Сахалинской областей. И именно оценки «фронтвиков» позволяют увидеть реальную картину выполнения майских указов Президента.** Как отмечают эксперты, ОНФ сегодня «может сыграть очень яркую роль» в предвыборной кампании Президента, если он выставит свою кандидатуру на выборы главы

В середине 2016 г., то есть спустя 4 года после опубликования майских указов Президента, Правительство отчиталось о выполнении «около 70% от общего числа поручений и 88% – от числа поручений, которые должны были быть выполнены к настоящему времени». Однако, как отмечают представители Общероссийского народного фронта, «из 162 наших заключений на доклады правительства о снятии соответствующих поручений с контроля мы подтвердили целесообразность снятия с контроля **только по 24 поручениям**. Цифры именно такие: мы считаем, что 24 поручения действительно выполнены, остальные в той или иной степени не выполнены»³⁴.

государства в 2018 г. и «если будет избран сценарий “Владимир Путин с народом”»³⁵.

Необходимо отметить и новые веяния в работе Государственной Думы VII созыва, которая:

во-первых, устраивает широкие парламентские слушания с участием «не только оппозиционеров, но и граждан, организовавшихся для своих интересов»³⁶, а также

³³ Устав ОНФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Общероссийского народного фронта. — Режим доступа: <http://onf.ru/2013/06/10/ustav/>

³⁴ Обещания третьего срока: как исполняются майские указы президента [Эл. рес.] // Официальный сайт РБК / О. Волкова, П. Никольская, И. Ткачев, А. Могилевская. — Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/17/05/2016/573a034a9a7947d18967193a>

³⁵ Рожкова Н. ОНФ примеряется к выборам [Эл. рес.] // Газета «Известия». — 2017. — 26 июн. — Режим доступа: <https://iz.ru/610214/natalia-rozhkova/onf-primeriaetsia-k-uchastiiu-v-prezidentskoi-kampanii>

³⁶ Например:

6 июня 2017 г. в Государственной Думе прошли парламентские слушания законопроекта о реновации жилого фонда Москвы. В обсуждении приняли участие депутаты профильных комитетов, руководители парламентских партий, члены правительства, мэр Москвы С. Собянин и жители домов, попавших в программу реновации (около 300 чел.).

3 июля 2017 г. в Государственной Думе состоялись парламентские слушания на тему «Формирование эффективных законодательных механизмов защиты прав и законных интересов участников долевого строительства», организованные профильными комитетами в рамках подготовки ко второму чтению проекта Федерального закона №139186-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части защиты прав участников долевого строительства). В обсуждении правительственного законопроекта приняли участие депутаты Государственной Думы, действующие участники долевого строительства, обманутые дольщики из проблемных регионов (Новосибирская область, Краснодарский край, Самарская область, Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Челябинская область и др. — всего около 227 чел.), а также представители Банка России, АИЖК, Министерства строительства и ЖКХ России.

намеревается «обсудить с избирателями направления по совершенствованию парламентского контроля»;

во-вторых, выражает намерения «вести с кабинетом министров дискуссии наиболее жестко — даже с учетом того, что партию власти возглавляет премьер Д. Медведев» (в частности, осуществлять более жесткий контроль над исполнительной властью совместно со Счетной палатой);

в-третьих, «откладывает партийные разногласия ради укрепления статуса». Не случайно за первый год работы депутатов VII созыва из 225 поддержанных Думой инициатив 173 были «приняты консенсусом, то есть голосами всех четырех думских партий», что, по словам спикера В. Володина, означает, что их «поддерживает и подавляющее большинство населения нашей страны», при этом большая часть этих законов — «не техническая правка, а актуальные решения по современным проблемам»³⁷.

Однако даже на фоне осторожного оптимизма, который может возникнуть при взгляде на действия парламентариев и успехи общественников в деле борьбы с коррупцией и в решении конкретных проблем российских регионов, их усилий может оказаться недостаточно для того, чтобы говорить об эффективном развитии гражданского общества. **Поскольку в основе этого развития лежит гражданская активность широких слоев населения, а ее невозможно достичь без соответствия двум условиям:**

1) без ощутимых сдвигов в решении проблем уровня и качества жизни;

2) без психологической установки людей на то, что институты гражданского общества способны отстаивать их мнение по самым важным вопросам, способны влиять на управленческие решения органов власти.

Пока эти условия в России остаются не реализованными. Стабильный уровень протестного потенциала, а также устойчивый характер проблем, беспокоящих население, свидетельствуют о том, что в российском обществе существуют определенные социальные запросы, которые выступают фундаментом для накопления критической массы. При этом неудовлетворенные социальные запросы населения могут стать основой как конструктивного диалога институтов гражданского общества с властью, так и деструктивной целенаправленной деятельности определенных сил, стремящихся дестабилизировать обстановку накануне президентских выборов.

Таким образом, многолетние ожидания населения в отношении решения вопросов социальной справедливости превращаются в ресурс, за который идет война между не-системной оппозицией (с целью «раскачать» общественную стабильность и создать взрывоопасную ситуацию перед выборами Президента) и институтами гражданского общества. И прежде всего такими, как Общероссийский народный фронт и Общественная палата, новый председатель которой (В. Фадеев) совершенно справедливо отметил, что «повестка дня должна складываться снизу»³⁸. Среди ключевых направлений, на которых планирует сосредоточить внимание новый созыв Общественной палаты, — «защита социальных прав граждан, таких как право на труд, на

³⁷ Родин И. Парламентским контролем депутаты займутся с осени [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2017. — 25 июля. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2017-07-25/3_7036_duma.html

³⁸ Стенограмма встречи В. Путина с членами Общественной палаты РФ 20 июня 2017 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54831>

жилище, на медицинское обслуживание»; борьба за повышение независимости статуса региональных общественных палат; создание «автоматически работающей системы общественного контроля»³⁹.

Волна протестных выступлений, прокатившаяся по России весной и летом 2017 года⁴⁰, наглядно показала, что профессиональной организаторской работы и информационного «вброса», выполняющего роль «спички», достаточно для того, чтобы за короткий срок объединить представителей самых разных социальных групп. И нарастающая динамика готовности людей к объединению ради достижения общих целей (что показывают данные многолетних социологических исследований, проводимых ИСЭРТ РАН) может свидетельствовать именно об этом: не об усилении консолидационных процессов в обществе, а об исчерпывающемся запасе терпения.

Это подтверждают и результаты общероссийских опросов: так, по данным Института социологии РАН, «две трети россиян говорят сегодня о неразрешимых противоречиях между народом и властью. При этом запросы на стабильность в стране постепенно сменяются запросами на перемены»⁴¹. За период с 2014 по 2017 г. доля россиян, которые считают, что «страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической

и политической жизни», увеличилась с 30 до 41%, а удельный вес тех, кто считает, что «стране нужна стабильность; она важнее, чем перемены», — снизился с 70 до 56%.

Следует отметить, что сам факт борьбы за «народную поддержку» между несистемной оппозицией и общественниками носит вынужденный характер. Он свидетельствует о том, что **проблемы, волнующие общество, не решаются теми, кому это положено**. Это, в частности, подтвердила прошедшая недавно «прямая линия» с В. Путиным: «Президенту пришлось в режиме «ручного управления» заниматься решением проблем, на которые никто не обращал внимания месяцами или даже годами. Но Президент России, даже если оставит в стороне свои прямые обязанности и займется исключительно решением частных вопросов, никогда не успеет их все решить»⁴².

В то же время внимание Президента к вопросам развития гражданского общества и, в том числе, непосредственное участие в руководстве ОНФ свидетельствуют о его заинтересованности в использовании данного института как эффективного механизма борьбы с коррупцией, для реализации задачи национализации властвующих элит. Не имея возможности осуществить кардинальные кадровые перестановки в Правительстве, что, по мнению некоторых экспертов,

³⁹ Институт гражданского общества. Повестка дня [Эл. рес.] // Журнал «Эксперт». — 2017. — 4 авг. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/29/institut-grazhdanskogo-obschestva/>

⁴⁰ 26 марта 2017 г. в 82 городах России прошли акции протеста (митинги, шествия, одиночные пикеты) против коррупции в высших эшелонах российской власти. Поводом для их проведения стало отсутствие должной реакции властей на фильм-расследование Фонда борьбы с коррупцией Д. Навального «Он вам не Димон», рассказывающий о предполагаемых коррупционных связях Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева. По оценке ряда зарубежных и российских СМИ это были крупнейшие акции протеста в России со времён протестов 2011–2013 гг. Вторая «волна» протестных выступлений состоялась 12 июня 2017 г. Митинги прошли более чем в 150 городах России, в них приняли участие от 50 до 98 тысяч человек.

⁴¹ Соловьева О. Люди устали от стабильности [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2017. — №143. — 13 июл. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-07-13/4_7028_people.html

⁴² Институт гражданского общества. Повестка дня [Электронный ресурс] // Журнал «Эксперт». — 2017. — 4 авг. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/29/institut-grazhdanskogo-obschestva/>

во многом происходит из-за нежелания В. Путина идти на открытый конфликт с Западом и его «либеральными агентами в России»⁴³, Президент не устраняется от внутренней проблематики, а пытается решать ее, действуя «окольными путями»: делая ставку на силовые структуры и механизмы общественного контроля.

Тем не менее, пока Президентом не приняты решительные меры по национализации властвующей элиты, продолжающей работать на строительство «капитализма для своих», говорить об эффективном развитии гражданского общества и его контролирующей функции не приходится. Равно как и о создании условий для естественной, демократической трансформации системы управления в соответствии с динамикой национальных интересов, что провоцирует риск повторения трагических уроков истории.

Дальнейшее развитие гражданского общества и повышение качества государственного управления в России, на наш взгляд, во многом зависит от двух обстоятельств:

- во-первых, от динамики международных политических событий, которые (в случае возникновения каких-либо форс-мажорных обстоятельств наподобие украинского кризиса или нового витка «Холодной войны 2.0.») могут потребовать приоритетного внимания главы государства к вопросам внешней политики;

- во-вторых, от ответа на вопросы: удастся ли Президенту сохранить роль «регулирущика» процессов, происходящих во внутренней политической жизни в стране? Сможет ли он обеспечить качественное функционирование системы государственного управления в целях реализации национальных интересов и национальной безопасности? Хватит ли у него политической воли, личностных сил и стратегического мышления для того, чтобы не увязнуть в болоте политических интриг, коррупционных схем и подковерных игр, которыми сопровождается строительство «капитализма для своих» во власти?

Для создания прочного фундамента гражданского общества и полноценной реализации его институтами функции общественного контроля потребуются решительные действия (причем не только от главы государства, но и от силовых и гражданских структур, которые он поддерживает). В противном случае роль гражданского общества в России со временем может свестись к решению конкретных проблем узких социальных групп (инвалидов, пенсионеров, молодежи и т.д.). И при таком варианте развития событий «ниша» силы, способной объединить требования представителей самых разных слоев населения о повышении качества и уровня жизни, останется свободной и придется только ждать и догадываться о том, кто ее займет...

⁴³ Делягин М.Г.: «Если мы защищаем национальные интересы России, — значит, нам придется поспорить с Западом по-настоящему, а не как сейчас. А в этом случае огромное количество представителей российской «офшорной аристократии» потеряет свои домики в Париже, дворцы в Лондоне и замки в Австрии, Шотландии и т. д. И что с ними делать? Они же будут недовольны и в целом, как люди разумные, энергичные и эффективные, будут весьма умело воевать против политики защиты национальных интересов России, грозящей их собственности на Западе. Чтобы предупредить эту войну, их надо наказать превентивно. А главная проблема Путина заключается в том, что он гуманист и демократ, и он не будет наказывать без прямой и личной вины. Но он понимает, что, если ждать возникновения такой вины, может оказаться поздно, так как уже начнется вожденное Западом и его либеральными агентами в России восстание элит» (источник: Делягин М.Г. Либералы относятся к России как к котлете — объекту потребления» [Эл. рес.] // Деловая электронная газета «Бизнес Online». — Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/327971>).

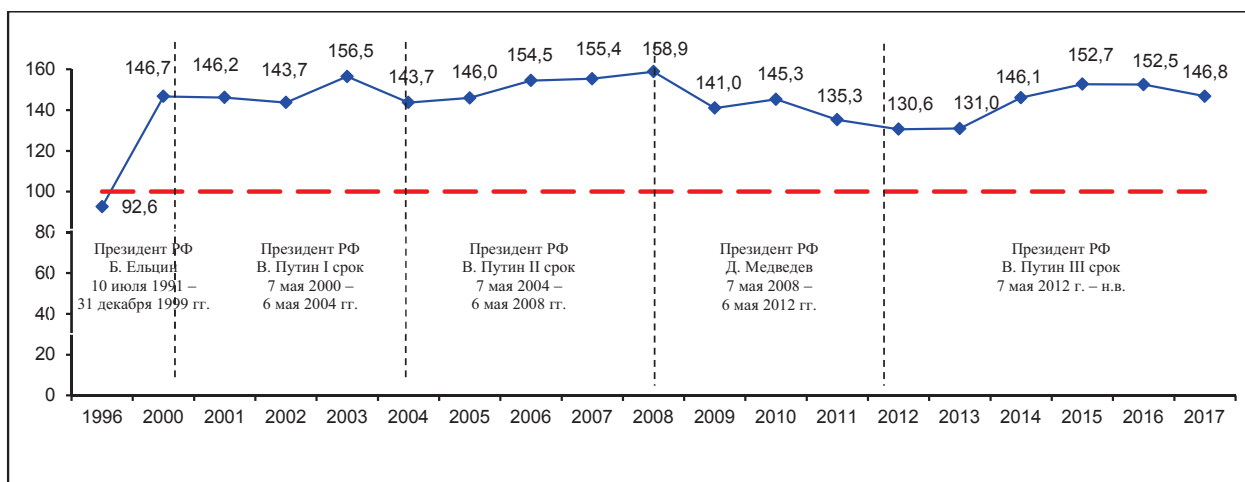
Литература

1. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3-11.
2. Губанов, С.С. Замечания о системных основах экономической безопасности России / С.С. Губанов // Экономист. – 2017. – № 6. – С. 3-12.
3. Добренъков, В.И. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? / В.И. Добренъков, Н.Р. Исправникова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2013. – № 3. – С. 26-55.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. – М.: Общественная палата РФ, 2016. – 258 с.
5. Жуков, В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз (доклад на II съезде Союза социологов России) / В.И. Жуков // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 29-40.
6. Налетова, И.В. Гражданское общество и особенности его формирования в культуре России / И.В. Налетова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 5 (121). – С. 173-177.
7. Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2017 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 37 с.
8. О чём мечтают россияне: идеал и реальность / под ред.: М.К. Горшков, Р. Крумм, Н.Е. Тихонова. – М.: Весь Мир, 2013. – 400 с.
9. Фурсов, А.И. «Пятая колонна» готовится к победному маршу [Электронный ресурс] / А.И. Фурсов // Официальный сайт А. Фурсова. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/pjataja_kolonna_gotovitsja_k_pobednomu_marshu/2014-12-19-390
10. Ховард, М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / М. Ховард. – М., 2009. – 192 с.

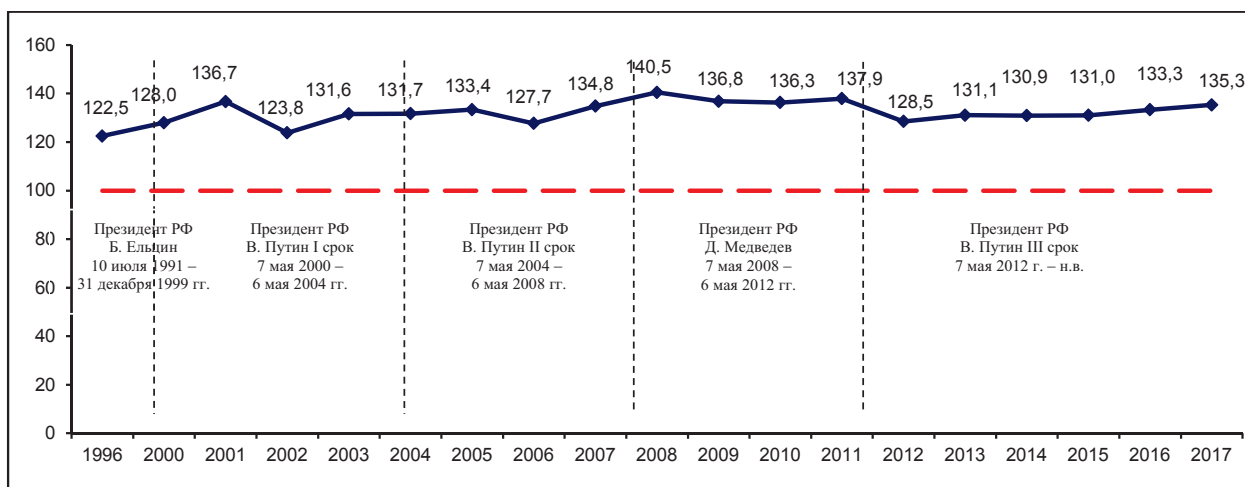
Приложение

Динамика индекса доверия государственным и общественным институтам*

1. Институты, пользующиеся доверием среди населения
(по данным 2017 г.)

1.1. Индекс доверия Президенту РФ

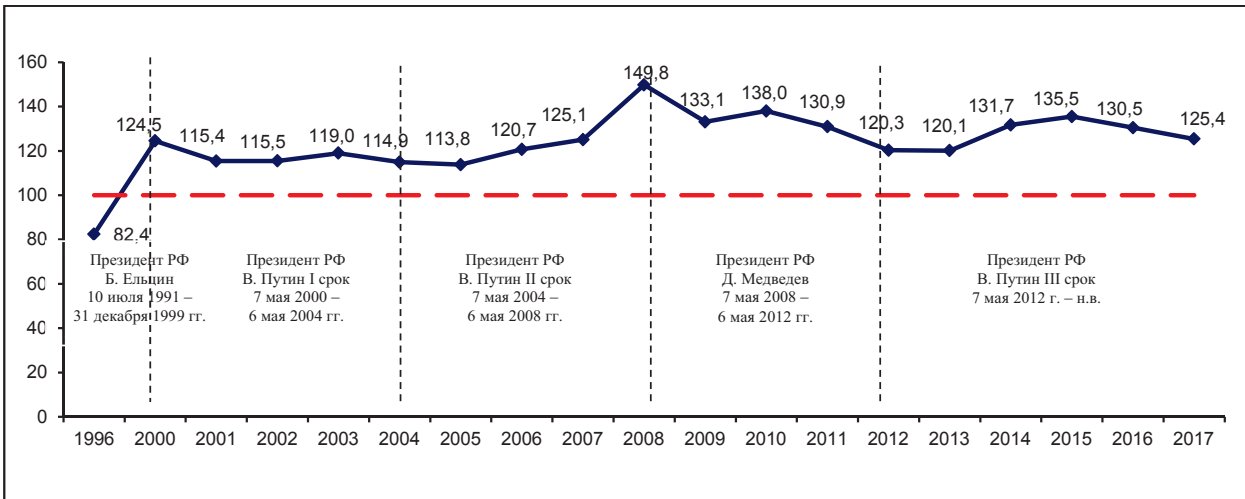
1.2. Индекс доверия церкви

* Приложение разделено на 2 блока:

1. Институты, пользующиеся доверием среди населения (по данным 2017 г.).
2. Институты, не пользующиеся доверием среди населения (по данным 2017 г.).

Все институты, представленные в приложении, ранжированы по степени уменьшения доверия среди населения. Критерий распределения институтов по двум блокам – значение индекса доверия. Согласно методологии вычисления индекса для его расчёта из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Соответственно, 100 пунктов – нейтральная отметка, обозначающая равновесие доли положительных и отрицательных оценок; значение индекса выше 100 пунктов означает преобладание доли позитивных суждений над отрицательными; ниже 100 пунктов – противоположная ситуация.

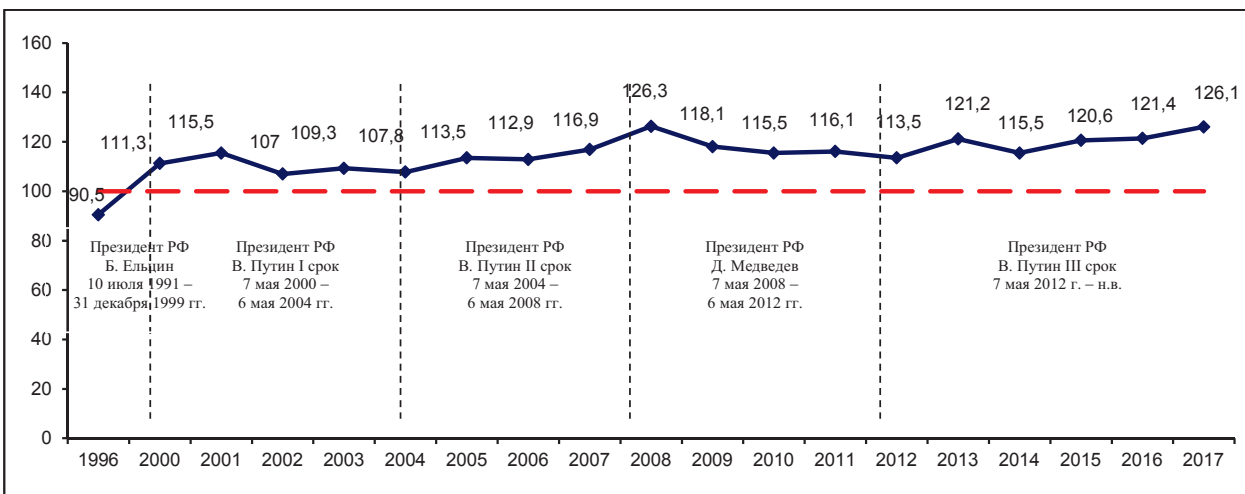
Уровень доверия измеряется ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области с 1996 г. Формулировка вопроса – «Определите, пожалуйста, своё отношение к действующим в стране структурам и институтам власти...» (варианты ответов: «полностью доверяю», «в основном доверяю», «в основном не доверяю», «полностью не доверяю», «затрудняюсь ответить»). Вопрос задается 2 раза в год (в апреле и октябре). Данные за 2017 г. представлены по результатам опроса, проведенного в апреле.

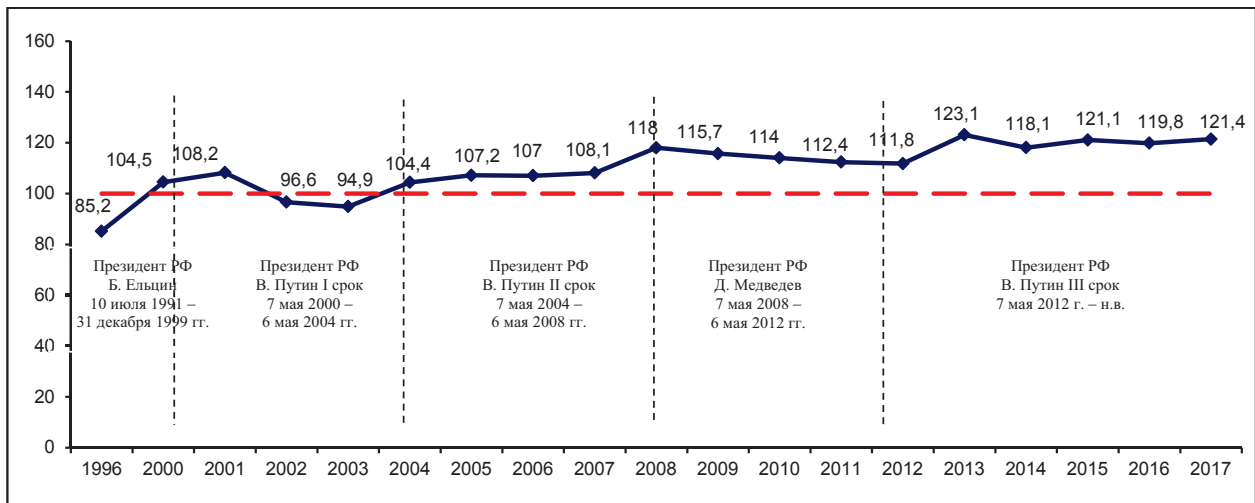
1.3. Индекс доверия Правительству РФ

1.4. Индекс доверия армии

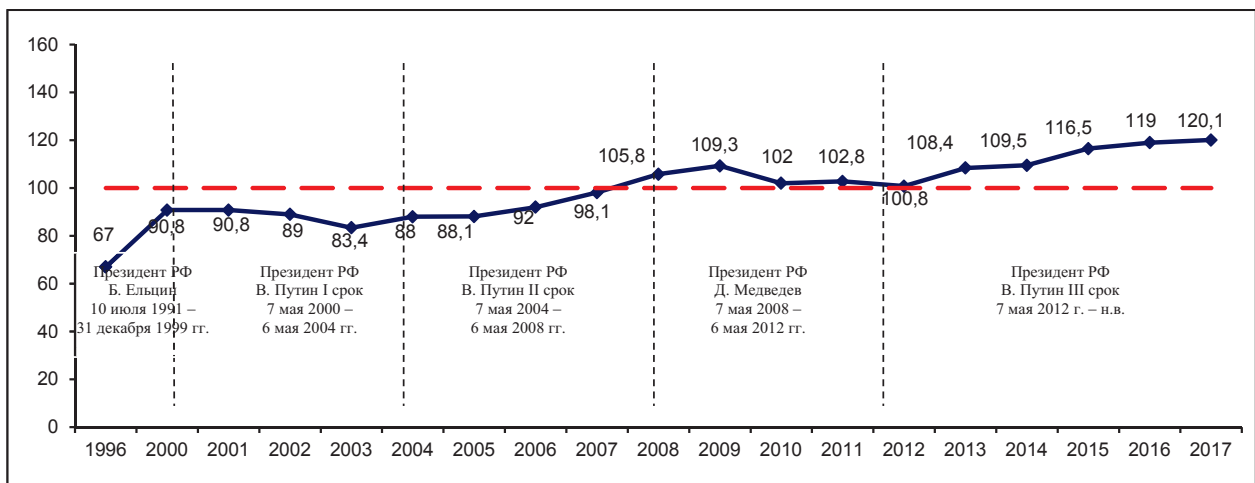
1.5. Индекс доверия ФСБ

1.6. Индекс доверия прокуратуре

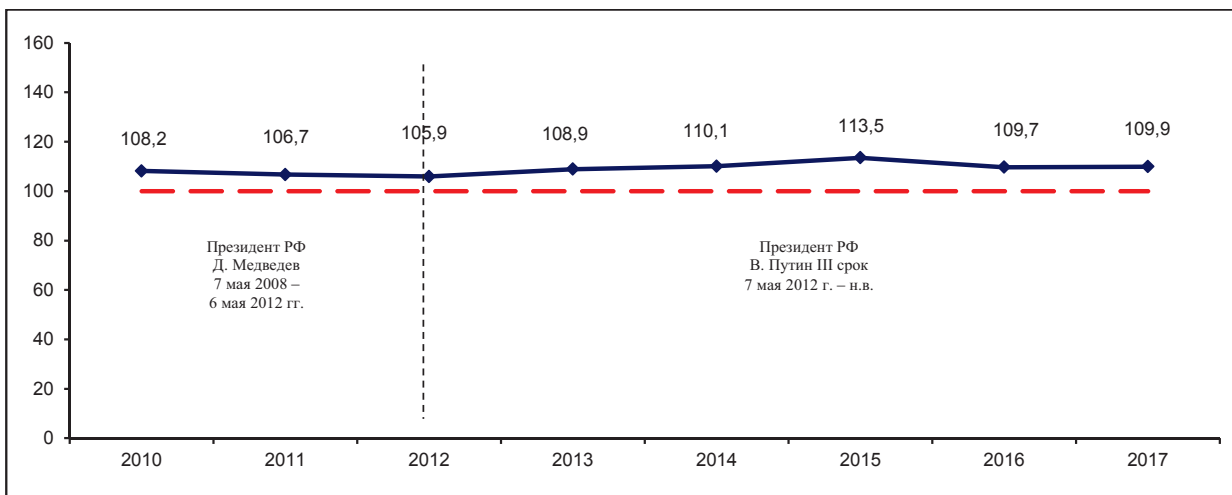
1.7. Индекс доверия суду

1.8. Индекс доверия полиции

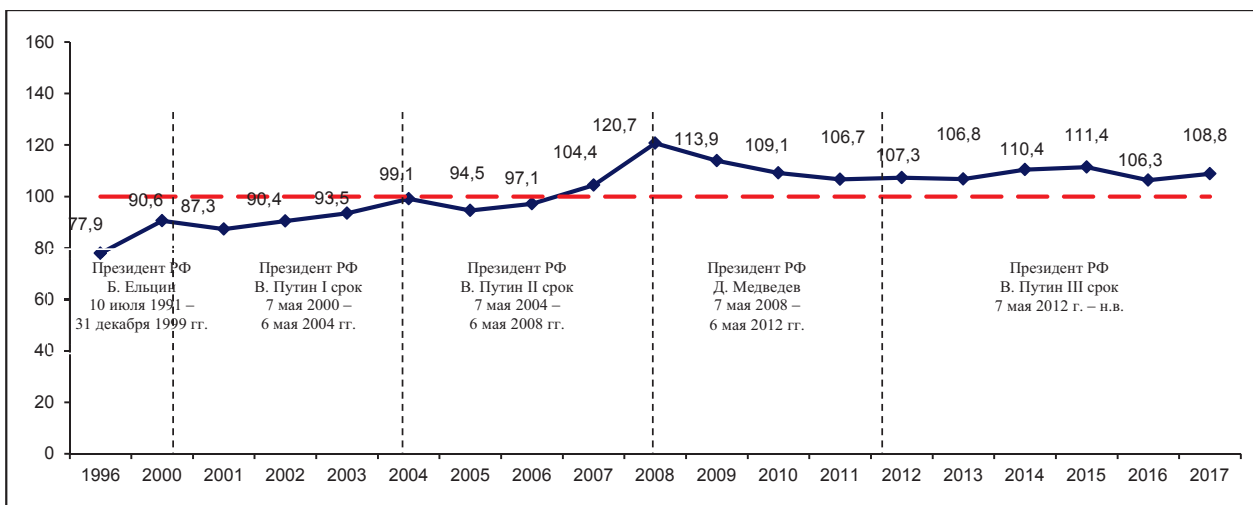

1.9. Индекс доверия Совету Федерации

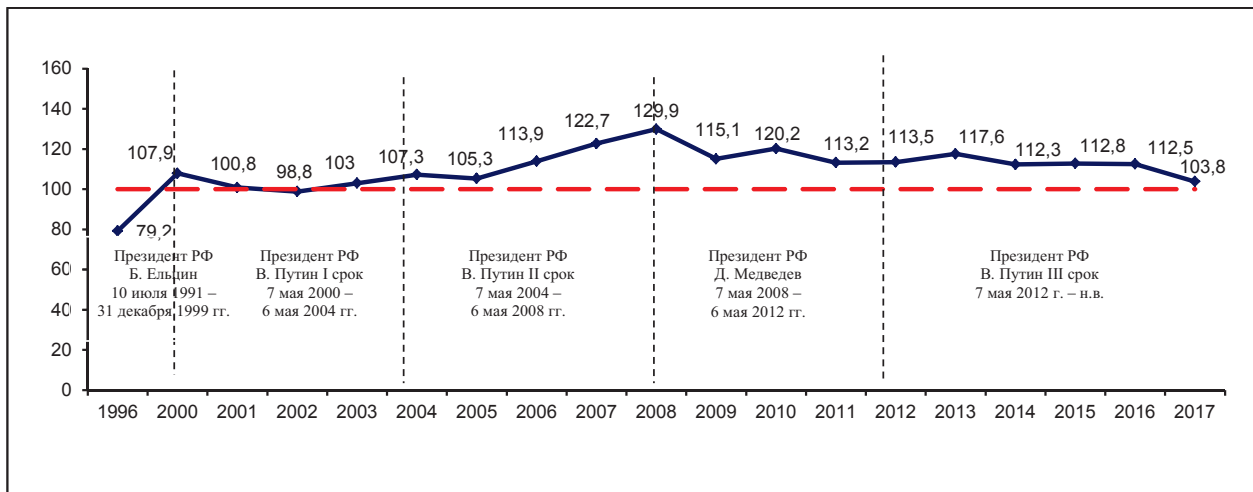

1.10. Индекс доверия Общественной палате РФ*

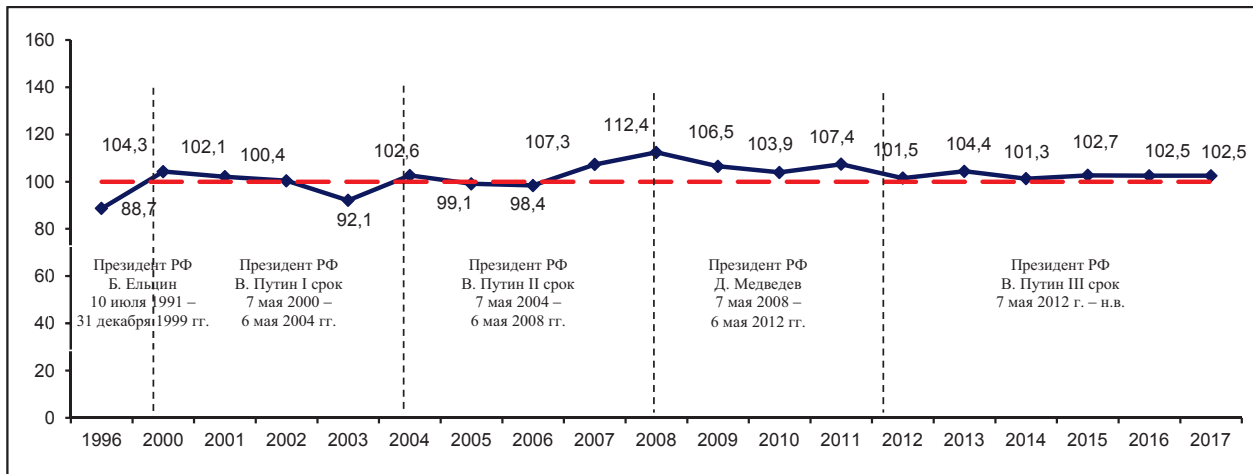
* Институт включен в структуру вопроса с 2010 г.

1.11. Индекс доверия Государственной Думе

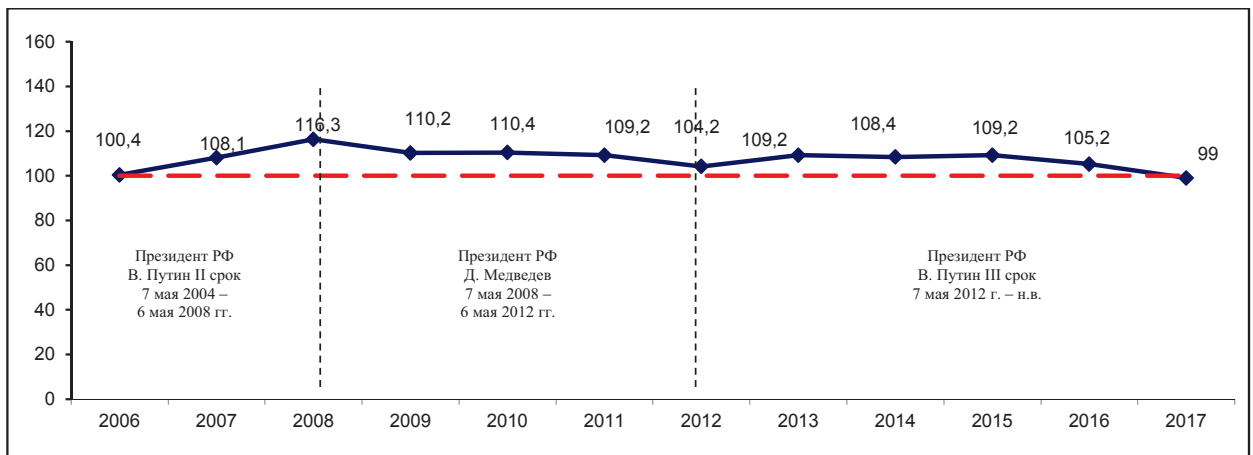

1.12. Индекс доверия руководству области

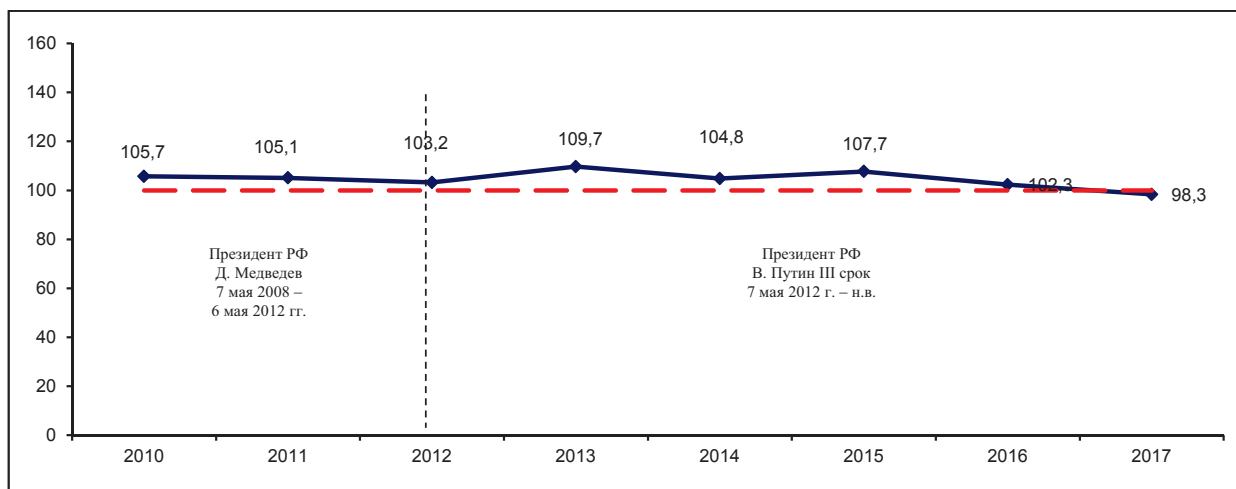
1.13. Индекс доверия профсоюзам

2. Институты, не пользующиеся доверием среди населения
(по данным 2017 г.)

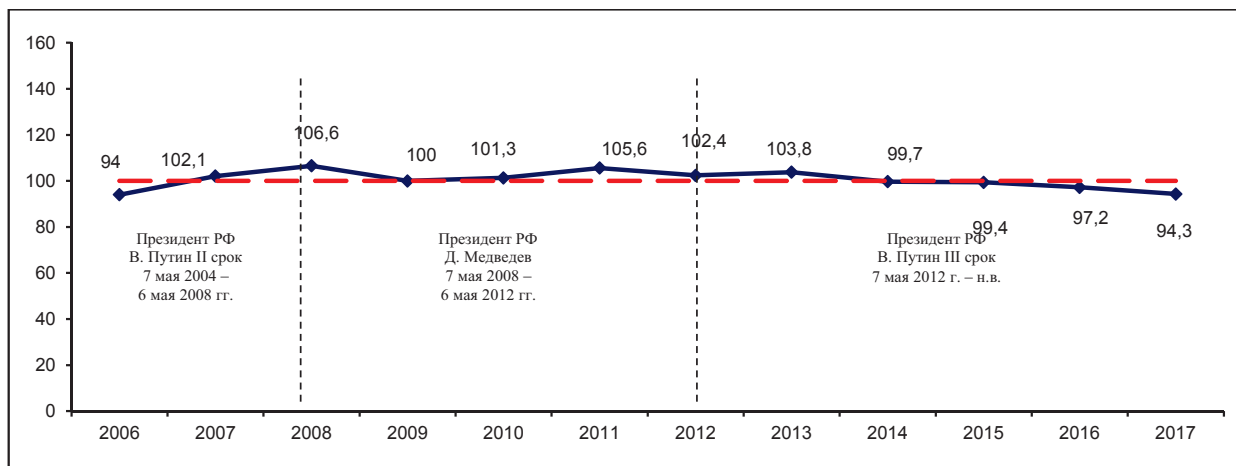
2.1. Индекс доверия органам местного самоуправления*

* Институт включен в структуру вопроса с 2006 г.

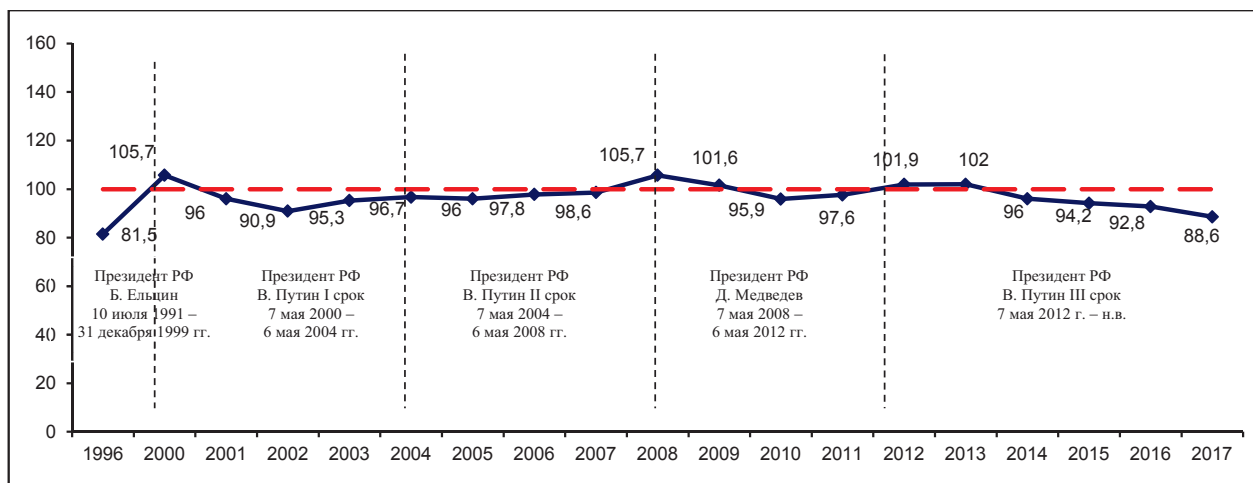
2.2. Индекс доверия Общественной палате области*

* Институт включен в структуру вопроса с 2006 г.

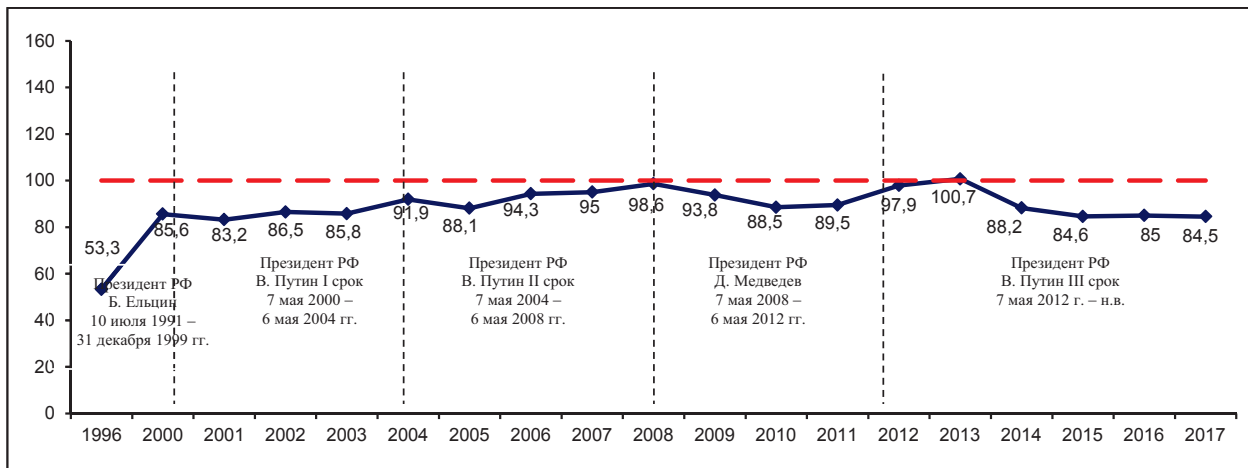

2.3. Индекс доверия общественным организациям*

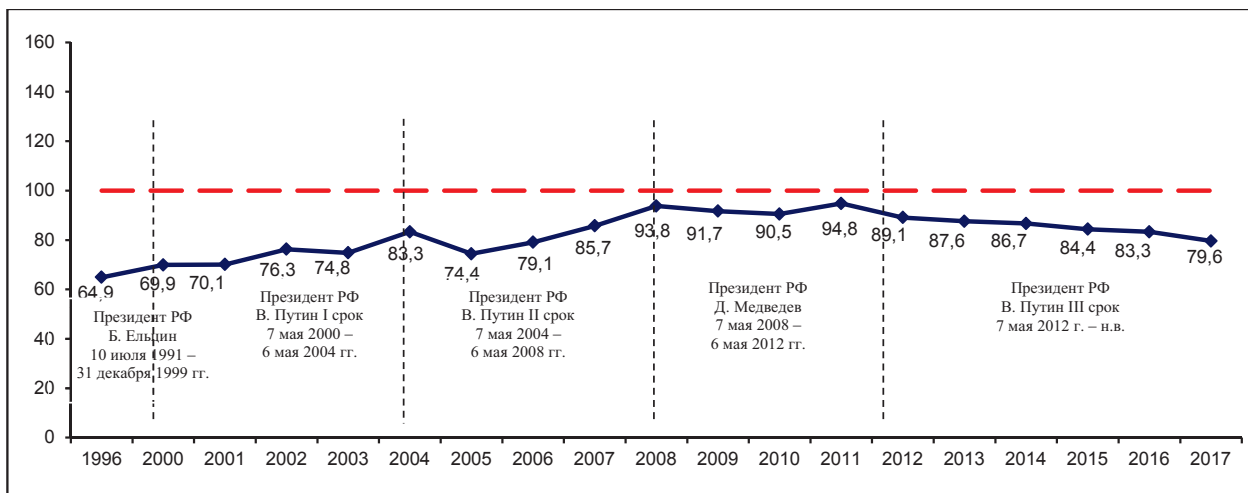
* Институт включен в структуру вопроса с 2006 г.

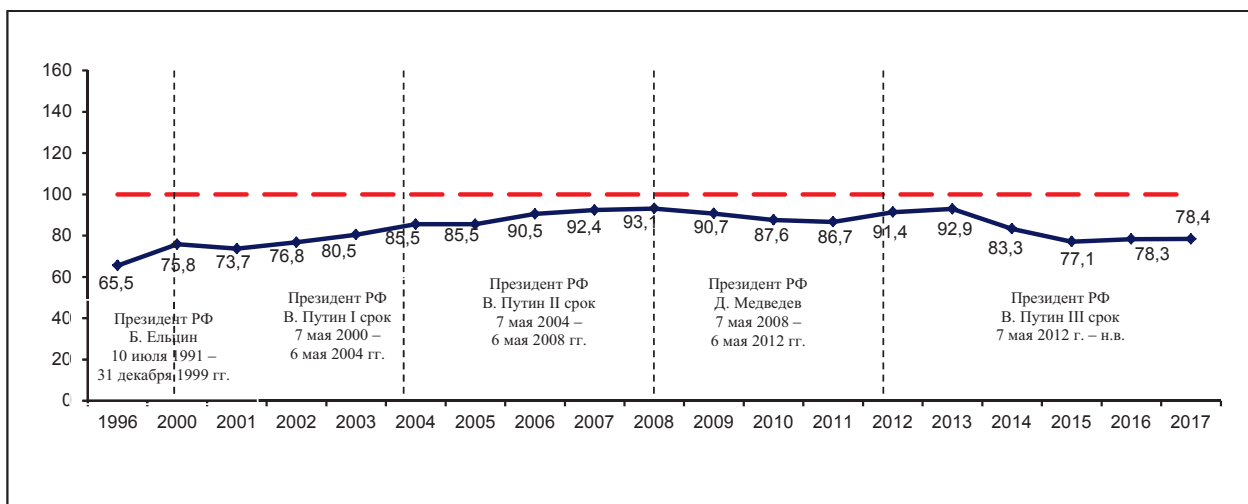
2.4. Индекс доверия средствам массовой информации

2.5. Индекс доверия директорам, руководителям предприятий

2.6. Индекс доверия политическим партиям, движениям

2.7. Индекс доверия банковским, предпринимательским кругам

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Development of Civil Society in Russia in Conditions of “Capitalism for the Few”

References

1. Gorshkov M.K. “Russkaya mechta”: opyt sotsiologicheskogo izmereniya [“Russian dream”: an experience of sociological measurement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2012, no. 12, pp. 3-11. (In Russian).
2. Gubanov S.S. Zamechaniya o sistemnykh osnovakh ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Observations on the system foundations of economic security of Russia]. *Ekonomist* [Economist], 2017, no. 6, pp. 3-12. (In Russian).
3. Dobren'kov V.I., Ispravnikova N.R. Rossiiskaya versiya “kapitalizma dlya svoikh”: est' li vykhod iz tupika? [The Russian version of “crony capitalism”: is there a way out of the impasse?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2013, no. 3, pp. 26-55. (In Russian).
4. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2016 god* [A report on the state of civil society in the Russian Federation for the year 2016] Moscow: Obshchestvennaya palata RF, 2016. 258 p. (In Russian).
5. Zhukov V.I. Rossiya v global'noi sisteme sotsial'nykh koordinat: sotsiologicheskii analiz i prognoz (doklad na II s"ezde Soyuza sotsiologov Rossii) [Russia in the global system of social coordinates: sociological analysis and forecast (the report at the 2nd Congress of the Union of Sociologists of Russia)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2008, no. 10, pp. 29-40. (In Russian).
6. Naletova I.V. Grazhdanskoe obshchestvo i osobennosti ego formirovaniya v kul'ture Rossii [Civil society and the features of its formation in the culture of Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Bulletin. Series: Humanitarian Sciences], 2013, no. 5 (121), pp. 173-177. (In Russian).
7. Ovcharova L.N. (Ed.). *Naselenie Rossii v 2017 godu: dokhody, raskhody i sotsial'noe samochuvstvie. Monitoring NIU VShE. Iyul' 2017* [The population of Russia in 2017: revenues, expenditures, and social well-being. Monitoring of HSE. July 2017]. Moscow: NIU VShE, 2017. 37 p. (In Russian).
8. Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonov N.E. (Eds.). *O chem mechtayut rossiyane: ideal i real'nost'* [What Russians dream about: the ideal and reality]. Moscow: Vés' Mir, 2013. 400 p. (In Russian)
9. Fursov A.I. “Pyataya kolonna” gotovitsya k pobednomu marшу [The “fifth column” is getting ready for a victorious march]. *Ofitsial'nyi sait A. Fursova* [A. Fursov's official website]. Available at: http://andreyfursov.ru/news/pjataya_kolonna_gotovitsya_k_pobednomu_marshu/2014-12-19-390 (In Russian).
10. Howard M. *Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoi Evrope* [The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe]. Moscow, 2009. 192 p. (In Russian).

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в июне – августе 2017 г., а также в среднем за последние 6 опросов (октябрь 2016 – август 2017 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

В августе 2017 г. по сравнению с июнем уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (68-70%). Это соответствует среднегодовому показателю за 2015–2016 гг. и незначительно выше, чем в начале 2017 г. (66%). При этом с апреля 2017 г. отмечается снижение удельного веса отрицательных оценок деятельности главы государства: за период с апреля по август 2017 г. – на 7 п.п. (с 24 до 17%).

В динамике поддержки деятельности Председателя Правительства РФ существенных изменений не наблюдается: доля положительных оценок на протяжении всего 2017 г. составляет 48–50%, что ниже, чем в 2015–2016 гг. (52–58%).

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ остается стабильным. По данным ВЦИОМ в июне, июле и первой половине августа он составлял 83%, удельный вес негативных оценок за этот же период составил 10–11%.

Деятельность Председателя Правительства за период с июня до середины августа одобряли 51–53% россиян, доля отрицательных суждений составила 31–32%.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	67,8	68,4	67,3	65,7	63,6	67,5	69,7	67,0	-1	+8	-8
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	18,8	19,7	19,3	21,1	23,6	19,3	17,3	20,1	+1	-6	+9
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	52,3	49,4	50,4	50,4	47,5	47,9	49,7	49,2	-3	-10	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	27,6	30,6	30,1	29,8	32,8	32,1	30,9	31,1	+3	+6	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	37,7	39,1	40,2	38,9	36,7	40,6	42,3	39,6	+2	-6	-16
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	39,3	39,3	38,5	37,8	41,1	38,9	38,7	39,1	0	+9	+17
* Вопрос задается с 2008 г.																

Существенных изменений в оценке успешности решения Президентом ключевых проблем страны за последние два месяца не произошло.

Незначительно увеличилась доля людей, считающих, что глава государства успешно справляется с задачами укрепления международных позиций России (на 3 п.п., с 55 до 58%) и защиты демократии (на 3 п.п., с 39 до 42%).

В то же время остается стабильным удельный вес тех, кто полагает, что Президент успешно справляется с проблемами наведения порядка в стране (50–52%), подъема экономики и роста благосостояния граждан (29–31%).

Следует отметить, что подъем экономики и укрепление материального положения населения остается пока единственной проблемой, по которой граждане оценивают деятельность Президента преимущественно негативно: на протяжении последних 6 опросов доля отрицательных суждений была в 1,5–2 раза выше, чем удельный вес позитивных оценок.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	51,2	51,4	51,9	54,5	52,4	55,3	58,1	53,9	+3	+8	-4
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	29,9	28,8	31,1	26,5	27,7	25,8	26,1	27,7	-2	-6	+3
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	109,5	118,0	120,4	121,3	122,6	120,8	128,0	124,7	129,5	132,0	126,3	+5	+14	-7
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	49,2	49,7	50,2	49,5	47,3	49,9	52,0	49,8	+1	+13	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	36,7	35,6	36,7	36,8	38,8	35,8	35,6	36,6	0	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	91,9	108,9	112,3	112,6	114,1	113,5	112,7	108,5	114,1	116,4	113,2	+1	+27	-6
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	36,6	35,7	36,2	38,6	36,8	39,1	41,7	38,0	+1	+6	-6
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	44,3	44,7	44,3	41,3	43,5	39,7	38,8	42,1	-2	-6	+5
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	80,8	92,1	99,0	92,3	91,0	91,9	97,3	93,3	99,4	102,9	96,0	+4	+12	-11
Подъём экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	27,2	26,4	27,2	26,1	25,8	28,5	31,3	27,6	0	-3	-20
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	59,4	60,9	61,1	59,1	57,3	57,2	55,9	58,6	-1	+2	+19
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	74,5	81,4	81,8	67,8	65,5	66,1	67,0	68,5	71,3	75,4	69,0	+1	-6	-39

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенно не изменилась. Уровень поддержки «Единой России» составляет 34–35% (что ниже, чем в 2015 г. – 39%), ЛДПР – 11%, КПРФ – 8%, «Справедливой России» – 5–6%.

С апреля 2017 г. отмечается положительная динамика снижения доли людей, считающих, что ни одна из парламентских партий не выражает их интересы (в апреле – 35%, в июне – 29%, в августе – 26%). Однако из этого пока преждевременно делать какие-либо однозначные выводы, поскольку за этот же период (с апреля по август 2017 г.) доля затрудняющихся выразить свое отношение к основным партиям увеличилась с 11 до 14%.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт		2011		2013		2014		2015		2016		Выборы в ГД РФ 2016 г., факт		Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
		2011	2011	2011	2011	2011	2011	2011	2011	2011	2011	2011	2011	2016	2011								2007		
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	35,4	38,0	36,3	34,5	33,9	31,8	33,8	35,2	34,3	-1	+3	+4						
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	10,4	21,9	12,8	13,9	10,2	10,7	11,1	10,9	11,6	+1	+4	+4						
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	8,3	14,2	9,0	8,7	7,2	6,2	8,5	8,0	7,9	0	-2	+1						
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	4,2	10,8	6,1	4,9	4,3	4,8	5,1	5,8	5,2	+1	0	-3						
Другая	1,8	-	1,9	-	0,6	0,3	0,2	0,3	-	0,3	0,3	0,1	0,5	0,3	0,4	0,3	0	-2	-1						
Никакая	17,8	-	29,4	-	34,9	34,4	31,8	29,4	-	23,7	30,1	30,7	34,8	29,1	26,1	29,1	0	0	+11						
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	10,2	11,7	12,2	12,0	-	11,8	7,7	13,6	11,2	12,1	13,7	11,7	0	-2	-10						

В июне – августе 2017 г. оценки социального самочувствия населения незначительно улучшились:

- доля людей, характеризующих свое эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 3 п.п. (с 71 до 74%);
- удельный вес тех, кто считает, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», возрос с 79 до 81%;
- кроме того, с апреля 2017 г. отмечается постепенный рост индекса потребительских настроений, свидетельствующий об улучшении прогнозов населения относительно перспектив российской экономики и личного благосостояния (в апреле 2017 г. – 81 п., в июне – 84 п., в августе – 86 п.).

Вместе с тем нельзя сделать вывод о том, что улучшение социального самочувствия людей связано с укреплением их материального положения. В потребительских настроениях населения по-прежнему доминируют отрицательные суждения. Кроме того, за последние два месяца увеличилась доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «бедных и нищих» (на 3 п.п., с 43 до 46%). Их удельный вес остается крайне высоким – «бедным» или «нищим» считает себя почти каждый второй житель области.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	70,2	70,4	67,2	68,6	71,0	73,8	70,2	+2	+7	+7
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	26,2	24,3	26,1	28,5	25,5	23,2	21,2	24,8	-1	-4	-3
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	79,5	81,1	78,2	77,3	78,7	80,5	79,2	+1	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	15,6	14,9	14,9	16,1	16,4	14,8	13,5	15,1	0	0	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	42,1	42,3	43,7	42,5	42,8	43,5	45,2	43,3	+1	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	49,0	48,9	47,4	47,2	47,3	43,2	45,8	46,6	-2	+2	+4
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	80,8	79,4	82,0	80,8	84,3	86,2	82,3	+5	-7	-24
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»																

За последние два месяца социальное настроение улучшилось в 8 из 14 социально-демографических категорий населения (особенно среди молодежи – на 5 п.п., с 75 до 80%; людей со средним специальным образованием – на 7 п.п., с 70 до 77%, и 20% наиболее обеспеченных жителей области – на 5 п.п., с 81 до 86%).

Среди наиболее социально уязвимых групп доля тех, кто характеризует свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», в июне – августе 2017 г. существенно не изменилась: 67–68% среди людей старше 55 лет и 57–58% среди тех, кто по самооценке собственных доходов относится к категории 20% наименее обеспеченных жителей области.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	68,8	71,6	73,3	66,9	67,6	72,5	74,6	71,1	+2	+7	+5
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	67,4	69,0	68,1	67,4	69,4	69,9	73,1	69,5	+2	+7	+8
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	76,4	76,3	80,8	70,9	80,5	75,4	80,1	77,3	+1	+7	+6
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,4	68,9	71,8	66,7	70,1	72,0	75,9	70,9	+3	+8	+6
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	64,0	68,3	62,8	65,8	60,4	67,4	67,8	65,4	+1	+7	+11
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	62,1	64,7	62,8	61,4	64,9	65,8	65,2	64,1	+2	+7	+6
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	68,4	72,1	72,7	67,7	69,3	70,2	76,7	71,5	+3	+8	+7
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	74,3	74,6	76,9	73,1	71,7	78,0	79,1	75,6	+1	+7	+7
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	52,5	55,5	57,5	44,6	49,1	57,1	58,1	53,7	+1	+8	+2
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	69,4	71,8	70,7	70,8	70,6	72,9	73,7	71,8	+2	+6	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	80,9	79,3	83,5	86,3	79,9	81,3	86,4	82,8	+2	+7	+8
Территории																
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	69,9	71,0	73,6	67,9	70,6	74,0	77,0	72,4	+2	+5	+9
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,7	72,7	74,0	73,7	74,1	76,1	77,9	74,8	+3	+4	+7
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	64,8	68,1	66,6	63,1	64,3	66,6	69,7	66,4	+2	+9	+5
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	70,1	70,4	67,2	68,6	71,1	73,8	70,2	+2	+7	+7

Заключение

Характеризуя социальное настроение россиян в июле – августе 2017 г., эксперты ВЦИОМ говорят, что «в летние месяцы поведение большинства показателей их социального самочувствия довольно стабильно (колебания в пределах 3 п.п.)»². В том числе это касается отношения к деятельности органов государственного управления и политических партий: «Ситуация с политическими рейтингами относительно стабильна. Зафиксированные колебания носят волнообразный характер. В летние месяцы волатильность показателей традиционно низка. Такая ситуация будет продолжаться, очевидно, до наступления осени и завершения периода массовых отпусков»³.

Динамика общественного мнения на территории Вологодской области в целом соответствует общероссийскому тренду: **по ключевым показателям мониторинга (в т.ч. отношение к деятельности главы государства и оценки социального самочувствия) изменения не превышают 3 п.п.**

Пожалуй, наиболее позитивной тенденцией можно назвать постепенное увеличение индекса потребительских настроений. **Значение ИПН по-прежнему остается крайне низким, однако в апреле 2017 г. оно составляло 81 пункт, в июне – 84 п., в августе – 86 п.**

Нельзя не согласиться с мнением российских экспертов о том, что до наступления осени и завершения периода массовых отпусков вряд ли стоит ожидать каких-либо ощутимых сдвигов в динамике общественного мнения. Именно поэтому нам представляется преждевременным их вывод о «завершении кризиса»⁴.

По данным мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН доля жителей Вологодской области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за последние два месяца увеличилась (с 43 до 46%), при этом в социально уязвимых категориях населения (люди старше 55 лет и представители категории 20% наименее обеспеченных) не отмечается никаких улучшений в динамике социального настроения.

Специалисты ВЦИОМ также отмечают, что «проблемы материального характера сегодня волнуют россиян даже больше, чем год назад...Третий месяц подряд первое место в списке проблемных тем занимают низкие зарплаты и уровень жизни в целом – в июле их называют 24% россиян (против 18% в январе с.г. и 14% в июле 2016 г.). Каждого пятого (21%) беспокоит состояние экономики (в начале года – 16%). В ТОП-3 проблем вошла социальная политика: 18% в июле (год назад эта доля была вдвое меньше – 9%). Актуальность проблем сферы здравоохранения также остается высокой: по данным последнего опроса эта тема волнует 17% граждан (в январе показатель был на том же уровне, в июле 2016-го он

² Социальное самочувствие россиян: мониторинг: пресс-выпуск ВЦИОМ №3437 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116346>

³ Рейтинги партий, доверия политикам, одобрения работы государственных институтов: пресс-выпуск ВЦИОМ №3433 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116338> (комментарий руководителя практики политического анализа и консультирования ВЦИОМ М. Мамонова).

⁴ Проблемный фон страны: мониторинг: пресс-выпуск ВЦИОМ №3440 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116354>

составлял 10%). По теме безработицы с начала года показатель не демонстрировал резких взлетов или падений (колебания в пределах 12–16%), по последним данным эту проблему назвали в числе основных 14% опрошенных. То же можно сказать и в отношении проблем в сфере образования (с января по июль колебания в пределах 10–14%, в июле – 12%)»⁵. Резюме экспертов: «Проблемный рейтинг – это барометр расхождений реальности и ожиданий, из него видны основные точки депривации, из которых следует запрос к власти. На сегодняшний день наиболее острая тема – проблема материального благосостояния, низкие зарплаты и низкий уровень жизни, что актуализирует вторую большую тему – социальной поддержки»⁶.

Таким образом, сегодня, на наш взгляд, говорить с оптимизмом о преодолении кризиса и негативных тенденций в решении ключевых проблем, волнующих население, не представляется возможным. Во-первых, потому что настоящей «проверкой» для динамики общественного мнения (и, следовательно, для органов власти всех уровней) будет осенне-зимний период. Во-вторых, потому что проблемы российской экономики, как показывают результаты многолетних мониторинговых исследований ИСЭРТ РАН, не концентрируются вокруг кризисных периодов, а носят более глубокий, долгосрочный характер, связанный с эффективностью принимаемых управленческих решений, а точнее – с мотивами, которыми руководствуются лица, принимающие эти решения.

Дальнейшие тенденции социальных настроений российского общества покажут результаты следующих этапов мониторинга ИСЭРТ РАН.

⁵ Там же.

⁶ Там же (комментарий руководителя практики социального моделирования и прогнозирования Департамента исследований ВЦИОМ Ю. Баскаковой).

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.2
УДК 338.22(470); ББК 65.050.17(2Рос)

© Губанов С.С.

О системных основах экономической безопасности России*

**Сергей Семёнович
ГУБАНОВ**

журнал «Экономист»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские Горы, 1

Указом Президента РФ (№ 208 от 13 мая 2017 г.) утверждена «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.». К сожалению, принятый и реализованный в ней подход оказался излишне абстрагирован от закономерной связи между состоянием экономической безопасности и типом действующей экономической системы. Поэтому представляется целесообразным привести тезисные «заметки на будущее», которые касаются системных основ экономической безопасности нашей страны.

В чем необходимость таких заметок? Почему пришлось придать им форму кратких замечаний? Причина в том, что «Стратегия экономической безопасности Рос-

сийской Федерации на период до 2030 г.», в ее утвержденной версии, обошла стороной базисные основы экономической безопасности России. Речь о самых фундаментальных основах, которые имеют системный характер. В частности, о командных высотах экономики, о том, в чьей они собственности – суверенной или несуверенной, в чьих они руках и в чьих интересах используются – в интересах России или в интересах олигархически-компраторского капитала, союзного для зарубежного и враждебного для отечественного индустриального.

Нелишне пояснить, что компраторской называется та часть национальной буржуазии, которая безоговорочно подчиняется иностранному капиталу империалистиче-

* Версия статьи, опубликованной в журнале «Экономист» № 6 за 2017 г.

Для цитирования: Губанов, С.С. О системных основах экономической безопасности России / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 49-61. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.2

For citation: Gubanov S.S. About the system fundamentals of Russia's economic security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 49-61. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.2

ских стран в экономическом и политическом отношении и используется им в своих империалистических интересах. Она используется империалистическими державами в качестве вассала, который помогает им удерживать страну в состоянии поработанной колонии.

В постсоветской России олигархический капитал присягнул на верность империалистической идеологии «Вашингтонского консенсуса», навязываемой США всему миру благодаря развалу СССР. Соответственно, олигархическая экономическая система, сформированная в период антисоветских реформ 1980–1990-х гг. и настроенная на максимизацию природной и посреднической ренты путем превращения российской собственности в иностранную, приняла вид экспортно-сырьевой, рентно-ориентированной, монетаристской модели.

Можно ли обеспечить экономическую безопасность и экономический суверенитет страны, если нет суверенитета над командными высотами экономики: землей, добычей сырья, энергетической и транспортной инфраструктурой, банками, внешней торговлей, накоплением, товарно-денежным обращением и т.д.?

Совместима ли экономическая безопасность с общесистемным кризисом, из-за которого Россия потеряла статус индустриально-технологической и машиностроительной державы, откатившись в группу ресурсодобывающих?

Имеются ли в истории новейшего времени примеры, когда экспортно-сырьевой стране, в социально-экономической системе которой властвует компрадорская форма капиталистической собственности, удавалось положить конец зависимости от иностранного капитала, обрести экономическую независимость и вырваться из оков отсталости?

Реально ли добиться экономической безопасности и экономического суверенитета в условиях, когда господствует олигархическая по характеру социально-экономическая система, выжимающая максимальную ренту посредством превращения российского национального богатства в нероссийское, т.е. иностранное и офшорное?

Таковы принципиальные вопросы, которые вытекают из реалий пореформенной России, вследствие чего являются исходными при разработке полноценной стратегии экономической безопасности страны.

Между тем, обозначенные вопросы оказались упущенными, не став отправными для составителей принятого варианта «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Как результат, они не проработаны и оставлены без ответа. В действительности, однако, без решения общесистемного вопроса все остальные, будучи частными, тоже неразрешимы – это аксиома общественной жизни.

Не имея опоры на адекватные системные основы, утвержденная «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» перечисляет исключительно явления, а не причины; оперирует темами частного и второстепенного порядка, не затрагивая общих и первостепенных. Тем самым предрешен формальный характер данного документа. И формализма в нем, в чем убедимся, действительно в избытке.

Но беда не только в формализме и декларативности. Абстрактные фразы, намеренно сведенные к излишне общим и обтекаемым утверждениям, обычно редко выражают ошибочные положения или задают ложные ориентиры. Текст же «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»

и в данном отношении оказался своеобразным: по ряду даже декларативных пунктов, как будет показано, он содержит просто неверные установки, которые не содействуют, а, напротив, противодействуют процессу обеспечения экономической безопасности России.

Почему так произошло? Потому, что составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» не учли ключевых особенностей экономической системы исторически высшего порядка.

Конечно, бытие определяет сознание. И тому, кто находится в условиях экономической системы низшего порядка, какова компрадорская, непросто подняться на уровень воззрений, характерных для тех, кто смотрит и оценивает действительность с позиции куда более высокой социально-экономической системы. Но есть основополагающие законы и закономерности современной эпохи. Они известны экономической науке. И научное знание о них вполне позволяет разбираться в исторически низшем с позиции исторически высшего.

Таким образом, именно научными представлениями о передовой, суверенной экономической системе и продиктованы замечания, которые рассматриваются в ходе последующего изложения.

§ 1. Стратегия ничегонеделания?

В «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» состояние экономической безопасности увязывается с экономическим суверенитетом, что в целом правильно. Но трактовка экономического суверенитета, данная в п. 7, явно не продумана и обесмысливает эту увязку, низводя экономический суверенитет до «независимости государства в проведении внутренней и

внешней экономической политики», при том независимости, якобы «объективно существующей».

Подобное трактование, во-первых, совершенно отрывает экономическую безопасность от ее системных основ и подменяет истинную цель ложной. Действительно, оно переносит акцент с экономического базиса на политическую надстройку, с первичного – на вторичное и производное, с экономической системы – на экономическую политику. Независимость и суверенность экономической системы подменяется независимостью экономической политики.

Выходит, вместо реального экономического суверенитета документ призывает довольствоваться формальным, показным, мнимым. Он задает фиктивную целевую функцию, вследствие чего сам оказывается фикцией.

Во-вторых, если независимость экономической политики есть нечто такое, что существует объективно, безотносительно к воле и сознанию людей, то незачем вообще ни добиваться ее, ни заниматься ее укреплением. В таком случае достаточно лишь делать видимость работы по обеспечению независимости экономической политики.

Оба замечания целиком и полностью согласуются одно с другим, вполне отчетливо демонстрируя фиктивность целей, вписанных в «Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.».

Не имея системных основ и без привязки к системным целям, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» получилась не руководством к действию для органов власти, а очередной нормативной фикцией – сродни законам о стратегическом планиро-

вании и промышленной политике. Вместо четких норм и правил в ней выражен свод деклараций, причем не все из них верны. Если судить по ее целям, в нынешней своей версии она представляет собой стратегию ничегонеделания.

Конечно, такая оценка не очень приятна, однако она справедлива и находит более чем достаточное подтверждение при анализе дальнейших пунктов документа.

Приведем один, но довольно показательный и симптоматичный пример с увязкой экономической безопасности со стратегическим планированием.

§ 2. Осуществление неосуществления

Насколько известно, в Советском Союзе не было ни юридического закона о народнохозяйственном планировании, ни надобности в таком законе: до разрушительных реформ действовала плановая система хозяйствования, которая включала общегосударственный механизм централизованного планирования советской экономики и общегосударственный орган — Госплан СССР.

В постсоветской России, наоборот, ситуация полной асимметрии. В июне 2014 г. принят Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон есть, но он «безработный», так как нет ни федерального органа, ни системы, ни механизма стратегического планирования.

Несмотря на наличие федерального закона, стратегического планирования и стратегических планов социально-экономического развития России не существует. Не определены ни фундаментальные критерии, ни модель стратегического планирования, не говоря уже о создании работоспособного механизма. Как доказывает нынешняя практика, применительно к планированию термин «стратегическое»

означает несуществующее. По факту стратегическое планирование в России есть несуществующее планирование.

Тем не менее составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» нашли уместным привязать ее именно к стратегическому планированию, которое в настоящее время тоже является ничем иным, как правовой фикцией.

В частности, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» объявляется «документом стратегического планирования» (п. 1).

Выставляется также требование, чтобы «вызовы и угрозы экономической безопасности» обязательно учитывались «при разработке документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития Российской Федерации» (п. 13).

Дальше, к сожалению, вообще идет эквилибристика пустословия, когда основное направление «государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности» расшифровывается как «развитие системы стратегического планирования в сфере экономики» (п. 15), а основная задача — как «совершенствование системы стратегического планирования» (п. 16).

При сопоставлении с реалиями выходит, что основное направление — это развитие несуществующего, а основная задача — совершенствование того же несуществующего.

Венчает все это финальное положение, что «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» реализуется в процессе осуществления комплекса мер, «разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации» (п. 33).

Поскольку стратегического планирования в России не существует даже в зачаточном виде, значит составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» предусмотрели осуществление ее неосуществления.

В пользу такого вывода указывают и целевые функции двух этапов реализации рассматриваемого документа: первый — до 2019 г., второй — до 2030 г. До 2019 г. намечено заниматься разработкой и реализацией мер «в целях обеспечения экономической безопасности»; а до 2030 г. — осуществлять «выполнение мер по нейтрализации вызовов и угроз экономической безопасности» (п. 32).

Отсюда логически вытекает, что вызовы и угрозы экономической безопасности России будут сохраняться по меньшей мере до 2030 г. А среди них, между прочим, значится «исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития» (п. 12).

Стало быть, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» предполагает сохранение экспортно-сырьевой модели, которую разве лишь по недоразумению можно считать «моделью экономического развития», вплоть до 2030 г. Согласно позиции составителей документа, перейти к суверенной экономической системе, чтобы избавить Россию от функции сырьевого придатка иностранного капитала и преодолеть деиндустриализацию, ранее 2030 г. попросту невозможно.

«Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.», следовательно, не есть стратегия устранения экспортно-сырьевой модели и введения модели новой, цифровой индустриализации нашей страны. Составителям мнится, что обеспечивать экономическую безопасность России можно на

основе экспортно-сырьевой модели, не смотря на ее «исчерпание».

§ 3. Экономическая безопасность — это безопасность экспортно-сырьевой модели?

Что с фикции начинается и на фикцию опирается, то фикцией и оканчивается. Экспортно-сырьевая модель — это форма существования компрадорской экономической системы, созданной под диктатом и в интересах иностранного капитала. Подобного рода экономическая система по определению является несuverенной и критически зависимой от внешних факторов, не контролируемых правительством России.

Поэтому сохранение экспортно-сырьевой модели тождественно сохранению экономической системы исторически низшего типа: заведомо несuverенной и колониально зависимой — в частности, зависимой от империализма доллара. В таких системных условиях экономическая безопасность России оказывается не выше экономической безопасности неокolonии, из которой глобальный империализм выкачивает природные, материальные и людские ресурсы с помощью олигархического капитала.

И, как ни парадоксально, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» составлена так, будто вызовы и угрозы экономической безопасности представляют собой вызовы и угрозы именно для экспортно-сырьевой модели. Под защитой экономической безопасности понимается, если судить по перечню основных вызовов и угроз (п. 12), не что иное, как защита олигархической системы и экспортно-сырьевой модели.

Приведем в подтверждение несколько конкретных иллюстраций из упомянутого перечня.

На первое место в перечне основных вызовов и угроз нашей экономической безопасности (п. 12) поставлено, цитируем, «стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции».

Если вдуматься в представленную формулировку, то нельзя не заметить, что она переворачивает все с ног на голову, затеяя внутренние факторы внешними. На самом деле нашей экономической безопасности угрожают не преимущества индустриально развитых стран мира и не их обладание высокими технологиями. Проблема в том, что именно Россия потеряла былые преимущества промышленно развитой державы, впала в деиндустриализацию и перестала продуцировать технологии высшего научно-технического уровня.

Короче, не чужие высокие технологии угроза для нас, а отсутствие своих. Так обстоит дело в действительности. Но «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» подает картину иначе, прячет истинную причину экономической зависимости от промышленно развитых стран. Тем самым верный ориентир подменяется неверным.

Однако в указанной формулировке есть все же смысл. Высокие технологии, которые порождает новая, технотронная и цифровая индустриализация, развернутая ныне промышленно развитыми странами, несет угрозу для рентабельности экспортно-сырьевой модели. Неоиндустриализация ведет к становлению постнефтяной энергетики, которая, в свою очередь, вызывает революционные сдвиги в структуре электробаланса и влечет сокращение зарубежного спроса на российские углеводороды.

Начиная с 2011 г. возник феномен отрицательной эластичности спроса ЕС по цене нефтегазового импорта из России.

В результате появилась тенденция сокращения компраторской ренты. С течением времени данная тенденция станет только нарастать — и чем дальше, тем скорее. К тому же иностранный капитал, основательно укоренившийся на командных высотах нашей экономики, вполне предсказуемо стремится к понижению издержек, предназначенных для содержания олигархического посредничества в постсоветской России.

С позицией глобального империализма в отношении России все понятно. Но угрозу для компраторской ренты нельзя принимать за угрозу для экономической безопасности страны, потому как подлинной причиной зависимости от иностранного капитала выступает именно компраторская социально-экономическая система, или система компраторской власти и собственности.

Наконец, попросту абсурдом был бы отказ промышленно развитых стран от использования высоких технологий в глобальной конкуренции. Капиталистическая конкуренция, если не сводить ее понимание к примитивному обывательскому штампу, является такой схваткой за присвоение прибавочной стоимости между различными частными капиталами, в которой победу одерживает лишь капитал с наиболее высоким уровнем технического строения.

Закон капиталистического присвоения, выраженный законом цены производства, научная классика и называет объективным законом капиталистической конкуренции. Согласно данному закону, чем выше техническое строение капитала, тем выше его доля в суммарной прибавочной стоимости.

Исходя из отмеченных законов и закономерностей капитализма, рассматриваемая формулировка по меньшей мере странная по смыслу. Она подразумевает, что глобальной должна быть конкуренция на основе не высших, а низших технологий; что в глобальной конкуренции должны доминировать страны не высшего и неоиндустриального капитализма, а низшего и неокOLONиального.

Но так не бывает. Очевидно, составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» сформулировали свое пожелание с позиции олигархической системы, а не объективных экономических законов современного капитализма.

Из того же разряда и следующая формулировка «основной угрозы»: «изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие „зеленых технологий”».

Резонно задуматься: для кого может составлять какую-либо угрозу неоиндустриальный прогресс производительных сил, с широким освоением постнефтяных технологий, расширением удельного веса «зеленой» энергетики, снижением материалоемкости изделий? Неужели это угроза для тех стран, которые перешли на магистраль новой, наукоемкой индустриализации — технотронной и цифровой? Нет, новая индустриализация никак не может быть угрозой для тех стран мира, которые проводят ее. Угрозой она становится исключительно лишь для тех стран, которые не вышли на этап неоиндустриального развития.

Технотронная индустриализация суть угроза не для передовых стран: она составляет угрозу только для отсталых и зависимых стран.

Как видим, и вторая формулировка переворачивает все с ног на голову, перенося акцент с отсталости постсоветской России на силу и неоиндустриальный прогресс промышленно развитых держав планеты.

Можно ли согласиться со столь превратной логикой, заложенной составителями в «Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»? Нет, нельзя. Согласиться с ней, значит согласиться с подменной правильных ориентиров неправильными. Главной угрозой для экономической безопасности России является деиндустриализация, порожденная отсталой экономической системой, а стало быть — недопустимая отсталость от передовых, индустриально развитых стран мира.

Если точнее, то именно хроническая неспособность постсоветской России к новой, технотронной индустриализации есть центральный вызов и наиболее сильная угроза для экономической безопасности нашей страны. Пока в России господствует экономическая система исторически низшего типа, рассчитывать на неоиндустриальный прогресс не приходится — вот в чем все дело.

Составители, как можно видеть, и здесь выгораживают негодную систему власти и собственности, и здесь городят ее искусственную защиту, предавая забвению коренные национальные интересы России и настоятельную необходимость в новой, технотронной индустриализации.

К уже приведенным примыкает формулировка еще одной «основной угрозы» (п. 12): «подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам (в том числе в результате влияния спекулятивного иностранного капитала), а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы».

В данной формулировке опять-таки выпячивается негативное воздействие извне, тогда как истинная причина кроется во внутренней социально-экономической системе крайне отсталого типа. Иностран- ный спекулятивный капитал действовал и во времена СССР, но до «перестройки» не имел системной возможности наносить ущерб советской экономике и ее развитию, поскольку командные высоты народного хозяйства находились в суверенной собственности.

Так что дело не в зарубежном спекуля- тивном капитале. Причина заключается в заведомо зависимой экономической систе- ме, которая позволяет спекулятивному ка- питалу хозяйничать в нашей стране подоб- но завоевателю. Винить надо не столько иностранный капитал, который забрался на командные высоты нашей экономики, сколько несuverенную систему власти и собственности, которая позволила ино- странному капиталу захватить командные высоты отечественного хозяйства: соб- ственность, банки, землю, инфраструкту- ру, ключевые производства, торговые сети и т.д.

То же самое относится и к «уязвимо- сти информационной инфраструктуры». Эта уязвимость восходит своими корня- ми к жесткой зависимости от зарубеж- ных микропроцессоров, операционных систем и цифровых технологий, к отста- лости в области инноваций и разработок технотронного уровня, к дезорганизации фундаментальной и прикладной науки, к разрушению производства машинных средств производства, в общем — к мас- штабной деиндустриализации, вызван- ной внеэкономической приватизацией собственности и уничтожением планово- нормативного регулирования пропорций и темпов роста общественного воспроиз- водства.

Все названное стоит в прямой связи с порочными внутренними системными основами, с порочным системным устройством постсоветской России. По- зиция же составителей «Стратегии эко- номической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» иная: они обращают внимание на соринку в чу- жом глазу, не замечая бревна в своем соб- ственном — в виде грозных последствий всевластия отсталой и негодной эконо- мической системы.

В итоге, по логике составителей, полу- чается, что обеспечение безопасности экс- портно-сырьевой системы требует прекра- щения неоиндустриального прогресса в промышленно развитых странах. Идеал для составителей в том, чтобы не Россия поднималась по ступенькам технотронно- го прогресса вверх, а индустриально раз- витые страны опускались вниз, на одну и ту же ступень отсталости с постсоветской Россией.

§ 4. Явления без сущности и следствия без причин?

В «Стратегии экономической безопас- ности Российской Федерации на период до 2030 г.» нашлось все же место для «ос- новных вызовов и угроз» внутренне- го происхождения. Но даже при беглом взгляде на них открывается довольно странный подход, а именно: идет пе- речисление сплошь явлений и след- ствий — без указания хотя бы единой причины.

Отмечается, например, «отсутствие рос- сийских нессырьевых компаний среди гло- бальных лидеров мировой экономики». Спрашивается: в чем причина такого «от- сутствия»? И что надо сделать, чтобы «от- сутствие» сменилось присутствием? Какие меры необходимо принять и осуществить? У составителей нет на сей счет, к сожале- нию, ни ответов, ни догадок.

Между тем, в «глобальных лидерах» ходят исключительно лишь представители «экономики ТНК», т.е. структуры с вертикально интегрированным организационным строением, выстроенные в форме мирохозяйственных цепочек производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Глобальное лидерство принадлежит именно «экономике ТНК».

Лидируют в мировом хозяйстве как раз те страны, экономическая система которых приведена в строгое соответствие с законом вертикальной интеграции. С законом, согласно которому категорически запрещено извлекать прибыль из промежуточного производства, а значит — из добычи сырья и инфраструктурных монополий.

Только экономическая система, подчиненная названному закону, становится системой ТНК, системой «глобальных лидеров».

Напротив, экономическая система, противоречащая ему, остается дезинтегрированной и отсталой, а потому зависимой и неконкурентоспособной; говоря иначе — системой глобальных аутсайдеров. Такова олигархическая система постсоветской России: она противоречит закону вертикальной интеграции и является системой тотальной отсталости — организационной, структурной, научно-технической, инновационной, технологической, инфраструктурной, кадровой, социальной, экологической и т.д.

Отечественной экономической наукой давно установлена формула современного социально-экономического прогресса: *вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация*. Так вот с точки зрения данной формулы мы имеем полное бездействие. Правительство вообще не занимается вертикальной интеграцией, отказывается от создания полноценных вертикально интегрированных, многоот-

раслевых корпораций, специализированных на выпуске наукоемкой и конкурентоспособной продукции конечного спроса, включая экспортный. Мало того, под видом «реформ» правительство санкционировало разрушение вертикально-интегрированного строения стратегической инфраструктуры страны — электроэнергетики, железнодорожного транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и т.д.

В рамках олигархической системы правительство удовлетворилось учреждением фиктивных госкорпораций, в которых нет ни вертикальной интеграции, ни межотраслевого взаимодействия, ни межотраслевых цепочек производства продукции с высокой добавленной стоимостью, зато устроено частнокапиталистическое присвоение доходов, схожее с офшорным.

На наш взгляд, научная формула современного социально-экономического развития и есть стратегическая формула реальной экономической безопасности России: *вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация*. Чтобы обеспечить экономическую безопасность нашей страны, отечественную экономическую систему следует привести в полное соответствие с императивными требованиями закона вертикальной интеграции. Собственно, в этом и должны заключаться стратегические меры, направленные на возрождение экономического суверенитета и экономической независимости России.

Все остальные из «основных вызовов и угроз» внутреннего характера, перечисленные в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.», входят в состав явлений и следствий, обусловленных именно противоречием между олигархической экономической системой и законом вертикальной интеграции.

Весь перечень прямых результатов господства олигархической системы укладывается в один феномен *деиндустриализации*:

- «недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности»;
- «слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов»;
- «истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей по мере исчерпания действующих месторождений»;
- «ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью, недостаточно развитой рыночной инфраструктурой и слабой вовлеченностью в мировые „цепочки“ создания добавленной стоимости»;
- «низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры»;
- «несбалансированность национальной бюджетной системы»;
- «недостаточно эффективное государственное управление»;
- «высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере»;
- «сохранение значительной доли теневой экономики»;
- «усиление дифференциации населения по уровню доходов»;

- «снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала»;

- «недостаточность трудовых ресурсов»;
- «неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития».

Что ни позиция в этом перечне (п. 12), то самое непосредственное следствие олигархической системы. Но составители демонстрируют нежелание идти от следствий к причинам.

При этом допускаются еще совершенно ложные утверждения, которые никак нельзя оставить без критического обсуждения.

Возьмем тезис насчет «слабой вовлеченности в мировые „цепочки“ создания добавленной стоимости». Он не просто сомнительный, но абсолютно неверный. Причем неверный как с фактической стороны, так и с теоретической.

Во-первых, отечественное промежуточное производство сверхмерно вовлечено в «мировые» цепочки добавленной стоимости. Вопрос лишь, в каком качестве. В цепочки транснациональных корпораций оно вовлечено в качестве промежуточных, ресурсно-сырьевых звеньев.

Результатом такой вовлеченности стало подчинение отечественного хозяйства системе долларовой толлинга, при которой империализму доллара принадлежит вся стоимость продукции, вследствие чего внутри страны остается преимущественно лишь заработная плата. По этой причине, кстати, разразился текущий инвестиционный кризис, а не из-за какого-то эфемерного «инвестиционного климата», на который неизменно ссылаются финансовые спекулянты, дабы оправдывать вывод за рубеж денежного капитала.

В общем, вовлеченность в «мировые» цепочки вовсе не слабая. Не видеть этого, не понимать, что именно система долларového толлинга, устроенная благодаря господству олигархической власти и собственности, «вымывает» капитальные вложения и воспроизводит автономную рецессию, значит идти на поводу ложных оценок и полагаться на ложные ориентиры.

Во-вторых, в корне ошибочен расчет на встраивание в чужие цепочки создания добавленной стоимости. Разделять подобную иллюзию может лишь тот, кто не понимает вертикально интегрированного устройства ТНК и их внутрикорпоративного механизма.

Ограничимся указанием на известный факт отделения центра прибыли и центра НИР от центра издержек и затрат. Кто встраивается в чужую цепочку добавленной стоимости, тот автоматически переводится в центр издержек и затрат, подвергаясь отчуждению от центра прибыли, НИР и НИОКР, инвестиций, инноваций, высоких технологий. Подобного рода встраивание равносильно встраиванию нищего в чужой монастырь.

Скажем прямо: позиция «встраивания» в цепочки чужих ТНК, проповедуемая компрадорскими ретролибералами и неизвестно отчего разделяемая составителями «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.», прямо противоречит стратегическим и геополитическим интересам России.

Национальным интересам России отвечает другая позиция – позиция формирования своих корпораций транснационального масштаба, своих многоотраслевых цепочек производства наукоемкой и конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Именно отсутствие своей «экономики ТНК» подвергает нашу страну опасностям, сопряженным с фронтальной отсталостью по всем ключевым направлениям научно-технического и социально-экономического прогресса.

Той же самой причиной объясняются «слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики)». Олигархическая экономическая система отличается полной дезинтеграцией, а потому относится к классу дезинтегрированных.

Между тем, научно-технический прогресс в эпоху новой, технотронной индустриализации находит свою движущую силу только в вертикально интегрированных корпорациях, соединяющих добычу и переработку сырья, науку и производство, производство и сбыт, звенья группы «А» и группы «Б». Где нет вертикально интегрированных корпораций и экономики ТНК, там нет и не может быть ни научно-технического прогресса, ни инноваций, ни высоких технологий, ни высшего технического строения промышленного капитала.

От экономической системы, не приведенной в соответствие с законом вертикальной интеграции, бесполезно требовать инновационной активности, разработки и внедрения эффективных технологий. В дезинтегрированной системе в принципе не бывает движущей силы ни научно-технического, ни социально-экономического прогресса. Такая экономическая система не содержит стимулов к расширенному воспроизводству, повышению технического строения промышленного капитала, снижению народнохозяйственных издержек, насыщению внутреннего рынка, улучшению качества продукции.

Короче, экономическая система, одноплатформенная с олигархической, совершенно лишена стимулов к какому бы то ни было прогрессу — хоть научному, хоть технологическому, хоть экологическому, хоть социальному.

Между прочим, в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» трижды мелькает упоминание «цифровой экономики» (п.п. 16–18). Оно сделано в порядке поспешной и формальной вставки, в расчете на использование термина, которому предназначено войти в политическую риторику Кремля. В промышленно развитых странах сей термин стал уже отработанным и вышел из моды, теперь там в ходу «четвертая промышленная революция», поскольку появилось понимание того, что «цифровой экономике» не бывать, во-первых, без промышленного производства, и во-вторых, без цифровой индустрии. В Германии вообще фиксируется необходимость соединения реальной экономики с «цифровой»¹.

Наиболее корректное понимание реальной взаимосвязи индустрии и «цифровых» технологий проводит неоиндустриальная парадигма, выработанная отечественной экономической наукой. В рамках данной парадигмы «цифровая экономика» предстает результатом новой, цифровой и технотронной индустриализации. Без цифровой индустриализации производительных сил «цифровая экономика» обречена быть лишь иллюзией. Осмысление этого факта, как представляется, и ведет индустриально развитые страны к смене ориентиров, к повороту на курс очередной промышленной революции.

Наконец, нельзя не отметить абсурдности причисления к «основным вызовам и угрозам» следующих факторов: «установ-

ление избыточных требований в области экологической безопасности, рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления».

Составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» в данном пункте вновь-таки не в ладах с реалиями. О каких и чьих собственно «избыточных требованиях в области экологической безопасности» допустимо вести речь, когда по всей стране сложилась катастрофическая экологическая ситуация, а смертность по причине ненормальной экологической обстановки ставит рекорд за рекордом, особенно в мегаполисах и городах с миллионным населением? Что толку в требованиях, которые не исполняются? И как преодоление экологического бедствия можно отождествлять с угрозой экономической безопасности, если, напротив, обеспечение экологической чистоты рабочих мест, технологий и производств образует одно из важнейших условий экономической безопасности?

К тому же, что главное, экологическая безопасность обеспечивается не административными требованиями, а рециклингом ресурсов, индустриальной системой сбора и переработки бытовых и промышленных отходов, организацией замкнутого ресурсного кругооборота. Создание сектора рециклинга ресурсов возможно только на основе высоких технологий. В частности, чтобы автоматизировать индустриальную сортировку отходов, нужны технологии с использованием специализированных роботов и устройств искусственного интеллекта. Поэтому наращивание экологической безопасности не противоречит, а, наоборот, идет рука об руку с обеспечением экономической безопасности страны.

Не станем множить примеры слабо продуманных и неудачных формулировок. На

¹ The Next Production Revolution: Implications for Governments and Business. — Paris: OECD. 2017. P. 28.

наш взгляд, недействительная «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» олицетворяет собой максимум того, на что способна компрадорская система власти и собственности.

Для нашей страны, конечно, жизненно важны и экономический суверенитет, и

экономическая безопасность. Но они реально достижимы лишь при замене зависимой экономической системы суверенной, вертикально интегрированной, планово-регулируемой, и всенародном осуществлении масштабной новой индустриализации – наукоемкой, цифровой, технотронной.

Сведения об авторе

Сергей Семёнович Губанов – профессор, доктор экономических наук, главный редактор, журнал «Экономист», профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1)

Gubanov S.S.

About the System Fundamentals of Russia's Economic Security

Information about the Author

Sergei Semenovich Gubanov – Doctor of Economics, Professor, Chief Editor of the journal “Economist”, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

Статья поступила 20.07.2017.

Проблемы развития промышленного сектора экономики старопромышленных регионов России

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: tvu@vscc.ac.ru

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: lukin_ev@list.ru

**Алексей Евгеньевич
МЕЛЬНИКОВ**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ae.melnikov@mail.ru

**Екатерина Георгиевна
ЛЕОНИДОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eg_leonidova@mail.ru

Для цитирования: Проблемы развития промышленного сектора экономики старопромышленных регионов России / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, А.Е. Мельников, Е.Г. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 62-77. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.3

For citation: Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G. Industrial development issues in the economy of the old industrial regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 62-77. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.3

Аннотация. Обеспечение сбалансированного экономического развития является ключевой задачей для старопромышленных регионов, характеризующихся высокой концентрацией отраслей промышленности. Однако сложившаяся в настоящее время макроэкономическая ситуация не способствует развитию индустриального сектора и уверенному освоению новых технико-технологических укладов, что впоследствии может стать причиной появления негативных тенденций социально-экономического развития, таких как снижение объема производства; уменьшение налоговых поступлений; падение реальных доходов населения; сокращение потребительского спроса; рост безработицы и т.д. Об уже имеющихся в отечественной промышленности значительных проблемах свидетельствует большой разрыв по производительности труда как между Россией и развитыми странами мира, так и между старопромышленными регионами. В связи с этим целью исследования стало выявление основных тенденций и проблем в промышленном секторе экономики старопромышленных территорий для разработки направлений его дальнейшего развития. Методическую основу исследования составляют принципы экономического, статистического и компаративного анализа, методы обобщения и социологического опроса. Информационную базу – труды отечественных и зарубежных экономистов в области региональной экономики, официальные данные Федеральной службы государственной статистики, базы данных международных организаций, в числе которых Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Бюро трудовой статистики США. В исследовании использованы научные выводы таких ученых, как И.В. Макарова, Г.Б. Коровин, К.В. Павлов и др. Определен круг проблем экономического развития старопромышленных регионов, главной из которых является недостаток финансовых ресурсов, не позволяющий промышленным предприятиям в полной мере реализовывать планы по реконструкции и техническому перевооружению. В статье обозначены направления, способствующие активизации процессов модернизации экономики старопромышленных регионов России. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти при разработке программ экономического развития.

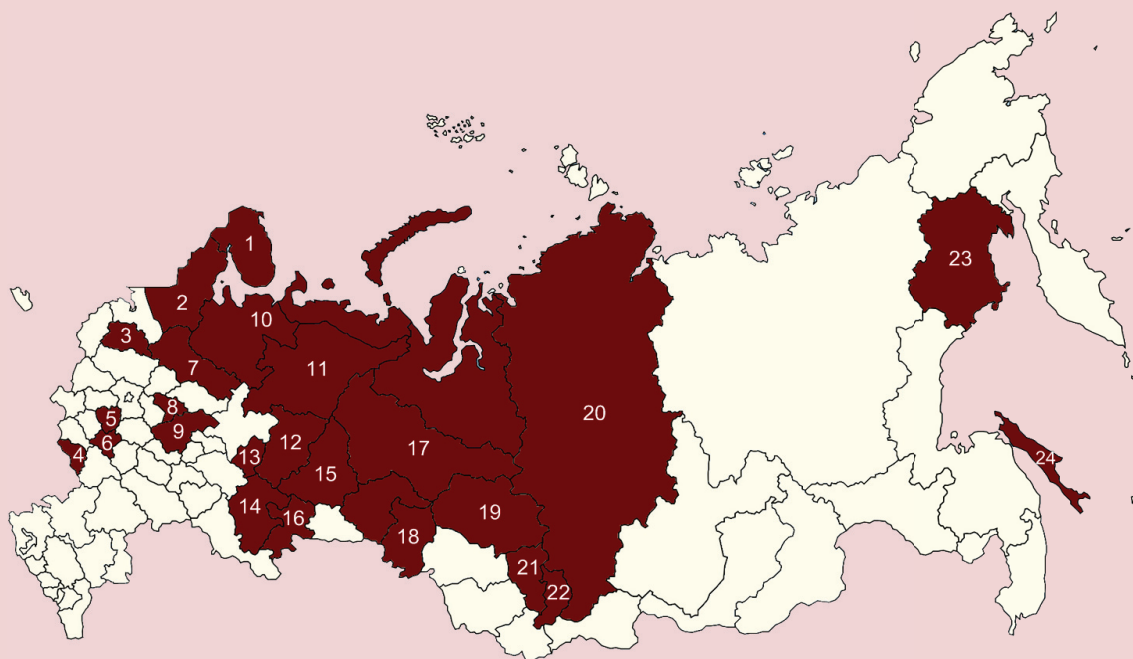
Ключевые слова: экономика региона; регион; старопромышленные регионы; промышленность; производительность труда; инвестиции; экономическое развитие.

Введение. В настоящее время в России происходит усиление роли региона как самостоятельной единицы народнохозяйственного комплекса, связанное с получением им относительной автономности в принятии решений, развитием межрегиональных связей, распространением пространственных форм развития территорий, нарастанием проблемы сырьевой зависимости. Одной из важных задач регионального управления является обеспечение сбалансированного экономического развития. Это особенно актуально для старопромышленных регионов, характеризующихся высокой концентрацией отраслей

промышленности¹, формирование структуры которой началось еще в XVIII веке. Впоследствии большинство таких территорий попали в зависимость от производства одного-двух видов продукции. Согласно данным критериям, к регионам старопромышленного типа относится более трети субъектов РФ, на которые приходится 30% населения страны, 33% валового внутреннего продукта, 44% промышленного производства, 36% инвестиций. Это ставит проблему их сбалансированного

¹ Удельный вес промышленности в структуре ВРП каждого из старопромышленных регионов составляет больше 30%.

Рис. 1. Старопромышленные регионы России [6]

Условные обозначения: 1 – Мурманская область; 2 – Республика Карелия; 3 – Новгородская область; 4 – Белгородская область; 5 – Тульская область; 6 – Липецкая область; 7 – Вологодская область; 8 – Ивановская область; 9 – Нижегородская область; 10 – Архангельская область; 11 – Республика Коми; 12 – Пермский край; 13 – Удмуртская Республика; 14 – Республика Башкортостан; 15 – Свердловская область; 16 – Челябинская область; 17 – Тюменская область; 18 – Омская область; 19 – Томская область; 20 – Красноярский край; 21 – Кемеровская область; 22 – Республика Хакасия; 23 – Магаданская область; 24 – Сахалинская область.

экономического развития в разряд наиболее актуальных.

Наибольшая группировка старопромышленных регионов расположена на Северо-Западе и в Сибири, однако аналогичные территории есть и на Урале, в Приволжье, Центральной России и на Дальнем Востоке (рис. 1).

На промышленность в этих регионах приходится 86,4% выпускаемой в сфере материального производства продукции, 42,7% стоимости основных производственных фондов, в ней занято 22,5% работников. Здесь сконцентрированы отрасли с высоким мультипликатором добавленной стоимости, выступающие локомотивами развития других секторов экономики. В целом в России величина агрегиро-

ванного мультипликатора добавленной стоимости² в период с 2007 по 2015 г. существенно снизилась. Так, в расчете на единицу стоимости продукции добывающего сектора обрабатывающими производствами в 2015 г. создавалось лишь 1,52 единицы добавленной стоимости, хотя еще в 2007 году³ этот показатель составлял 1,61 (рис. 2). Для старопромышленных

² Данный показатель исчисляется отношением совокупной величины товарной массы к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот, и рассчитывается по официальным данным о детализированной разработке счета производства Система национального счетоводства [5].

³ Апеллирование к 2007 году как базовому периоду для сопоставления с текущими показателями обусловлено тем, что это последний год докризисного развития российской экономики. Начавшаяся с 2008 г. череда макроэкономических потрясений оказывала существенное влияние на экономическое развитие России и ее регионов.

Рис. 2. Мультипликатор добавленной стоимости в экономике России [7]

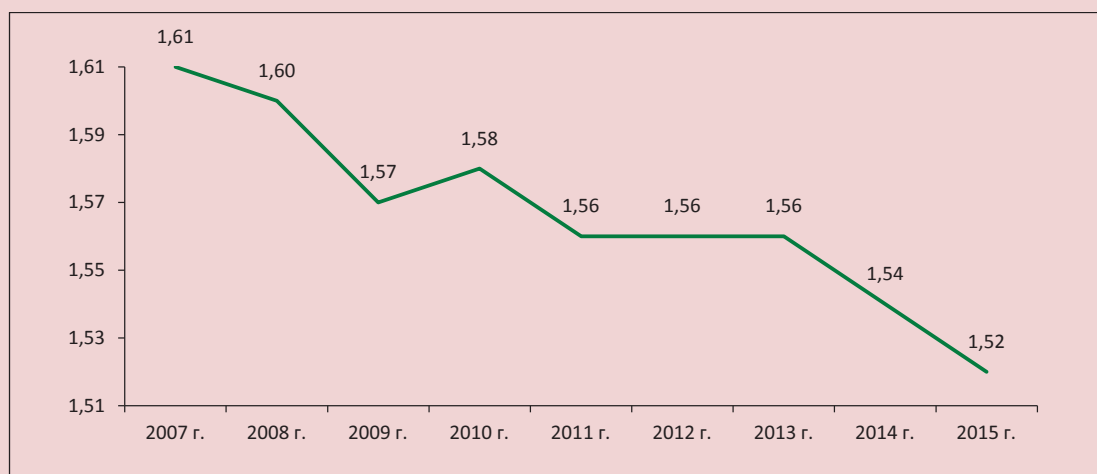

Таблица 1. Валовая добавленная стоимость в промышленности на одного работника*, тыс. долл. США (в постоянных ценах 2010 г.)

Страна	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2007 г., %
Канада	129,2	126,2	122,1	129,2	132,1	132,0	133,7	138,1	106,9
США	105,8	108,9	112,6	123,0	123,2	123,7	123,1	121,3	114,7
Япония	85,7	87,1	78,1	91,4	93,8	90,3	91,3	92,2	107,5
Германия	82,6	83,6	73,2	84,4	89,1	88,1	88,0	90,3	109,3
Франция	85,1	82,3	80,4	82,0	82,7	83,5	86,2	88,4	103,8
Великобритания	71,9	72,8	74,4	79,3	78,8	75,3	76,2	76,4	106,2
Италия	76,3	75,7	67,5	72,3	72,7	72,0	72,5	71,5	93,6
Россия	22,8	23,3	22,5	23,6	24,7	25,1	25,4	25,5	111,9

* Составлено по данным Росстата, World Bank, OECD и U.S. Bureau of Labor Statistics.

регионов страны значение мультипликатора добавленной стоимости еще меньше⁴. Причинами этого являются системная дезорганизация и упадок обрабатывающей промышленности.

Анализ производительности труда в промышленном секторе, рассчитанной в соответствии с международной практикой как отношение величины валовой добавленной стоимости к среднегодовой численности занятых в соответствующих отраслях работников, выявил значительное

⁴ Например, в результате расчета мультипликатора добавленной стоимости на примере Вологодской области получена величина 1,14.

отставание России по данному показателю от других стран. Так, разрыв с Канадой и США составляет 5,4 и 4,8 раза соответственно. Велико отставание даже от Италии, которая является наименее промышленно развитой страной G7 и в которой наблюдается постепенное снижение производительности труда (на 6,4% за 7 лет). Впрочем, в России все же следует отметить устойчивую положительную тенденцию в этой сфере – отечественная экономика демонстрирует один из самых высоких темпов прироста производительности труда в промышленности среди членов бывшей «Большой восьмерки» (11,9%; табл. 1).

В промышленном секторе экономики старопромышленных регионов России производительность труда увеличилась на 21,9% относительно уровня 2007 г. (табл. 2). Наибольший рост произошел в Тульской области. Отрицательная динамика наблюдается в Липецкой, Тюменской, Мурманской и Ивановской областях, что обусловлено высоким уровнем затрат труда работников на единицу выпускаемой продукции. Причины такого положения дел кроются преимущественно в устаревшей производственной базе, которая не позволяет автоматизировать многие трудоемкие процессы.

Таким образом, для старопромышленных регионов проблемными остаются вопросы использования передовых технологий, повышения уровня переработки сырьевых товаров. Подобная ситуация чревата возникновением негативных тенденций социально-экономического развития, среди которых можно выделить: спад темпов роста производства; уменьшение налоговых поступлений; снижение реальных доходов населения; сокращение потребительского спроса и объемов розничной торговли; рост безработицы и др.

Целью нашего исследования стало выявление основных тенденций и проблем

Таблица 2. Производительность труда в промышленности старопромышленных регионов России*, тыс. руб. (в ценах 2015 г.)

Территория	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2007 г., %
Тульская область	681,3	764,3	876,6	1105,8	1235,4	181,3
Новгородская область	775,6	822,8	1020,9	1100,5	1200,3	154,8
Республика Хакасия	1065,8	1193,0	1333,6	1255,7	1541,2	144,6
Магаданская область	1585,7	1718,2	1769,4	1563,6	2267,0	143,0
Нижегородская область	758,1	915,1	1019,5	1060,4	1081,4	142,7
Республика Коми	2246,6	2706,3	3035,4	3056,6	3169,1	141,1
Красноярский край	2474,2	2731,3	3073,6	3287,5	3410,2	137,8
Пермский край	1210,1	1302,4	1454,7	1596,3	1584,3	130,9
Архангельская область	1502,8	1943,5	1744,0	1858,2	1954,8	130,1
Свердловская область	949,6	1039,2	1046,4	1104,7	1207,3	127,1
Сахалинская область	9528,1	12634,4	14516,3	15518,5	12082,1	126,8
Республика Карелия	1054,0	1218,9	1310,5	1347,5	1304,1	123,7
Томская область	1704,2	1691,4	1968,9	2030,3	2097,6	123,1
Омская область	1283,9	1305,8	1557,5	1611,3	1502,6	117,0
Удмуртская Республика	1092,4	1071,2	1176,2	1196,3	1273,8	116,6
Белгородская область	1272,4	1392,8	1493,7	1389,1	1450,9	114,0
Челябинская область	953,3	953,1	906,2	1005,1	1076,0	112,9
Республика Башкортостан	1136,7	1238,8	1480,0	1324,1	1281,6	112,7
Кемеровская область	1164,1	1249,4	1019,6	1134,2	1251,8	107,5
Вологодская область	1448,3	1221,7	1234,9	1350,7	1539,7	106,3
Липецкая область	1739,9	1494,7	1370,7	1688,0	1704,2	97,9
Тюменская область	7418,9	7049,4	7461,0	7220,3	7227,9	97,4
Мурманская область	1859,3	1728,6	1559,1	1469,3	1601,0	86,1
Ивановская область	405,2	395,6	342,8	310,1	279,4	68,9
Старопромышленные регионы	1889,7	2080,7	2191,8	2254,2	2303,8	121,9

* Составлено по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели за 2008–2016 гг.: стат. сб. / Росстат, 2008 – 2016.

развития промышленного сектора экономики старопромышленных территорий для разработки направлений его дальнейшего развития. Научная новизна работы состоит в аргументированном определении вектора развития исследуемого сектора, основанном на ретроспективном анализе динамики качества отраслевой структуры промышленности выделенных территорий, результатах экспертного опроса, анализе статистических данных.

Методология и методы исследования. Методическую основу исследования составляют принципы экономического, статистического и компаративного анализа, методы обобщения и экспертного опроса. Методологическую основу – труды отечественных и зарубежных экономистов в области региональной экономики. В частности, исследование трендов социально-экономического развития российских регионов представлено в работах А.Р. Бахтизина, Е.М. Бухвальда, С.Ю. Глазьева, А.Г. Гранберга, Р.С. Гринберга, Н.В. Кольчугиной и других авторов [2; 4; 14]. Научный интерес вызывает изучение систем хозяйства старопромышленных территорий, определение направлений их модернизации [8; 9]. В работе К.В. Павлова доказана необходимость учета социально-экономических особенностей регионов в процессе осуществления структурной перестройки. Значимость промышленного сектора экономики при определении вектора развития старопромышленных регионов отражена в работах И.В. Макаровой, Г.Б. Коровина, Н.Ю. Сорокиной [8; 12; 13; 16–18].

Однако в данных работах отсутствует детализированный анализ состояния промышленного сектора экономики, апробированный на примере старопромышленных регионов России, а без такого анализа не представляется возможным аргументированное определение вектора его разви-

тия, что подчеркивает актуальность нашего исследования. Методология проводимого нами анализа предполагает выявление изменений по таким направлениям, как прогрессивность изменения структуры промышленности, инвестиционная активность промышленных предприятий, динамика инвестиций в основной капитал.

Результаты исследования. В настоящее время экономическое развитие во многом зависит от уровня обеспеченности народного хозяйства промышленной продукцией и масштабного проникновения новейших технологий во все сферы жизни общества. По этой причине основным источником экономического развития является научно-технический прогресс, достижения которого существенно упрощают выполнение множества трудоемких задач, дают возможность производить виды продукции, ранее недоступные вследствие технологического несовершенства, способствуют повышению энергоэффективности и т.д. Значительную долю достижений научно-технического прогресса аккумулируют промышленные производства, что позволяет назвать промышленность основой современной экономики.

Однако современные экономические реалии оказывают достаточно пагубное воздействие на развитие промышленности, приводя к постепенной утрате научно-технического и производственного потенциала, из-за чего индустриальный вклад в экономику сокращается. Эти изменения можно отследить на примере старопромышленных регионов России: если в 2007 г. доля промышленного производства составляла 49,4% ВРП, то по итогам 2015 г. – 47,7% (рис. 3).

Можно высказать опасение, что, в условиях отсутствия положительных трансформаций в системе хозяйства, необходимости устранения последствий финансового

Рис. 3. Структура ВРП старопромышленных регионов России*, %

* Составлено по: Валовой региональный продукт [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts

кризиса 2008 г., а также введения с 2014 г. и расширения антироссийских санкций, снижение вклада промышленности в экономическое развитие территорий в дальнейшем продолжится⁵. В частности, из-за падения курса российского рубля относи-

⁵ Данные опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области свидетельствуют о том, что экономические санкции против России повлияли на деятельность 54,4% участвующих в исследовании предприятий. Санкции существенно сказываются на развитии пищевой, деревообрабатывающей, машиностроительной отраслей промышленности и производства строительных материалов. В числе основных последствий действия секторальных экономических санкций в отношении России респонденты отметили рост затрат на импортное сырье, комплектующие и оборудование (94,6%), потерю поставщиков или партнеров (21,6%) и отсутствие возможности для получения дешевых кредитных ресурсов (18,9%). В опросе участвует более 200 руководителей промышленных предприятий Вологодской области. Распределение выборочной совокупности по видам экономической деятельности соответствует генеральной. Анкетный опрос охватывает организации всех районов региона. Ошибка выборки не превышает 4%.

тельно доллара США и европейской валюты уже произошел рост производственных затрат, что в итоге привело к ухудшению финансового состояния предприятий, снижению их инвестиционной привлекательности и окупаемости капиталовложений.

При этом связывать происходящие изменения только с влиянием отмеченных выше макроэкономических событий не совсем правильно. Они лишь усугубили негативные явления в экономике регионов страны и, в том числе, осложнили условия функционирования промышленности [15]. В первую очередь текущие негативные тенденции развития обусловлены разрушительными последствиями рыночных трансформаций в 1990-х годах. В их процессе значительно утратились межрегиональные связи, существовавшие внутри страны, а также между участниками СНГ. Сильное снижение экономической

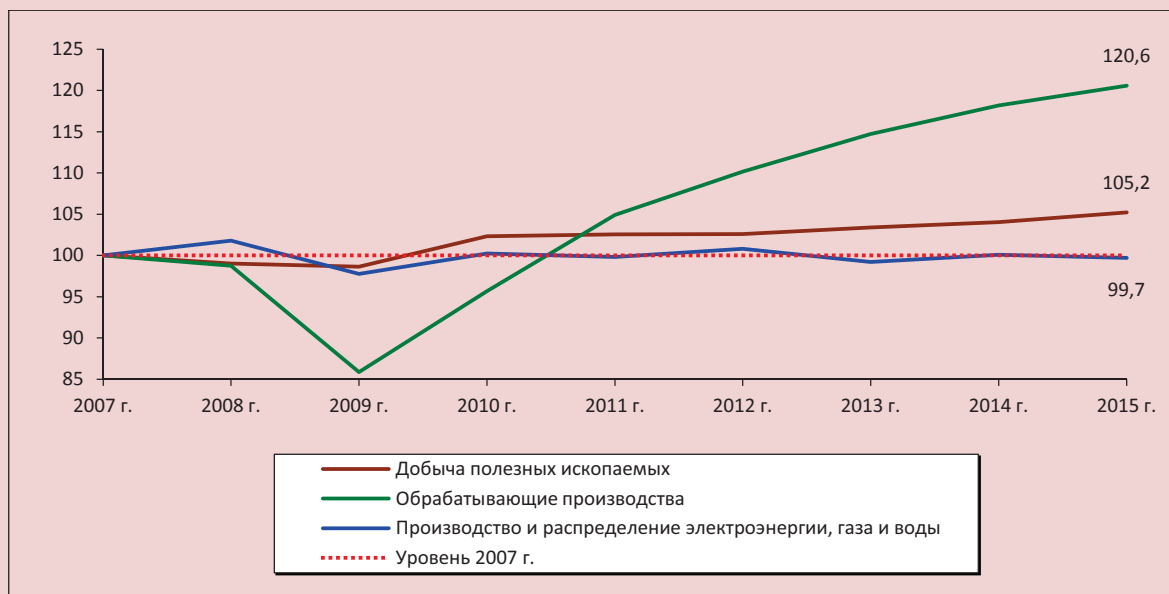
активности, сворачивание производств, разрушение кооперационных связей привели в середине 1990-х годов к глубокому падению российской экономики, что вызвало резкое ухудшение благосостояния населения. Данные проблемы сказались особенно остро на старопромышленных регионах.

Объем производства в них, не подкрепленный стабильно увеличивающимся спросом, годами остается почти на одном уровне. Относительно 2007 г. наибольший прирост объема выпускаемой продукции произошел только в обрабатывающей промышленности (на 20,6%). В добывающем секторе отгрузка увеличилась лишь на 5,2%, в то время как предприятия, осуществляющие производство и распределение электроэнергии, газа и воды, продемонстрировали отрицательную динамику – 99,7% от уровня 2007 г. (рис. 4).

Анализ динамики привлечения инвестиций в основной капитал предприятий старопромышленных регионов показал, что за период с 2007 по 2015 г. суммарный объем инвестиций увеличился лишь на 13,8%, среднегодовой темп прироста составил 1,6%. Наибольшее снижение объема инвестиций произошло в старопромышленных регионах Сибирского федерального округа (за исключением Красноярского края), а также в Архангельской, Вологодской, Ивановской и Челябинской областях (табл. 3). Устойчивый приток инвестиций аккумулируют в основном регионы с развитыми сырьевыми производствами.

Такие показатели достаточно несущественны для страны, реальный сектор которой стоит перед необходимостью интенсивного высокотехнологичного развития, повышения конкурентоспособности и

Рис. 4. Динамика промышленного производства в старопромышленных регионах России*, % к 2007 г.

* Составлено по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели за 2008–2016 гг.: стат. сб. / Росстат, 2008–2016.

Таблица 3. Инвестиции в основной капитал в старопромышленных регионах России*, млрд. руб. (в ценах 2015 г.)

Территория	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2007 г., %
Магаданская область	23,6	27,1	45,6	45,6	60,7	256,5
Красноярский край	184,4	342,5	443,4	411,7	396,9	215,2
Мурманская область	48,5	52,3	81,5	98,6	100,4	207,0
Тульская область	65,5	100,4	105,1	105,5	105,6	161,3
Республика Коми	117,0	165,9	233,9	227,8	169,9	145,3
Тюменская область	1282,0	1429,2	1854,4	1922,4	1762,9	137,5
Новгородская область	51,0	61,3	64,1	69,9	69,3	135,9
Свердловская область	322,0	363,8	398,3	411,2	350,0	108,7
Сахалинская область	222,4	176,2	222,2	252,6	241,5	108,6
Липецкая область	107,1	138,4	114,9	115,7	116,1	108,5
Белгородская область	139,4	131,9	142,1	128,8	147,2	105,6
Республика Карелия	31,4	30,8	38,4	35,7	32,7	104,3
Республика Башкортостан	308,8	243,9	305,8	316,2	317,8	102,9
Пермский край	220,0	189,2	257,2	233,0	226,2	102,8
Удмуртская Республика	83,8	71,1	96,2	101,5	81,8	97,7
Нижегородская область	254,8	288,3	331,1	313,4	235,1	92,3
Челябинская область	253,9	227,6	256,7	259,9	217,2	85,6
Кемеровская область	207,8	226,8	255,5	261,9	170,5	82,0
Омская область	124,7	100,6	121,6	106,9	94,2	75,6
Ивановская область	34,3	45,6	41,1	37,8	25,7	74,9
Томская область	147,9	118,7	125,5	120,2	105,0	71,0
Республика Хакасия	42,4	31,6	34,3	42,3	29,9	70,7
Архангельская область	252,0	151,0	183,6	176,8	172,2	68,4
Вологодская область	148,8	106,0	94,3	93,4	87,1	58,6
Старопромышленные регионы	4673,4	4820,3	5846,8	5888,8	5316,0	113,8

* Составлено по: Инвестиции в нефинансовые активы [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial

производительности. По оценкам экспертов, реальной модернизации экономики будет способствовать ежегодный прирост инвестиций ориентировочно на 18% [1]. Однако, как свидетельствует пример старопромышленных регионов, в текущих реалиях такой показатель является скорее утопией, чем недалекой и достижимой действительностью⁶.

Судя по результатам анализа качества структуры валового регионального продукта изучаемых регионов, с 2007 по 2015 год существенных изменений она не претер-

⁶ Следует отметить, что в целом по экономике России ситуация еще более удручающая. За период с 2007 по 2015 г. прирост инвестиций в основной капитал составил лишь 6,3%, среднегодовой темп – 0,77%.

пела. Для определения прогрессивности ее изменений нами применен подход экспертов Института экономики Уральского отделения РАН [8]. Динамика данного показателя за отмеченный период имеет тенденцию к снижению: с 0,55 в 2007 г. до 0,30 в 2015 г. (табл. 4).

Таким образом, развитие промышленного сектора старопромышленных регионов России характеризуется отсутствием ориентации на высокотехнологичные отрасли. Между тем, у таких мировых лидеров по производству высокотехнологичной продукции, как США, соотношение наукоемкого и потребительского секторов с секторами сырьевой направленности имеет совершенно другой вид (табл. 5).

Таблица 4. Динамика качества отраслевой структуры промышленности старопромышленных регионов* (по объему производства), %

Сектор промышленности	2007 г.	2015 г.
Сектор сырьевой направленности:	67,4	62,5
– добыча полезных ископаемых	32,3	35,2
– металлургия	2,5	17,3
– лесопромышленный комплекс	22,3	2,3
– производство и распределение электроэнергии, воды и газа	7,8	7,7
Научеёмкий сектор:	24,3	9,5
– машиностроение	8,2	7,2
– химический комплекс	16,1	2,3
Потребительский сектор	12,5	9,4
– легкая промышленность	4,5	0,4
– производство стройматериалов	2,5	1,8
– пищевая промышленность	5,5	7,1
Соотношение наукоёмкого и потребительского секторов с секторами сырьевой направленности	0,55	0,30
* Составлено по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели за 2008 – 2016 гг.: стат. сб. / Росстат, 2008–2016.		

Таблица 5. Динамика качества отраслевой структуры промышленности США* (по объему производства), %

Сектор промышленности	2015 г.
Сектор сырьевой направленности:	23,2
– добыча полезных ископаемых	5,7
– металлургия	7,7
– лесопромышленный комплекс	4,7
– производство и распределение электроэнергии, воды и газа	5,1
Научеёмкий сектор:	44,4
– машиностроение	24,5
– химический комплекс	19,9
Потребительский сектор	32
– легкая промышленность	1,1
– производство стройматериалов	18,8
– пищевая промышленность	12,1
Соотношение наукоёмкого и потребительского с секторами сырьевой направленности	3,3
* Составлено по данным официального Бюро экономического анализа США.	

Проведенный нами анализ качества структуры экономики рассматриваемых регионов позволяет сделать вывод о том, что при сохранении текущей ситуации их переход к модернизационному развитию представляется затруднительным. К числу факторов, сдерживающих прогрессивные изменения в промышленности, наряду с технологической отсталостью и низкой научной активностью предприятий⁷, относится отсутствие обеспечения необходимым объемом финансовых ресурсов, что значительно препятствует уверенному освоению новейших технологических укладов, выпуску конкурентоспособной на международном рынке продукции. Как следствие, качественные характеристики производимой товарной номенклатуры существенно не меняются, что обуславливает ее недостаточную привлекательность для потенциальных потребителей и не создает предпосылок для наращивания объема отгрузки. Финансовый аспект служит основной причиной возникновения трудностей с привлечением высококвалифицированной рабочей силы и приобретением современных средств производства (в частности, высококачественного сырья, материалов и оборудования).

Основываясь на результатах опроса руководителей промышленных предприятий, проведенного в одном из старопромышленных регионов России – Вологодской области, – можно заключить, что подобная динамика производства и неразвитость, например, высокотехнологичных направлений деятельности, в первую очередь обусловлены высокими ценами на средства производства и предметы потребления, а также недостатком собственных средств (табл. 6).

⁷ Перечнева И. Меры ответственности [Электронный ресурс] // Эксперт Северо-Запад. – 2013. – № 21. – Режим доступа: <http://expert.ru/northwest/2013/21/meryi-otvetstvennosti/>

Таблица 6. Влияние экономических факторов на деятельность промышленных предприятий в Вологодской области*, % от числа ответивших

Факторы, сдерживающие развитие производства		Факторы, сдерживающие инвестиционную активность	
Высокие цены на сырье, материалы	76,5	Высокая стоимость нового оборудования	61,8
Высокие цены на топливо, энергию	63,2	Недостаток собственных средств	60,3
Несвоевременность оплаты поставляемой продукции	48,5	Высокий процент по коммерческому кредиту	50,0
Недостаток собственных средств	42,6	Изменения курса рубля и процентных ставок банков	33,8

* Согласно данным опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области, проведенного ИСЭРТ РАН в первом полугодии 2016 г.

Безусловно, со стороны государства принимаются меры, направленные на нейтрализацию негативных факторов развития промышленности. Так, осуществляется участие в финансировании проектов по разработке и освоению новой российской техники, стимулирование спроса на нее путем введения запрета для государственных организаций приобретать иностранное оборудование при наличии отечественных аналогов. Однако такие меры не позволяют кардинальным образом изменить ситуацию [3].

Согласно исследованиям Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, в индустриальном секторе изменение номенклатуры, характеристик, улучшение качества выпускаемой продукции и обновление основных фондов в большинстве своем носят инертный характер и наблюдаются преимущественно в сырьевых отраслях и пищевой промышленности. Гораздо хуже данные процессы протекают в машиностроении и производстве технологически сложных непродовольственных товаров [10].

В результате зачастую финансовые ресурсы для проведения НИОКР, освоения инновационных технологий и совершенствования производственных процессов с целью повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции расходуются лишь на поддержание текущего уровня или устранение задолженности, но не направляются непосредственно в развитие.

Такое положение дел объясняется прежде всего несовершенством налоговой и денежно-кредитной политики в стране. В первом случае уплата налоговых сборов почти не оставляет предпринимательству объем финансовых ресурсов, достаточный для дальнейшего функционирования. Во втором – бизнес получает доступ к внешним источникам финансирования обычно на неподъемных условиях. Вследствие этого для промышленных производств характерна следующая циклическая проблематика⁸.

1. Стабильному развитию промышленности необходим достаточный объем финансовых ресурсов, однако значительная доля получаемой предприятиями выручки расходуется на налоговые отчисления.

2. Существует возможность компенсации налоговых расходов и финансирования оборотных средств за счет коммерческих кредитов, но высокие процентные ставки по ним снижают привлекательность и распространенность такого метода.

3. Отсутствие достаточного объема финансовых ресурсов приводит к замедлению или отсутствию планов по модернизации основных фондов, что обуславливает высокую долю использования устаревшего и изношенного оборудования.

⁸ Более подробно данный вопрос рассмотрен в публикации: Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, А.Е. Мельников. Организация и факторы новой индустриализации // Экономист. – 2016. – № 11. – С. 3-15.

4. Несовершенство технологической базы предприятий становится причиной выпуска продукции неудовлетворительно-го качества, ее примитивности или низкой конкурентоспособности на рынках развитых стран.

5. Из-за отсутствия у отечественной продукции конкурентных преимуществ многие российские предприятия не обеспечены достаточным объемом заказов.

6. Малое количество заказов, крепкие позиции зарубежных производителей и низкая инвестиционная привлекательность отечественной промышленности являются причинами получения незначительного объема выручки.

7. Уплата налоговых сборов оставляет от небольшой выручки лишь незначительный объем свободных финансовых ресурсов, не подходящий для комплексной модернизации, проведения НИОКР или освоения новейших технологий. Таким образом, перед предприятиями встает вопрос внешнего финансирования, которое фактически недоступно вследствие озвученных выше причин.

Выводы и заключение. Экономическое развитие старопромышленных регионов во многом определяется состоянием промышленного сектора экономики. Выявленные в нем проблемы сказываются на социальной сфере и производственных показателях, поэтому решение задач экономического развития должно лежать в плоскости модернизации отраслей промышленности. Данный процесс, подразумевающий переход к высокотехнологичному производству, сдерживается из-за отсутствия достаточного объема капиталовложений. В связи с этим в качестве основных направлений можно рассматривать поиск источников для осуществления процессов модернизации, проведение мероприятий по качественному улучшению параметров

функционирования экономики старопромышленных регионов. Среди подобных мероприятий можно выделить:

– формирование цепочек вертикальной интеграции добывающих и обрабатывающих производств, что будет способствовать повышению мультипликатора добавленной стоимости;

– создание условий для наращивания объема производства промышленных предприятий, решения проблем спроса на выпускаемую продукцию и её сбыта, что может обеспечить появление дополнительных средств на модернизацию;

– проведение региональной кадровой политики, ориентированной на активизацию внутренних ресурсов старопромышленных регионов на основе механизмов модернизации и посредством создания новых высокопроизводительных рабочих мест.

Перспективы реализации данных направлений во многом связаны с активизацией государственных мер воздействия и стимулирования деятельности в промышленном секторе экономики, среди которых:

1. Предоставление субъектам промышленной деятельности льготных условий функционирования, субсидий, инвестиционных кредитов для реализации перспективных проектов технологического развития и освоения инновационных разработок. В контексте развития кадрового потенциала необходимы гранты для образовательных учреждений, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов для инновационно активных отраслей экономики.

2. Совершенствование действующего законодательства в области регулирования налоговой политики и снижение административной нагрузки. В первую очередь следует апеллировать к активизации практики предоставления налоговых льгот, к

сокращению количества и конкретизации обязательных требований к промышленным предприятиям, уменьшению количества процедур проверки. Воздействие со стороны государства должно быть направлено не только на создание благоприятных условий функционирования для крепко стоящих на ногах субъектов промышленного сектора, но и на повышение его привлекательности для новых участников рынка.

3. Увеличение степени кооперации между государством, промышленными предприятиями и образовательными учреждениями в целях повышения качества подготовки специалистов для промышленности и увеличения количества выпускников для инновационно активных отраслей экономики. Необходимо восстановление развернутой системы подготовки профессиональных рабочих, расширение практики обучения непосредственно

на мощностях действующих промышленных предприятий, обновление материально-технической базы учебных заведений.

На наш взгляд, модернизация промышленного сектора экономики старопромышленных регионов является одним из главных источников их дальнейшего устойчивого экономического развития. Однако реализация данных процессов должна осуществляться одновременно с рядом важных изменений на федеральном уровне. В их числе совершенствование налоговой политики, что позволит преодолеть имеющийся место технологический разрыв между Россией и передовыми экономиками мира и восстановить утраченный за время переходного периода научно-технический потенциал страны за счет высвобождения части финансовых ресурсов, направляемых в настоящее время на уплату налоговых сборов.

Литература

1. Абалкин, Л.И. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии [Текст] / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 2006. – № 12. – С. 4-19.
2. Бахтизин, А.Р. Ранжирование субъектов Российской Федерации по потенциалу и темпам социально-экономического развития [Текст] / А.Р. Бахтизин, Е.М. Бухвальд, А.В. Кольчугина // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2. – С. 3-22.
3. Водомеров, Н. Государственное планирование станкостроения – ключевое звено импортозамещения [Текст] / Н. Водомеров // Экономист. – 2017. – № 1. – С. 29-37.
4. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики [Текст]: учеб. для вузов / А.Г. Гранберг. – 5-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 495 с.
5. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция [Текст] / С.С. Губанов. – М.: Книжный Мир, 2012. – 224 с.
6. Лукин Е.В. Влияние тенденций и особенностей межрегионального экономического сотрудничества на развитие хозяйства старопромышленных регионов Европейского севера России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е.В. Лукин; Институт социально-экономического развития территорий РАН. – Вологда, 2015.
7. Лукин, Е.В. Направления использования межотраслевого баланса в анализе и моделировании развития социально-экономических систем [Электронный ресурс] / Е.В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 1. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2125>
8. Макарова, И.В. Тенденции неоиндустриализации экономики старопромышленного региона / И.В. Макарова, Г.Б. Коровин // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 31. – С. 2-13.
9. Павлов, К.В. Особенности модернизации старопромышленных регионов / К.В. Павлов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 28. – С. 11-24.
10. Потенциал конкурентоспособного выпуска [Текст] // Эксперт. – 2017. – № 7. – С. 30-35.

11. Проблемы экономического роста территории [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 170 с.
12. Сорокина, Н.Ю. Дифференцированный подход к формированию механизма управления устойчивым развитием старопромышленных регионов / Н.Ю. Сорокина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 144-152.
13. Сорокина, Н.Ю. Особенности старопромышленного региона как объекта управления социально-экономическим развитием / Н.Ю. Сорокина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1. – С. 72-80.
14. Стратегические ориентиры экономического развития России [Текст] / Р.С. Гринберг, А.Я. Рубинштейн, Л.И. Абалкин, С.Ю. Глазьев, В.Л. Макаров и др. – СПб.: Алтейя, 2010. – 664 с.
15. Ускова, Т.В. Организация и факторы новой индустриализации [Текст] / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, А.Е. Мельников // Экономист. – 2016. – № 11. – С. 3-15.
16. Birch K., MacKinnon D. and Cumbers A. Old Industrial Regions in Europe: A Comparative Assessment of Economic Performance. *Regional Studies*. Volume 44, 2010 - Issue 1. Pp. 35-53.
17. Hospers, G.J. and Benneworth, P.S. (2012) Innovation in an old industrial region: the case of Twente. *International journal of learning and intellectual capital*, 9 (1/2). P. 6-21.
18. Steven R. Henderson. Transforming old industrial regions: Constructing collaboration within the Black Country, England. *Geoforum*. Volume 60. Pp. 95-106.

Сведения об авторах

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56-а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56-а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Алексей Евгеньевич Мельников – инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56-а; e-mail: ae.melnikov@mail.ru)

Екатерина Георгиевна Леонидова – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56-а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G.

Industrial Development Issues in the Economy of the Old Industrial Regions of Russia

Abstract. Achieving balanced economic development is a key task for old industrial regions, in which many industrial sectors are concentrated. However, current macroeconomic situation does not promote the development of industrial sectors and new technological modes; moreover, it can lead to a decline in production output, tax proceeds, people's real incomes, consumer demand and other negative trends in socio-economic development. A considerable gap in labor productivity between Russia and developed countries as well as between old industrial regions indicates the existence of major problems in Russian industry. For this reason, the aim of the research is to identify main trends and issues in the industrial

sector of old industrial areas in order to work out its further development prospects. Methodological framework of the study includes economic, statistical, and comparative analysis, generalization, and sociological survey. The works of Russian and foreign economists in the field of regional economics, official data of the Federal State Statistics Service, databases of international organizations including the World Bank, the Organization for Economic Cooperation and Development and the U.S. Bureau of Labor Statistics constitute the information base of the present study. It also uses research findings of I.V. Makarov, G.B. Korovin, K.V. Pavlov and others. The paper defines problems in the development of old industrial regions; the major problem is insufficient funding, which does not allow industrial enterprises to carry out full reconstruction and technological upgrade. The paper points out measures that would promote economic modernization in Russia's old industrial regions. Findings of the research can be used by regional authorities in the elaboration of economic development programs.

Key words: regional economy, region, old industrial regions, industry, labor productivity, investment, economic development.

References

1. Abalkin L.I. Razmyshleniya o dolgosrochnoi strategii, nauke i demokratii [Reflections on a long-term strategy, science and democracy]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economics], 2006, no. 12, pp. 4-19. (In Russian).
2. Bakhtizin A.R., Bukhval'd E.M., Kol'chugina A.V. Ranzhirovanie sub'ektov Rossiiskoi Federatsii po potentsialu i tempam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Ranking the Subjects of the Russian Federation Based on Their Potential and Rates of Socio-Economic Development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2016, no. 2, pp. 3-22. (In Russian).
3. Vodomerov N. Gosudarstvennoe planirovanie stankostroeniya – klyuchevoe zveno importozameshcheniya [Government planning of machine-tool building – a key link in import substitution]. *Ekonomist* [Economist], 2017, no. 1, pp. 29-37. (In Russian).
4. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki: ucheb. dlya vuzov. 5-e izd.* [Fundamentals of regional economics: textbook for universities. Fifth edition]. Moscow: GU VShE, 2006. 495 p. (In Russian).
5. Gubanov S.S. *Derzhavnyi proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya* [Neo-industrialization of Russia and vertical integration]. Moscow: Knizhnyi Mir, 2012. 224 p. (In Russian).
6. Lukin E.V. *Vliyanie tendentsii i osobennosti mezhhregional'nogo ekonomicheskogo sotrudnichestva na razvitie khozyaistva staropromyshlennykh regionov Evropeiskogo severa Rossii: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Impact of trends and patterns of interregional economic cooperation on economic development in old industrial regions of the European North of Russia: Ph.D. in Economics Dissertation]. Vologda, 2015. (In Russian).
7. Lukin E.V. Napravleniya ispol'zovaniya mezhtrasevogo balansa v analize i modelirovanii razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Areas of Using Input-Output Balances in Analyzing and Simulating the Development of Socio-Economic Systems]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues], 2017, no. 1. Available at: <http://vtr.vsc.ac.ru/article/2125>. (In Russian).
8. Makarova I.V., Korovin G.B. Tendentsii neoindustrializatsii ekonomiki staropromyshlennogo regiona [Economic trends of neo-industrialization of the old industrial regions]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2014, no. 31, pp. 2-13. (In Russian).
9. Pavlov K.V. Osobennosti modernizatsii staropromyshlennykh regionov [Modernization specifics in old industrial regions]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2014, no. 28, pp. 11-24. (In Russian).
10. Potentsial konkurentosposobnogo vypuska [Capacity of competitive market]. *Ekspert* [Expert], 2017, no. 7, pp. 30-35. (In Russian).
11. Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii: monografiya* [Issues of economic growth in the territories: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 170 p. (In Russian).
12. Sorokina N.Yu. Differentsirovannyi podkhod k formirovaniyu mekhanizma upravleniya ustoychivym razvitiem staropromyshlennykh regionov [The differentiated approach to formation of the mechanism of management of sustainable development of old industrial regions]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*.

- Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences], 2014, no. 3, pp. 144-152. (In Russian).
13. Sorokina N.Yu. Osobennosti staropromyshlennogo regiona kak ob"ekta upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Specifics of the old industrial region as an object of socio-economic development management]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences], 2016, no. 1, pp. 72-80. (In Russian).
 14. Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya., Abalkin L.I., Glaz'ev S.Yu., Makarov V.L. et al. *Strategicheskie orientiry ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Strategic guidelines of economic development of Russia]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2010. 664 p. (In Russian).
 15. Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E. Organizatsiya i faktory novoi industrializatsii [Organization and drivers of a new industrialization]. *Ekonomist* [Economist], 2016, no. 11, pp. 3-15. (In Russian).
 16. Birch K., MacKinnon D., Cumbers A. Old Industrial Regions in Europe: A Comparative Assessment of Economic Performance. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, no. 1, pp. 35-53.
 17. Hospers G.J., Benneworth P.S. Innovation in an old industrial region: the case of Twente. *International Journal of Learning and Intellectual Capital*, 2012, no. 9 (1/2), pp. 6-21.
 18. Henderson S.R. Transforming old industrial regions: Constructing collaboration within the Black Country, England. *Geoforum*, 2015, vol. 60, pp. 95-106.

Information about the Authors

Tamara Vital'evna Uskova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Department Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Evgenii Vladimirovich Lukin – Ph.D. in Economics, Laboratory Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Aleksei Evgen'evich Mel'nikov – Research Engineer, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ae.melnikov@mail.ru)

Ekaterina Georgievna Leonidova – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Статья поступила 29.03.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.4

УДК 334.752; ББК 65.050

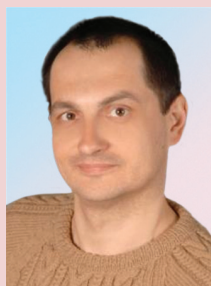
© Кригер А.Б., Ивин В.В.

Об использовании аутсорсинга в регионах Восточной Сибири и Дальневосточного федерального округа

**Александра Борисовна
КРИГЕР**

Дальневосточный федеральный университет, Школа экономики и менеджмента
Приморский край, Российская Федерация, 690922, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
E-mail: alkr01@mail.ru

**Вячеслав Вадимович
ИВИН**

Дальневосточный федеральный университет, Школа экономики и менеджмента
Приморский край, Российская Федерация, 690922, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
E-mail: vv_ivin@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день аутсорсинг широко распространён в российской бизнес-практике. Использование аутсорсинга приводит к изменению системы управления в компании и влияет на показатели эффективности. Цель данного исследования – выявление закономерностей развития аутсорсинга в регионах Дальневосточного федерального округа и регионах Восточной Сибири на основе эмпирических данных. Несмотря на широкое внедрение аутсорсинга в деятельность предприятий, закономерности развития данного явления на региональном уровне, его связи с экономическими показателями и с инвестиционной привлекательностью регионов изучены слабо. Актуальность исследования определяется стратегией совершенствования среды предпринимательской деятельности в регионах с целью привлечения инвестиций и

Для цитирования: Кригер, А.Б. Об использовании аутсорсинга в регионах Восточной Сибири и Дальневосточного федерального округа / А.Б. Кригер, В.В. Ивин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 78-93. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.4

For citation: Kriger A.B., Ivin V.V. Application of outsourcing in the regions of Eastern Siberia and the Far Eastern Federal District. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 78-93. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.4

внедрения инновационных технологий. Наши исследования построены на информационных методах структурирования данных и методах корреляционно-регрессионного анализа. Выделены виды деятельности, передаваемые на аутсорсинг. Разработана структура многомерного массива данных, позволяющего применять различные методы аналитической обработки данных. Выявлены закономерности развития аутсорсинга в регионах. Закономерности сформулированы на основе анализа структурного состава предприятий, результатов корреляционного анализа и оценок логистических моделей регрессии. Полученные результаты имеют как теоретическую, так и практическую значимость, интересны как для бизнес-среды, так и для исследователей в области экономики и предпринимательства. Теоретическое значение имеют выявленные закономерности развития аутсорсинга в ДФО и регионах Восточной Сибири. Установлено, что развитие аутсорсинга в данных регионах имеет общие закономерности, не зависящие от уровня экономического развития и инвестиционного рейтинга. Установлено, что использование аутсорсинга в производственной деятельности не оказывает влияния на уровень валового регионального продукта. В то же время показано, что количество предприятий, работающих на условиях аутсорсинга, является индикатором инвестиционной привлекательности региона. Для реального бизнеса представленные нами результаты позволяют изучить структуру рынка аутсорсинга, оценить возможности передачи функций и процессов на внешнее исполнение. Разработанная нами структура данных является основой для организации мониторинга рынка аутсорсинга в регионах. Организация такой системы хранения данных статистических наблюдений позволяет регистрировать динамические изменения рынка аутсорсинга, изучать его влияние на формирование комфортной предпринимательской среды, прогнозировать уровень самозанятости населения.

Ключевые слова: аутсорсинг, статистический анализ, инвестиционная привлекательность региона.

Введение

Термином аутсорсинг, как правило, обозначают ситуацию, когда некоторые внутренние процессы, функции или сервисы конкретной компании передаются на исполнение внешней компании.

В англоязычной литературе такая трактовка вполне однозначна [21; 27]. При этом понимается, что на внешнее исполнение могут быть переданы и некоторые процессы производства [22].

В работах отечественных авторов встречаются определения, существенно отличающиеся от представленного выше. Например, выделяют аутсорсинг функций муниципального управления [4]. В рамках классификации с экономической точки зрения выделяют аутсорсинг капитала [6].

Здесь предприятие заказчик является лишь владельцем торговой марки, но не имеет никаких производственных процессов для выпуска продукции или предоставления услуг.

В данной работе под аутсорсингом будем понимать передачу компанией-заказчиком вспомогательных бизнес-процессов, отдельных непрофильных бизнес-процессов, функций и операций внешней компании.

Использование аутсорсинга приводит к изменению правил ведения бизнеса, системы управления в компании. В настоящее время исследователи проблем региональной экономики отмечают нарастание практики передачи экономическими субъектами решения ряда своих задач третьим

лицам. Так, предприятия могут полностью переложить на другие фирмы ведение бухгалтерского учёта и отчётности, проведение рекламных кампаний, информационное обеспечение и др. [3; 7]. Принцип экономической эффективности «делать самостоятельно только то, что у других получается менее эффективно» [18], который сегодня обеспечивает развитие предпринимательства, является главным принципом аутсорсинга. Анализ экономической литературы [1; 2; 18] позволяет говорить о выделении как управленческой, так и экономической составляющих в аутсорсинге. Однако эти вопросы не являются темой данного исследования.

Несмотря на широкое внедрение аутсорсинга в хозяйственную деятельность предприятий, закономерности развития данного явления, его связи с экономическими показателями и с инвестиционной привлекательностью регионов изучены слабо.

Цель данной статьи — выявить закономерности развития аутсорсинга в регионах Дальневосточного федерального округа и регионах Восточной Сибири на основе эмпирических данных.

Актуальность исследования определяется стратегической задачей формирования комфортной предпринимательской среды в Дальневосточном и Сибирском федеральном округах с целью привлечения инвестиций и внедрения в производство инновационных технологий.

Авторы [23] полагают основной причиной возникновения аутсорсинга усложнение технологических процессов и, как следствие, резкую дифференциацию знаний и компетенций. Очевидно, что в такой ситуации топ-менеджмент не в состоянии не только проконтролировать, но и понять, насколько компетентны действия специалистов [1; 24; 25; 26; 28]. Передача

отдельных процессов и функций на исполнение внешним компаниям позволяет сосредоточиться на основной деятельности предприятия. Отсюда возникает предположение, что развитие аутсорсинга означает улучшение условий предпринимательской деятельности в регионах.

Мы полагаем, что наши исследования позволят ответить на следующие вопросы:

1. Существуют ли общие закономерности развития аутсорсинга в регионах Восточной Сибири и Дальневосточного федерального округа?
2. Связано ли развитие аутсорсинга в регионе с объёмом ВРП?
3. Связано ли количество предприятий, работающих на условиях аутсорсинга, с уровнем (рейтингом) инвестиционной привлекательности региона?
4. Возможно ли выделить виды экономической деятельности, в наибольшей степени связанные с рейтингом инвестиционной привлекательности региона?

Ответы на указанные вопросы позволяют установить связь развития аутсорсинга с условиями ведения бизнеса, выработать меры по развитию малого и среднего бизнеса в регионах.

В практической плоскости результаты наших исследований дают возможность предпринимателям определить:

- возможность передачи на аутсорсинг непрофильных функций и вспомогательных бизнес-процессов;
- востребованные виды услуг и производств на рынке аутсорсинга B2B (*business-to-business*).

Выбор объектов исследования

Объектами нашего исследования являются регионы Дальневосточного федерального округа (далее — ДФО) и регионы Восточной Сибири (Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия). Традиционно эти субъекты федера-

ции имеют тесные экономические и социально-культурные связи. Особенностью регионов являются удалённость от федерального центра, крайне неравномерное социально-экономическое развитие, малая численность населения.

Макроэкономические показатели уровня развития противоречивы. Из двенадцати рассматриваемых регионов четыре входят в первую десятку по уровню ВРП на душу населения в Российской Федерации [11; 19]. Однако в рейтингах инвестиционной привлекательности практически все исследуемые регионы отнесены к группе с пониженным потенциалом [12].

На сегодняшний день в ДФО реализуются масштабные инвестиционные проекты, успех которых во многом зависит от уровня развития предпринимательства в регионе.

Таким образом, изучение развития аутсорсинга является весьма актуальным и представляет особенный интерес для органов государственной власти и бизнес-сообщества, т.к. позволяет судить о развитии предпринимательства в целом.

Источники данных

Исследование построено на открытых общедоступных данных. Источниками данных являются «Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства», размещённый на сайте МНС РФ [5], сайт Государственного комитета статистики, сайты аналитических компаний.

Для анализа закономерностей на основе эмпирических данных в работе использовались:

1. Результаты запросов к базе данных «Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства» [2]. Результат каждого запроса представляет собой таблицу со списком предприятий выбранного региона и вида экономической деятельности. Для каждого региона выполнено

17 запросов (в соответствии с числом выделенных видов деятельности). Данные структурированы нами в соответствии с реляционной моделью данных¹.

2. Данные об основных характеристиках регионов России, включая численность населения, ВРП, среднюю начисленную заработную плату и прочее [11].

3. Рейтинг регионов России по основным характеристикам: численность населения, среднедушевые денежные доходы на душу населения, ВРП на душу населения и прочее [11].

4. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России [12].

5. Статистический отчёт «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года» (источник: Федеральная служба государственной статистики – «Росстат» [19]).

Рейтинг (макроэкономические и инвестиционные) регионов ДФО и Восточной Сибири представлен в сводной *таблице 1*.

Методы исследования

Наши исследования построены на информационных методах структурирования данных и методах прикладной статистики.

Исследование закономерностей развития аутсорсинга, взаимосвязей с уровнем экономического развития регионов осуществляется методами прикладной статистики. Анализ статистических взаимосвязей показателей построен на корреляционном анализе – рассчитывались коэффициенты корреляции Пирсона, частные коэффициенты корреляции [8].

Для оценивания влияния развития аутсорсинга на уровень инвестиционной привлекательности региона мы использовали логистические регрессии [8].

¹ См., например, материалы http://www.internet-technologies.ru/books/category_9.html

Таблица 1. Рейтинги регионов ДФО и Восточной Сибири

Регион	Место в РФ			Рейтинг инвестиционной привлекательности
	Площадь	Численность населения	ВРП на душу населения (2013)	
Республика Бурятия	14	54	65	3С1
Забайкальский край	10	48	60	3С1
Иркутская область	4	20	24	2В
Республика Саха (Якутия)	1	57	8	3В1
Камчатский край	8	78	13	3С2
Приморский край	22	25	29	3В1
Хабаровский край	3	36	21	3В1
Амурская область	13	61	44	3В2
Магаданская область	9	83	9	3С2
Сахалинская область	37	73	4	3В1
Еврейская АО	60	82	52	3С2
Чукотский АО	6	84	6	3С2

Источник: статистические отчёты Федеральной службы государственной статистики.

Данные. Выбор и предварительная обработка

В соответствии с традиционными представлениями, мы полагаем, что на аутсорсинг могут быть переданы функции и операции, относящиеся к выполнению вспомогательных рабочих и административных процессов, задачи хозяйственной деятельности. Таким образом, были выделены виды деятельности, потенциально передаваемые внешнему исполнителю (здесь и далее мы используем классификацию из «Реестра малых и средних предприятий» [5]):

1. Деятельность вспомогательная в области производства сельскохозяйственных культур и послеуборочной обработки сельхозпродукции (шифр 01.6).

2. Деятельность по складированию и хранению (шифр 52.1).

3. Деятельность по управлению компьютерным оборудованием (шифр 62.03).

4. Деятельность по обработке данных, предоставлению услуг по размещению информации и связанная с этим деятельность (шифр 63.11).

5. Деятельность холдинговых компаний (шифр 64.2).

6. Управление финансовыми рынками (шифр 66.11).

7. Деятельность по предоставлению консультационных услуг по вопросам финансового посредничества (шифр 66.19.4).

8. Деятельность по приёму платежей физических лиц платёжными агентами (шифр 66.19.6). По выбору данного вида деятельности необходим особый комментарий. Компании данного типа играют роль «фронт-офиса» при реализации товаров и услуг.

9. Деятельность в области права (шифр 69.1).

10. Деятельность по оказанию услуг в области бухгалтерского учёта (шифр 69.20.1).

11. Деятельность головных офисов (шифр 70.1). В данном случае имеется факт передачи функций административного управления внешнему исполнителю;

12. Технические испытания, исследования, анализ и сертификация (шифр 71.2).

13. Деятельность рекламная (шифр 73.1).

14. Исследование конъюнктуры рынка (шифр 73.20.1, маркетинговые исследования).

15. Деятельность по трудоустройству и подбору персонала (шифр 78).

16. Деятельность частных охранных служб (шифр 80.1, хозяйственная деятельность).

17. Деятельность по чистке и уборке (шифр 81.1, хозяйственная).

Выделенные виды деятельности наиболее очевидны, т.к. не связаны с основной деятельностью производственных предприятий или предприятий, предоставляющих услуги конечному потребителю.

Мы предположили, что на региональном уровне перечисленные виды деятельности выполняются средними или малыми предприятиями. Изучая вопрос, выяснили, что крупные игроки на рынке аутсорсинга (например, ИТ-компании, рекламные агентства, холдинги, аудиторские компании, аутсорсеры функций учёта и т.д.) не являются резидентами восточно-сибирских регионов или ДФО [13; 14; 15; 16; 17].

Исходные данные (результаты запросов к базе данных «Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства» [5]) не пригодны для проведения анализа и были предварительно обработаны. Методы обработки – сортировка, структурирование, консолидация. В результате обработки мы сформировали многомерный массив данных. Структура данных представлена на схеме (рис. 1).

Таким образом, для анализа закономерностей аутсорсинга в регионах Восточной Сибири и Дальневосточного федерального округа использованы следующие показатели:

- валовой региональный продукт (ВРП), в том числе ВРП на тысячу человек населения, ВРП на тысячу человек экономически активного населения;
- число предприятий, работающих на условии аутсорсинга (всего), в том числе, число предприятий, работающих на условии аутсорсинга в расчёте на тысячу человек населения и на тысячу человек экономически активного населения;
- общее число предприятий-аутсорсеров по видам экономической деятельности;
- рейтинги регионов по инвестиционной привлекательности [12].

Рис. 1. Структура многомерного массива данных

субъекты федерации	масштаб предприятия	вид деятельности 1	вид деятельности n	аутсорсеров Всего	численность населения	Инвестиционный рейтинг	
							
Регион (без учета адм. центра)	микро	количество предприятий							
	малые	количество предприятий								
	средние					количество предприятий				
	Административный центр	микро				предприятия	количество предприятий			
		малые								
		средние								
.....	количество предприятий				количество предприятий				
.....									
.....									
Регион (без учета адм. центра)	микро									
	малые								
Административный центр	микро									
	малые								

Источник: разработано авторами статьи.

Очевидным недостатком многомерного набора данных является отсутствие показателей объёмов выпуска и производительности труда на предприятиях, работающих на условиях аутсорсинга. Однако такие данные недоступны. Региональная статистика располагает лишь агрегированными показателями по малым и средним предприятиям по укрупнённым группам экономической деятельности [9; 10].

Результаты

Полученные массивы данных использованы для анализа различными статистическими методами. Очевидным достоинством указанных методов выступает возможность выявлять закономерности в развитии аутсорсинга и взаимосвязи с уровнем экономического развития территории даже в отсутствие детализированной информации. Достаточно интересен структурный состав предприятий в регионах по масштабу (количеству работников) и юридической форме организации. Для всех субъектов федерации характерен один и тот же структурный состав предприятий, работающих на условиях аутсорсинга. По масштабу — в подавляющем большинстве случаев это микропредприятия. По правовой форме — юридические лица. Структурный состав предприятий-аутсорсеров в регионах представлен в форме диаграмм на *рисунках 2 и 3*.

При группировке предприятий по видам деятельности закономерность в структурном составе предприятий иная. По масштабу аутсорсеры — в подавляющем большинстве случаев это также микропредприятия. Однако структурный состав по правовой форме не имеет закономерности. Для предприятий с видами деятельности «частные охранные службы» и «холдинговые компании» юридические лица

составляют более 90%, что, возможно, объясняется требованиями к лицензированию и к информационной безопасности. Для остальных видов деятельности количество юридических лиц составляет от 20 до 80% от общей численности предприятий.

Для статистического анализа закономерностей использовали три вида выборок:

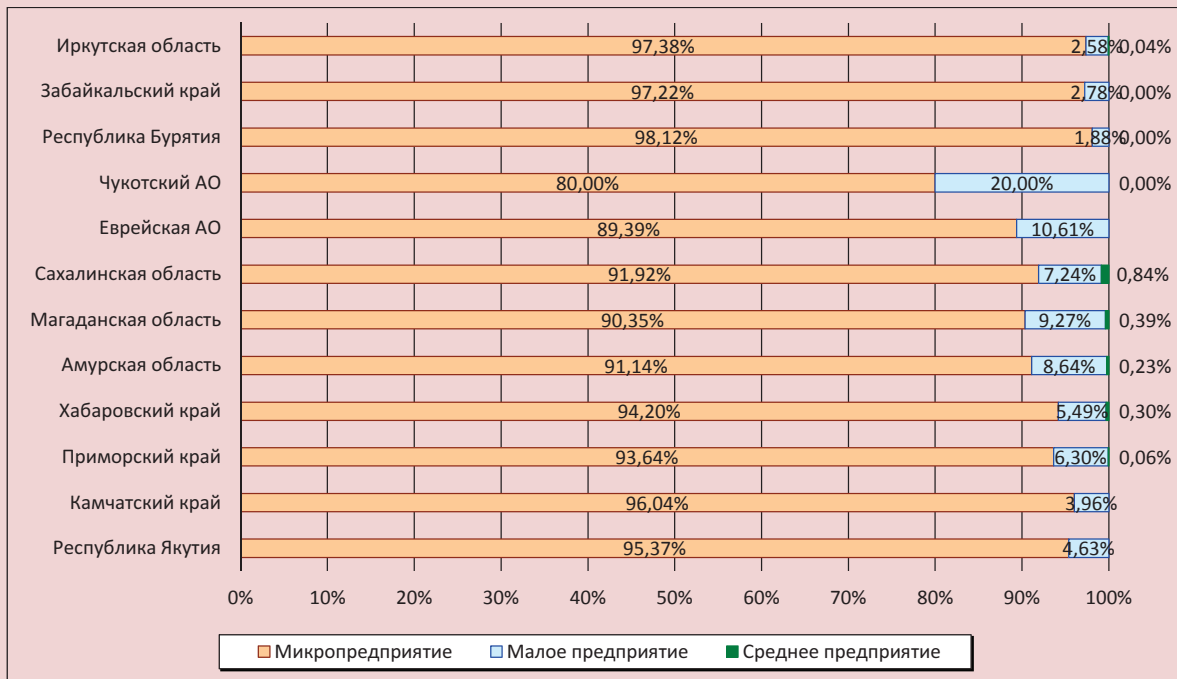
- данные по регионам в целом (рассматривалось 12 регионов, таким образом, объём выборки $N = 12$);
- данные по административным центрам регионов (далее — «столицы», объём выборки $N = 12$);
- выборка, включающая в себя данные о численности предприятий-аутсорсеров региона без учёта столичных городов и данные по столицам отдельно (объём выборки $N = 24$).

Последний вид выборок был сформирован для построения логистических моделей регрессии, т.к. малые выборки не позволяют получить статистически значимые оценки.

Значения элементов матрицы парных коэффициентов корреляции числа предприятий по видам экономической деятельности статистически значимы на уровне 0,05. Это однозначно указывает на общую закономерность развития аутсорсинга в регионе. Исключение составляет Чукотский автономный округ. Однако это вполне объяснимо, если учитывать особенные климатические условия субъекта федерации и крайне малую плотность населения.

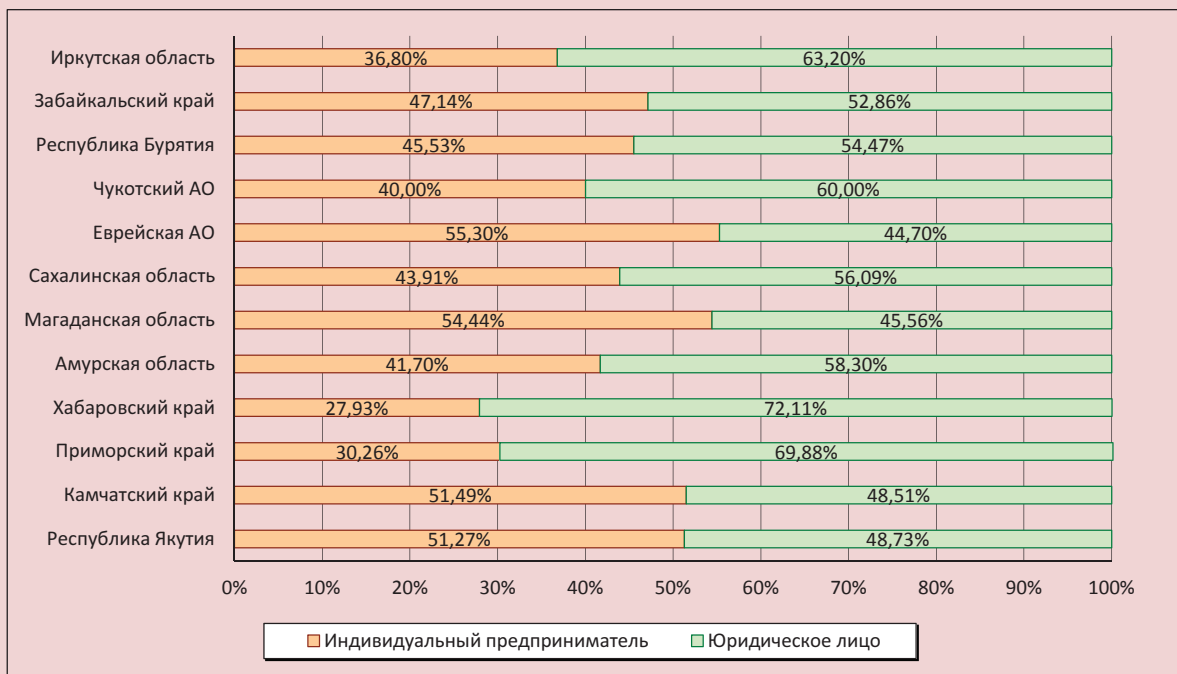
Уровень корреляционной связи между ВРП регионов как с общим числом предприятий-аутсорсеров, так с числом таких предприятий на 1 тыс. человек активного населения достаточно высок (*табл. 2*). Расчётные значения коэффициентов статистически значимы на уровне не более 0,05.

Рис. 2. Структурный состав предприятий-аутсорсеров по масштабу

Источник: рассчитано авторами на основе сформированного массива данных.

Рис. 3. Структурный состав предприятий-аутсорсеров по правовой форме

Источник: рассчитано авторами на основе сформированного массива данных.

Таблица 2. Матрица парных коэффициентов корреляции

Показатель	ВРП	Всего предприятий-аутсорсеров	Всего предприятий-аутсорсеров на тыс. чел. активного населения
ВРП	1,000		
Всего предприятий-аутсорсеров	0,783	1,000	
Всего предприятий-аутсорсеров на тыс. чел. активного населения	0,573	0,596	1,000

Источник: рассчитано авторами на основе сформированного массива данных.

Таблица 3. Матрица частных парных коэффициентов корреляции, исключённая переменная «численность населения региона»

Исключённая переменная – численность населения региона	ВРП	Всего предприятий-аутсорсеров	Всего предприятий-аутсорсеров на тыс. чел. активного населения
ВРП	1,000		
Всего предприятий-аутсорсеров	0,326	1,000	
Всего предприятий-аутсорсеров на тыс. чел. активного населения	0,438	0,697	1,000

Источник: рассчитано авторами на основе сформированного массива данных.

Однако выборки данных, которыми мы располагаем, не позволяют сделать однозначные выводы о характере причинно-следственных связей между показателями. Более того, высокий уровень корреляционной связи (78%) между ВРП и общим числом предприятий, работающих на условиях аутсорсинга, вызвал наши опасения. Подавляющее большинство предприятий в наших выборках являются микропредприятиями (см. диаграммы на рисунках 2 и 3) и не могут существенным образом влиять на уровень валового выпуска предприятий в регионах. Мы предположили, что высокий уровень корреляционной связи между показателями может быть следствием численности населения. Наша гипотеза подтвердилась. При расчёте коэффициентов частной корреляции с исключаемой переменной «численность населения» стало очевидно, что корреляционная связь с ВРП регионов статистически не значима (табл. 3). Следовательно, число аутсорсеров не связано статистически с уровнем ВРП в регионе.

Расчётные значения коэффициентов корреляции с показателем ВРП статистически не значимы.

Для проверки гипотезы о существовании закономерности, связывающей численность предприятий-аутсорсеров с рейтингом инвестиционной привлекательности региона, использовали модель регрессии специального вида – *logit*-модель.

Особенность данной модели состоит в том, что зависимая переменная является бинарной (принимает либо значение 1, либо значение 0). В нашем случае в бинарном виде представлены рейтинги инвестиционной привлекательности регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. С учетом того, что в целом уровни регионов в рейтинге инвестиционной привлекательности достаточно низкие, в бинарном варианте значения рейтинга ниже 3В1 приняты за ноль, соответственно равные или выше данного уровня приняты за единицу (см. табл. 1).

Из парного логистического регрессионного анализа были получены следующие результаты.

Показатель «Общая численность предприятий-аутсорсеров» статистически значимо связана с рейтингом региона по инвестиционной привлекательности. Предсказание рейтинга не идеально, ошибки в 3 случаях из 24 (более 12%). Значение псевдокоэффициента детерминации составляет $R^2 = 0,63$.

Показатель «Число предприятий с основным видом деятельности «исследование рынка» в качестве фактора даёт несколько худший результат предсказания рейтинга. Ошибки в 4 случаях из 24 (17%). Однако значение псевдокоэффициента детерминации несколько выше – $R^2 = 0,69$.

К другим показателям, классифицирующим уровень инвестиционной привлекательности региона, относятся предприятия с видами деятельности: 52.1 (Деятельность по складированию и хранению), 78 (Деятельность по трудоустройству и подбору персонала).

Следует отметить, что практически все показатели численности предприятий-аут-

сорсеров оказались статистически значимыми при построении *logit*-регрессий с одной переменной. Однако эти парные модели дают существенно худший результат предсказаний, хотя факторы статистически значимы.

Исключения составляют показатели численности предприятий с видами деятельности: 66.19.6 (Деятельность по приёму платежей физических лиц платёжными агентами), 66.11 (Управление финансовыми рынками). Численность предприятий с данными видами деятельности не связана статистически с уровнем инвестиционной привлекательности региона. Детально результаты по всем моделям представлены в *таблице 4*.

Все перечисленные в таблице факторы статистически значимы при «предсказании» места региона в рейтинге инвестиционной привлекательности. А это означает, что компании в более развитых регионах совершенствуют систему управления, в том числе передавая на внешнее исполнение вспомогательные и административные процессы и функции.

Таблица 4. Результаты оценки логистических моделей

Фактор	Доля ошибок	R^2	Значимость фактора – p-value
Число предприятий-аутсорсеров, всего	12% (3 из 24)	63%	0,012
Число предприятий 73.20.1 «исслед. рынка»	17% (4 из 24)	69%	0,022
Число предприятий 73.1 «реклама»	30%	50%	0,025
Число предприятий 52.1 «склад»	13%	66%	0,098
Число предприятий 70.1 «головной офис»	21%	51%	0,052
Число предприятий 81.2 «клининг»	25%	33%	0,051
Число предприятий 63.11 «обработка данных»	30% (7 из 24)	32%	0,018
Число предприятий 66.19.4 «финансовые консультации»	30% (7 из 24)	40%	0,021
Число предприятий 69.10 «юридические услуги»	25%	54%	0,019
Число предприятий 78 «подбор персонала»	13%	66%	0,012
Число предприятий 71.20 «технические испытания и сертификация»	21%	60%	0,014
Число предприятий 80.1 ЧОП	17% (4 из 24)	57%	0,008

Источник: рассчитано авторами на основе сформированного массива данных.

Выводы

Таким образом, результаты моделирования позволяют сформулировать ответы на вопросы, поставленные во введении.

Анализ статистических данных указывает на общие закономерности развития аутсорсинга в регионах ДФО и Восточной Сибири. Этот вывод подтверждается результатами корреляционного анализа и анализом структурного состава предприятий.

Несмотря на существенное количество предприятий, работающих на условиях аутсорсинга, их численность не связана с уровнем ВРП, а является лишь следствием численности населения в целом и численности экономически активного населения в частности. Отсюда очевидно, что внедрение аутсорсинга в экономическую практику в регионах ДФО и Восточной Сибири не оказывает существенного влияния на макроэкономические показатели. Отсутствие среди региональных аутсорсинговых компаний крупных игроков не позволяет им составить конкуренцию филиалам московских компаний.

В то же время результаты наших исследований позволяют утверждать, что использование аутсорсинга является индикатором инвестиционной привлекательности регионов. Присутствие в регионе специализированных аналитических компаний («исследование рынка») и компаний с профилем деятельности «технические испытания, исследования, сертификация» однозначно связано с более высоким уровнем региона в рейтинге инвестиционной привлекательности. Логистические модели с числом компаний данного типа в качестве фактора дают наименьшее число ошибок в «предсказании» рейтинга инвестиционной привлекательности региона, факторы имеют статистическую значимость на уровне 2% (см. табл. 4). Данный результат

косвенным образом подтверждает нашу гипотезу о том, что основной причиной развития аутсорсинга является дифференциация знаний и компетенций.

Итогом проведённых исследований являются результаты, которые имеют как теоретическую, так и практическую значимость и которые могут быть интересны как для бизнес-среды, так и для исследователей в области экономики и предпринимательства.

Теоретическое значение имеют выявленные закономерности развития аутсорсинга в ДФО и регионах Восточной Сибири. Установлено, что развитие аутсорсинга в данных регионах имеет общие закономерности, не зависящие от уровня экономического развития и инвестиционного рейтинга. Установлено, что использование аутсорсинга в производственной деятельности не оказывает влияния на уровень ВРП. В то же время данное исследование показало, что количество предприятий, работающих на условиях аутсорсинга, является индикатором инвестиционной привлекательности региона.

Для реального бизнеса представленные нами результаты позволяют изучить структуру рынка аутсорсинга, оценить возможности передачи функций и процессов на внешнее исполнение.

Разработанная нами структура данных является основой для организации мониторинга рынка аутсорсинга в регионах, т.к. организация такой системы хранения данных статистических наблюдений позволяет:

- регистрировать динамические изменения рынка аутсорсинга;
- изучать влияние аутсорсинга на формирование комфортной предпринимательской среды и инвестиционной привлекательности регионов;
- прогнозировать уровень самозанятости населения.

В целом наши исследования подтвердили, что внедрение аутсорсинга является показателем уровня развития как предпринимательской среды, так и самозанятости населения. Однако использование аутсорсинга в производственной деятельности

предприятий не оказывает существенного влияния на экономические показатели регионов ДФО и Восточной Сибири. Перспективы развития видятся нам в укрупнении предприятий-аутсорсеров и в совершенствовании используемых технологий.

Литература

1. Аутсорсинг бизнес-процессов. Советы финансового директора [Текст] / С. Клементс и др.; под общ. ред. В.В. Голда. – М.: Вершина, 2006. – 416 с.
2. Бравар, Ж.-Л. Эффективный аутсорсинг. Понимание, планирование и использование успешных аутсорсинговых отношений [Текст] / Ж.-Л. Бравар, Р. Морган. – М.: Баланс Бизнес Букс, 2007. – 475 с.
3. Васильев, А.С. Проблемы и перспективы аутсорсинга бухгалтерского учёта в России [Текст] / А.С. Васильев, Т.В. Миргородская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 1-2 (32). – С. 19-21.
4. Дубинин, М.А. Аутсорсинг функций местного самоуправления [Текст] / М.А. Дубинин, П.М. Советов // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – Вып. 44. – С. 67-72.
5. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] – URL: <https://rmsp.nalog.ru/sign-in.html>
6. Котляров, И.Д. Взаимодействие предприятий при аутсорсинге: экономические, организационные и финансовые аспекты [Текст] / И.Д. Котляров. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 136-143.
7. Крамских, А.С. Бухгалтерский аутсорсинг в России [Текст] / А.С. Крамских, И.В. Овчинникова, Е.В. Останина, С.Р. Симонян // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2015. – № 1 (107). – С. 146-150.
8. Магнус, Я.Р. Эконометрика. Начальный курс [Текст]: учебное пособие. – 5-е изд., испр. / Я.Р. Магнус, П.К. Катышев, А.А. Пересецкий. – М.: Дело, 2008. – 247 с.
9. Малое и среднее предпринимательство в России 2015 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/mal-pred15.pdf.
10. Малый и средний бизнес в России. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog
11. Основные характеристики субъектов Российской Федерации / Официальная статистика [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс] – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138625359016
12. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2016 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт». – URL: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab01/.
13. Российские юридические компании [Электронный ресурс] / Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт». – URL: <http://raexpert.ru/ratings/jurist/2006/>
14. Рэнкинг крупнейших компаний в области аутсорсинга учётных функций по итогам 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт» – (<http://raexpert.ru/rankingtable/outsourcing/2014/main/>).
15. Рэнкинг УК² по итогам 3 квартала 2016 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт». – URL: http://raexpert.ru/rankingtable/managing/uk_3q_2016/main/

² Управление финансами.

16. Список крупнейших ИТ-компаний, 2015 год [Электронный ресурс] / Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт» – URL: <http://raexpert.ru/rankingtable/it/2015/tab04/>
17. Список крупнейших консалтинговых групп России по итогам 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт». – URL: <http://raexpert.ru/rankingtable/consult/2015/main/>
18. Хейвуд, Дж.Б. Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ [Текст] / Дж.Б. Хейвуд. – М.: Вильямс, 2002. – 176 с.
19. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce
20. Christensen, J. The decision to outsource risk management services [Text] / J. Christensen, P. Kent, T. Smith. // Accounting and Finance. – Volume 56. – Issue 4, 1 December 2016. – Pp. 985-1015.
21. Gartner IT Key Metrics Data 2015 IT outsourcing summary report [Electronic resource] – URL: <http://www.gartner.com/technology/consulting/surveys/>
22. Kazmer, D.O. Manufacturing outsourcing, on shoring, and global equilibrium (Article) [Electronic resource] / D.O. Kazmer. // Business Horizons. – Volume 57. – Issue 4, July 2014. – Pages 463-472. – URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/>
23. Kriger, A.B. Information Technology Outsourcing Trends at Higher Education of the Russian Far Eastern in the context of global tendencies in Information Technology outsourcing [Electronic resource] / A.B. Kriger, V.V. Ivin and other // Journal of Internet Banking and Commerce. – Volume 21, Issue 2. – URL: <http://www.icommercecentral.com/ArchiveJIBC/currentissue-internet-banking-and-commerce.php>
24. Rosar, F. Strategic outsourcing and optimal procurement [Text] / F. Rosar // International Journal of Industrial Organization. – Volume 50, 2017. – Pp. 91-130.
25. Schneider, S. Determinant factors of cloud-sourcing decisions: Reflecting on the IT outsourcing literature in the era of cloud computing [Text] / S. Schneider, A. Sunyaev. // Journal of Information Technology. – Volume 31. – Issue 1, 1 March 2016. – Pp. 1-31.
26. Selviaridis, K. Contract functions in service exchange governance: evidence from logistics outsourcing / K. Selviaridis // Production Planning and Control. – Volume 27. – Issue 16, 9 December 2016. – Pp. 1373-1388.
27. Trends and Opportunities for Higher Education IT with Scott Hess [Electronic resource] – URL: <https://www.huronconsultinggroup.com/Company/MediaCenter/NewsandEvents/Events/HuronWebinarTrendsandOpportunitiesforHigherEducationIT>
28. Wang, J. Towards achieving flexible and verifiable search for outsourced database in cloud computing [Text] / Jianfeng Wang, Xiaofeng Chen, Jin Li, Jiaolian Zhao, Jian Shen. // Future Generation Computer Systems. – Volume 67, February 2017. – Pp. 266-275.

Сведения об авторах

Александра Борисовна Кригер – доцент, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Школа экономики и менеджмента (Российская Федерация, 690922, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ; e-mail: alkr01@mail.ru)

Вячеслав Вадимович Ивин – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Дальневосточный федеральный университет, Школа экономики и менеджмента (Российская Федерация, 690922, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ; e-mail: vv_ivin@mail.ru)

Kriger A.B., Ivin V.V.

Application of Outsourcing in the Regions of Eastern Siberia and the Far Eastern Federal District

Abstract. Outsourcing is currently common in Russian business practice. The use of outsourcing changes the system of management in a company and affects its performance indicators. The aim of this study is to identify patterns in the development of outsourcing in regions of the Far Eastern Federal District and Eastern Siberia on the basis of empirical data. Despite the widespread introduction of outsourcing in the activities of enterprises, the patterns of development of this phenomenon at the regional level, its relationship with economic indicators and investment attractiveness of the regions are not studied sufficiently. The relevance of the study is determined by the strategy of improving the business environment in the regions with the aim of attracting investment and implementation of innovative technology. Our research is built on the information methods of data structuring and correlation and regression analysis. We selected activities that are transferred to outsourcing and developed a structure of a multidimensional data array that helps apply various methods of analytical data processing. We revealed patterns in the development of outsourcing in the regions. The patterns are formulated on the basis of the analysis of the structural composition of enterprises, the results of correlation analysis and estimates of logistic regression models. The obtained results have both theoretical and practical significance; they are interesting for the business environment and for researchers in economics and entrepreneurship. Of theoretical importance are the regularities of development of outsourcing in the Far Eastern Federal District and East Siberia. We point out that the development of outsourcing in these regions has common patterns that do not depend on the level of economic development and investment rating. Our research reveals that the use of outsourcing in production activities has no effect on the level of gross regional product. At the same time, it is shown that the number of companies operating in the outsourcing indicates the investment attractiveness of the region. As for real business, the results that we present can be useful in studying the structure of the outsourcing market and in assessing the possibility of transferring the functions and processes to external execution. The data structure that we have developed is the basis for organizing the monitoring of the outsourcing market in the regions. The organization of such a system for storing the data of statistical observations makes it possible to record dynamic changes in the outsourcing market, to study its influence on the formation of a comfortable business environment, and to predict the level of self-employment.

Key words: outsourcing, statistical analysis, investment attractiveness of the region

References

1. Klements S. et al. *Autsorsing biznes-protsessov. Sovety finansovogo direktora* [CFO Insights: Achieving High Performance Through Finance Business Process Outsourcing]. Moscow: Verzhina, 2006. 416 p. (In Russian).
2. Bravar J.L., Morgan R.R. *Effektivnyi autsorsing. Ponimanie, planirovanie i ispol'zovanie uspekhnykh autsorsingovykh otnoshenii* [Effective Outsourcing. Understanding, Planning and Use of Successful Outsourcing Relationship]. Moscow: Balans Biznes Buks, 2007. 475 p. (In Russian).
3. Vasil'ev A.S., Mirgorodskaya T.V. Problemy i perspektivy autsorsinga bukhgalterskogo ucheta v Rossii [Problems and prospects of outsourcing of accounting in Russia]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2015, no. 1-2 (32), pp. 19-21. (In Russian).
4. Dubinin M.A., Sovetov P.M. *Autsorsing funktsii mestnogo samoupravleniya* [Outsourcing of local government functions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes in the region: facts, trends, forecast], 2008, no. 44, pp. 67-72. (In Russian).

5. *Edinyi reestr sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva* [The unified register of subjects of small and medium entrepreneurship]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/sign-in.html> (In Russian).
6. Kotlyarov I.D. Vzaimodeistvie predpriyatii pri outsorsinge: ekonomicheskie, organizatsionnye i finansovyе aspekty [Outsourcing as a specific form of inter-firm cooperation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2 (14), pp. 136-143. (In Russian).
7. Kramskikh A.S., Ovchinnikova I.V., Ostanina E.V., Simonyan S.R. Bukhgalterskii outsorsing v Rossii [Accounting outsourcing in Russia]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Kuzbass State Technical University], 2015, no. 1 (107), pp. 146-150. (In Russian).
8. Magnus Ya.R., Katyshev P.K., Peresetskii A.A. *Ekonometrika. Nachal'nyi kurs: Uchebnoe posobie* [Econometrics. Introductory course: textbook]. 5th edition, revised. Moscow: Delo, 2008. 247 p. (In Russian).
9. *Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii 2015: statisticheskii sbornik* [Small and medium entrepreneurship in Russia 2015: statistics collection]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/mal-pred15.pdf (In Russian).
10. *Malyi i srednii biznes v Rossii. Ofitsial'naya statistika* [Small and medium business in Russia. Official statistics]. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* [Official website of the Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog (In Russian).
11. *Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. Ofitsial'naya statistika* [Main characteristics of constituent entities of the Russian Federation. Official statistics]. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* [Official website of the Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138625359016 (In Russian).
12. *Reiting investitsionnoi privlekatel'nosti regionov 2016 goda* [The rating of investment attractiveness of regions 2016]. *Ofitsial'nyi sait Reitingovogo agentstva "Ekspert"* [Official website of the Rating Agency "Expert"]. Available at: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab01/ (In Russian).
13. *Rossiiskie yuridicheskie kompanii* [Russian law companies]. *Ofitsial'nyi sait Reitingovogo agentstva "Ekspert"* [Official website of the Rating Agency "Expert"]. Available at: <http://raexpert.ru/ratings/jurist/2006/> (In Russian).
14. *Renking krupneishikh kompanii v oblasti outsorsinga uchetykh funktsii po itogam 2014 goda* [The ranking of the largest companies in the field of outsourcing of accounting functions by the end of 2014]. *Ofitsial'nyi sait Reitingovogo agentstva "Ekspert"* [Official website of the Rating Agency "Expert"]. Available at: <http://raexpert.ru/rankingtable/outsourcing/2014/main/> (In Russian).
15. *Renking UK po itogam 3 kvartala 2016 goda* [The ranking of management companies by the 3rd quarter of 2016]. *Ofitsial'nyi sait Reitingovogo agentstva "Ekspert"* [Official website of the Rating Agency "Expert"]. Available at: http://raexpert.ru/rankingtable/managing/uk_3q_2016/main/ (In Russian).
16. *Spisok krupneishikh IT-kompanii, 2015 god* [The list of major IT companies, 2015]. *Ofitsial'nyi sait Reitingovogo agentstva "Ekspert"* [Official website of the Rating Agency "Expert"]. Available at: <http://raexpert.ru/rankingtable/it/2015/tab04/> (In Russian).
17. *Spisok krupneishikh konsaltingovykh grupp Rossii po itogam 2015 goda* [The list of the largest consulting groups in Russia by the end of 2015]. *Ofitsial'nyi sait Reitingovogo agentstva "Ekspert"* [Official website of the Rating Agency "Expert"]. Available at: <http://raexpert.ru/rankingtable/consult/2015/main/> (In Russian).
18. Heywood J.B. *Autsorsing: v poiskakh konkurentnykh preimushchestv* [The Outsourcing Dilemma: The Search for Competitiveness]. M: Vil'yams, 2002. 176 p. (In Russian).
19. *Chislennost' naseleniya Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam* [The population of the Russian Federation broken down by municipalities]. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* [Official website of the Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (In Russian).
20. Christensen J., Kent P., Smith T. The decision to outsource risk management services. *Accounting and Finance*, 2016, vol. 56, no. 4, December 1, pp. 985-1015.
21. *Gartner IT Key Metrics Data 2015 IT outsourcing summary report*. Available at: <http://www.gartner.com/technology/consulting/surveys/>

22. Kazmer D.O. Manufacturing outsourcing, on shoring, and global equilibrium (Article). *Business Horizons*, 2014, vol. 57, no. 4, July, pp. 463-472. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/>
23. Kriger A.B., Ivin V.V. et al. Information technology outsourcing trends at higher education of the Russian Far Eastern in the context of global tendencies in information technology outsourcing. *Journal of Internet Banking and Commerce*, vol. 21, no. 2. Available at: <http://www.icommercecentral.com/ArchiveJIBC/currentissue-internet-banking-and-commerce.php>
24. Rosar F. Strategic outsourcing and optimal procurement. *International Journal of Industrial Organization*, 2017, vol. 50, pp. 91-130.
25. Schneider S., Sunyaev A. Determinant factors of cloud-sourcing decisions: Reflecting on the IT outsourcing literature in the era of cloud computing. *Journal of Information Technology*, 2016, vol. 31, no. 1, March 1, pp. 1-31.
26. Selviaridis K. Contract functions in service exchange governance: evidence from logistics outsourcing. *Production Planning and Control*, 2016, vol. 27, no. 16, December 9, pp. 1373-1388.
27. *Trends and Opportunities for Higher Education IT with Scott Hess*. Available at: <https://www.huronconsultinggroup.com/Company/Media Center/News and Events/Events/Huron Webinar Trends and Opportunities for Higher Education IT>
28. Jianfeng Wang, Xiaofeng Chen, Jin Li, Jiaolian Zhao, Jian Shen Towards achieving flexible and verifiable search for outsourced database in cloud computing. *Future Generation Computer Systems*, 2017, vol. 67, February, pp. 266-275.

Information about the Authors

Aleksandra Borisovna Kriger – Associate Professor, Ph.D. in Physics and Mathematics, Department of Business Informatics and Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (10, FEFU Campus, Ajax Bay, Russky Island, Primorsky Krai, 690922, Russian Federation; e-mail: alkr01@mail.ru)

Vyacheslav Vadimovich Ivin – Associate Professor, Ph.D. in Economics, Department of Business Informatics and Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (10, FEFU Campus, Ajax Bay, Russky Island, Primorsky Krai, 690922, Russian Federation; e-mail: vv_ivin@mail.ru)

Статья поступила 20.01.2017.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.5

УДК 334.012.64, ББК 65.290.31

© Кремин А.Е., Гулин К.А.

Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона

**Александр Евгеньевич
КРЕМИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, 56а
E-mail: akremin@inbox.ru

**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, 56а
E-mail: gil@vscc.ac.ru

Аннотация. В социально-экономическом развитии территориальных образований особую роль играет малый бизнес. Основной и характерной особенностью функционирования его субъектов является реализация ресурсного потенциала локальной территории. Однако вопросы, связанные с управлением данным сектором экономики, в рамках отдельных муниципалитетов остаются недостаточно проработанными. Исходя из этого цель исследования заключается в разработке организационно-экономического механизма управления функционированием малого бизнеса, обеспечивающего выполнение программных мероприятий по активизации функционирования

Для цитирования: Кремин, А.Е. Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона / А.Е. Кремин, К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 94-110. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.5

For citation: Kremyn A.E., Gulin K.A. Managing the functioning of small business at the municipal level as a driver of regional economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 94-110. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.5

МП региона на муниципальном уровне. Для ее достижения были поставлены задачи по разработке рекомендаций касательно стимулирования деятельности малых форм организаций с помощью программных мероприятий и организационно-экономического механизма, обеспечивающего их реализацию, а также рекомендации по расчету их экономического эффекта. Методологические подходы к исследованию базируются на общенаучных (сравнение, обобщение, анализ, синтез) и статистических (корреляционный, регрессионный анализ) методах. В их теоретико-методологическую основу легли труды отечественных (А.И. Агеев, А.П. Асаул, М.Г. Лапуста, Ю.Л. Старостин и др.) и зарубежных (Р. Кантильон, Й. Майер-Стемер, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сей, Й. Шумпетер) ученых в области региональной экономики, в части управления сектором малого предпринимательства. Результаты проведенного исследования подтверждают необходимость разработки оптимального подхода к организации взаимоотношений малого бизнеса и властных структур именно на муниципальном уровне. В связи с этим были разработаны и предложены методические рекомендации по составлению программ, направленных на активизацию функционирования малого предпринимательства, для различных типов муниципальных образований, выделенных на основе применения ранее разработанной авторами методики оценки функционирования малого бизнеса на муниципальном уровне. Для обеспечения их реализации был разработан также организационно-экономический механизм управления функционированием малого предпринимательства. Расчет результативности реализации представленных рекомендаций на примере Вологодской области показал, что их реализация позволит увеличить самостоятельность местных бюджетов, высвободив при этом средства регионального бюджета в последующем финансовом году в размере 52% от суммы финансирования проекта (409,5 млн. руб.). Материалы статьи могут быть использованы региональными и муниципальными органами власти и управления при определении дальнейшей стратегии и разработке программ развития территорий.

Ключевые слова: малый бизнес; предпринимательство; региональная экономика; муниципальные образования; механизм управления; собственные доходы местных бюджетов, система активизации деятельности.

Введение

Современный этап развития экономики в России и ее регионах связан с поиском новых моделей, форм и методов обеспечения социально-экономического роста, повышения инновационного потенциала и конкурентоспособности экономики в мировом хозяйстве [10]. Активизация экономической деятельности субъектов малого бизнеса (МП) является одной из важнейших проблем модернизации российской экономики [8]. Без повышения эффективности деятельности МП невозможно преодолеть спад производства, достичь финансовой стабилизации, подъема экономики, повышения качества

жизни населения как в стране в целом, так и на ее локальных территориях.

В настоящее время сложилась двойственная точка зрения в отношении развития экономических систем, в частности малого бизнеса. Сторонники неоклассической теории (Т. Бартик [18], Д. Стори [25], Л. Вэбстер [26], Хемилтон [22], А. Шлейфер и др.) придерживались принципа экономического либерализма, принципа свободной конкуренции. Зависимость от таких факторов, как человеческий капитал, безработица, отраслевая структура экономики, производственная и рыночная инфраструктура, способствует самостоятельному развитию и саморегулированию

исследуемого сектора экономики, поэтому государство не должно вмешиваться в процесс гармонизации данных экономических процессов. Однако такой подход работает в обществе, привыкшем к жёсткой индивидуальной конкуренции. В странах с переходной экономикой свободный рынок приводит к обнищанию огромного количества людей и невиданному обогащению крупных корпораций, вызывающим маргинализацию части населения.

Противоположная точка зрения, связанная с кейнсианской теорией, подразумевает участие государства во всех экономических процессах. По мнению ее сторонников, «общество потребления» развивает экономический дисбаланс, направляя слишком много ресурсов на производство потребительских товаров и недостаточно – на общественные нужды и инфраструктуру. Исходя из этого исследователи, разделяющие основные положения данной теории (П. Джонсон, Б. Мокри [23], Ф. Найт, Й. Шумпетер, У. Баумоль [9; 15; 19]), указывают на то, что исследуемый сектор экономики нуждается в направлении и эффективном распределении предпринимательского потенциала для увеличения производительности общества и объема инноваций. Поэтому в ряд главных причин, влияющих на функционирование субъектов малого предпринимательства, были добавлены институциональные и административные факторы.

На основе результатов исследования, опубликованного ранее [5], были получены выводы о необходимости не только создавать условия для самостоятельного развития предпринимательских структур, но и оказывать различного рода управленческое воздействие, направленное на стимулирование отдельных отраслей и видов деятельности.

Учитывая существующую динамику и выявленные проблемы развития малого бизнеса [7], можно прийти к заключению о существовании потребности в разработке организационно-экономического механизма управления его функционированием, позволяющего реализовать мероприятия, направленные на его активизацию на муниципальном уровне. Этим подтверждается актуальность данного исследования.

Его цель заключается в разработке подобного механизма. Для ее достижения, на основе разработанной ранее методики оценки функционирования МП на муниципальном уровне, были сформированы рекомендации по стимулированию деятельности малых форм организаций посредством реализации программных мероприятий на территории муниципальных районов и городских округов, разработан механизм, обеспечивающий их реализацию, а также рассчитан их экономический эффект.

Актуальность исследования

Основным фактором, определяющим результативность управления экономической системой, является качество взаимодействия между ее элементами. На наш взгляд, оптимальным решением должна выступать модель косвенного воздействия на малое предпринимательство через улучшение условий ведения экономической деятельности для всех субъектов предпринимательского сектора при одновременной реализации различных мероприятий по активизации их деятельности с учетом имеющихся проблем и потребностей.

По данным отчета акционерного общества «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» (МСП Банк), опубликованного в 2015 г., выделяют 11 основных видов поддержки, оказываемой органами власти различных стран. Сравнение в них способов управле-

ния развитием малого предпринимательства и его поддержки показывает со всей очевидностью необходимость расширения финансового поля поддержки малых бизнес-структур. Это видно из опыта Канады, Швейцарии, Великобритании и других стран.

Принятие Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ положило начало государственной поддержке и управленческому воздействию на исследуемый сектор экономики. Однако результаты реализации принятых программ не свидетельствуют об их достаточной эффективности [7].

По сравнению с 2008 г. количество организаций в 2014 г. увеличилось на 34%, а число зарегистрированных физических лиц, занятых предпринимательской деятельностью, сократилось на 9,1%. За указанный период наблюдался также рост средней численности занятых в секторе малого предпринимательства и его доли в структуре занятых в экономике (на 1,9% и 2,4 п.п. соответственно). Однако, несмотря на рост количества субъектов малого предпринимательства, их товарооборот имеет устойчивую тенденцию к снижению. В 2011–2014 гг. он сократился (в сопоставимых ценах 2014 г.) с 28,8 до 26,4 трлн. руб. (или на 8,3%), а его доля в обороте всех организаций уменьшилась с 22,6 до 20,4%. В итоге за четыре года оборот одной малой организации в среднем снизился с 15,6 до 12,6 млн. руб. (в сопоставимых ценах 2014 года). Таким образом, результатом государственного управления исследуемым сектором экономики стало его количественное увеличение, а не развитие.

Анализ научной литературы, посвященной функциям и роли малого предпринимательства в экономике страны [1; 3; 16; 21],

позволил сделать вывод о его наибольшем влиянии на экономику муниципальных образований, так как его функционирование создает предпосылки для ускоренного экономического роста локальных территорий, способствует развитию и насыщению местных рынков, позволяя вместе с тем компенсировать издержки рыночной экономики (безработица, конъюнктурные колебания, кризисные явления), реализовывать ресурсный потенциал территории, способствуя росту уровня ее социально-экономического развития.

Изучение опыта государственного управления развитием малого предпринимательства на муниципальном уровне показало, что в современных условиях существует большое количество различных моделей взаимодействия между малым бизнесом и органами местного самоуправления, обладающих как преимуществами, так и недостатками. Таким образом, необходима разработка оптимального подхода к организации взаимоотношений властных структур муниципального уровня и сектора малого бизнеса, а также системы мер поддержки, стимулирующей эффективное функционирование субъектов МП локальных территорий.

Методы исследования

Методологические подходы к исследованию базируются на общенаучных (сравнение, обобщение, анализ, синтез) и статистических (корреляционный, регрессионный анализ) методах.

В ходе исследования был использован метод экономико-математического моделирования, что позволило установить линейную зависимость характера функционирования малого предпринимательства от различных факторов и выявить его влияние на финансовую самостоятельность муниципальных образований.

С помощью метода средних величин были определены средние значения показателей функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне по стране за 2009 – 2014 годы, на основе чего, на примере Вологодской области, проведена типологизация муниципальных образований по качеству функционирования малого предпринимательства на исследуемой территории.

Труды отечественных (А.И. Агеев, А.П. Асаул, М.Г. Лапуста, Ю.Л. Старостин и др.) и зарубежных (Р. Кантильон, Й Майер-Стемер, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сей, Й. Шумпетер) ученых в области региональной экономики, в части управления сектором малого предпринимательства, послужили теоретико-методологической базой при разработке и обосновании как программных мероприятий, так и организационно-экономического механизма управления функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне.

Результаты исследования

Анализ доклада Министерства экономического развития к заседанию Государственного совета Российской Федерации «О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» показал, что в настоящий момент на территории большинства муниципальных образований осуществляются программы развития и поддержки малого бизнеса. В свою очередь, программы развития, принятые на муниципальном уровне, также имеют высокую степень разрозненности в рамках одного региона и зачастую носят формальный характер¹. Анализ программ развития бизнеса, действующих на территории муниципальных образований-

¹ К примеру, средняя сумма финансирования программы развития малого и среднего предпринимательства на территории Сямженского района Вологодской области составила в среднем 10 тыс. руб. в год за 2010–2016 гг.

лидеров (по версии Агентства стратегических инициатив в 2015 г.) различных регионов РФ, по таким критериям, как виды поддержки, источники финансирования, наличие развитой инфраструктуры поддержки, объем и доля затрат администрации муниципального образования на поддержку МП в общем количестве затрат на нужды национальной экономики, позволил сделать следующие выводы:

1. Грантовая поддержка, осуществляемая в муниципальных образованиях и направленная на увеличение численности малых организаций, не привела к увеличению уровня их распространенности.

2. Субсидирование различных затрат малых предприятий и предоставление гарантийной поддержки со стороны муниципальных органов власти для получения дополнительных финансовых средств также не привели к планируемому результату.

3. В исследуемых районах-лидерах с относительно невысоким объемом финансирования мероприятий по поддержке малого бизнеса основная деятельность органов муниципального самоуправления направлена на создание благоприятной предпринимательской и инвестиционной среды для субъектов МП с целью их эффективного функционирования и дальнейшего развития. Эта деятельность осуществляется по следующим направлениям: снижение административных барьеров; предоставление льгот для предпринимателей по приоритетным видам деятельности; повышение качества консультационных услуг по вопросам развития малых организаций; осуществление мероприятий для стимулирования деятельности отдельных отраслей экономики; организация системы государственного и муниципального заказа и т.д. Наличие положительного опыта использования соответствующих мер на муниципальном уровне подтверждается их эффективностью.

Результаты анализа муниципальных программ развития и поддержки малого предпринимательства, принятых на территории Вологодской области, указывают на низкую эффективность их реализации в большинстве муниципалитетов и на фактическое отсутствие заинтересованности органов местного самоуправления в развитии малого бизнеса. Стоит отметить, что в районах, в которых отсутствуют инфраструктура развития МП и дополнительные виды его поддержки со стороны органов местного самоуправления, наблюдается увеличение основных показателей деятельности малого предпринимательства, вследствие распределения муниципального бюджета по другим направлениям стимулирования деятельности отраслей экономики. Этим подтверждается возможность использования модели косвенного содействия процессам активизации функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне как оптимального варианта управления исследуемым сектором экономики.

Для реализации предлагаемой модели необходимо осуществить разработку или доработку действующих целевых муниципальных программ развития малого бизнеса. Основная их цель должна заключаться в создании благоприятных условий для активизации функционирования субъектов малого предпринимательства на территории муниципального образования региона, чтобы повысить доходность местных бюджетов за счет собственных средств. Задачи программ могут различаться по причине специфик и социально-экономических проблем территорий.

Для их выявления была использована ранее разработанная авторами методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне, позволяющая определить тенденции

его функционирования и произвести группировку МО по отдельным параметрам, тем самым обеспечив возможность разработки комплекса мероприятий по решению специфических проблем каждой группы [4]. На основе данной методики муниципальные образования региона типологизированы по трем блокам интегрального показателя функционирования малого предпринимательства. Путем распределения результатов расчета показателей относительно средних значений каждого блока по стране за 2009 – 2014 гг., принятых за критическую границу оценки, получено 8 типов муниципальных образований, характеризующихся тем или иным набором положительных и отрицательных характеристик (табл. 1).

В блок параметров распространенности малого бизнеса входят показатели, характеризующие плотность малых предприятий на территории муниципального образования с учетом численности его населения, и вовлеченность населения в сектор малого бизнеса. Под масштабностью бизнеса на территории муниципального образования понимается группа показателей, отражающих размер ведения предпринимательской деятельности субъектами МП (территориальные характеристики в представленной категории не учитываются). В блок эффективности функционирования малого предпринимательства входят параметры рентабельности выпускаемой ими продукции и прибыльности предпринимательской деятельности, осуществляемой на территории муниципального образования.

Апробация методики на материалах Вологодской области позволила определить основные типы муниципальных образований, различающихся характером функционирования малого предпринимательства, и выявить имеющиеся в нем проблемы для каждого из муниципалитетов.

Таблица 1. Характеристика типов муниципальных образований региона*

Тип	Распространенность малого бизнеса		Масштабность малого бизнеса		Эффективность малого бизнеса	
	Высокая	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Низкая
I	+		+		+	
II		+	+		+	
III	+			+	+	
IV		+		+	+	
V	+		+			+
VI		+	+			+
VII	+			+		+
VIII		+		+		+

* Составлено авторами.

В большинстве районов области наблюдается низкая распространенность малого предпринимательства. Основные мероприятия в этой сфере, на наш взгляд, должны быть направлены на формирование системы акселерации качественного роста и развития МП, ориентированной на активную пропаганду их деятельности и связанной с необходимостью построения диалога между властью и бизнесом для выявления его специфических проблем и снижения административных барьеров.

Уменьшение уровня функционирования малого бизнеса в таких районах, как Бабушкинский, Великоустюгский и Шекснинский, обусловлено ухудшением финансовой эффективности деятельности субъектов МП. Вместе с тем в Вытегорском, Грязовецком, Кадуйском, Усть-Кубинском и Устюженском районах происходит уменьшение масштабов ведения бизнеса. Таким образом, муниципалитеты, испытывающие проблемы разного характера, нуждаются в дифференцированных способах поддержки малого предпринимательства.

В связи с этим была разработана система рекомендаций по активизации функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне для каждого типа муниципальных образований. Ком-

плекс предлагаемых мероприятий включает два блока:

1) базовый (приоритетные мероприятия, реализация которых целесообразна независимо от группы МО);

2) вариативный (дифференцированные мероприятия для каждой группы МО).

Каждый из представленных блоков имеет пять основных направлений по активизации функционирования и созданию условий для развития субъектов малого бизнеса на территории муниципальных образований: нормативно-правовое (для базового: развитие нормативно-правовой базы по взаимодействию МСУ и МБ, определение направлений инвестиционной политики, утверждение стандартов качества предоставления муниципальных услуг и др.; для вариативного: разработка инвестиционного паспорта, заключение соглашения о партнерстве между МСУ и МБ и т.д.); информационное (для базового: публикация планов создания инвестиционных площадок, формирование системы консультационной поддержки МБ и др.; для вариативного: создание интернет-ресурса для обеспечения канала прямой связи с МБ и МСУ, прямое информирование об актуальных изменениях правового и экономического взаимодействия бизнеса и власти и др.); организационное (для базового: соз-

дание общественных советов предпринимателей при МСУ, создание управления администрации МО по развитию МБ, создание управления земельно-имущественным комплексом; для вариативного: разработка совместных проектов между МБ и МСУ на основе государственно-частного партнерства (ГЧП), развитие спонсорства благотворительности, организация социально значимых производств и др.); экономическое (для базового: сокращение сроков и финансовых затрат МБ на прохождение разрешительных процедур, формирование механизма содействия повышению энергоэффективности производства МБ, создание механизма факторинга и др.; для вариативного: создание инфраструктуры для размещения производственных и иных объектов инвесторов на территории МО, формирование институтов развития и финансовых организаций на территории МО и др.) и ресурсно-методическое обеспечение (для базового: разработка и распространение методических пособий по правилам и указаниям ведения предпринимательской деятельности, повышение квалификации сотрудников администрации МО и др.; для вариативного: подготовка безработного населения для осуществления предпринимательской деятельности, повышение экономической и правовой грамотности населения МО и др.).

При составлении муниципальной программы по активизации функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне рекомендуется включать не менее одной меры поддержки по каждому направлению деятельности МСУ базового блока и не менее трех мер – вариативного блока мероприятий. Стоит отметить, что по каждому направлению вариативного блока можно разработать иные проекты мер по поддержке и активизации функционирования МП. Однако они должны быть

направлены в первую очередь на решение проблем, соответствующих типу МО. Применение данного подхода позволит оптимально использовать имеющиеся ресурсы и увеличить эффективность работы органов муниципальной власти и управления.

Результативность программы оценивается путем соотношения полученных и плановых результатов функционирования малого бизнеса на муниципальном уровне, а оценку эффективности выполняет региональный экспертный совет при помощи оценки прироста собственных доходов местных бюджетов муниципальных образований.

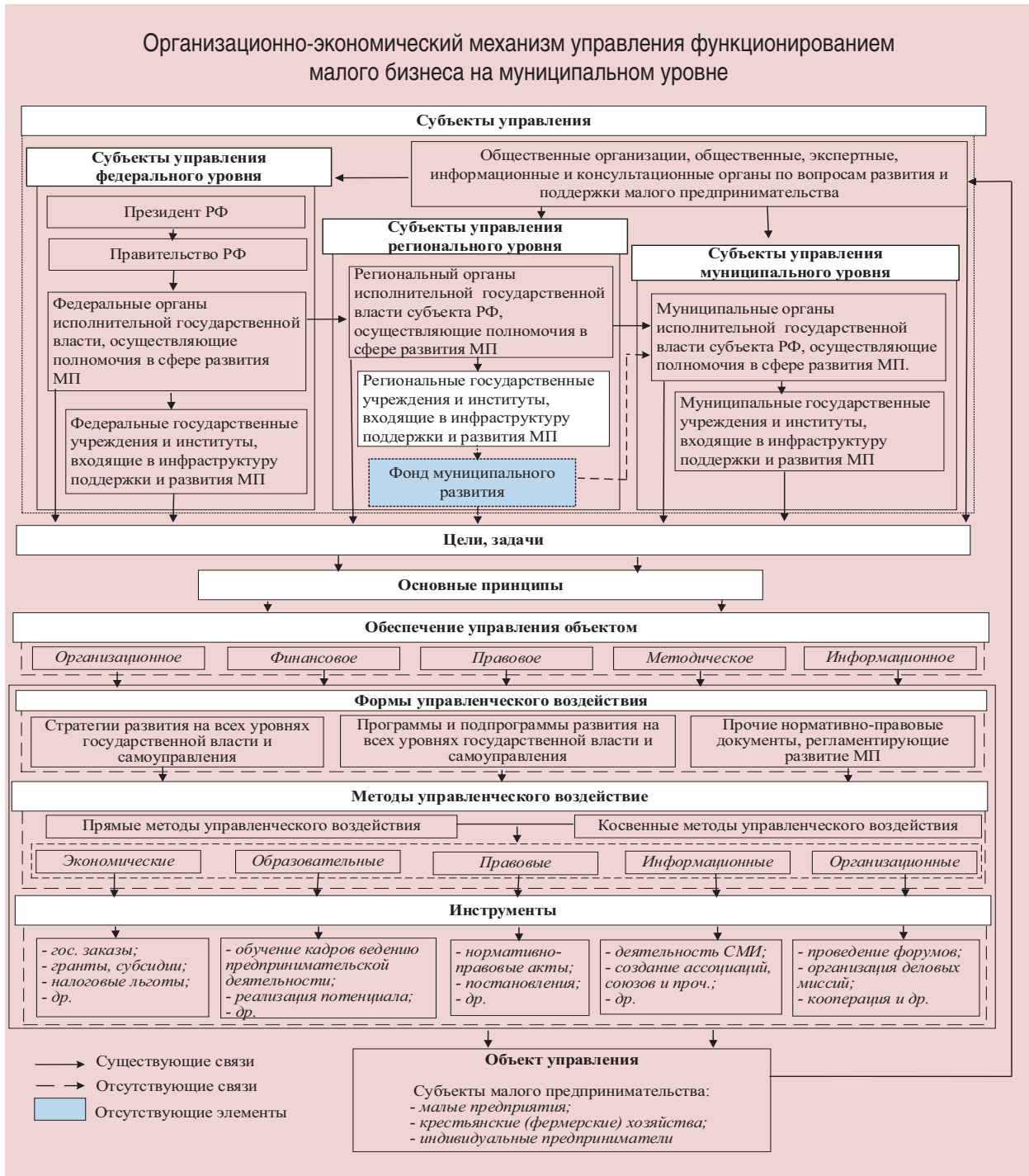
По нашему убеждению, реализация разработанных мероприятий возможна только при создании общего организационно-экономического механизма, позволяющего достигать поставленных целей с учетом проблем, существующих у субъектов предпринимательства в муниципальных образованиях региона.

В свою очередь, исходя из результатов анализа работ В.Г. Афанасьева, Г.Х. Попова, А. Кульмана, К. Моргана и др. [6; 11; 24], касающихся изучения организационно-экономических систем, под организационно-экономическим механизмом управления функционированием малого предпринимательства на муниципальном уровне будем понимать совокупность принципов, форм, методов и инструментов целенаправленного управленческого воздействия органов власти всех уровней на процессы функционирования субъектов малого бизнеса в целях повышения эффективности его деятельности для дальнейшего обеспечения социально-экономического развития территории.

Формируемый механизм основывается на действующей системе управления развитием малого предпринимательства в РФ и подразумевает корректировку существующей

ющих взаимосвязей и формирование ряда новых субъектов управления (рисунк). Данный механизм создается и функционирует за счет управленческой деятельности органов муниципальной власти и управления, которые руководствуются своими собственными принципами и специфич-

кой управления, имеющимися ресурсами, а также местной политикой, опирающейся на приоритеты развития, определенные федеральными и региональными органами и прописанные в основных документах социально-экономического развития государства.

В состав представленного организационно-экономического механизма управления функционированием малого бизнеса муниципальных образований входят три блока. Первый блок – система управления функционированием малого предпринимательства – включает органы государственной и муниципальной власти, общественные советы, объединения, государственные учреждения и институты, оказывающие управленческое воздействие. Второй блок механизма представляет собой совокупность форм, методов и инструментов, которые могут меняться в зависимости от поставленных задач, ресурсной базы муниципалитета, опыта управления и других внешних и внутренних факторов. Третий блок включает в себя объект управления – субъекты малого предпринимательства муниципального образования. На приведенной схеме отражены процессы взаимодействия и связи между всеми участниками исследуемого управления. Таким образом, главная задача рассматриваемого механизма заключается в восстановлении нарушенных и функционирующих не в полную силу связей между его отдельными элементами. Поскольку выявлено снижение управленческого воздействия на функционирование малого предпринимательства со стороны муниципальных органов власти, целесообразно создавать дополнительные источники стимулирования их взаимодействия для развития экономики территориального образования.

В регионах РФ создаются различные структуры власти, занимающиеся вопросами стимулирования социально-экономического развития муниципальных образований. На примере Вологодской области можно выделить Департамент внутренней политики, образованный согласно Постановлению Правительства области «Об утверждении положения о Департаменте

внутренней политики Правительства области» от 31 мая 2012 г. №570, курирующий вопросы обеспечения реализации полномочий органов исполнительной государственной власти региона в сфере местного самоуправления. В обязанности Департамента входит распределение финансовых средств областного бюджета, направляемых на социально-экономическое развитие территорий, в рамках организации различных проектов, конкурсов и мероприятий. По состоянию на 1 июля 2016 г. исполнены поручения в отношении всех муниципальных районов области на общую сумму 78,612 млн. рублей, в том числе 15,474 млн. в 2014 году; 8,841 млн. в 2015 году и 54,296 млн. рублей в 2016 году.

Однако выделенных средств не хватает на решение существующих в муниципалитетах проблем и организацию дополнительных проектов и мероприятий, что приводит к снижению заинтересованности местной администрации в развитии экономики района. Наиболее перспективным направлением деятельности органов местного самоуправления оказывается получение дотационных отчислений, которые в Вологодской области имеют тенденцию к увеличению. За 2014–2016 гг. увеличение объема дотаций в бюджет муниципальных районов и городских округов составило в среднем 40,3%, общий объем дотационных отчислений в 2016 г. достигал 1,5 млрд. руб.

Основываясь на потребности в организации реальной мотивации для органов местного самоуправления в сфере стимулирования усиления управленческого воздействия на сектор МП, мы считаем целесообразным создать структурное подразделение на базе региональных центров поддержки предпринимательства (ЦПП), деятельность которых связана как с содействием развитию МП и оказанием различных мер поддержки, направленных на

активизацию их функционирования, так и с осуществлением иных видов деятельности в рамках реализации государственных программ (подпрограмм) субъектов Российской Федерации и муниципальных программ, содержащих мероприятия по развитию субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечивающие эффективную реализацию муниципальных программ развития МП за счет финансового стимулирования администраций муниципальных районов субъекта РФ (Фонд муниципального развития – далее Фонд).

Этот проект может быть реализован после принятия региональной программы развития МП, включающей создание Фонда. Стоит отметить, что его деятельность не предполагает извлечение прибыли. Основная цель Фонда заключается в финансовой поддержке администраций муниципальных районов (муниципальные образования, за исключением региональных и промышленных центров, моногородов) с целью создания системы активизации функционирования субъектов малого предпринимательства на локальной территории.

Основными задачами Фонда могут являться:

- стимулирование развития субъектов малого бизнеса за счет организации эффективного административного содействия со стороны органов муниципального самоуправления;
- повышение самообеспеченности бюджетов муниципальных образований региона;
- диверсификация экономики муниципальных образований региона;
- оценка результативности и целевого использования денежных средств органами муниципального самоуправления.

Источниками финансирования Фонда могут являться финансовые средства регионального и федерального бюджетов.

Согласно Постановлению Министерства экономического развития РФ от 29.12.2016 года №1538 софинансирование региональных программ развития МСП составляет от 34 до 95% общей суммы проекта в зависимости от субъекта РФ. Размер региональных финансовых средств, отчисляемых для деятельности Фонда, предлагается связать с объемом поступивших налоговых отчислений по налогу на прибыль организаций в размере двух из 17% общего размера налога на прибыль, отчисляемого в консолидированный бюджет региона с территории муниципальных образований (порядка 11,5% от общей суммы налога на прибыль организаций, зачисляемого в консолидированный бюджет региона с территории муниципальных образований). Расходы на операционную деятельность Фонда (заработная плата, текущие затраты и т.д.) покрываются за счет указанных средств в размере, не превышающем 10% от общей суммы финансирования деятельности Фонда. Остальные его средства должны быть распределены между администрациями муниципальных образований для реализации заявленных проектов развития собственных социально-экономических систем (по статье затрат «Нужды национальной экономики»).

Реализация данной системы финансирования позволит выстроить систему стимулирования функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне при помощи изменяющейся суммы поддержки, оказываемой региональными органами власти исходя из результатов функционирования предпринимательского сектора локальной территории.

По данным Управления Федерального казначейства и Управления Федеральной налоговой службы по Вологодской области сумма налога на прибыль организаций исследуемых муниципальных образований (за исключением городов Вологды и Черере-

повца) составила порядка 6,55 млрд. руб. на 2014 г. Таким образом, финансирование Фонда со стороны регионального бюджета в следующем году должно составить 770,5 млн. руб., что в свою очередь составляет порядка 1,3% от общих доходов консолидированного бюджета Вологодской области и 67,5% объема дотаций, отчисляемых в местные бюджеты. Согласно вышеуказанному Постановлению Минэкономразвития софинансирование со стороны федеральных органов власти составляет для Вологодской области порядка 62%. В итоге общая сумма финансирования Фонда со всех уровней бюджета составит порядка 2,03 млрд. руб.

С учетом затрат, осуществленных на нужды экономики в исследуемых муниципальных образованиях, а также результатов моделирования взаимодействия малого предпринимательства и социально-экономической системы муниципальных образований, при направлении 90% финансовых средств Фонда (порядка 1,8 млрд. руб.) на нужды национальной экономики муниципальных районов области в следующем году ожидается увеличение собственных доходов муниципального образования на 15,5% (1,18 млрд. руб.) за счет увеличения объемов выручки субъектов малого предпринимательства². Эффективная деятельность Фонда будет способствовать также росту налогооблагаемой базы субъектов предпринимательства, что в дальнейшем приведет к увеличению поступлений налога на прибыль в консолидированный бюджет региона.

В результате увеличения наполняемости местных бюджетов за счет собственных средств в дальнейшем возможно сокраще-

² Расчеты выполнены на основе разработанных моделей существующего взаимовлияния малого предпринимательства и экономики муниципального образования по данным Управления Федерального казначейства и Управления Федеральной налоговой службы по Вологодской области [5].

ние дотационных расходов консолидированного бюджета на сумму данного увеличения, и это позволит перенаправить финансовые средства на решение других социально-экономических проблем региона.

Кроме того, для перенаправления средств консолидированного бюджета региона на реализацию предлагаемого проекта предлагается сократить дотационные отчисления в районные бюджеты, направленные на нужды экономики муниципальных образований. Перераспределение бюджетных средств, на примере Вологодской области, увеличит наполняемость и самостоятельность местных бюджетов и приведет к высвобождению денежных средств регионального бюджета в размере 52% от суммы финансирования проекта.

Определение квот и распределение финансовых средств Фонда рекомендуется осуществлять согласно экспертному заключению заявки муниципального образования, а также согласно разработанной группировке МО по отклонению интегрального показателя функционирования субъектов малого бизнеса района от среднего значения по региону (табл. 2).

Расчет суммы финансирования заявки муниципального образования проводится по следующей формуле:

$$S_i = F_j * \left(\frac{b_i + k_i}{\sum_{i=1}^n (b_n + k_n)} \right) \times 100\%, \quad (1)$$

где S_i – сумма финансирования i -й заявки муниципального образования;

F_j – основные средства Фонда, подлежащие распределению между МО в j -м финансовом году;

b_i – балл оценки статистических показателей i -й заявки муниципального образования;

n – количество заявок, поданных муниципальными образованиями для рассмотрения дальнейшего финансирования в Фонде;

k_i – экспертный коэффициент i -й заявки.

Таблица 2. Распределение баллов по отклонению интегрального показателя функционирования субъектов малого бизнеса района от среднего значения

Уровень	Пределы отклонения интегрального показателя	Рекомендуемый балл оценки заявки
Высокий	Больше 30%.	5
Выше среднего	От 10 до 30%.	4
Средний	От -10 до 10%.	3
Ниже среднего	От -30 до -10%.	2
Низкая	Меньше -30%.	1
* Составлено авторами.		

Оценка качества и соответствие планируемых мероприятий существующим проблемам МО (согласно разработанной группировке муниципалитетов) возлагается на Экспертную комиссию Фонда. В результате экспертизы заявки должен быть присвоен итоговый балл, характеризующий в целом качество разработанной муниципальной программы (от 0 до 10 баллов). Расчет экспертного коэффициента производится по следующей формуле:

$$k_i = \frac{(\sum_{p=1}^z a_{ip})/z}{10}, \quad (2)$$

a_{ip} – итоговый балл p -ого заключения i -й заявки, характеризующий в целом качество разработанной муниципальной программы;

z – количество экспертных заключений одной заявки.

Таким образом, от качества составления и обоснованности реализации предлагаемых мероприятий и видов поддержки со стороны МСУ, направленных на повышение основных показателей функционирования исследуемого сектора экономики, будет зависеть сумма стимулирующего финансирования со стороны региональных органов власти.

Создание представленного Фонда должно стать одним из приоритетных направлений деятельности региональных органов власти и управления в области поддержки и развития малого предпри-

нимательства. Его функционирование позволит привлечь дополнительные средства федерального бюджета, обеспечить эффективное использование консолидированного бюджета региона, а также активизировать деятельность органов местного самоуправления и повысить финансовую самостоятельность местных бюджетов за счет развития социально-экономической системы территории.

Выводы

Результаты проведенного исследования доказывают необходимость разработки оптимального подхода к организации взаимоотношений властных структур именно муниципального уровня с сектором малого бизнеса, а также системы мер его поддержки, способствующих эффективному функционированию субъектов малого бизнеса локальных территорий. В связи с этим для различных типов муниципальных образований были разработаны и предложены методические рекомендации по составлению программ, направленных на активизацию функционирования малого предпринимательства. В основу данных программ положена разработанная с учетом выделенных типов муниципальных образований система программных мероприятий по активизации функционирования малого бизнеса на муниципальном уровне.

Разработка подобных муниципальных программ на основе представленных реко-

мендаций будет способствовать развитию сектора малого бизнеса и формированию эффективной модели взаимодействия субъектов МП и муниципальных органов власти, использование которой позволит повысить доходность местных бюджетов за счет собственных средств, что, в свою очередь, приведет к увеличению уровня социально-экономического развития МО и региона в целом.

Для обеспечения реализации данных программ был разработан организационно-экономический механизм управления функционированием малого бизнеса. Основным его элементом является Фонд муниципального развития, деятельность которого направлена на осуществление финансирования предлагаемых мероприятий, включенных в муниципальные программы. На примере Вологодской области

выявлено, что реализация предлагаемых рекомендаций позволит увеличить наполняемость и самостоятельность местных бюджетов, что приведет к высвобождению денежных средств регионального бюджета в следующем финансовом году в размере 52% от суммы финансирования проекта (409,5 млн. руб.).

Дальнейшие исследования будут направлены на решение вопросов возможности апробации представленных рекомендаций на примере районов Вологодской области, а также совершенствования разработанной системы программных мероприятий по активизации функционирования малого бизнеса. Предложенные теоретико-методологические подходы могут найти применение в управлении региональной и муниципальной экономикой других субъектов РФ.

Литература

1. Булакина, О.Н. Методика комплексной оценки предпринимательского потенциала муниципального образования [Текст] / О.Н. Булакина // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 4 (66). – С. 63-65.
2. Губанова, Е.С. Формирование и реализация региональной инвестиционной политики [Текст] / Е.С. Губанова. – Вологда : Легия, 2007. – 300 с.
3. Захарченко, А.А. Поддержка малого предпринимательства и доходный потенциал местных бюджетов [Текст] / А.А. Захарченко // Финансы. – 2009. – № 3. – С. 37-40
4. Кремин, А.Е. Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне [Текст] / А.Е. Кремин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 3. – С. 231-247.
5. Кремин, А.Е. Оценка влияния функционирования малого предпринимательства на экономику муниципального образования [Текст] / А.Е. Кремин // Проблемы развития территории. – 2017. – № 1. – № (87). – С. 59-77.
6. Кульман, А. Экономические механизмы [Текст] / А. Кульман: пер. с фр.; общ. ред. Н.И. Хрусталевой. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 192 с.
7. Мазилев, Е.А. Проблемы и тенденции развития малого предпринимательства в Российской Федерации / Е.А. Мазилев, А.Е. Кремин // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 5. – № (35).
8. Манухина, А.В. Анализ влияния социально-экономических факторов на формирование малого бизнеса в регионах Российской Федерации / А.В. Манухина // Вестник университета. – 2012. – № 3. – С. 172-177.
9. Найт, Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль [Текст] / Ф.Х. Найт. – М.: Дело, 2003. – 359 с.
10. Оценка влияния факторов на эффективность деятельности предприятий стройиндустрии [Текст] / К.В. Смицких, Т.В. Терентьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2013. – № 2 (120). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-faktorov-na-effektivnost-deyatelnosti-predpriyatij-stroyindustrii>.

11. Попов, Г.Х. Эффективное управление (перспективы развития) [Текст] / Г.Х. Попов. – М.: Экономика, 1976. – С. 40.
12. Развитие малого и среднего предпринимательства. Зарубежный опыт [Электронный ресурс] / ВЭБ МСП Банк. – 2015. – Режим доступа : <https://www.mspsbank.ru/userfiles/2015EU.pdf>
13. Теребова, С.В. Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы: монография [Текст] / С.В. Теребова, В.С. Усков, С.Ю. Егорихина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011.
14. Ускова, Т.В. Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики [Текст] / Т.В. Ускова // Проблемы развития территории. – 2016. – № 2 (82). – С. 7-18.
15. Шумпетер, Й. Теория экономического роста: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
16. Aslund, A. Observations on the development of small private enterprises in Russia [Text] / Post-Soviet Geography and Economics . – 1997. – Vol. 58. – № 4.– P. 191-205.
17. Barreto, H. The entrepreneur in microeconomic theory: Disappearance and Explanation [Text] / Routledge, NY and London. – 1989. – 176 p.
18. Bartik, T.J. Small Business Start-Ups in the United States: Estimates of the Effects of Characteristics of States [Text] / Southern Economic Journal. –1989. – № 4. – P. 1004-1018.
19. Baumol, W.J. Entrepreneurship in Economic Theory [Text] / American Economic Review. –1968. – № 2. – P. 64-71.
20. Coase, R.H. The Nature of the Firm [Text] / Economica. – 1937. – № 4. – P. 386-405.
21. Frye, T. Original Sin, Good Works, and Property Rights in Russia [Text] // World Politics. – 2006. – Vol. 58. – № 4. – P. 479-504.
22. Hamilton, R.T. Unemployment and Business Formation Rates: Reconciling Time-Series and Cross-sectional Evidence [Text] / Environment and Planning 6. – 1989. – P. 249-255.
23. Mokry, B.W. Entrepreneurship and Policy [Text] / New York, NY: Quorum Books. – 1988. – 310 p.
24. Morgan, K. (1997). «The learning regions: institutions, innovation and regional renewal» [Text] / Regional Studies. – 31 (5). – P. 491-503.
25. Storey, D.J. Entrepreneurship and the New Firm [Text] / London, UK: Croom Helm. – 1982. – 233 p.
26. Webster, L. Private Sector Manufacturing in the Czech and Slovak Federal Republic: a Survey of Firms [Text] / The World Bank. – 1992. – 88 p.

Сведения об авторах

Александр Евгеньевич Кремин – инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: akremin@inbox.ru)

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького 56а; e-mail: gil@vscc.ac.ru)

Kremin A.E., Gulin K.A.

Managing the Functioning of Small Business at the Municipal Level as a Driver of Regional Economic Development

Abstract. Small business plays a special role in socio-economic development of territorial entities. Implementing the resource potential of a local area is the main and typical feature in the functioning of its subjects. However, issues related to the management of the sector, remain insufficiently developed in the framework of individual municipalities. On this basis, the aim of the present research is to develop an organizational and economic mechanism for managing small business, which would ensure the

implementation of policy measures to enhance the functioning of regional small business at the municipal level. In order to achieve this goal, we set out the tasks to develop recommendations to promote the work of small organizations with the help of program activities and organizational and economic mechanism to ensure their implementation, as well as recommendations for the calculation of their economic effects. Methodological approaches to the research are based on general scientific methods (comparison, generalization, analysis, synthesis) and statistical methods (correlation, regression analysis). Their theoretical and methodological basis is formed by the works of Russian scientists (A.I. Ageev, A.P. Asaul, M.G. Lapusta, Yu.L. Starostin, and others) and foreign scientists (R. Cantillon, J. Meyer-Stamer, A. Smith, D. Ricardo, J.B. Say, J. Schumpeter) in the field of regional economics, specifically, small business management. Findings of the research confirm the need to develop an optimal approach to the organization of relations between small business and government structures at the municipal level. In this regard, we developed and proposed guidelines for designing programs aimed to enhance the functioning of small business for different types of municipalities chosen on the basis of application of methods that we developed previously for estimating the functioning of small business at the municipal level. In order to ensure their implementation we also developed an organizational-economic mechanism for managing small business functioning. Calculation of the effectiveness of implementation of the recommendations presented on the example of the Vologda Oblast shows that their implementation increases the autonomy of local budgets, releasing the funds of the regional budget in the next fiscal year in the amount of 52% of the amount of project financing (409.5 million rubles). The materials presented in the article can be used by regional and municipal authorities when determining future strategy and elaborating territorial development programs.

Key words: small business; entrepreneurship; regional economy; municipal entity; management mechanism; own revenues of local budgets, system for enhancement of activity.

References

1. Bulakina O.N. Metodika kompleksnoi otsenki predprinimatel'skogo potentsiala munitsipal'nogo obrazovaniya [Methodology for integrated assessment of entrepreneurial potential of a municipal entity]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], 2009, no. 4 (66), pp. 63-65. (In Russian).
2. Gubanova E.S. *Formirovanie i realizatsiya regional'noi investitsionnoi politiki* [Development and implementation of regional investment policy]. Vologda: Legiya, 2007. 300 p. (In Russian).
3. Zakharchenko A.A. Podderzhka malogo predprinimatel'stva i dokhodnyi potentsial mestnykh byudzhetrov [Support to small business and the revenue potential of local budgets]. *Finansy* [Finances], 2009, no. 3, pp. 37-40. (In Russian).
4. Kremin A.E. Metodika otsenki funktsionirovaniya malogo predprinimatel'stva na munitsipal'nom urovne [Methodology for assessing the work of small business at the municipal level]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 3, pp. 231-247. (In Russian).
5. Kremin A.E. Otsenka vliyaniya funktsionirovaniya malogo predprinimatel'stva na ekonomiku munitsipal'nogo obrazovaniya [Assessment of the influence of functioning of small business on the economy of a municipal entity]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2017, no. 1 (87), pp. 59-77. (In Russian).
6. Kulman A. *Ekonomicheskie mekhanizmy* [Economic mechanisms]. Translated from French. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress", "Univers", 1993. 192 p. (In Russian).
7. Mazilov E.A., Kremin A.E. Problemy i tendentsii razvitiya malogo predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [Problems and trends of small business development in the Russian Federation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues], 2016, no. 5 (35). (In Russian).
8. Manukhina A.V. Analiz vliyaniya sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na formirovanie malogo biznesa v regionakh Rossiiskoi Federatsii [Analysis of the influence of socio-economic factors on the formation of small

- business in regions of the Russian Federation]. *Vestnik universiteta* [Herald of a university], 2012, no. 3, pp.172-177. (In Russian).
9. Knight F.H. *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, uncertainty, and profit]. Moscow: Delo, 2003. 359 p. (In Russian).
 10. Smitskikh K.V., Terent'eva T.V. Otsenka vliyaniya faktorov na effektivnost' deyatel'nosti predpriyatii stroiindustrii [Assessment of factor influence on the efficiency of construction enterprises]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika* [The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal], 2013, no. 2 (120). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-faktorov-na-effektivnost-deyatelnosti-predpriyatiy-stroyindustrii>. (In Russian).
 11. Popov G.Kh. *Effektivnoe upravlenie (perspektivy razvitiya)* [Efficient management (development prospects)]. Moscow: Ekonomika, 1976. P. 40. (In Russian).
 12. *Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva. Zarubezhnyi opyt* [Development of small and medium business. Foreign experience]. Available at: <https://www.mspsbank.ru/userfiles/2015EU.pdf>. (In Russian).
 13. Terebova S.V., Uskov V.S., Egorikhina S.Yu. *Predprinimatel'stvo v regione: sostoyanie, perspektivy: monografiya* [Entrepreneurship in the region: status and prospects: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2011. (In Russian).
 14. Uskova T.V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie territorii: problemy effektivnosti regional'noi politiki [Socio-economic development of territories: problems of regional policy efficiency]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no.2 (82), pp. 7-18. (In Russian).
 15. Shumpeter I. *Teoriya ekonomicheskogo rosta: issledovanie predprinimatel'skoi pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury* [The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle]. Moscow: Progress, 1982. (In Russian).
 16. Aslund A. Observations on the development of small private enterprises in Russia. *Post-Soviet Geography and Economics*, 1997, vol. 58, no. 4, pp. 191-205.
 17. Barreto H. *The entrepreneur in microeconomic theory: Disappearance and Explanation*. Routledge, NY and London, 1989. 176 p.
 18. Bartik T.J. Small Business Start-Ups in the United States: Estimates of the Effects of Characteristics of States. *Southern Economic Journal*, 1989, no. 4, pp. 1004-1018.
 19. Baumol W.J. Entrepreneurship in Economic Theory. *American Economic Review*, 1968, no. 2, pp. 64-71.
 20. Coase R.H. The Nature of the Firm. *Economica*, 1937, no. 4, pp. 386-405.
 21. Frye T. Original Sin, Good Works, and Property Rights in Russia. *World Politics*, 2006, vol. 58, no. 4, pp. 479-504.
 22. Hamilton R.T. Unemployment and Business Formation Rates: Reconciling Time-Series and Cross-sectional Evidence. *Environment and Planning*, 1989, no. 6, pp. 249-255.
 23. Mokry B.W. *Entrepreneurship and Policy*. New York, NY: Quorum Books, 1988. 310 p.
 24. Morgan K. The learning regions: institutions, innovation and regional renewal. *Regional Studies*, 1997, no. 31 (5), pp. 491-503.
 25. Storey D.J. *Entrepreneurship and the New Firm*. London, UK: Croom Helm, 1982. 233 p.
 26. Webster L. *Private Sector Manufacturing in the Czech and Slovak Federal Republic: a Survey of Firms*. The World Bank, 1992. 88 p.

Information about the Authors

Aleksandr Evgen'evich Kremin – Research Engineer, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: akremin@inbox.ru)

Konstantin Anatol'evich Gulin – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Department Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: gil@vscc.ac.ru)

Статья поступила 31.05.2017.

Методологические аспекты управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами

Ольга Ивановна

ЛИХАЧЕВА

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: Olga_ivanovna_vstu@mail.ru

Павел Михайлович

СОВЕТОВ

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина
Вологда, Российская Федерация, 160555, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2
E-mail: sovetovpm@yandex.ru

Аннотация. Статья подготовлена по результатам проводимого авторами научного исследования проблемы государственного регулирования развития сферы обращения с отходами. Целью первого этапа исследования является обоснование методологических положений по организации управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами в регионе (муниципалитете). Информационно-эмпирическая база исследования формировалась на основе данных Росстата, изучения и обобщения материалов монографий, обзоров по экологической политике зарубежных стран, публикаций в периодических изданиях, сведений, представленных на официальных сайтах предприятий, органов государственного и муниципального управления, а также данных, полученных авторами в процессе анализа ситуации и наблюдений. Объектом исследования выступает организация управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами. В качестве

Для цитирования: Лихачева, О.И. Методологические аспекты управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами / О.И. Лихачева, П.М. Советов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 111-127. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.6

For citation: Likhacheva O.I., Sovetov P.M. Methodological aspects of governing residential solid waste management sphere. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 111-127. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.6

рабочей гипотезы обоснован тезис о доминанте механизмов государственного регулирования в управлении развитием сферы обращения с отходами и возможности ограниченного допуска инструментов рыночного саморегулирования отношений в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами в регионе (муниципалитете). При дефинировании основной категории «отходы» авторы отмечают отсутствие единого подхода к толкованию понятия «твердые бытовые отходы» и разночтения в его трактовках в законодательных и нормативных документах органов государственной власти и управления Российской Федерации, что влечет за собой нестыковки в организационных регламентах и коммуникационном пространстве государственного и муниципального управления. В статье отмечается ежегодный рост объемов накапливаемых твердых бытовых отходов и усложнение их состава, появление новых упаковочных материалов, полученных на основе сложных полимеров, которые длительное время (до ста лет и более) могут сохранять опасные свойства, что вызывает возрастание нагрузок на экосистему и опасностей здоровью людей. Из общего объема образующихся в РФ твердых бытовых отходов около 97% поступает на полигоны и свалки, для которых ежегодно отчуждается в пределах 1 тыс. га земли, а отходы утрачивают столь масштабный потенциал использования в качестве вторичных ресурсов. Ответственность за снижение негативного воздействия отходов на окружающую среду «размазана» между ведомствами исполнительной власти. По результатам анализа и структуризации проблем функционирования сферы обращения с твердыми бытовыми отходами, обзора отечественного и зарубежного опыта организации обращения с отходами сделан вывод о возможности их последовательного разрешения на основе системного подхода к управлению этой сферой с активизацией использования программно-целевого инструментария государственного регулирования развития. В этой связи авторами постулируется методологическое основание представлять процесс управления сферой обращения с отходами как совокупность научно обоснованных целенаправленных воздействий на сбор, накопление, транспортирование, обработку, утилизацию, обезвреживание, размещение отходов с целью обеспечения экологических, экономических и социальных норм и требований. Обоснована необходимость и показаны предпосылки формирования интегративной модели управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами на региональном (муниципальном) уровне.

Ключевые слова: твердые бытовые отходы; сфера обращения с твердыми бытовыми отходами; управление сферой обращения с твердыми бытовыми отходами; государственное регулирование развития сферы обращения отходов.

Жизнедеятельность людей обеспечивается посредством непрерывного извлечения из окружающей природной среды различных ресурсов для использования в производственном процессе или быту. Это имеет своим следствием проблему как неистощительного их использования, так и воздействия на окружающую среду, в том числе за счет накопления отходов.

По оценкам ЮНЕСКО при ООН, объем твердых бытовых отходов (ТБО) ежегодно возрастает и к 2025 году увеличится по

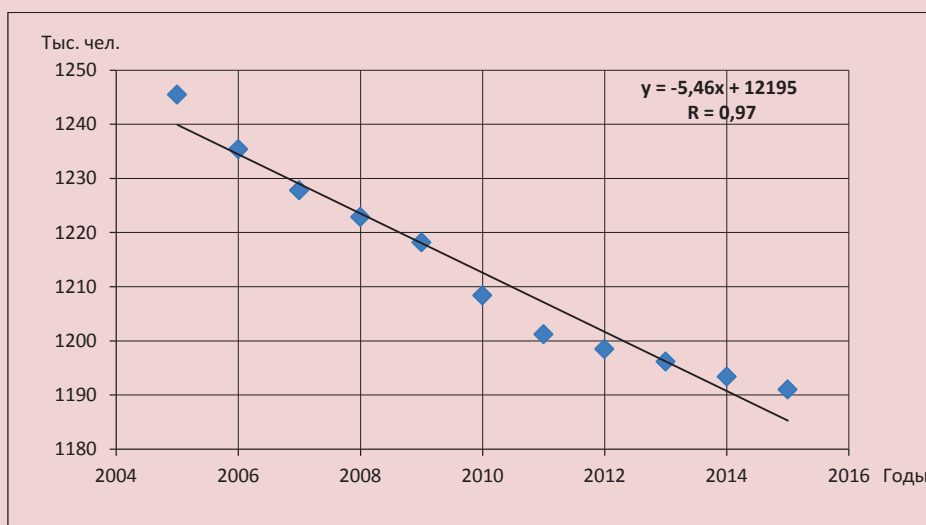
сравнению с уровнем 1990 г. в 5 раз [2]. В Российской Федерации ежегодно образуется более 60 млн. тонн твердых бытовых отходов или около 400 кг в расчете на 1 человека в год [7].

В условиях устойчивого тренда снижения численности населения одновременно с увеличением объема твердых бытовых отходов (*рис. 1а и 1б*) происходит усложнение их состава, появляются новые упаковочные материалы, полученные на основе сложных полимеров, которые длительное

время (до ста лет и более), при нахождении в определенных условиях, могут сохранять опасные свойства. Однако морфологический состав твердых бытовых отходов Росстатом не отслеживается, лишь отдельными научными исследованиями их структура, насчитывающая по разным оценкам до 400–500 разновидностей органических

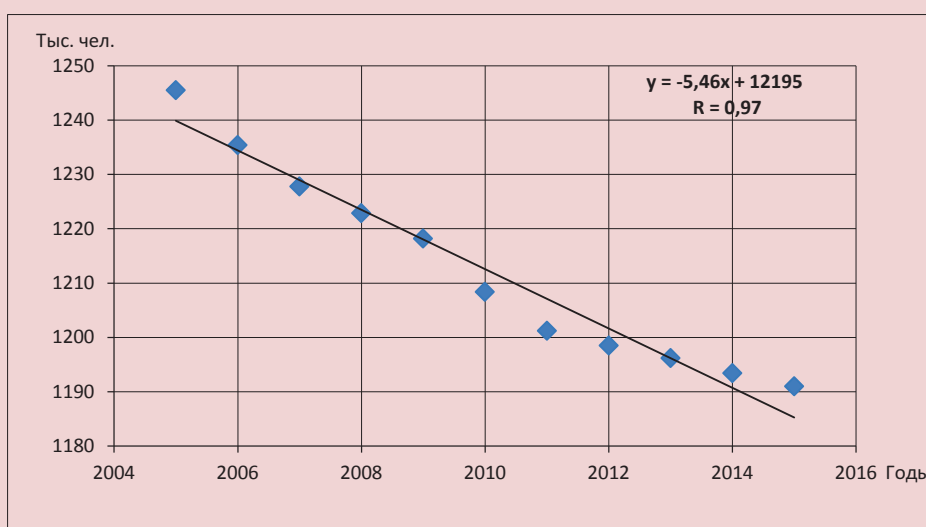
и неорганических продуктов, представлена на региональном уровне. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что увеличение объемов ТБО в Российской Федерации, при сокращении численности населения страны в 1993–2013 гг., связано с расширением масштабов использования упаковочных материалов.

Рис. 1а. Динамика образования ТБО в Вологодской области за период с 2005 по 2015 год

Источники: Доклад о состоянии окружающей среды Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dpr.gov35.ru/deyatelnost/sostoyanie-okruzhayushhey-sredy>; составлено авторами.

Рис. 1б. Динамика численности населения в Вологодской области за период с 2005 по 2015 год

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologdastat.gks.ru/>; составлено авторами.

Из общего объема образующихся в РФ отходов около 97% поступает, по данным ряда авторов (А.А. Соловьянова, Е.М. Кривченко, Г.И. Сапожниковой), на полигоны и свалки и только 4–5% утилизируются [14; 22; 23]. Для сравнения: в Швеции, Дании, Швейцарии, Германии, Бельгии, Норвегии, Австрии и Голландии вторично перерабатывается от 40 до 60% общего объема отходов [1; 28]. В настоящее время в Российской Федерации эксплуатируется более 1300 полигонов ТБО, занимающих свыше 40 тыс. га земли. Ежегодно для строительства новых полигонов захоронения твердых бытовых отходов отчуждается около 1 тыс. га земли [7].

С функционированием полигонов связан целый комплекс экологических проблем. К важнейшей из них относится негативное воздействие на различные компоненты (как абиотические, так и биотические) экосистем вокруг полигонов твердых бытовых отходов, что представляет реальную угрозу здоровью населения. Вместе с тем твердые бытовые отходы являются не только источником загрязнения окружающей среды вредными и опасными веществами, но и одним из самых экономичных видов сырья. И не случайно вовлечение твердых бытовых отходов в хозяйственный оборот и развитие ресурсосбережения обозначено в «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одного из инструментов обеспечения экологической безопасности и экологически ориентированного роста экономики страны [18].

Вопросам разработки методов оптимизации управления сферой обращения с ТБО и совершенствованию экономического механизма регулирования посвящены исследования отечественных и зару-

бежных ученых, таких как В.Б. Абрамов, Т.А. Акимова, С.Н. Бобылев, А.А. Гусев, В.И. Данилов-Данильян, Е.В. Закалюкина, А.В. Иванов, К.П. Колотырин, Г.М. Мкртчян, Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер и др. Вместе с тем вопросы управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами на уровне муниципальных образований, городов и сельских поселений исследованы недостаточно, все более отчетливо обозначается неотложность задач обоснования и выбора рациональной модели организации управления сферой обращения с ТБО в регионах (муниципалитетах).

В этой связи на кафедре экономики и менеджмента ВГМХА им. Н.В. Верещагина предпринято исследование проблемы государственного регулирования развития сферы обращения с отходами. Целью одного из этапов исследования является обоснование концептуальной модели управления сферой обращения с отходами на региональном (муниципальном) уровне. К настоящему времени осуществлена постановка проблемы, сформулированы методологические положения по организации управления отходами. Информационно-эмпирическая база исследования формировалась на основе данных Росстата, изучения и обобщения материалов монографий, обзоров по экологической политике зарубежных стран, публикаций в периодических изданиях, сведений, представленных на официальных сайтах предприятий, органов государственного и муниципального управления, а также данных, полученных авторами в процессе анализа и наблюдений. Инструментарно-методический аппарат исследования включает экономико-статистические обзоры, методы сравнительного и системного анализа, структуризации и группировок, веб-анализа и моделирования.

Аналитический обзор законодательных и нормативно-правовых актов федерального, регионального и муниципального уровня, регулирующих отношения в области обращения с отходами в Российской Федерации, позволяет отметить, что федеральное законодательство до недавнего времени не выделяло понятия «твердые бытовые отходы», хотя термин «бытовые отходы» использовался в практике государственного и муниципального управления.

Отсутствие единого подхода к толкованию понятия «твердые бытовые отходы» влекло за собой определенные проблемы. Во-первых, объемы твердых бытовых отходов муниципалитетами определялись весьма условно. Во-вторых, возникали сложности в расчетах объемов потенциальных отходов, которые могут быть направлены на дальнейшую переработку. В-третьих, порождались спорные оценки экономической эффективности управленческих решений при обосновании схем размещения производительных сил в локальных территориальных системах. В-четвертых, имеет место рассогласованность организационных регламентов контроля за выполнением требований нормативно-правовых актов в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами.

В принятом (2009 г.) национальном стандарте – ГОСТ Р 53692-2009 [4] – твердые бытовые отходы определялись как отходы потребления, образующиеся у населения, в том числе при приготовлении пищи, уборке и ремонте жилых помещений, содержании придомовых территорий и мест общего пользования, содержании в жилых помещениях домашних животных и птиц, а также как устаревшие, пришедшие в негодность предметы домашнего обихода. Позже понятие твердых бытовых отходов было сформулировано в ГОСТ Р 56222-2014 [5] как твердые отходы, образующиеся в домашних хозяйствах. Однако в федераль-

ном классификационном каталоге отходов твердые бытовые отходы относятся до настоящего времени к группе «отходы коммунальные».

С принятием 29 декабря 2014 года поправок к Федеральному закону №89 «Об отходах производства и потребления» введено понятие «твердые коммунальные отходы». Это отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, и товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд. К твердым коммунальным отходам относятся также отходы, образующиеся в процессе деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и подобные по составу отходам, образующимся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами [17].

Таким образом, отходы, образующиеся в процессе жизнедеятельности населения и в процессе хозяйственной деятельности организаций (объектов обслуживания), получили официальную трактовку как твердые коммунальные отходы (ТКО). Тем не менее определение ТКО, приведенное в действующей редакции федерального закона, не учитывает трансформацию отходов на этапах обращения с ними, что ведет к неточностям в установлении норм накопления и, как следствие, ошибкам в определении объемов и множественности оперативных управленческих решений органов государственной и муниципальной власти.

В законодательстве стран Европейского союза (ЕС) используется понятие «муниципальные отходы», которое своим содержанием охватывает не только бытовые отходы, но и отходы, производимые предприятиями общественного питания, торговыми организациями, учебными заве-

дениями и т.д. Является характерным для большинства стран ЕС возложение ответственности за утилизацию отходов на городские власти. Собственно, этим обозначено одно из ключевых функциональных правомочий муниципальной власти и управления [27].

Авторы берут на себя смелость предложить уточненное определение твердых бытовых отходов. Мы считаем, что основным признаком отходов должно быть не только указание на то, что они образовались в процессе потребления товаров, услуг и т.д. и утратили потребительские свойства, но и то, что входит в их структуру. Мы будем понимать твердые бытовые отходы как отходы, представляющие вторичные ресурсы, биоразлагаемые отходы и неперерабатываемые отходы, образующиеся в жилом секторе, на предприятиях и в организациях сферы обслуживания. Во-первых, это отражает социальную природу происхождения отходов, во-вторых, позволит оценить их с точки зрения «полезности».

Многообразие и специфика твердых бытовых отходов, их высокая территориально-пространственная рассредоточенность обусловили потребность в особом организационно-процессном формате отображения их места и роли во влиянии на здоровье человека и состояние окружающей среды. В нормативно-правовое поле государственного и муниципального управления была привнесена объектно-субъектная категория – «сфера обращения с отходами».

В Российском ГОСТ 30772–2001 [6] приводится формулировка понятия обращения с отходами как деятельности, связанной с комплексом документированных организационно-технологических процедур по утилизации обезвреженных отходов и сбросов для получения вторичного сырья, полезной продукции и/или уничтожения и захоронения не используемых в на-

стоящее время опасных и других отходов.

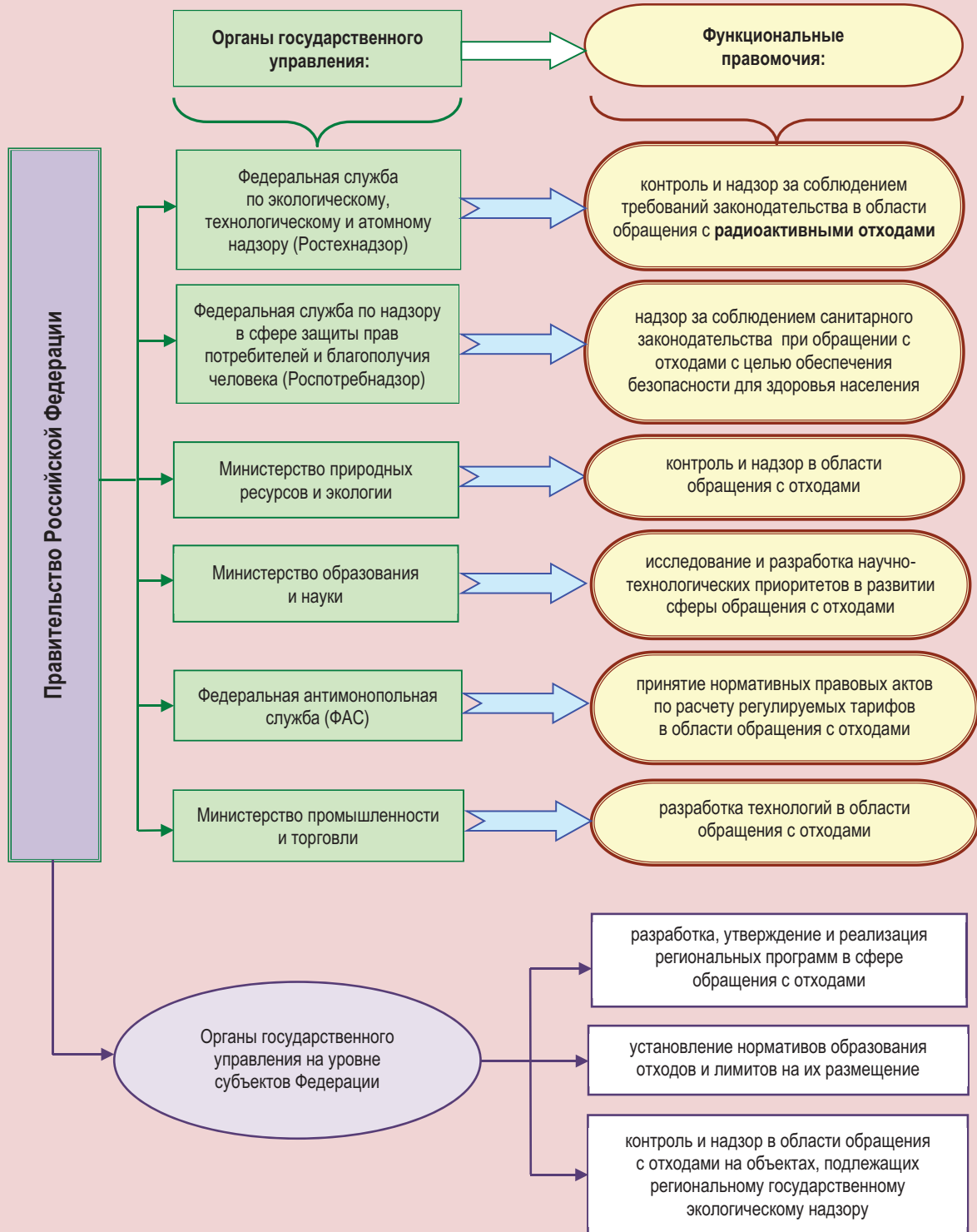
В западноевропейских странах используется термин «Waste Management» (управление отходами), который означает организацию обращения с отходами с целью снижения их влияния на здоровье человека и состояние окружающей среды [3; 26]. Данная терминологическая позиция открывает возможность разработки методологических аспектов измерения и оценки уровня социальной ответственности менеджмента сферы обращения с отходами.

В специальной литературе и финансовых документах крупнейших международных институтов, таких как ООН (ЮНЕП) и The World Bank, при обсуждении вопросов окружающей среды используется термин «Municipal solid waste management» (управление твердыми отходами на муниципальном уровне) – это планирование и имплементация системы обработки твердых муниципальных отходов» [15; 28].

Тем самым формируется методологическое основание представлять процесс управления сферой обращения с отходами как совокупность научно обоснованных целенаправленных воздействий на сбор, накопление, транспортирование, обработку, утилизацию, обезвреживание, размещение отходов с целью обеспечения экологических, экономических и социальных норм и требований.

Казалось бы, приведенная методологическая платформа дает основание предполагать ее использование при обосновании соответствующих правомочий структур государственного и муниципального управления. Однако при сложившейся в настоящее время в РФ модели функционального управления сферой обращения с отходами решение задач организации сбора и переработки отходов не входит в перечень полномочий ни одного из федеральных ведомств, которые осуществляют в основном надзорные функции (рис. 2).

Рис. 2. Функциональная подсистема государственного управления сферой обращения с отходами в Российской Федерации

Источник: составлено авторами.

В результате вопросы ресурсной и экологической политики остаются несбалансированными, ответственность за снижение негативного воздействия отходов на окружающую среду «размазана» между ведомствами.

В реальной отечественной практике получается, что управляют всеми этапами процесса обращения с отходами муниципальные власти. Как правило, исполнение принимаемых управленческих решений по организации сбора, обработки и утилизации отходов они передают муниципальным унитарным предприятиям (МУП), учредителями которых являются. Для данных предприятий стала приоритетной задача ресурсосбережения и получения прибыли за счет вовлечения отходов в хозяйственный оборот, так как их функция – вывезти отходы и захоронить. К тому же сфера обращения с отходами не охвачена механизмом рыночного регулирования, твердые бытовые отходы не выступают предметом рыночных сделок.

Таким образом, проблема симбиоза задач оптимизации взаимоотношений экологии и экономики остается на плечах органов муниципального управления. И «перевести стрелку» на федеральный уровень, хотя бы частично, им не позволяет правовая база: согласно ст. 14-16 №131-ФЗ, к полномочиям поселений относится организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора; муниципального района – организация утилизации и переработки бытовых отходов; городского округа – организация сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых отходов [16].

Осуществляемые ИСЭРТ РАН опросы руководителей муниципальных образований в Вологодской области показывают их обеспокоенность функционированием сферы обращения с отходами. При этом многие из них акцентируют внимание на

необходимости использования сильных сторон отечественного опыта управления сферой обращения с отходами, сочетавшего достоинства централизованного ресурсного планирования с интегративным характером функционального взаимодействия структур государственного центрального, регионального и местного управления в интересах обеспечения экологических, экономических и социальных норм и требований на всех стадиях сбора, накопления, транспортирования, обработки, утилизации, обезвреживания, размещения отходов.

Как известно, целевые установки функционированию и развитию сферы обращения с отходами в СССР задавались на общесоюзном уровне Государственным плановым комитетом (Госпланом), ресурсное обеспечение осуществлялось Государственным комитетом по материально-техническому снабжению (Госснабом).

Задачей Госплана СССР было планирование и контроль объемов сбора отходов с целью их дальнейшего использования в качестве вторичных ресурсов. В системе Госнаба СССР имелись специализированные управления, отвечающие за приемку вторсырья: Главвторсырье, Главвторчермет, Главвторцветмет. Главвторсырье занималось сбором вторсырья у населения в городах и поселках (Центросоюз – в сельской местности), Главвторчермет – сбором металлолома у промышленных предприятий, совхозов, МТС; Главвторцветмет отвечал за сбор цветных и драгоценных металлов. Вторичные ресурсы использовались для выпуска новой продукции, причем затраты на сбор и предварительную переработку вторичного сырья включались в ее себестоимость.

В 1980-х годах в СССР функционировали 527 предприятий по выпуску вторичных ресурсов и 5677 приемных пунктов по за-

готовке вторичного сырья от населения, в том числе стационарных — 3793 и передвижных — 1884 [9].

В структуру Госнаба СССР входил также Всесоюзный научно-исследовательский проектно-конструкторский и технологический институт вторичных ресурсов (ВИВР), который осуществлял научное обеспечение решения технико-технологических проблем переработки отходов.

Информационное обеспечение управления сферой обращения с отходами опиралось на подробную и строго формализованную статистическую отчетность — как общую, так и по различным категориям отходов. В производственном плане каждого предприятия фиксировались объемы отходов (металла, стекла, пластмассы и др.), которые необходимо было сдать в обязательном порядке в систему Госнаба СССР.

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренном улучшении использования сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов в 1986—1990 годах и в период до 2000 года» от 23 мая 1986 г. № 608 организация, ответственная за разработку новых видов материалов или продукции, одновременно должна была разрабатывать технологию их повторного использования или переработки после истечения срока службы или эксплуатации, предусматривая создание соответствующих мощностей одновременно с созданием мощностей по производству новых материалов или продукции [21].

Таким образом, в СССР процесс управления сферой обращения с отходами включал в себя планирование, организацию, координацию, регулирование и контроль в интересах достижения главной цели — вовлечения отходов в хозяйственный оборот и минимизации их негативного воздействия на окружающую среду.

С «броском в рынок» 1990-х годов Правительством РФ была полностью ликвидирована существовавшая система управления вторичными материальными ресурсами, практически распалась как отрасль народного хозяйства переработка вторичных материальных ресурсов. В 1996 году для предприятий была отменена статистическая отчетность по формам 14-ВР (вторичные ресурсы), 14-лес (древесные отходы), 9-СН (лом черных металлов), 17-СН (лом цветных металлов).

Спонтанное появление локальных частных полигонов для складирования отходов и предприятий по сбору отходов сформировало у реформантов 1990-х годов собственное им представление о чисто рыночном регулировании деятельности субъектов сферы обращения с отходами. Позднее стала очевидной потребность в использовании инструментов государственного регулирования, фрагментарно обозначившихся в начале 2000-х годов при формировании децентрализованной модели управления сферой обращения отходами на муниципальном уровне.

Между тем в большинстве индустриально развитых стран признается и используется интегрированная модель управления сферой обращения с отходами, для которой характерно заимствование методологических принципов, отдельных инструментов и форм управления, апробированных ранее в СССР. Так, в странах ЕС ответственность за управление отходами сконцентрирована на национальном уровне в специально уполномоченных органах власти. В Швеции — это Министерство окружающей среды, во Франции — Министерство экологии, устойчивого развития и энергетики, в Дании — Агентство по охране окружающей среды, в Великобритании — Департамент окружающей среды, транспорта и региональной политики, в Австрии —

Федеральное министерство сельского хозяйства, лесного хозяйства, окружающей среды и управления водными ресурсами и т.д.

В Европейском союзе длительное время целенаправленно и последовательно формировалась единая система регламентов обращения с отходами производства и потребления (рис. 3). К настоящему времени в странах-участницах ЕС сложилась практика государственного нормирования уровня сбора и переработки наиболее распространенных видов отходов, что, к сожалению, отсутствует в действующей организации управления сферой обращения с отходами в Российской Федерации.

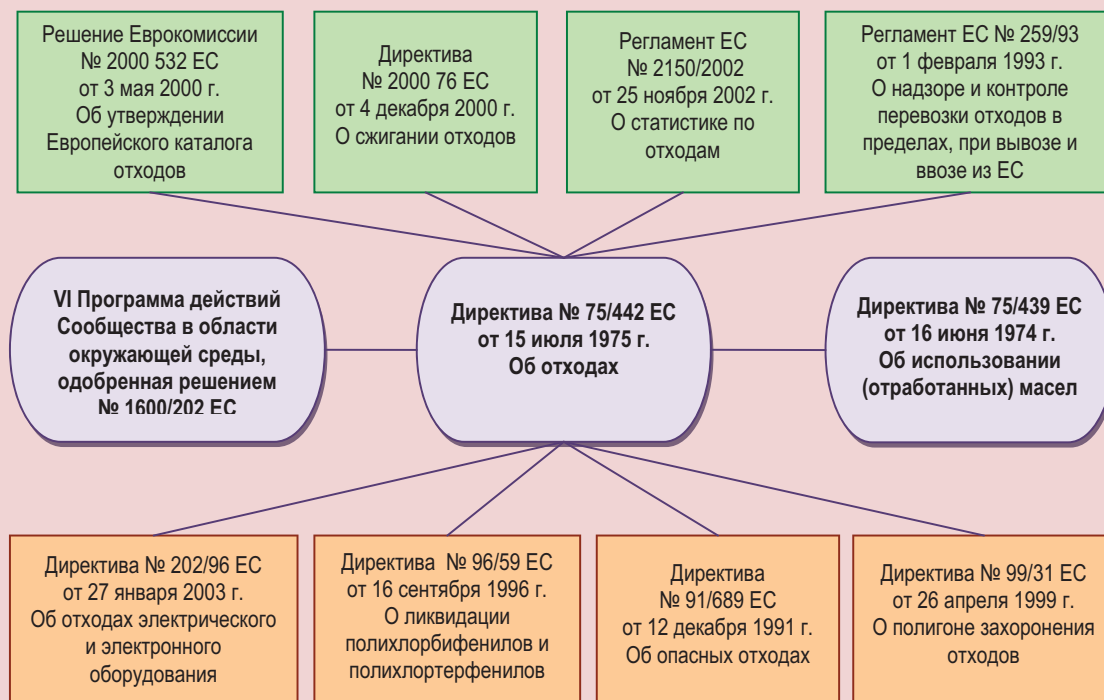
Активно используется в системе государственного и муниципального управления различных стран и другой принцип, применявшийся в СССР, известный под

названием «расширенная ответственность производителей», т.е. ответственность производителей продукции (предпринимателей) за сбор и переработку своей продукции и ее упаковки после их использования [24; 25].

В Австрии, Бельгии, Финляндии, Германии, Люксембурге и Швеции ответственность за утилизацию отдельных типов отходов целиком возлагается на специализированные организации и муниципалитет не несет расходов на организацию сбора отходов. В Ирландии, Италии и Испании местные органы власти получают от производителей товаров плату за сбор отходов, которая в дальнейшем направляется на утилизацию отходов [11; 13].

Излагаемые в научной литературе обзоры советского и западноевропейского опыта управления сферой обращения с

Рис. 3. Правовая основа управления отходами в странах ЕС

Источник: Пинаев, В.Е., Чернышев Д.А. Регулирование деятельности по обращению с отходами – опыт Европейского Союза // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 4.– Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/sbornik6/4.pdf>.

отходами показывают возможность согласованных действий всех участников процесса: населения, жилищно-коммунальных служб, предприятий по сбору и транспортировке отходов, предприятий-переработчиков отходов, администраций муниципальных образований, городов и поселений, региональных и федеральных властных структур, природоохранных ассоциаций.

Предпринятая на материалах Вологодской области систематизация данных о состоянии и функционировании сферы обращения с твердыми бытовыми отходами позволяет рассматривать ее как систему (рис. 4), отличающуюся структурной и функциональной несбалансированностью этапов единого технологического процесса, рассогласованностью регламентов взаимодействия субъектов-участников и противоречивостью их экономических интересов в отсутствие единого государственного координатора. Является очевидной необходимость акцентировать внимание не только на общих проблемах, характерных для этой сложной сферы, но и конкретизировать ряд из них для целей осуществления неотложных реальных управленческих воздействий.

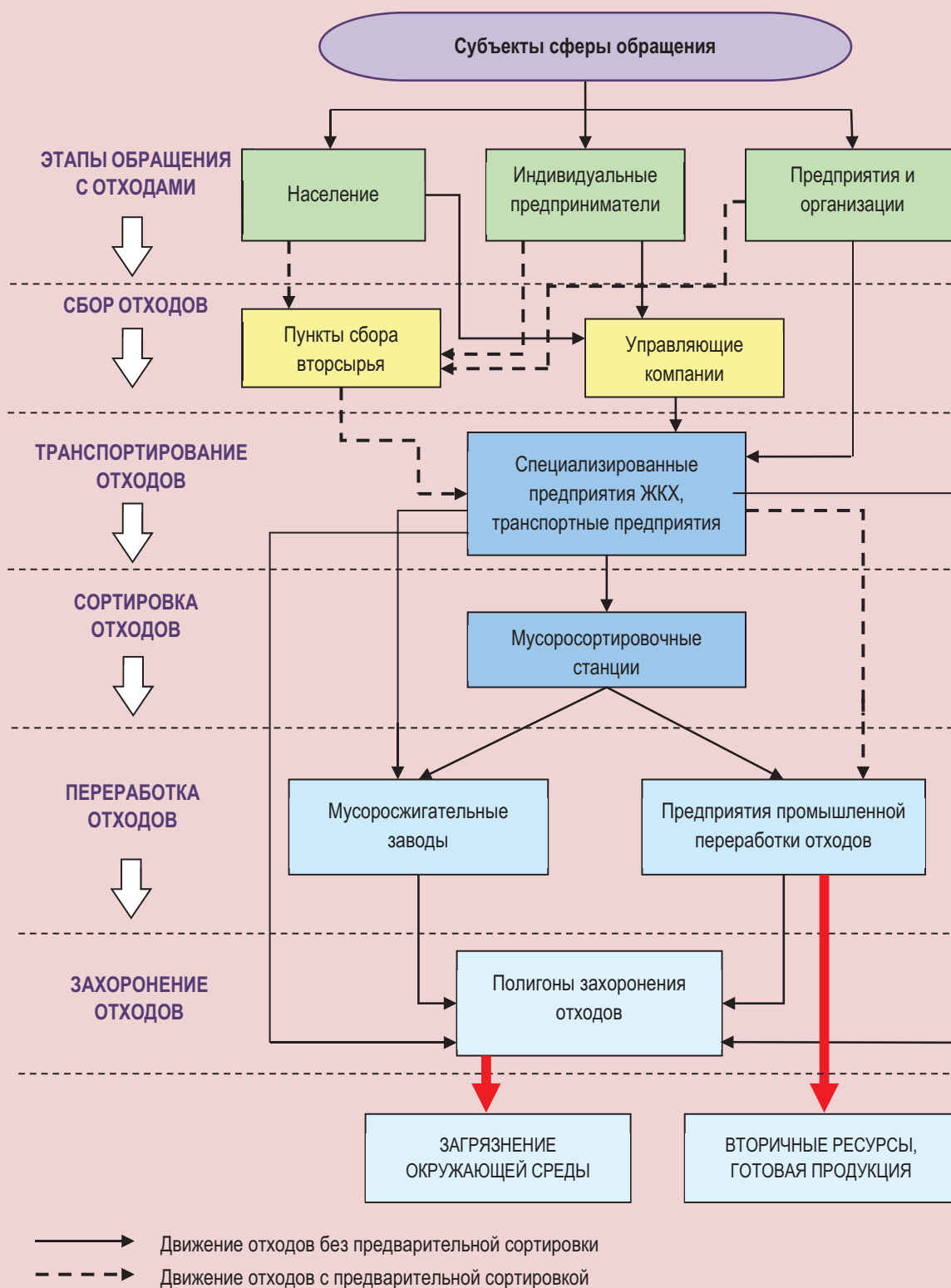
Так, по данным статотчетности формы №2-ТП (отходы), в Государственный реестр объектов размещения отходов на территории области на 01.01.2015 г. внесен 31 объект захоронения твердых коммунальных отходов [8]. Однако в 2015 году в результате организационных и надзорных мероприятий было выявлено 2359 мест несанкционированного размещения отходов и «навалов» мусора [10], на которые не распространились функции регионального управления (в части учета, оценки их вредного воздействия, расчетов потребных затрат на ликвидацию или выполнение других обоснованных опера-

ций), включая информативность о состоявшихся мерах ответственности конкретных фигурантов.

Другим направлением действий выступает формирование организационных и нормативно-правовых регламентов, способствующих созданию не только крупных, специализированных предприятий по переработке отходов, но и ориентированной на них локальной сети малых и микропредприятий, конкретных физических лиц (действующих и потенциальных), охватывающих стадии подготовки процесса производства вторичных ресурсов. Вероятно, не требует применения высоких технологий организация, например, отдельного сбора отходов, которая в областном центре и на территории прилегающего района представлена всего лишь на нескольких площадках и потенциально могла бы быть, как минимум, во всех сельских и поселковых муниципальных образованиях в условиях действующих 32 предприятий и компаний, специализирующихся на переработке отходов (пластмассы, резины, макулатуры, шин, металлов и др.).

Было бы целесообразным критически рассмотреть критерии существующей региональной тарифной политики в сфере сбора и удаления твердых бытовых отходов (имеет место масштабный «разброс» в тарифах на вывоз и утилизацию ТБО по различным муниципальным образованиям — от 39 руб. 16 коп до 616 руб. 80 коп.) [19]. При этом остается неясным, насколько учитывается при дифференциации тарифов полезность твердых бытовых отходов для целей производства вторичных ресурсов? Возникает неотложная потребность во внесении изменений в тарифную систему сферы обращения с ТБО на региональном уровне, которая должна служить, как подчеркивает А.В. Иванов, стимулом к раздельному сбору отходов [12].

Рис. 4. Участники системы обращения с ТБО и их функции

Источник: составлено авторами.

Требует информативного представления экономическая мотивация субъектов-участников процесса обращения твердых бытовых отходов, а также предприятий-потребителей вторичных ресурсов.

Результаты анализа и структуризации проблем функционирования сферы обращения с твердыми бытовыми отходами, обзора отечественного и зарубежного опыта организации обращения с отходами позволяют сделать вывод о возможности их последовательного разрешения на основе системного подхода к управлению этой сферой с активизацией использования программно-целевого инструмен-

тария государственного регулирования развития.

Методологическим основанием формирования интегративной модели управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами в муниципальном районе выступает представление процесса управления сферой обращения с отходами как совокупности научно обоснованных целенаправленных воздействий на сбор, накопление, транспортирование, обработку, утилизацию, обезвреживание, размещение отходов с целью обеспечения экологических, экономических и социальных норм и требований.

Литература

1. Анопченко, Т.Ю. Зарубежный опыт управления в сфере твердых бытовых отходов / Т.Ю. Анопченко, С.А. Кирсанов, М.А. Чернышев // Российский Академический журнал. – 2014. – № 1. – Т. 27. – С. 8-14.
2. Ашихмина, Т.В. Геоэкологический анализ состояния окружающей среды и природоохранные рекомендации в районе расположения полигонов ТБО Воронежской области [Рукопись]: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.36 / Ашихмина Татьяна Владимировна. – Воронеж: [б. и.], 2014. – 187 с.
3. Волынкина, Е.П. Анализ моделей управления отходами и разработка интегрированной модели для регионального управления твердыми бытовыми отходами / Е.П. Волынкина, С.Н. Кузнецов // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. – 2013. – № 3(5). – С. 47-59.
4. ГОСТ Р 53692-2009 Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Этапы технологического цикла отходов [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справ.-правовая система.
5. ГОСТ Р 56222-2014 Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения в области материалов [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справ.-правовая система.
6. ГОСТ 30772-2001 Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справ.-правовая система.
7. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mnr.gov.ru>.
8. Государственный реестр объектов размещения отходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-ecolog.ru/grogo/region/35>
9. Девяткин, В.В. Управление отходами: отечественный и зарубежный опыт [Текст] / В.В. Девяткин // Экологический вестник России. – 2009. – № 2. – С. 37-41.
10. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Вологодской области в 2015 году / Правительство Вологодской области, Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области. – Вологда: Сад-огород, 2016. – 232 с.
11. Дорожко, С.В. Управление твердыми бытовыми отходами: научно-практическое издание / С.В. Дорожко, А.Н. Гнедов, И.А. Калиновская. – Минск: Орех, 2010. – 214 с.
12. Иванов, А.В. Теория и методология формирования системы управления инфраструктурными комплексами (на примере системы управления твердыми бытовыми отходами) [Рукопись]: дис. ... доктора экон. наук: 08.00.05. / А.В. Иванов. – СПб: ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов», 2009. – 561 с.
13. Кирсанов, С.А. Мировой и российский опыт утилизации твердых бытовых отходов / С.А. Кирсанов, Г.В. Мустафин // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2014. – № 2. – С. 114-120.

14. Кривченко, Е.М. Совершенствование системы эколого-экономического управления отходами : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е.М. Кривченко. – М.: ЦЭМИ РАН, 2007. – 25 с.
15. Назаров, А.И. Управление твердыми отходами в субъекте Федерации [Электронный ресурс] / А.И. Назаров. – Режим доступа: http://waste.ru...library/nazarov_upravlenie_othodami.pdf.
16. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Гарант-сервис: справ.-правовая система.
17. Об отходах производства и потребления [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ // Гарант-сервис: справ.-правовая система.
18. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>.
19. Официальный сайт Департамента топливно-энергетического комплекса и тарифного регулирования Вологодской области. – Режим доступа: <http://www.vologdarec.ru/tarifs?Rajon=1973&MO=19730000&Group=0&Period=0>
20. Пинаев, В.Е. Регулирование деятельности по обращению с отходами – опыт Европейского союза [Электронный ресурс] / В.Е. Пинаев, Д.А. Чернышев // Интернет-журнал «Наукovedение». – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/sbornik6/4.pdf>.
21. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 мая 1986 г. № 608 «О коренном улучшении использования сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов в 1986–1990 годах и в период до 2000 года».
22. Сапожникова, Г.П. Конец «мусорной цивилизации»: пути решения проблемы отходов / Г.П. Сапожникова. – М.: Оксфам, 2010. – 108 с.
23. Соловьянов, А.А. Утилизация отходов в Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.А. Соловьянов. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3558#top-content
24. Bani, M.S. The Development of Decision Support System for Waste Management / M.S Bani, Z.A. Rashid., K.H.K. Hamid et al // World Academy of Science, Engineering and Technology. 2009. № 25. P. 161-168.
25. Emmanuel C. Gentil Life-cycle modelling of waste management in Europe: tools, climate change and waste prevention: PhD Thesis / C. Emmanuel // Department of Environmental Engineering Technical University of Denmark – 2011. – 57 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://orbit.dtu.dk/fedora/objects/orbit:85800/datastreams/file_5478313/content
26. Cleary, J. The incorporation of waste prevention activities into life cycle assessments of municipal solid waste management systems: methodological issues. The International Journal of Life Cycle Assessment 2010, 15, 579-589.
27. Мюррей, Р. Цель «Zero Waste» (перевод с англ.) / Р. Мюррей – Москва: ОМННО «Совет Гринпис» – 2004. – 232 с.
28. Managing municipal solid waste – a review of achievements in 32 European countries // EEA Report: Luxembourg: Publications Office of the European Union. – № 2. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eea.europa.eu...municipal-solid-waste/download>

Сведения об авторах

Ольга Ивановна Лихачева – старший преподаватель, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: Olga_ivanovna_vstu@mail.ru)

Павел Михайлович Советов – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (Российская Федерация, 160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: sovetovpm@yandex.ru)

Likhacheva O.I., Sovetov P.M.

Methodological Aspects of Governing Residential Solid Waste Management Sphere

Abstract. The article is based on the results of our research on government regulation of waste treatment. The goal of the first phase of the study is to substantiate methodological provisions on arranging residential solid waste management in the region (municipality). Informational and empirical base of the research was formed with the use of the data of the Federal State Statistics Service of Russia, materials of monographs, surveys on environmental policy in foreign countries, publications in periodicals, information presented on official websites of enterprises and state and municipal authorities, as well as the data that we obtained while analyzing the situation and making observations. The object of the research is organization of residential solid waste management. Our working hypothesis that we prove is the thesis that state regulation mechanisms dominate in managing the development of waste treatment sphere and that there is a possibility of limited admission of market self-regulation tools managing residential solid waste treatment in the region (municipality). When defining “waste” we note the absence of a unified approach to the definition of “residential solid waste” and discrepancies in its interpretations in the laws and regulations of state authorities of the Russian Federation, which leads to inconsistencies in organizational regulations and communication space of state and municipal management. We note that the volume of solid waste is increasing each year, their composition becomes more complex, there emerge new packaging materials derived from complex polymers that can for a long time (a hundred years and more) retain hazardous properties, which increases the burden on the ecosystem and hazards to human health. Of the total volume of residential solid waste produced in Russia about 97% goes to landfills and dumps, for which about a thousand hectares of land is allocated annually, and the waste loses its potential as a secondary resource. The responsibility for reducing negative impact of waste on the environment is “spread” among executive authorities. Having analyzed and structured existing problems in the functioning of residential solid waste management and having reviewed domestic and foreign experience of waste management, we conclude that they can be solved step-by-step with the use of system approach to managing this sphere with the increased use of program-target tools of state regulation. In this regard, we postulate a methodological basis to represent the process of managing waste treatment sphere as a set of science-based targeted impacts on the collection, storage, transportation, processing, recycling, and disposal of waste for the purpose of ensuring environmental, economic and social standards and requirements. The article proves the necessity of and prerequisites for the formation of an integrative model for managing the sphere of residential solid waste treatment at the regional (municipal) level.

Key words: residential solid waste; residential solid waste management sphere; management of residential solid waste treatment sphere; state regulation of development of residential solid waste management sphere.

References

1. Anopchenko T.Yu., Kirsanov S.A., Chernyshev M.A. Zarubezhnyi opyt upravleniya v sfere tverdykh bytovykh otkhodov [Foreign experience of management in the sphere of residential solid waste]. *Rossiiskii Akademicheskii zhurnal* [Russian academic journal], 2014, vol. 27, no. 1, pp. 8-14. (In Russian).
2. Ashikhmina T.V. *Geoekologicheskii analiz sostoyaniya okruzhayushchei sredy i prirodookhrannye rekomendatsii v raione raspolozheniya poligonov TBO Voronezhskoi oblasti [Rukopis']*: dis. ... kand. geogr. nauk: 25.00.36 [Geoeological analysis of environmental conditions and conservation recommendations in the area of landfills in the Voronezh Oblast [manuscript]: Ph.D. in Geography dissertation]. Voronezh, 2014. 187 p. (In Russian).

3. Volynkina E.P., Kuznetsov S.N. Analiz modelei upravleniya otkhodami i razrabotka integrirovannoi modeli dlya regional'nogo upravleniya tverdymi bytovymi otkhodami [The analysis of waste control models and the development of an integrated model for the regional solid domestic waste control]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta* [Bulletin of Siberian State Industrial University], 2013, no. 3 (5), pp. 47-59. (In Russian).
4. GOST R53692-2009 Resursoberezhenie. Obrashchenie s otkhodami. Etapy tekhnologicheskogo tsikla otkhodov [State Standard R53692-2009 Resource conservation. Waste management]. *Konsul'tant Plyus: sprav.-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference-legal system]. (In Russian).
5. GOST R 56222-2014 Resursoberezhenie. Obrashchenie s otkhodami. Terminy i opredeleniya v oblasti materialov [State Standard R 56222-2014 Resource conservation. Waste management. Terms and definitions in the materials sphere]. *Konsul'tant Plyus: sprav.-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference-legal system]. (In Russian).
6. GOST 30772-2001 Resursoberezhenie. Obrashchenie s otkhodami. Terminy i opredeleniya. [State Standard 30772-2001 Resource conservation. Waste management. Terms and definitions]. *Konsul'tant Plyus: sprav.-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference-legal system]. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyi doklad "O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2014 godu"* [State report "On the status and protection of the environment in the Russian Federation in 2014"]. Available at: <http://mnr.gov.ru> (In Russian).
8. *Gosudarstvennyi reestr ob"ektov razmeshcheniya otkhodov* [State register of waste disposal facilities]. Available at: <https://e-ecolog.ru/groro/region/35> (In Russian).
9. Devyatkin V.V. Upravlenie otkhodami: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Waste Management: Russian and international experience]. *Ekologicheskii vestnik Rossii* [Environmental Bulletin of Russia], 2009, no. 2, pp. 37-41. (In Russian).
10. *Doklad o sostoyanii i okhrane okruzhayushchei sredy Vologodskoi oblasti v 2015 godu* [Report on the current status and protection of the environment in the Vologda Oblast in 2015]. Vologda: Sad-ogorod, 2016. 232 p. (In Russian).
11. Dorozhko S.V., Gnedov A.N., Kalinovskaya I.A. *Upravlenie tverdymi bytovymi otkhodami: nauchno-prakticheskoe izdanie* [Solid waste management: scientific-practical edition]. Minsk: Orekh, 2010. 214 p. (In Russian).
12. Ivanov A.V. *Teoriya i metodologiya formirovaniya sistemy upravleniya infrastrukturnymi kompleksami (na primere sistemy upravleniya tverdymi bytovymi otkhodami) [Rukopis']*: dis. ... doktora ekon. nauk: 08.00.05 [Theory and methodology of forming a system for managing infrastructure systems (on the example of the system of residential solid waste management) [manuscript]: Doctor of Geography dissertation]. Saint Petersburg: GOU VPO "Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov", 2009. 561 p. (In Russian).
13. Kirsanov S.A., Mustafin G.V. Mirovoi i rossiiskii opyt utilizatsii tverdyykh bytovyykh otkhodov [World and Russian experience of utilization of solid domestic waste]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"* [Herald of Omsk University. Series "Economics"], 2014, no. 2, pp. 114-120. (In Russian).
14. Krivchenko E.M. *Sovershenstvovanie sistemy ekologo-ekonomicheskogo upravleniya otkhodami: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Improving environmental-economic waste management system: Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Moscow: TsEMI RAN, 2007. 25 p. (In Russian).
15. Nazarov A.I. *Upravlenie tverdymi otkhodami v sub"ekte federatsii* [Solid waste management in the federation subject]. Available at: http://waste.ru>...library/nazarov_upravlenie_othodami.pdf (In Russian).
16. Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 06.10.2003 №131-FZ [About the general principles of organizing local government in the Russian Federation: Federal Law 131-FZ dated October 6, 2003]. *Garant-servis: sprav.-pravovaya sistema* [Garant-service: reference-legal system]. (In Russian).
17. Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniya: feder. zakon ot 24.06.1998 № 89-FZ [About production and consumption waste]. *Garant-servis: sprav.-pravovaya sistema* [Garant-service: reference-legal system]. (In Russian).
18. *Osnovy gosudarstvennoi politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossii na period do 2030 goda (utv. Prezidentom RF ot 30 aprelya 2012 g.)* [Principles of state policy in the field of environmental development of Russia until 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012)]. Available at: <http://base.garant.ru> (In Russian).

19. *Ofitsial'nyi sait Departamenta toplivno-energeticheskogo kompleksa i tarifnogo regulirovaniya Vologodskoi oblasti* [Official website of the Department of the Fuel and Energy Complex and Tariff Regulation of the Vologda Oblast]. Available at: <http://www.vologdarec.ru/tarifs?Rajon=1973&MO=19730000&Group=0&Period=0> (In Russian).
20. Pinaev V.E., Chernyshev D.A. Regulirovanie deyatel'nosti po obrashcheniyu s otkhodami – opyt Evropeiskogo soyuza [Regulation of waste management – the experience of the European Union]. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* [Online journal "Science studies"], 2014, no. 4. Available at: <http://naukovedenie.ru/sbornik6/4.pdf> (In Russian).
21. *Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 23 maya 1986 g. № 608 "O korennom uluchshenii ispol'zovaniya syr'evykh, toplivno-energeticheskikh i drugikh material'nykh resursov v 1986–1990 godakh i v period do 2000 goda"* [Resolution of the CPSU Central Committee and USSR Council of Ministers of May 23, 1986, No. 608 "About radical improvement of the use of raw materials, energy and other material resources in 1986–1990 and in the period until 2000"]. (In Russian).
22. Sapozhnikova G.P. *Konets "musornoj tsivilizatsii": puti resheniya problemy otkhodov* [The end of the "trash civilization": ways to solve the waste problem]. Moscow: Oksfam, 2010. 108 p. (In Russian).
23. Solov'yanov A.A. *Utilizatsiya otkhodov v Rossiiskoi Federatsii* [Disposal of waste in the Russian Federation]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3558#top-content (In Russian).
24. Bani M.S., Rashid Z.A., Hamid K.H.K. et al. The Development of Decision Support System for Waste Management. *World Academy of Science, Engineering and Technology*, 2009, no. 25, pp. 161-168.
25. Gentil E.C. *Life-cycle modelling of waste management in Europe: tools, climate change and waste prevention: PhD Thesis*. Department of Environmental Engineering Technical University of Denmark, 2011. 57 p. Available at: http://orbit.dtu.dk/fedora/objects/orbit:85800/datastreams/file_5478313/content
26. Cleary J. The incorporation of waste prevention activities into life cycle assessments of municipal solid waste management systems: methodological issues. *The International Journal of Life Cycle Assessment*, 2010, no. 15, pp. 579-589.
27. Murrey R. *Tsel' "Zero Waste"* [Zero Waste]. Translated from English. Moscow: OMNNO "Sovet Grinpis", 2004. 232 p.
28. *Managing municipal solid waste - a review of achievements in 32 European countries. EEA Report No. 2/2013*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Available at: <http://eea.europa.eu/...municipal-solid-waste/download>

Information about the Authors

Ol'ga Ivanovna Likhacheva – Senior Lecturer, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: Olga_ivanovna_vstu@mail.ru)

Pavel Mikhailovich Sovetov – Doctor of Economics, Professor, N.V. Vereshchagin Vologda State Dairy Farming Academy (2, Shmidt Street, rural settlement of Molochnoye, Vologda, 160555, Russian Federation; e-mail: sovetovpm@yandex.ru)

Статья поступила 23.12.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.7

УДК 334.7, ББК 65.305.1, 65.305.2

© Пономаренко Т.В., Ларичкин Ф.Д., Щетинина К.В.

Методический подход к оценке ценности проекта освоения месторождения и создания цепочки добавленной стоимости

**Татьяна Владимировна
ПОНОМАРЕНКО**

Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199106, Васильевский остров,
21 линия, д. 2
E-mail: stv_mail@mail.ru

**Федор Дмитриевич
ЛАРИЧКИН**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного
центра Российской академии наук
Апатиты, Мурманская область, Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана,
д. 24а
E-mail: lfd@iep.kolasc.net.ru

**Кристина Васильевна
ЩЕТИНИНА**

Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199106, Васильевский остров,
21 линия, д. 2
E-mail: kristina_0101@mail.ru

Для цитирования: Пономаренко, Т.В. Методический подход к оценке ценности проекта освоения месторождения и создания цепочки добавленной стоимости / Т.В. Пономаренко, Ф.Д. Ларичкин, К.В. Щетинина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 128-143. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.7

For citation: Ponomarenko T.V., Larichkin F.D., Shchetinina K.V. Methodological Approach to Assessing the Value of the Project on the Development of a Deposit and the Creation of Value Added Chains. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 128-143. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.7

Аннотация. Развитие компаний должно быть нацелено на рост их ценности, что обеспечивается применением концепции ценностно-ориентированного менеджмента. Этот подход может быть также положен в основу роста ценности интегрированных компаний или групп, стратегических проектов и отраслей экономики. Для минерально-сырьевого сектора характерен высокий уровень вертикальной интеграции, специфика влияния технологических, экономических и институциональных факторов, определяющие ценность минерально-сырьевых активов и производимой товарной продукции. Оценка ценности проектов отраслевого уровня может осуществляться с применением концепции добавленной стоимости и проектирования на этой основе цепочек добавленной стоимости (ЦДС). Цель исследования заключается в научном обосновании подхода к оценке проекта создания оловянной отрасли в Республике Казахстан с учетом концепции добавленной стоимости. Методы исследования: сравнительный анализ, системный подход, стратегический анализ, методы принятия управленческих решений. Новизна проведенного исследования: выявленные специфические отличия построения ЦДС в минерально-сырьевом секторе включают экономические, технологические, институциональные факторы; обосновано, что специфика горных проектов определяет ценность минерально-сырьевых активов и всей ЦДС; разработанный алгоритм оценки стратегического инвестиционного проекта отраслевого уровня в минерально-сырьевом секторе включает оценку эффектов для основных стейкхолдеров¹; организационно-экономический механизм создания оловянной отрасли основан на формировании и сравнении различных вариантов ЦДС. Объектом исследования является проект создания оловянной отрасли Республики Казахстан на основе разработки месторождения Сырымбет. В результате выполненных исследований обосновано применение концепции добавленной стоимости для выбора варианта проекта освоения месторождения, предложена модель проектирования ЦДС в минерально-сырьевом секторе, разработан алгоритм создания оловянной отрасли с учетом интересов государства и недропользователей. Результаты исследования могут быть использованы как горными компаниями, так и органами государственного управления недропользованием, поскольку позволяют дополнить существующие методы оценки стратегических проектов отраслевого уровня новыми эффектами и управлять ими. В продолжение исследования планируется количественная оценка различных эффектов стратегического проекта, а также сравнительный анализ вариантов ЦДС в организационно-экономическом механизме формирования оловянной отрасли Казахстана.

Ключевые слова: бизнес-процессы, оловянная отрасль, портфель проектов, потенциал ценности, технологические процессы, цепочка добавленной стоимости.

Введение

Под цепочкой ценностей, следуя М. Портеру, понимается согласованный набор видов деятельности, создающих ценность для компании, начиная от сырья и материалов от поставщиков до готовой продукции, доставленной потреби-

телю, включая дополнительные функции, например сервисные услуги. В цепочке добавленной стоимости (ЦДС) как модели осуществляется структурирование процесса движения продукта от поставщика к потребителю через стадии, добавляющие продукту ценность [19].

¹ Стейкхолдер – лицо, группа или организация, которая может влиять, на которую могут повлиять или которая может воспринимать себя подвергнутой влиянию решения, операции или результата проекта [14].

Существенное развитие получила концепция цепочки создания добавленной ценности в работах Р. Каплински и М. Морриса [22, 23] и других экономистов [11, 19, 24]. Такой подход положен в основу анализа процесса формирования стоимости продукта в интегрированной компании (на нескольких взаимосвязанных стадиях) с целью повышения эффективности и конкурентоспособности всей системы. Следует также учитывать, что на конкурентоспособность всей цепочки (системы) влияют процессы как формирования добавленной стоимости, так и ее перераспределения между участниками, создающими конечный продукт. Поэтому управляющий субъект (корпоративный центр) в цепочке должен задавать пропорции распределения добавленной стоимости между ее участниками.

При реализации ЦДС не в одной компании, а в их совокупности (особенно организационно оформленной и представляющей собой группу компаний) количество формирующихся эффектов увеличивается и может включать дополнительные (синергетические) эффекты [10]. При реализации ЦДС на отраслевом, региональном или национальном уровнях обязателен учет социально-экономических (внешних) эффектов на соответствующих уровнях.

Выбор решений по освоению минерально-сырьевых активов должен осуществляться с учетом построения ЦДС отраслевого уровня и основываться на методическом подходе к оценке ценности проекта освоения месторождения и создания ЦДС с учетом различных эффектов, оказывающих влияние на интегрированную компанию, регион, национальную экономику, трансграничное взаимодействие. Такие эффекты должны учитывать возможную государственную поддержку, получение новых видов продукции, допол-

нительных доходов, бюджетных поступлений и т.п. при проектировании различных вариантов ЦДС.

Цель исследования заключается в научном обосновании подхода к оценке проекта создания оловянной отрасли в Республике Казахстан с учетом концепции добавленной стоимости.

Задачи исследования:

1. Обосновать применение ЦДС для оценки проекта отраслевого уровня в минерально-сырьевом комплексе и выявить отраслевые особенности ЦДС.

2. Разработать алгоритм оценки стратегического инвестиционного проекта, на основе которого формируется отрасль, в минерально-сырьевом секторе.

3. Разработать методический подход к формированию ЦДС с учетом влияния экономических, технологических, институциональных факторов (на примере оловянной отрасли Казахстана).

4. Предложить организационно-экономический механизм реализации различных вариантов ЦДС для оловянной отрасли Казахстана.

Результаты и обсуждение

Обоснование применения ЦДС для оценки проекта отраслевого уровня в минерально-сырьевом комплексе и выявление отраслевых особенностей ЦДС

Технологическая взаимосвязь проектов в программе обуславливает их оценку как единого комплекса, что определяет применение концепции добавленной стоимости и построение ЦДС [24]. В минерально-сырьевом комплексе ЦДС основаны на проектах по освоению минерально-сырьевых активов, поэтому специфика горных проектов определяет особенности оценки ценности ЦДС [20]. К ним относятся: горно-геологические условия (ГГУ) месторождений; выбор на этой основе технико-экономических решений; специфические риски.

ГГУ месторождения включают: качественные характеристики (содержание полезных компонентов, минеральный состав, обогатимость руд, структура рудного тела), количественные показатели (величина запасов), условия залегания (форма залегания геологических тел, элементы залегания поверхностей напластования, плоскости контактов, структурные элементы складок, тектонические нарушения).

Учет рисков проекта освоения месторождения обеспечивается современной оценкой ресурсной базы по Австралийскому кодексу отчетности о результатах разведки, минеральных ресурсах и запасах руды (кодекс JORC) [1], преимуществами которого являются разделение каждой категории запасов и ресурсов, основанное на экономических и технических факторах, общие принципы оценки месторождений, которые предполагают сбор и оценку геологических данных, определение геометрии рудного тела, подсчет ресурсов и пригодных к добыче запасов, с одновременной проверкой достоверности получаемых данных, использование современных технологических методов, позволяющих более точно спроектировать и спрогнозировать структуру рудного тела, проработать детальный анализ допусков и детальную геологическую модель месторождения. Кодекс JORC устанавливает минимальные стандарты, рекомендации и принципы применения публичной отчетности о результатах разведки минеральных ресурсов и запасов руды. На этой основе Объединенный комитет по международным стандартам отчетности о запасах (CRIRSCO) работает над созданием свода стандартных международных определений для отчетности о минеральных ресурсах и минеральных (рудных) запасах.

Номенклатура товарной продукции (ТП), логистика производства и сбыта, раз-

мещение производственных площадок, ценность и себестоимость ТП зависят от экономических факторов (условий транспортировки, цен, спроса и т.п.), технологических факторов (технологий добычи и переработки), институциональных факторов (налоговой системы, государственного регулирования и государственной поддержки, льгот и преференций и т.п.).

Поэтому проектирование различных ЦДС приводит к различным экономическим результатам и внеэкономическим эффектам, оказывающим влияние на компанию, регион, национальную экономику, трансграничное сотрудничество.

Алгоритм оценки стратегического инвестиционного проекта, на основе которого формируется отрасль, в минерально-сырьевом секторе.

В научной литературе, при отсутствии точного определения стратегического проекта, определены его основные признаки: направленность на достижение стратегических конкурентных преимуществ [12], системный подход к разработке и реализации, долгосрочный характер. В большинстве случаев такие проекты являются крупномасштабными, требующими значительного и интенсивного инвестирования, что делает их высокорискованными.

Проблемы управления стратегическими проектами связаны с масштабами и сложностью технических и технологических решений, значительным количеством и взаимосвязанностью процессов организации, высоким бюджетом и длительным сроком реализации, а также неопределенностью влияния факторов и существенными рисками. Стратегические проекты часто представляют собой портфели или программы проектов [14, 15], которые реализуются в интегрированной компании.

Масштабность и сложность подобных проектов обусловлена рядом факторов: это

значительные инвестиции, апробация новых технологий, множество интересов стейкхолдеров, разнообразие и существенное влияние рисков, повышенная долговая нагрузка. Такие особенности и риски определяют проблемы реализации стратегических проектов. Высокие риски реализации инвестиционных проектов, необходимость осуществления инфраструктурных затрат, значительные инвестиции, влияние на социально-экономическое развитие региона, требования к доходности со стороны частного инвестора и эффективности расходования бюджетных средств определяют необходимость выбора организационно-экономического и финансового механизма их реализации. К ним относятся особые механизмы привлечения финансовых ресурсов, включая проектное финансирование; комплексное и рациональное освоение природных, прежде всего минеральных, ресурсов; создание эффективной транспортной и производственной инфраструктуры, прежде всего на основе государственно-частного партнерства (ГЧП); особая организация производства, включая применение ресурсоэффективных и малоотходных технологий, прежде всего передовых (наилучших доступных) технологий [13].

Как правило, стратегические проекты в минерально-сырьевом секторе влияют на экономическое состояние населения и различные субъекты предпринимательской деятельности, развитие отрасли, региона и страны в целом, вовлекают множество различных интересов и должны быть дополнены взаимовыгодным ГЧП, включая взаимодействие с общественными организациями, объединяющими интересы промышленников и предпринимателей. Поэтому экономические эффекты для недропользователя должны быть дополнены социально-экономическими эффектами для других стейкхолдеров.

Алгоритм оценки стратегического инвестиционного проекта отраслевого характера в минерально-сырьевом секторе:

1. Выявление и анализ экономических, технологических и институциональных факторов, воздействующих на проект в настоящее время и в перспективе, определяющих конкурентные преимущества и инвестиционную привлекательность проекта.

2. Определение основных стейкхолдеров (компания-государство) и согласование их интересов.

3. Построение вариантов ЦДС и формирование программ проектов на основе ЦДС.

4. Выявление эффектов для основных стейкхолдеров (компания-государство).

5. Выбор варианта реализации программы по величине экономического эффекта для компании.

6. Обоснование и выбор варианта реализации программы по сумме социально-экономических эффектов для государства.

7. Разработка организационно-экономического механизма реализации программы проектов в ЦДС.

Методический подход к формированию ЦДС с учетом влияния экономических, технологических, институциональных факторов (на примере оловянной отрасли Казахстана)

Проектирование и анализ ЦДС в интегрированных компаниях со множеством стадий включает: выявление взаимосвязи технологических процессов, анализ структуры ЦДС по бизнес-процессам, исследование и анализ влияния совокупности факторов (экономических, технологических и институциональных), исследование и оценку бизнес-процессов по потенциалу создания ценности с учетом прогнозируемого влияния внешней среды, выбор направлений и методов роста ценности по стадиям за счет повышения эффектив-

ности операционной и проектной деятельности, максимизацию эффекта в рамках всей ЦДС за счет разработки организационно-экономического механизма реализации ЦДС.

В структуре экономики Казахстана одно из ведущих мест занимает горная промышленность. Страна обладает значительными запасами и прогнозными ресурсами оловянного сырья, ведется разведка уникального месторождения олова, крупнейшего в Центральной Азии, при этом оловянная отрасль в Республике Казахстан не создана.

Цветная металлургия занимает значимое место среди других отраслей промышленности Казахстана, включая производство меди, свинца, цинка, титана, магния, редких и редкоземельных металлов, прокат на основе меди, свинца [6]. В настоящее время Казахстан является покупателем российского олова, при этом в течение десятилетия осваивая собственную минерально-сырьевую базу и планируя производить олово в количествах, превышающих текущее производство в России [11]. Перспективы оловянной отрасли базируются на вовлечении в эксплуатацию месторождения Сырымбет. Реализация проекта позволит создать новую технологически передовую подотрасль цветной металлургии. Проект освоения оловорудного месторождения реализуется с 2001 г., при этом начало работ по добыче и переработке руды перенесено с 2011 на 2018 г.

Лицензия до 2028 г. на проведение геологоразведочных работ и отработку месторождения выдана АО «Сырымбет», подразделению казахстанской инвестиционной компании Lancaster Group Kazakhstan. Месторождение было открыто в 1985 г., активная разработка была начата в 2004 г. К 2012 году закончены геологоразведочные работы, проведены полупромышленные

технологические испытания, разработаны технологический регламент и проектно-сметная документация проекта освоения месторождения.

Запасы месторождения оценены по международной классификации JORC и составляют 94,5 млн. т руды, 463,5 тыс. т олова в металле при среднем содержании 0,49%. В руде содержатся вольфрам (0,172%), который имеет ценность в качестве попутно извлекаемого компонента, серебро – до 4 г/т, золото не более 0,15 г/т, молибден – 0,022%, цинк – 0,026%.

Сырымбетское рудное поле расположено в северо-западной части Кокчетавского срединного массива, где расположен ряд месторождений, включая крупные гидротермальные отложения урана, интрузивные образования золота, олова, скарновые и порфировые проявления меди, медно-никелевые проявления в слоях габбро и др. [8].

Проект направлен на создание единственного в Центральной Азии производства олова с применением наиболее эффективной технологии и следованием лучшим экологическим стандартам. Проект первой очереди производства получил финансирование от Евразийского банка развития. В рамках проекта ведётся строительство горно-обоганительного комплекса, в состав которого входят карьер и обоганительная фабрика по переработке комплексных руд и выпуску таких видов товарной продукции, как олово, аморфный кремнезем, концентрат железа, глинозем, а также редкие металлы. При реализации проекта, помимо нового строительства, предполагается восстановление металлургического передела на Иртышском химико-металлургическом заводе (ИХМЗ) в г. Усть-Каменогорске, что позволит ежегодно производить 4532 т редкоземельных металлов, в том числе тантал и ниобий.

К экономическим факторам, оказывающим влияние на ЦДС, отнесены: современное состояние, структура и перспективы развития мирового рынка олова, конъюнктура рынка, основные виды продукции, структура мирового производства, условия финансирования.

Анализ показал, что за последнее десятилетие ежегодное мировое потребление олова росло со скоростью 4%. В структуре мирового потребления около 60% приходится на производство припоев и сплавов, 16–17% – белой жести, более 14% – производство химикалий, 2% – стекла [7]. Оловянная промышленность представляет собой стратегическую отрасль экономики, роль которой состоит в обеспечении сырьем производства высокотехнологичной и наукоемкой конечной продукции (машиностроения, стройиндустрии, авиационной, космической и оборонной промышленности). Возрастает значимость олова среди тяжелых металлов ввиду повышения экологических требований и необходимости замены токсичного свинца [18].

Направления применения олова к настоящему времени существенно расширились. Традиционно олово используется как безопасное, нетоксичное, коррозионно-стойкое покрытие в чистом виде или в сплавах с другими металлами. Последнее десятилетие показало, что олово необходимо для внедрения инновационных технологий и применяется в наукоемких современных производствах. По данным крупного производителя припоев, фирмы «Cookson Group» (Лондон), производители электронной техники по всему миру используют припой, в которых до 95% полезных компонентов приходится на олово. Государства, сделавшие свой выбор в пользу развития средств коммуникации и IT-технологий, были вынуждены в число своих приоритетных направлений включить

вопросы восстановления полноценного функционирования оловянной индустрии, продукция которой неожиданно оказалась востребованной на глобальном дефицитном рынке. Динамика развития рынка олова во многом зависит от объемов выпуска припоев, применяемых в производстве компонентов электронного, электротехнического и бытового оборудования. Прогнозируется ежегодный рост спроса на олово на 3,5–4,0%. Большая часть этого роста придется на азиатские рынки электроники, особенно КНР [2].

Общей чертой современного состояния рынков большинства биржевых цветных металлов является избыток производства и производственных мощностей, что не относится к олову. Рынок олова постепенно стал весьма устойчивым и благоприятным для продуцентов с сохраняющимся глобальным дефицитом в поставках [3]. На традиционных рынках потребления олова в будущем ожидается сохранение хороших темпов роста спроса, который сложно удовлетворить за счет имеющихся производственных мощностей. Растущие азиатские экономики, прогресс в высокотехнологичных секторах промышленности стимулируют спрос на олово, в котором все больше заинтересованы инновационные отрасли.

По данным Международного института по изучению олова (ITRI)², состав десяти ведущих продуцентов достаточно устойчив (табл. 1).

Анализ объемов производства показал, что 4 из 10 крупнейших производителей олова в мире представлены китайскими компаниями в силу обширного внутреннего спроса со стороны автомобильной и электронной промышленности, а также беспрецедентной поддержки государства.

² The top 10 tin producers in 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itri.co.uk/market-analysis/news-2/the-top-10-refined-tin-producers-of-2015>.

Таблица 1. Производство рафинированного олова ведущими продуцентами (2015 г.)

№ п/п	Компания	Объем производства, тыс. т
1.	Yunnan Tin (Китай)	75,5
2.	Malaysia Smelting Corp (Малайзия)	30,3
3.	PT Timah (Индонезия)	27,4
4.	Minsur (Перу)	20,2
5.	Yunnan Chengfeng (Китай)	16,6
6.	EM Vinto (Боливия)	12,1
7.	Guangxi China Tin (Китай)	11,1
8.	Gejiu Zi-Li (Китай)	11,0
9.	Thaisarco (Таиланд)	10,5
10.	Metallo Chimique (Бельгия)	8,9

После улучшения мировой конъюнктуры действующие добывающие предприятия начали расширять минеральную базу, кроме того, появились новые проекты по добыче олова, особенно в Австралии и Канаде. Возможный приход на рынок с существующими лидерами новых конкурентов имеет низкую вероятность.

Общая стоимость проекта освоения месторождения Сырымбет оценивается более чем в 70 млн. долл., в том числе с привлечением кредитных ресурсов на сумму 48,7 млн. долл. со сроком 10 лет. Создание промышленного комплекса по производству олова, тантала, ниобия и других редкоземельных металлов обеспечит ежегодную выручку 45–50 млн. долл.

Технологические факторы включают: современные технологии добычи и обогащения оловосодержащей руды, возможность применения безотходных технологий, рациональное использование недр, плановый коэффициент извлечения полезного компонента, возможности комплексного использования минерального сырья.

Отработка запасов участка «Центральный» месторождения Сырымбет предусматривается открытым способом, что обусловлено относительно небольшой глубиной залегания рудных тел и позволяет отработать запасы на всю глубину с минимальным объемом вскрышных работ. Срок

работы карьера с учетом принятой производительности составит 13,4 года.

Технология, разработанная для комплексной переработки руды, позволяет осуществлять безотходное производство с извлечением более 90% минерального сырья. При этом тонкозернистость ценных минералов, их тесная ассоциация с другими минералами, особенно с минералами железа, оказывает негативное влияние на их высвобождение из руды и усложняет технологии обогащения и извлечения минералов в концентрат.

Основные технико-экономические варианты освоения месторождения «Сырымбет»:

1. Получение бедного (10% по олову) концентрата с высоким извлечением 65% и дальнейшая металлургическая доводка его с получением марочного олова;

2. Получение товарного концентрата (более 40% по олову) и промпродуктов (4–5% по олову) при более низком суммарном извлечении 50–55% и дальнейшая металлургическая доводка их с получением марочного олова.

3. Получение товарного концентрата (более 40% по олову) и промпродуктов (4–5% по олову) при суммарном извлечении 50–55%, дальнейшая металлургическая доводка промпродуктов до возгонов, продажа возгонов и товарных концентратов.

4. Получение товарного концентрата (более 40% по олову) и промпродуктов (4–5% по олову) при суммарном извлечении 50–55% и дальнейшая реализация полученных продуктов на Новосибирский оловянный комбинат (НОК).

Оценка вариантов по значениям показателей эффективности инвестиционных проектов представлена в *таблице 2*.

Из сравнения показателей четырех технологических вариантов переработки руд месторождения «Сырымбет» следует, что наиболее эффективным является первый вариант. Поэтому ЦДС с получением бедного (10% по олову) концентрата с высоким извлечением 65% и дальнейшей металлургической доводкой с получением марочного олова является лучшим вариантом для производителя.

Институциональные факторы включают систему государственного регулирования недропользования и промышленности, налоговую систему, стратегии развития отраслей, инновационного развития, существующие и проектируемые меры государственной поддержки отрасли и другие.

В Казахстане функционируют научно-технические программы обеспечения и развития горно-металлургического сектора, включая повышение эффективности экономического потенциала, повышение технического и технологического уровня производств, формирование законченных технологических циклов с выпуском готовой продукции [5].

Для укрепления позиций оловянной отрасли Казахстана на мировых рынках в условиях нестабильной мировой экономики должны быть приняты меры по восстановлению и развитию отрасли [17]. Государственная политика в развитии оловянной отрасли страны направлена на стимулирование производства олова и создания производств конечной продукции высоких переделов. Основной задачей развития отрасли должно стать поэтапное создание новых перерабатывающих производств оловянной промышленности, связанных с выпуском продукции с высокой добавленной стоимостью, обеспечивающей как рост производства высокотехнологичной продукции и расширение ее экспорта на внешние рынки, так и удовлетворение потребностей внутреннего рынка.

Таблица 2. Техничко-экономические показатели оценки эффективности переработки оловосодержащих руд месторождения «Сырымбет», долл.

№ п/п	Наименование показателей	Един. изм.	Варианты			
			1	2	3	4
1.	Товарная продукция					
	Олово 1	т	60594,4	51501,9		
	Богатый кон-рат (45,32% Sn)	т			77726,4	77726,4
	Концентрат (4,9% Sn)	т				448519,4
	Возгоны	т			27702	
2.	Выручка за весь период эксплуатации	млн. долл.	1505,1	1279,3	1207,5	1074,0
3.	Инвестиционные затраты	млн. долл.	104,8	102,5	94,4	76,1
4.	Производственные расходы	млн. долл.	622,0	604,9	534,7	485,6
5.	Прибыль	млн. долл.	802,3	595,3	600,0	529,7
6.	Налог на прибыль	млн. долл.	160,5	119,1	120,0	105,9
7.	Чистая прибыль	млн. долл.	641,9	476,2	480,0	423,8
8.	Дисконтированный денежный поток (норма дисконта 12 %)	млн. долл.	190,5	116,2	125,6	117,0
9.	Внутренняя норма доходности	%	35,5	27,2	29,5	31,9
10.	Дисконтированный срок окупаемости	лет	4,84	6,26	6,73	5,29

Правительством РК были приняты новый Закон «О недрах и недропользовании» (2010 г.), Программа развития горно-металлургической отрасли на 2010–2014 гг. (утв. постановлением правительства Республики Казахстан от 30 октября 2010 г. № 1144), Программа модернизации действующих предприятий «Производительность-2020» (утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 14 марта 2011 г. № 254). Определены конкретные инвестиционные проекты, реализация которых приведет к увеличению внутреннего потребления продукции металлургии. Предусмотрены секторальные и проектные меры государственной поддержки; меры по совершенствованию законодательства и снятию административных барьеров; по развитию инноваций и содействию технологической модернизации; созданию условий для инвестирования; ресурсному обеспечению; меры налогового стимулирования, включая освобождение от НДС оборотов по реализации геологоразведочных и геолого-поисковых работ. Новый план развития отраслей горнодобывающего сектора Республики Казахстан на 2015–2019 гг. (Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы (утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 октября 2014 г. № 1159)) включает освоение редкометалльно-вольфрам-оловянного месторождения «Сырымбет».

Новая Концепция развития горно-металлургического комплекса Казахстана до 2030 г. учитывает лучший международный опыт недропользования, включая вопросы госуправления в отрасли, внедрения новых технологий и стандартов, повышения инвестиционной привлекательности. Концепция также предусматривает расширение воспроизводства минерально-сырье-

вой базы, создание современной системы управления недрами, привлечения лучших технологий для разведки, увеличения глубины, комплексной и рациональной переработки минерального сырья [4].

С целью обеспечения устойчивого развития отрасли с поставками олова на внутренний и внешний рынок государство может временно выкупать готовый металл по фиксированным ценам, а также содействовать в установлении стабильных трансграничных потоков оловосодержащих изделий на рынки Азии и Европы [3]. Вступление Казахстана в Евразийский союз и во Всемирную торговую организацию (с 22.06.2015 г.) открывает новые возможности для оловянной отрасли.

Анализ условий, стимулирующих инновационное развитие металлургического комплекса, показал, что к ним относятся: наличие минерально-сырьевой базы; организация отечественных производств по переработке сырья; развитие металлопотребляющих отраслей в Казахстане; мировые тенденции к росту потребления качественной металлопродукции; наличие в Казахстане ведущих компаний по добыче, переработке и реализации металла на мировом рынке; внедрение современных высокотехнологичных схем переработки и получения качественного металла, дающее возможность развивать в стране новые отрасли (редкометалльную, радиотехническую, нанотехнологии и др.); решение проблем занятости населения.

Особую роль для крупных проектов в минерально-сырьевом секторе имеют эффекты, возникающие в смежных и сопряженных отраслях. Такие эффекты могут строиться на возможностях трансграничного взаимодействия.

Граница между Россией и Казахстаном по своей протяженности является самой длинной в мире. В целом благоприятные

ландшафтные условия делают ее достаточно удобной для транспортного сообщения. В Казахстане с Россией граничит половина областей, ее пересекают 16 железнодорожных магистралей, примерно 200 автодорог [16]. Интересы компаний, находящихся на приграничных территориях, могут приобретать транснациональный характер. Например, большинство российских потребителей олова находятся либо в приграничных регионах, либо в областях с удобным транспортным сообщением.

В числе долгосрочных факторов, влияющих на характер трансграничного взаимодействия, важную роль играют ресурсный потенциал и экологическое взаимодействие. Специалисты и общественность уделяют повышенное внимание экологически опасным приграничным объектам Атырауской (месторождения Тенгиза и Восточного Кашагана), Западно-Казахстанской (Карачаганак), Оренбургской, Челябинской, Восточно-Казахстанской (горнодобывающие и перерабатывающие предприятия) областей [9].

Организационно-экономический механизм реализации различных вариантов ЦДС для оловянной отрасли Казахстана

По мнению отраслевых специалистов, инвесторы заинтересованы в комбинировании геологоразведочных, добывающих, перерабатывающих, рафинировочных подразделений в одной цепочке. Высокая конкуренция требует от компаний включать в свои структуры элементы всей производственно-сбытовой цепочки, создавая вертикально интегрированные компании и обеспечивая конкурентное преимущество [11].

Проектирование ЦДС должно быть основано на сравнении экономического эффекта от самостоятельного производства полного цикла в Республике Казахстан и эффектов от производства полуфабрикатов с вариантами трансграничного сотрудничества [21] в создании оловянной отрасли. Поэтому ее создание в Казахстане может включать следующие варианты организационно-экономического механизма (рисунок).

Варианты формирования цепочки добавленной стоимости в оловянной отрасли Казахстана

Во-первых, создание горно-металлургического вертикально интегрированного холдинга, т.е. организация производства полного цикла. Этот вариант характеризуется значительными технологическими и маркетинговыми рисками, т.к. подобное производство в республике организуется впервые, является весьма капиталоемким, потребует обязательной государственной поддержки в той или иной форме.

Во-вторых, интеграция в жесткой или мягкой форме (например, стратегические альянсы или партнерства) с производством конечной продукции (припоев из олова) в России. Основным негативным фактором, требующим участия российских властей, является банкротство НОК.

При этом стимулами для решения проблемы могут быть незагруженные производственные мощности комбината (11 тыс. т), а также непосредственная близость к рынку Китая. Это формирует конкурентные преимущества такого варианта ЦДС. Более выгодным для Казахстана является переработка концентратов на НОК на условиях толлинга. На такую возможность указывает большая рыночная власть поставщиков концентратов олова, которые могут диктовать условия платежа, сроки контрактов и требования к платежеспособности перерабатывающих предприятий, и отсутствие финансовых ресурсов у НОК. Альтернативой является стратегический альянс с российскими потребителями при расширении производства в Новосибирской области на базе бывшего комбината припоев, баббитов, припойной проволоки с флюсом. При этом реализуются возможности трансграничного сотрудничества и основные эффекты формируются в цепочке на территории Таможенного союза.

Третьим вариантом является переработка концентратов в Китае, при этом суще-

ствуют маркетинговые риски, значительная часть эффектов ЦДС будет потеряна для экономики Казахстана и останется у китайских производителей.

Выводы

1. В минерально-сырьевом комплексе цепочки добавленной стоимости основаны на проектах по освоению минерально-сырьевых активов, поэтому специфика горных проектов определяет специфику оценки ценности ЦДС. К ним относятся: горно-геологические условия (ГГУ) месторождений; выбор на этой основе технико-экономических решений; специфические риски, технологическая взаимосвязь проектов.

2. Разработанный алгоритм оценки стратегического инвестиционного проекта отраслевого характера в минерально-сырьевом секторе включает: выявление и анализ экономических, технологических и институциональных факторов, воздействующих на проект в настоящее время и в перспективе; определение основных стейкхолдеров (компания-государство) и согласование их интересов; построение вариантов ЦДС и формирование программ проектов; выявление эффектов для основных стейкхолдеров; выбор варианта реализации программы по величине экономического эффекта для компании и по сумме социально-экономических эффектов для государства; разработка организационно-экономического механизма реализации программы проектов в ЦДС.

3. Проектирование и анализ ЦДС отраслевого уровня включает: выявление взаимосвязи технологических процессов, анализ структуры ЦДС по бизнес-процессам, исследование и анализ влияния совокупности факторов (экономических, технологических и институциональных), исследование и оценку бизнес-процессов по

потенциалу создания ценности с учетом прогнозируемого влияния внешней среды, выбор направлений и методов роста ценности по стадиям за счет повышения эффективности операционной и проектной деятельности, максимизацию эффекта в рамках всей ЦДС.

4. Наиболее эффективным проектом по переработке руд месторождения «Сырымбет» является проект ЦДС с получением бедного (10% по олову) концентрата с высоким извлечением 65% и дальнейшей

металлургической доводкой с получением марочного олова.

5. Организационно-экономический механизм реализации ЦДС в оловянной отрасли Казахстана может включать следующие варианты: создание горно-металлургического вертикально интегрированного холдинга (производство полного цикла), интеграцию в жесткой или мягкой форме с производством конечной продукции в России, переработку концентратов в Китае.

Литература

1. Австралийский кодекс отчетности о результатах разведки, минеральных ресурсах и запасах руды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imcmontan.ru/eng/files/jorc.pdf>.
2. Айкашев, А.Н. Мировой рынок олова движется к устойчивому дефициту [Текст] / А.Н. Айкашев // БИКИ. – 2013. – № 50. – С. 68-77.
3. Айкашев, А.Н. Экспортный потенциал российской промышленности по добыче олова [Текст] / А.Н. Айкашев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 6. – С. 107-119.
4. Исекешев, А.О. Концепция развития ГК РК до 2030 года предусматривает лучший международный опыт недропользования [Электронный ресурс] / А.О. Исекешев. – Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/7/kontseptsija-razvitija-gmk-rk-do-2030-goda-predusmatrivaet-luchshij-mezhdunarodnyj-opyt-nedropolzovaniya-aisekeshev>
5. Казахстан – анализ основных отраслей промышленности страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://365-tv.ru/index.php/analitika/kazakhstan/129-kazakhstan-analiz-osnovnykh-otraslej-promyshlennosti-strany>
6. Кудобаева, Л.А. Роль химического комплекса в устойчивом развитии экономики региона [Текст] / Л.А. Кудобаева // Сборник статей XIX Международной науч.-практ. конф. – УрФУ, 2013. – С. 112-114.
7. Лунышин, П.Д. Восстановится ли в России добыча олова? [Электронный ресурс] / П.Д. Лунышин // Промышленные ведомости. – 2011. – № 2. – Режим доступа: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=2041>
8. Мировые товарные рынки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cmmarket.ru>
9. Мукомель, В.И. Российско-казахстанские приграничные связи: опыт трех российских областей [Текст] / В.И. Мукомель, Г.Г. Косач, А.С. Кузьмин // Вестник Евразии. – 2001. – № 2. – С. 73-121.
10. Пономаренко, Т.В. Обоснование стратегических инвестиционных решений в интегрированных горных компаниях на основе стейкхолдерской теории фирмы [Текст] / Т.В. Пономаренко, И.Б. Сергеев // Горный журнал, Известия вузов, 2012. – № 7. – С. 23-31.
11. Пономаренко, Т.В. Оценка перспектив создания оловянной отрасли в Республике Казахстан [Текст] / Т.В. Пономаренко, Ф.Д. Ларичкин, Д.В. Сидоров // Записки Горного института. – 2016. – Т. 221. – С. 742-748.
12. Руководство к своду знаний по управлению проектами. – 5-е изд. (руководство РМВОК) [Текст] / PMI, Inc. Ньютаун-сквер, 2013. – 614 с.
13. Руководство по управлению проектами и программами для внедрения инноваций на предприятиях (руководство Р2М) [Текст] / A Guidebook of Project and Program Management for Enterprise Innovation. PMAJ, Япония. – 2005.
14. Семенов, М.Ю. Социально-демографические характеристики стабильности российско-казахстанского приграничья [Текст] / М.Ю. Семенов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Челябинск, 2006. – № 2. – С. 217-223.

17. Утегулова, Б.С. Модернизация металлургической отрасли Республики Казахстан в условиях глобализации [Текст] / Б.С. Утегулова // Проблемы современной экономики. – СПб., 2015. – № 2 (54). – С. 289-295.
18. Analysts' tin price forecasts raised [Электронный ресурс] // Market analysis. 18 April 2012. Available at: <https://www.itri.co.uk/market-analysis/news-2/analysts-tin-price-forecasts-raised>
19. Baker R., McKenzie J. The Companies You Keep: Global Supply Chain Management. *Baker & McKenzie*, 2013, October, p. 39.
20. Buckeridge F., Gillespie B., Loadsmann S. Optimizing extended mining operations through value driver modelling *PWC*, 2010, November, p. 16.
21. Das T.K., Teng B.S. Trust, Control, and Risk in Strategic Alliances: An Integrated Framework. *Organization Studies*, 2001, vol. 22, № 2, pp. 251-283.
22. Kaplinsky R. Globalisation and Unequalization: What Can Be Learned from Value Chain Analysis. *Journal of Development Studies*, 2000, № 37, pp. 117-146.
23. Kaplinsky R., Morris M. Handbook for Value Chain Research. *IDRS*, 2001, p. 113.
24. McCuish J.D. Value Management & Value Improving practices. *Pinnacle results*, 2011, p. 15.

Сведения об авторах

Татьяна Владимировна Пономаренко – доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры организации и управления, Санкт-Петербургский горный университет (Российская Федерация, 199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, д. 2; e-mail: stv_mail@mail.ru)

Федор Дмитриевич Ларичкин – профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Российская Федерация, 184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: lfid@iep.kolasc.net.ru)

Кристина Васильевна Щетинина – аспирант, Санкт-Петербургский горный университет (Российская Федерация, 199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, д. 2; e-mail: kristina_0101@mail.ru)

Ponomarenko T.V., Larichkin F.D., Shchetinina K.V.

Methodological Approach to Assessing the Value of the Project on the Development of a Deposit and the Creation of Value Added Chains

Abstract. Development of companies should aim to increase their value; it is provided by applying the concept of value-based management. This approach can also be the basis for the growth of the value of integrated companies or groups, strategic projects and economic sectors. The mineral resources sector is characterized by a high level of vertical integration, and its own effect of technological, economic and institutional factors that determine the value of mineral assets and products. Assessment of value of the projects of the sectoral level can be carried out with the application of the concept of added value and value chains designed on this basis. The aim of the present research is to substantiate scientifically an approach to assessing the project for establishing the tin industry in the Republic of Kazakhstan taking into account the concept of value added. We use the following research methods: comparative analysis, system approach, strategic analysis, and managerial decision-making methods. Scientific novelty of the research consists in the following: the research identifies specific differences in designing value added chains in the mineral sector that include economic, technological, and institutional factors; the research shows that the specifics of mining projects determines the value of mineral assets and the entire value

added chain; the algorithm for assessing the strategic investment project of the sectoral level in the mineral resource sector includes an assessment of effects for the main stakeholders¹; the organizational-economic mechanism for creating the tin industry based on the development and comparison of different options of value added chains. The object of the research is a project on creating the tin industry in the Republic of Kazakhstan on the basis of Syrymbet tin deposit. The research justifies the application of the value added concept for selecting one of the options of the project of deposit development; we propose a model for designing the value added chain in the mineral sector, develop an algorithm for creating the tin industry, taking into account the interests of the state and subsoil users. The results of the study can be used by mining companies and by state authorities that manage subsoil use, because they complement existing methods for assessing strategic sectoral projects with new effects and help manage them. In continuation of the research we plan to carry out quantitative evaluation of various effects of the strategic project and comparative analysis of the variants of value added chains in the organizational-economic mechanism of formation of the tin industry in Kazakhstan.

Key words: business processes, tin industry, portfolio of projects, value potential, technological processes, added value chain.

References

1. *Avstraliiskii kodeks otchetnosti o rezul'tatakh razvedki, mineral'nykh resursakh i zapasakh rudy* [The Australian code of reporting of exploration results, mineral resources and ore reserves]. Available at: <http://www.imcmontan.ru/eng/files/jorc.pdf> (In Russian).
2. Aikashev A.N. Mirovoi rynek olova dvizhetsya k ustoichivomu defitsitu [Global tin market is moving toward sustainable deficit]. *BIKI* [Bulletin of foreign commercial information], 2013, no. 50, pp. 68-77.
3. Aikashev A.N. Eksportnyi potentsial rossiiskoi promyshlennosti po dobyche olova [Export potential of Russia's tin industry]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian foreign economic bulletin], 2014, no. 6, pp. 107-119.
4. Isekeshv A.O. *Kontseptsiya razvitiya GMK RK do 2030 goda predusmatrivaet luchshii mezhdunarodnyi opyt nedropol'zovaniya* [Mining and metallurgy development concept of Kazakhstan till 2030 based on international best practices in subsoil management]. Available at: <https://primeminister.kz/ru/news/7/kontseptsiya-razvitiya-gmk-rk-do-2030-goda-predusmatrivaet-luchshij-mezhdunarodnyj-opyt-nedropolzovaniya-aisekeshv>
5. *Kazakhstan – analiz osnovnykh otraslej promyshlennosti strany* [Kazakhstan – analysis of the main industries of the country]. Available at: <http://365-tv.ru/index.php/analitika/kazakhstan/129-kazakhstan-analiz-osnovnykh-otraslej-promyshlennosti-strany>
6. Kudabaeva L.A. Rol' khimicheskogo kompleksa v ustoichivom razvitii ekonomiki regiona [The role of chemical industry in the sustainable development of regional economy]. *Sbornik statei XIX Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf* [Collected papers of the 9th international scientific-practical conference]. UrFU, 2013. Pp. 112-114.
7. Lunyashin P.D. Vosstanovitsya li v Rossii dobycha olova? [Will Russia recover its tin mining?]. *Promyshlennyye vedomosti* [Industrial news], 2011, no. 2. Available at: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=2041>
8. *Mirovye tovarnye rynki* [World commodity markets]. Available at: <http://www.cmmarket.ru>
9. Mukomel' V.I., Kosach G.G., Kuz'min A.S. Rossiisko-kazakhstanskie prigranichnye svyazi: opyt trekh rossiiskikh oblastei [Russia-Kazakhstan border relations: an experience of three Russian oblasts]. *Vestnik Evrazii* [Heralds of Eurasia], 2001, no. 2, pp. 73-121.
10. Ponomarenko T.V., Sergeev I.B. Obosnovanie strategicheskikh investitsionnykh reshenii v integrirovannykh gornyykh kompaniyakh na osnove steikholderskoi teorii firmy [Justification of strategic investment decisions in the integrated mining companies on the basis of the stakeholder theory of the firm]. *Gornyy zhurnal, Izvestiya vuzov* [Mining journal, bulletin of higher education institutions], 2012, no. 7, pp. 23-31.

¹ Stakeholder is a person, group or organization that can affect, be affected by or perceive itself subjected to the influence of the decision, operation or result of the project [14].

11. Ponomarenko T.V., Larichkin F.D., Sidorov D.V. Otsenka perspektiv sozdaniya olovyannoi otrasli v Respublike Kazakhstan [assessing the prospects for creating the tin industry in the Republic of Kazakhstan]. *Zapiski Gornogo instituta* [Proceedings of the Mining Institute], 2016, no. 221, pp. 742-748.
14. *Rukovodstvo k svodu znanii po upravleniyu proektami. (rukovodstvo PMBOK)* [A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK Guide)]. Fifth edition. PMI, Inc., 2013. 614 p. (In Russian).
15. *Rukovodstvo po upravleniyu proektami i programmami dlya vnedreniya innovatsii na predpriyatiyakh (rukovodstvo R2M)* [A Guidebook of Project and Program Management for Enterprise Innovation]. PMAJ, 2005.
16. Semenenko M.Yu. Sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki stabil'nosti rossiisko-kazakhstanskogo prigranich'ya [Socio-demographic characteristics of stability of the Russian-Kazakh border area]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2006, no. 2, pp. 217-223.
17. Utegulova B.S. Modernizatsiya metallurgicheskoi otrasli Respubliki Kazakhstan v usloviyakh globalizatsii [Modernization of the metallurgical industry of the Republic of Kazakhstan in the context of globalization]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics], 2015, no. 2 (54), pp. 289-295.
18. Analysts' tin price forecasts raised. *Market analysis*. 18 April 2012. Available at: <https://www.itri.co.uk/market-analysis/news-2/analysts-tin-price-forecasts-raised>
19. Baker R., McKenzie J. *The Companies You Keep: Global Supply Chain Management*. 2013. October. P. 39.
20. Buckeridge F., Gillespie B., Loadsmann S. *Optimizing extended mining operations through value driver modelling*. PWC, 2010. November. P. 16.
21. Das T.K., Teng B.S. Trust, Control, and Risk in Strategic Alliances: An Integrated Framework. *Organization Studies*, 2001, vol. 22, no. 2, pp. 251-283.
22. Kaplinsky R. Globalisation and Unequalization: What Can Be Learned from Value Chain Analysis. *Journal of Development Studies*, 2000, no. 37, pp. 117-146.
23. Kaplinsky R., Morris M. *Handbook for Value Chain Research*. IDRS, 2001. P. 113.
24. McCuish J.D. *Value Management & Value Improving practices*. Pinnacle results, 2011. P. 15.

Information about the Authors

Tat'yana Vladimirovna Ponomarenko – Associate Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Organization and Management, Saint Petersburg Mining University (2, 21 Line, Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199106, Russian Federation; e-mail: stv_mail@mail.ru)

Fedor Dmitrievich Larichkin – Professor, Doctor of Economics, Chief Research Associate, G.P. Luzin Institute of Economic Problems, Kola Science Centre of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, Murmansk Oblast, 184209, Russian Federation; e-mail: lfd@iep.kolasc.net.ru)

Kristina Vasil'evna Shchetinina – Postgraduate Student, Saint Petersburg Mining University (2, 21 Line, Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199106, Russian Federation; e-mail: kristina_0101@mail.ru)

Статья поступила 03.03.2017.

Исполнение бюджетов регионов в 2016 году: кризис не преодолен

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aip150663@yandex.ru

Аннотация. Выступая в Государственной Думе РФ с отчётом о работе Правительства РФ, премьер-министр Д. Медведев заявил о том, что проблема дефицита региональных бюджетов исчезла, сократилось число регионов, где госдолг превышает доходы [4]. Обсуждение этого вопроса актуализирует проблему адекватной оценки состояния субфедеральных бюджетов. Их дефицитное исполнение и наращивание долговых обязательств стало устойчивым трендом последних лет. Прошедший год был отмечен ростом доходов и сокращением расходов, но даже в этих условиях большинство регионов не смогли проводить сбалансированную бюджетную политику: 54 субъекта РФ имели дефицит бюджета и уровень государственного долга, превышающий половину объёма собственных доходов, что повлияло на ослабление инвестиционного и потребительского спроса. Ситуация усугубляется падением цен на энергоносители, дестабилизацией федерального бюджета и общим ухудшением деловой активности в стране. Ужесточается политика федерального центра: с 2014 года идёт неуклонное сокращение финансовой поддержки территорий, что вынуждает региональные власти решать проблемы финансирования в рамках собственных доходных источников. Паллиативные меры, применяемые Правительством РФ, обеспечивают лишь кратковременное смягчение ситуации, но не решают долгосрочных проблем. Об этом, в частности, говорит возобновившаяся в 2016 году тенденция роста рыночной за кредитованности регионов, несмотря на попытки Минфина РФ заместить существенную часть рыночных кредитов бюджетными кредитами. Статья продолжает начатый в 2010 году в журнале ИСЭРТ РАН цикл публикаций по итогам исполнения субфедеральных бюджетов. Цель насто-

Для цитирования: Поварова, А.И. Исполнение бюджетов регионов в 2016 году: кризис не преодолен / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 4. — С. 144-161. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.8

For citation: Povarova A.I. Administration of regional budgets in 2016: the crisis has not been overcome. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 144-161. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.8

ящего исследования заключалась в выявлении особенностей бюджетного процесса в 2016 году. Научная новизна данной работы определяется комплексным анализом, позволившим дать оценку состояния территориальных бюджетов по всем ключевым параметрам и выработать конкретные предложения о мерах по устранению негативных системных факторов. Результаты проведённого анализа контрастируют с итогами, подведёнными председателем Правительства РФ. Главный вывод состоит в том, что ощутимых признаков оздоровления бюджетных систем регионов нет, и это, на наш взгляд, во многом обусловлено приспособлением федеральных властей к критическому состоянию территориальных бюджетов вместо системного решения накопившихся проблем. Материалы статьи могут быть использованы органами государственного управления при разработке бюджетной политики, специалистами в сфере финансов, студентами, научными работниками.

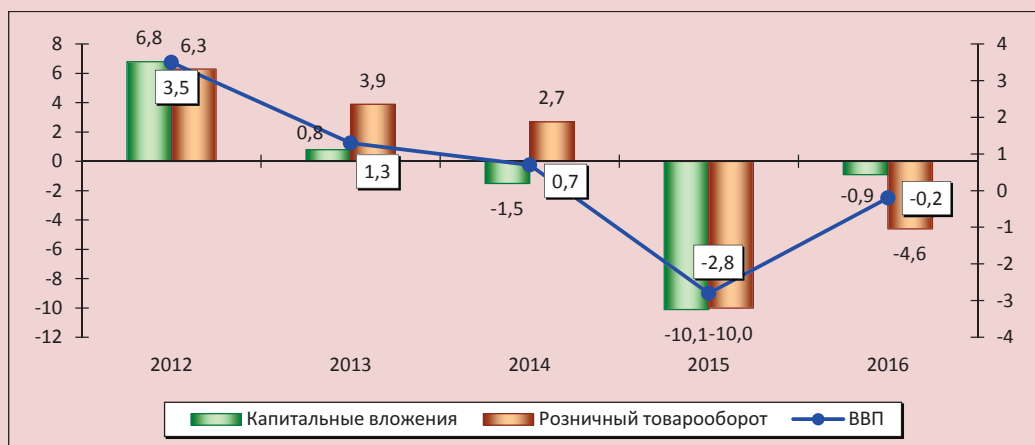
Ключевые слова: бюджет субъекта РФ, доходы, расходы, дефицит, кредиты, государственный и муниципальный долг, долговая нагрузка, увеличение наполняемости бюджета.

Исполнение бюджета является важнейшим этапом бюджетного процесса, на котором осуществляется распределение и использование бюджетных ресурсов, необходимых для стабильной социально-экономической жизни страны и её регионов. Проблемы исполнения бюджета могут быть связаны с несовершенным планированием, недобросовестностью налогоплательщиков, неполноценной системой налоговых льгот, стимулирующих бизнес, неритмичностью межбюджетного регулирования. В.В. Гамукин выделяет структурные риски доходов и расходов бюджета.

Так, мононалоговая база делает бюджет зависимым от той сферы экономики, где формируется основной налог. Риск структуры расходов может заключаться в приоритетности текущего бюджета в ущерб бюджету развития [5]. Проблемы, связанные с исполнением бюджетов в субъектах РФ, становятся наглядными при анализе фактических бюджетных параметров.

В 2016 году российская экономика не продемонстрировала заметных признаков оживления, о чём свидетельствует дальнейший спад ВВП, инвестиционного и потребительского спроса (рис. 1).

Рис. 1. Темпы прироста ВВП, капиталовложений и розничного товарооборота в 2012–2016 гг., % к предыдущему году в сопоставимых ценах

Источник: данные Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

В 40% субъектов РФ сокращение инвестиций в основной капитал отмечается два-три года подряд, причём этот процесс затронул в основном крупные промышленные и аграрные центры, что указывает на общее снижение деловой активности в стране.

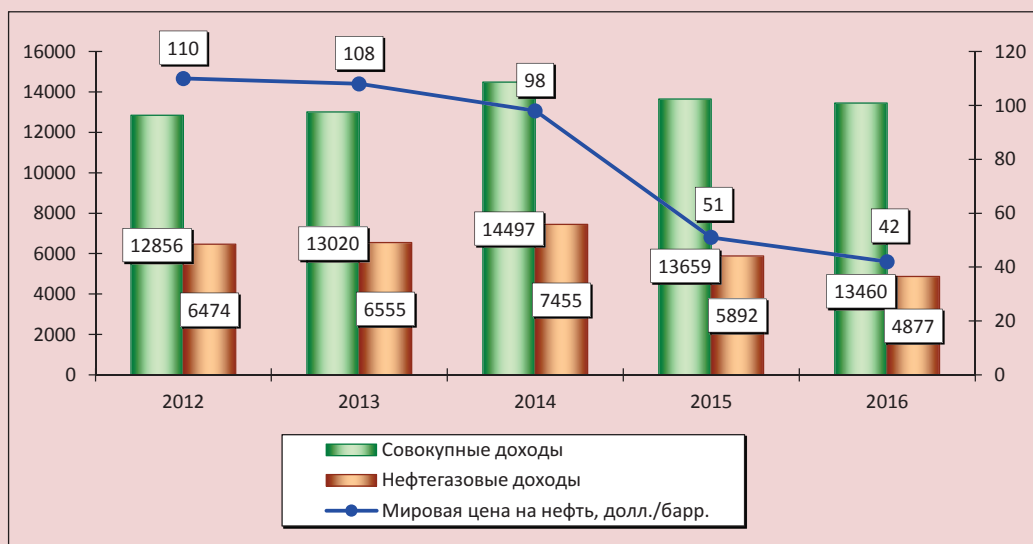
О продолжении кризисных явлений говорят и показатели уровня жизни населения: если в 2014 году падение реальных денежных доходов граждан затронуло 27 регионов, то в 2016 году — уже 78, а численность россиян с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась с 16 до 20 млн. человек, что составляет 13,5% от общей численности населения.

Кризис экономики не мог не отразиться на состоянии бюджетной системы и в первую очередь её ключевой составляющей — федерального бюджета, доходная часть которого сокращается второй год подряд в связи с недопоступлением 35% объёма нефтегазовых доходов в результате обвала мировых цен на нефть (рис. 2).

В изменившихся конъюнктурных условиях слабая диверсификация структуры доходов федеральной казны имела своим следствием скачок дефицита, который достиг 3 трлн. руб., на покрытие которого в 2015–2016 годах было направлено 60% средств Резервного фонда РФ, что повлекло за собой сокращение его объёма в четыре раза (рис. 3).

Дестабилизация высшего уровня бюджетной системы не позволила ослабить характерную для последних лет напряжённость ситуации с бюджетами регионов. С 2012 года, когда на субъекты РФ легла подавляющая часть финансирования реализации известных «майских» указов В. Путина, среднегодовые темпы роста доходов субфедеральных бюджетов сократились в три раза (рис. 4). Достаточно сказать, что с 2012 по 2016 год доходы увеличились на 28%, а расходы на образование, основная часть которых приходится на повышение оплаты труда в рамках указов, — на 45%.

Рис. 2. Доходы федерального бюджета в 2012–2016 гг., млрд. руб.

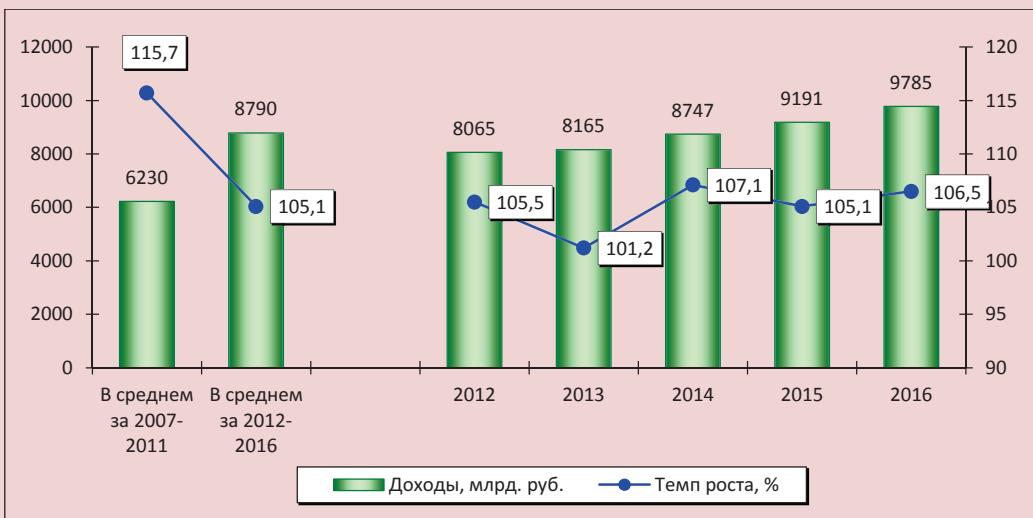
Источники: данные Минэкономразвития РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://economy.gov.ru/>; Федерального казначейства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>; расчёты автора.

Рис. 3. Резервный фонд РФ и дефицит федерального бюджета в 2012–2016 гг., млрд. руб.

Источник: данные Минфина РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/>; Федерального казначейства.

Рис. 4. Доходы бюджетов субъектов РФ* в 2007–2016 гг.

* Здесь и далее в целях сопоставимости динамики показатели за 2014–2016 годы приводятся без учёта Республики Крым и г. Севастополя.

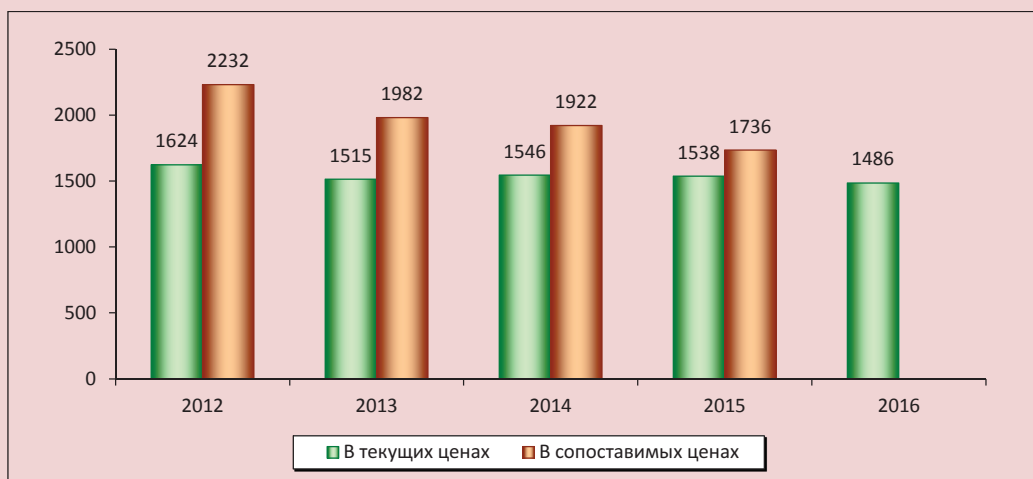
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Основным фактором замедления темпов роста доходной части территориальных бюджетов стало сворачивание безвозмездной финансовой помощи из федерального бюджета в виде межбюджетных трансфертов: за 2012–2016 годы их объём уменьшился в номинальном выражении на 8,5%, в реальном¹ – на 33,4% (рис. 5).

Снижение участия федерального центра в софинансировании расходных обязательств регионов актуализировало проблему поиска собственных ресурсов, однако

при существующей жёсткой централизации бюджетного устройства в РФ и общей экономической стагнации возможности региональных властей по наращиванию собственного доходного потенциала весьма ограничены. Реальные собственные доходы территориальных бюджетов² демонстрировали понижающую динамику за счёт уменьшения поступлений двух бюджетобразующих налогов – налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и налога на прибыль организаций (табл. 1).

Рис. 5. Межбюджетные трансферты, поступившие в бюджеты субъектов РФ из федерального бюджета в 2012–2016 гг., млрд. руб.

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Таблица 1. Собственные доходы бюджетов субъектов РФ в 2012–2016 гг., млрд. руб.

Доходы	2012	2013	2014	2015	2016	2016 к 2012, %
Собственные доходы*, всего	6384,5	6588,5	7143,1	7585,5	8238,4	129,0
В сопоставимых ценах	8772,3	8617,8	8878,9	8564,0	8238,4	93,9
НДФЛ*	2261,5	2499,1	2680,9	2787,7	2992,5	132,3
В сопоставимых ценах	3107,3	3268,8	3332,4	3147,3	2992,5	96,3
Налог на прибыль*	1979,9	1719,7	1961,7	2099,3	2272,0	114,7
В сопоставимых ценах	2720,4	2249,4	2438,4	2370,1	2272,0	83,5

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

¹ Под реальными в данной статье понимаются показатели, выраженные в сопоставимых ценах базового 2016 года.

² Собственные доходы – налоговые и неналоговые доходы без учёта безвозмездных поступлений.

После существенного падения поступлений налога на прибыль в 2013 году, затронувшего более 80% регионов, в последующие годы была возобновлена положительная динамика темпов его роста. Вместе с тем региональная картина сильно дифференцирована: по итогам 2016 года треть субъектов РФ не компенсировала номинальное снижение сборов платежей, а две трети – реальное. Потери налога на прибыль оказались чувствительными для регионов, имеющих статус доноров федерального бюджета, что прямым образом повлияло на общее снижение поступлений налога на прибыль в реальном выражении (табл. 2).

Результаты исследований ИСЭРТ РАН по вопросам бюджетной обеспеченности территорий показали, что выраженный понижающий тренд мобилизации налога на прибыль в последние годы был обусловлен не столько кризисом экономики, сколько механизмами правового регулирова-

ния и налогового администрирования, направленными на оптимизацию налоговой нагрузки крупнейших корпораций, являющихся стратегическими налогоплательщиками [10, 15].

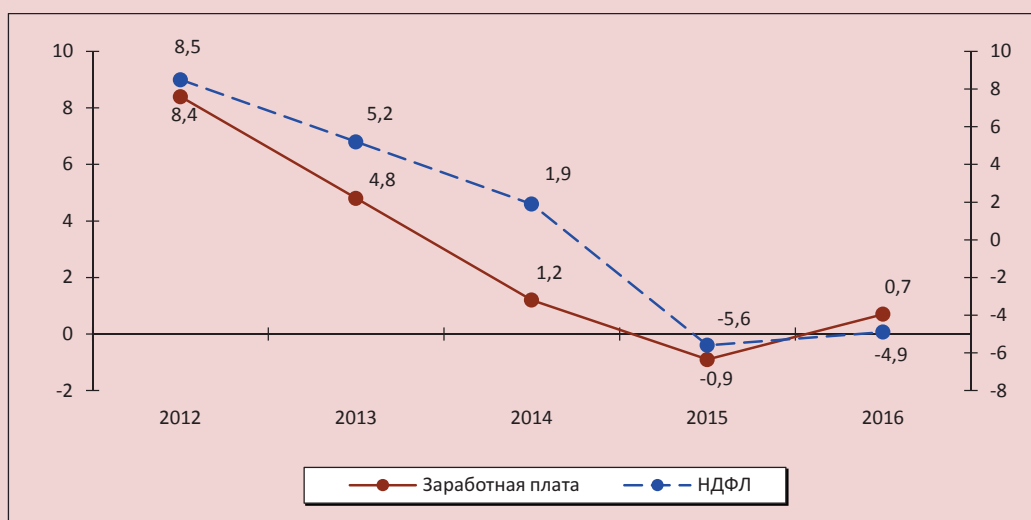
Начиная с 2013 года наблюдается резкое снижение темпов роста реальных поступлений НДС, что коррелирует с динамикой реальной заработной платы. Падение налоговой базы по НДС в 2015 году было настолько глубоким, что её незначительное увеличение в 2016 году не позволило выйти на положительную траекторию поступлений НДС (рис. 6). Добавим, что объём сборов данного платежа в реальном выражении не достиг уровня 2012 года в 67 регионах, при этом заметный спад отмечался в индустриальных центрах из-за роста неполной занятости (Калужская, Кемеровская, Вологодская, Архангельская, Свердловская области, республики Коми и Башкортостан, Ханты-Мансийский автономный округ).

Таблица 2. Поступления налога на прибыль в бюджеты субъектов РФ в 2012 и 2016 гг., млрд. руб.

Субъект	2012		2016	2016 к 2012, %	
	В текущих ценах	В сопоставимых ценах		В текущих ценах	В сопоставимых ценах
Краснодарский край	43,2	59,9	46,0	106,5	76,8
Кемеровская область	24,6	33,8	25,5	103,6	75,5
г. Москва	545,9	760,9	571,8	104,7	75,1
Свердловская область	55,6	77,2	56,5	101,6	73,2
Пермский край	35,5	48,5	34,3	96,6	70,7
Оренбургская область	24,8	33,1	23,3	94,0	70,3
Самарская область	45,3	61,6	41,8	92,3	67,8
Ханты-Мансийский АО	74,4	98,7	65,5	88,0	67,7
Ямало-Ненецкий АО	46,3	59,6	37,3	80,5	62,6
Республика Коми	17,7	24,2	16,5	93,2	59,7
Тюменская область	105,9	141,5	74,7	70,5	52,8
Архангельская область	17,1	23,7	11,9	69,6	50,1
Белгородская область	19,2	25,8	12,1	63,0	46,9
Российская Федерация	1979,9	2720,4	2272,0	114,7	83,5

Источники: данные Федерального казначейства России; Росстата; расчёты автора.

Рис. 6. Динамика темпов прироста заработной платы и поступлений НДФЛ в бюджеты субъектов РФ в 2012–2016 гг., % к предыдущему году в сопоставимых ценах

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Обобщая итоги анализа доходной части субфедеральных бюджетов, можно заключить, что негативные тенденции, наблюдаемые в динамике мобилизации профилирующих доходных источников, свидетельствуют о сохранении проблем в экономике регионов и наличии угроз для стабильного пополнения их бюджетов.

Политика региональных властей в сфере бюджетных расходов, отражавшая общероссийский вектор, выстраивалась на принципе бюджетной консолидации, под

которой понимается не что иное, как сокращение финансирования, причём по всем основным направлениям расходов (табл. 3).

Одна из главных целей бюджетной политики заключается в нахождении приемлемого для текущего уровня экономического развития соотношения между производительными и непроизводительными расходами [17]. В результате же консолидации изменились структурные приоритеты субфедеральных бюджетов с точки

Таблица 3. Расходы бюджетов субъектов РФ в 2012–2016 гг., млрд. руб., в сопоставимых ценах

Расходы	2012	2013	к 2012, %	2014	к 2013, %	2015	к 2014, %	2016	2016, % к	
									2012	2015
Расходы, всего	11464	11519	100,5	11455	99,4	10569	92,3	9780	85,3	92,5
Общегосударственные	698	714	102,3	718	100,6	673	93,8	616	88,3	91,5
Экономика	2210	2263	102,4	2186	96,6	2068	94,6	1950	88,2	94,3
ЖКХ	1211	1180	97,4	1119	94,9	959	85,7	924	76,3	96,4
Социальная сфера	6997	7006	100,1	7052	100,6	6502	92,2	5954	85,1	91,6
- образование	2813	3053	108,5	3048	99,8	2758	90,5	2510	89,2	91,0
- культура	353	377	106,7	396	105,0	347	87,6	335	94,9	96,5
- здравоохранение	1866	1636	87,7	1612	98,5	1507	93,5	1260	67,5	83,6
- социальная политика	1750	1717	98,1	1759	102,4	1673	95,1	1638	93,6	97,9

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

зрения этого соотношения. Так, например, с 2012 по 2016 год доля бюджета развития (капитальных вложений, здравоохранения) уменьшилась в 1,4 раза, а доля непроизводительных затрат в виде социальных пособий отдельным категориям граждан и процентных платежей по рыночным долгам увеличилась в 1,5–1,8 раза (табл. 4).

Таким образом, в то время как развитые государства провозгласили приоритетами инвестиции в человеческий капитал [16], в России экономия на бюджете развития повышает уровень бедности³ и не позволяет создавать долгосрочные предпосылки для устойчивого воспроизводства.

Подтверждением данного вывода служит и динамика расходов на поддержку отраслей национальной экономики. В 2016 году эти расходы с учётом инфляции сократились в 55 субъектах РФ, а 20 регионов, в том числе ряд экономически сильных, и в абсолютном объёме не вышли на параметры 2012 года (табл. 5).

Одним из главных факторов, вызвавших негативную динамику расходов на экономику, стало перераспределение финансирования с целью безусловного выполнения задачи повышения оплаты труда отдельных категорий бюджетников, поставленной в указах Президента РФ от 12 мая 2012 года.

Таблица 4. Структура отдельных видов расходов бюджетов субъектов РФ в 2012–2016 гг.

Расходы	2012		2013		2014		2015		2016	
	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%
<i>Производительные расходы</i>										
Капиталовложения	1118,6	13,4	1067,1	12,1	1012,5	11,1	949,2	10,1	942,2	9,6
Здравоохранение	1358,4	16,3	1250,9	14,2	1296,8	14,1	1334,5	14,2	1260,1	12,9
<i>Непроизводительные расходы</i>										
Социальные пособия	1004,1	12,0	1051,5	11,9	1150,5	12,5	1418,8	15,2	1746,0	17,9
Процентные расходы	74,6	0,9	90,2	1,0	121,7	1,3	149,0	1,6	153,7	1,6

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 5. Расходы бюджетов субъектов РФ на экономику в 2012 и 2016 гг., млрд. руб.

Субъект	2012		2016	2016 к 2012, %	
	В текущих ценах	В сопоставимых ценах		В текущих ценах	В сопоставимых ценах
Новосибирская область	24,2	32,0	23,4	96,7	73,1
Красноярский край	32,3	42,5	30,1	93,2	70,8
Саратовская область	12,3	16,6	11,6	94,3	69,9
Белгородская область	27,6	37,0	25,1	90,9	67,8
Приморский край	22,1	30,0	19,6	88,7	65,3
Республика Коми	12,4	17,0	9,5	76,6	55,9
Ямало-Ненецкий АО	41,8	53,8	29,6	70,8	55,0
Тюменская область	80,8	108,0	49,6	61,4	45,9
Краснодарский край	66,1	91,7	38,1	57,6	41,5
Российская Федерация	1605,8	2206,4	1949,6	121,4	88,4

Источники: данные Федерального казначейства России; Росстата; расчёты автора.

³ По данным Credit Suisse за период с середины 2015 по середину 2016 года Россия вошла в тройку аутсайдеров по показателю благосостояния населения [18].

Надо сказать и о том, что оптимизация расходов в меньшей степени коснулась органов государственной власти и управления. К примеру, в Северо-Западном федеральном округе в 2016 году только Новгородская область сократила издержки бюджета на содержание управленческого аппарата по сравнению с уровнем 2012 года. При этом темпы роста управленческих затрат опережали темпы роста совокупных расходов бюджетов регионов округа, а удельные расходы на управление в большинстве территорий превышали среднероссийское значение (табл. 6).

К сожалению, несмотря на фронтальную бюджетную консолидацию, ощутимого ослабления долговых проблем в российских регионах не произошло, хотя центральными властями были предприняты серьёзные меры по снижению рыночной задолженности⁴ территориальных бюджетов: в 2016 году впервые кредиты из федерального бюджета были направлены на рефинансирование долгов, а не на погашение

бюджетного дефицита. Вместе с тем в 32 регионах не удалось заместить рыночные кредиты бюджетными, причём в 20 из них доля банковских заимствований превысила половину объёма государственного долга (табл. 7). В 2016 году только двенадцать регионов не имели коммерческих кредитов в структуре долга, и то по той причине, что им были выданы существенные объёмы кредитов из федерального бюджета.

Федеральные кредиты не уменьшили потребность регионов в банковских кредитах и не позволили остановить накопление долговых обязательств. В 2016 году возобновилась тенденция опережающего привлечения коммерческих займов, а объём консолидированного долга достиг 2,7 трлн. руб. (рис. 7).

В целом по итогам 2016 года рост задолженности отмечался в 60% субъектов РФ. Долговую нагрузку⁵ бюджетов удалось немного снизить – с 35 до 33% (рис. 8), что вряд ли можно назвать успехом, учитывая при этом двукратное уменьшение долга г. Москвы⁶. Количество регионов, име-

Таблица 6. Расходы бюджетов субъектов СЗФО на управление в 2012 и 2016 гг.

Субъект	2012		2016		2016 к 2012, %	
	Млрд. руб.	Уд. вес, %	Млрд. руб.	Уд. вес, %	Общие расходы бюджета	Расходы на управление
Ленинградская область	8,58	9,5	12,39	9,3	148,8	144,5
г. Санкт-Петербург	19,34	5,0	27,19	5,4	132,1	140,6
Калининградская область	3,03	6,1	4,03	6,6	122,0	133,0
Мурманская область	3,93	6,6	5,21	7,4	118,9	132,6
Архангельская область	4,28	6,0	5,29	6,4	115,2	123,6
Республика Карелия	2,01	5,7	2,45	5,8	118,5	122,1
Вологодская область	4,29	7,4	5,03	8,0	108,0	117,2
Республика Коми	4,82	7,0	5,63	7,2	113,2	116,8
Псковская область	1,77	5,8	1,89	6,0	104,3	106,8
Новгородская область	2,53	7,6	2,47	7,4	100,8	97,6
СЗФО	54,59	6,2	71,51	6,3	128,4	131,0
Российская Федерация	510,4	6,1	616,3	6,3	117,2	120,7

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

⁴ Рыночная задолженность представлена кредитами коммерческих банков, процентная ставка по которым в 2016 году варьировалась в диапазоне 9–12%. Процентная ставка по кредитам из федерального бюджета составляла 0,1%.

⁵ Долговая нагрузка бюджета измеряется отношением объёма долга к объёму собственных доходов.

⁶ В 2016 году государственный долг г. Москвы уменьшился со 140 до 62 млрд. руб., или в 2,3 раза.

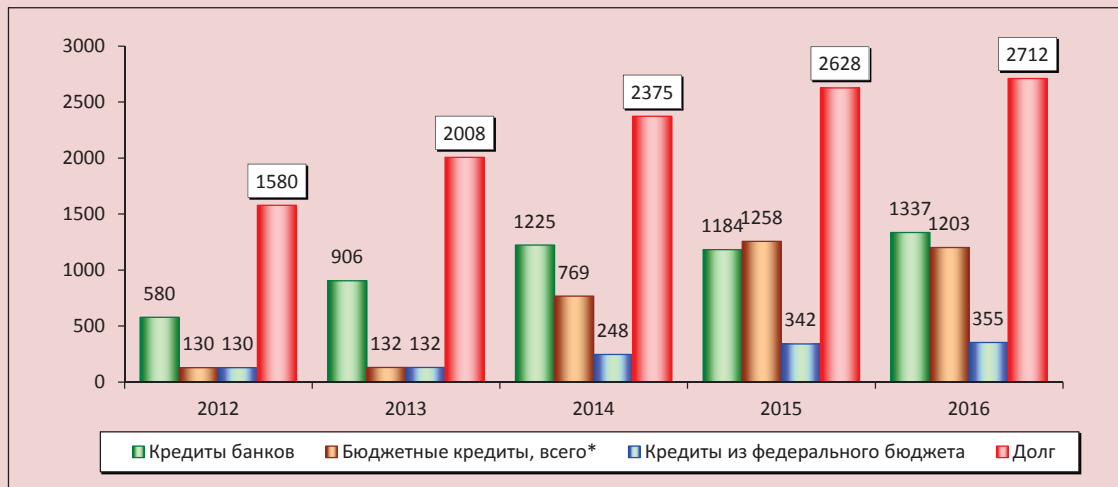
Таблица 7. Субъекты РФ с наибольшим уровнем рыночного долга в 2016 г.

Субъект	2012		2016		2016 к 2012, раз
	Млн. руб.	%*	Млн. руб.	%*	
Воронежская область	6079	48,0	18152	50,5	3,0
Костромская область	2735	28,2	11221	52,6	4,1
Мурманская область	4000	46,6	11000	53,2	2,7
Пермский край	0	0	11500	54,7	х
Хабаровский край	2900	51,9	21818	60,5	7,5
Еврейская АО	480	31,8	3000	61,0	6,3
Тамбовская область	3312	49,8	9410	65,3	2,8
Свердловская область	3600	17,4	47595	65,9	13,2
Республика Марий Эл	4703	62,1	9143	67,7	1,9
Магаданская область	250	18,9	8389	69,5	33,6
Ростовская область	5900	59,3	28114	69,8	4,8
Курганская область	500	18,3	10909	72,5	21,8
Республика Бурятия	0	0	7591	75,1	х
Ненецкий АО	0	0	3600	100,0	х
Российская Федерация	438216	32,4	808509	34,4	1,8

* Доля банковских кредитов в структуре государственного долга.

Источники: данные Минфина РФ; расчёты автора.

Рис. 7. Полученные кредиты, государственный и муниципальный долг субъектов РФ в 2012–2016 гг., млрд. руб.

* Бюджетные кредиты включают кредиты из федерального бюджета и кредиты на пополнение остатков средств на счетах, предоставляемые Федеральным казначейством с 2014 года.

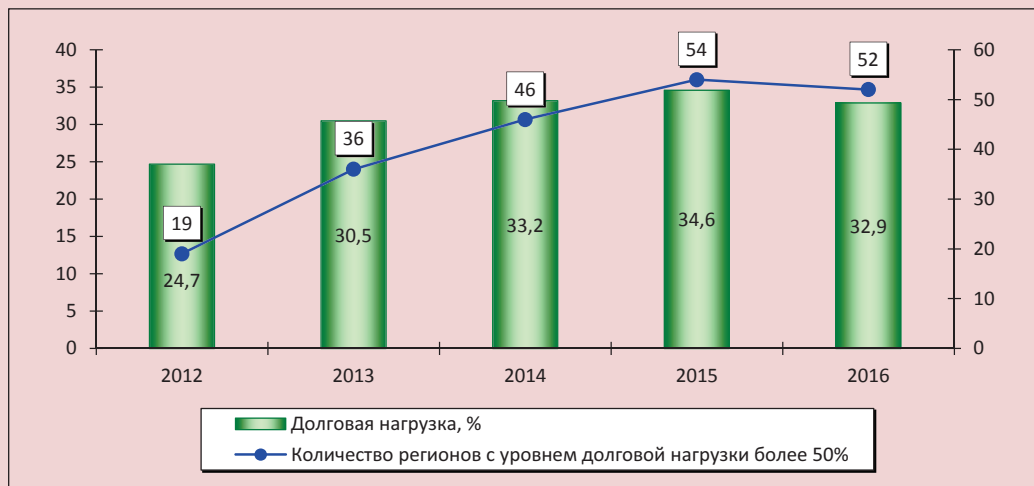
Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.

ющих уровень долговой нагрузки свыше 50%, практически не уменьшилось, причём в большинстве из них долговое бремя превысило 70%, а в шести регионах⁷ – 100%

объёма собственных доходов (в 2015 году – в четырёх регионах). Следовательно, говорить о преодолении долгового кризиса в субъектах РФ преждевременно.

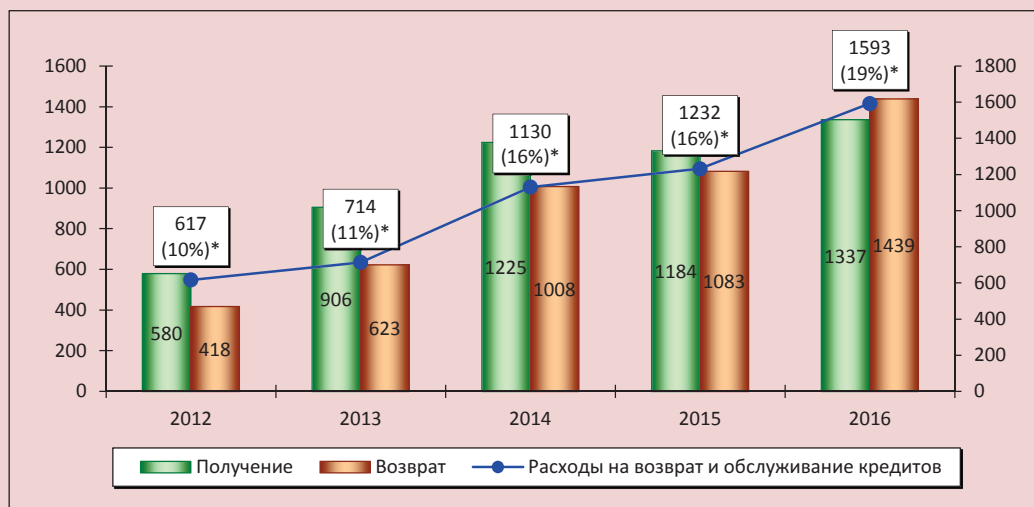
⁷ Республики: Мордовия (165%), Хакасия (119%), Карелия (101%); области: Костромская (124%), Астраханская (107%), Смоленская (106%).

Рис. 8. Долговая нагрузка бюджетов субъектов РФ в 2012–2016 гг.

Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.

Рис. 9. Банковские кредиты, полученные и погашенные бюджетами субъектов РФ в 2012–2016 гг., млрд. руб.

* Цифра в скобках – доля расходов на возврат и обслуживание кредитов в собственных доходах бюджетов.
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Ещё одной особенностью долговой политики прошедшего года стало изменение соотношения между привлечением и погашением коммерческих займов: впервые кредитов было возвращено на 102 млрд. руб. больше, чем выдано, что повлекло увеличение стоимости долговых обязательств:

на возврат и обслуживание рыночных кредитов использовалось 19% собственных доходов бюджетов (рис. 9).

По своему объёму расходы на погашение займов и процентные платежи в 2016 году уступали только расходам на образование и социальную политику. Это значит,

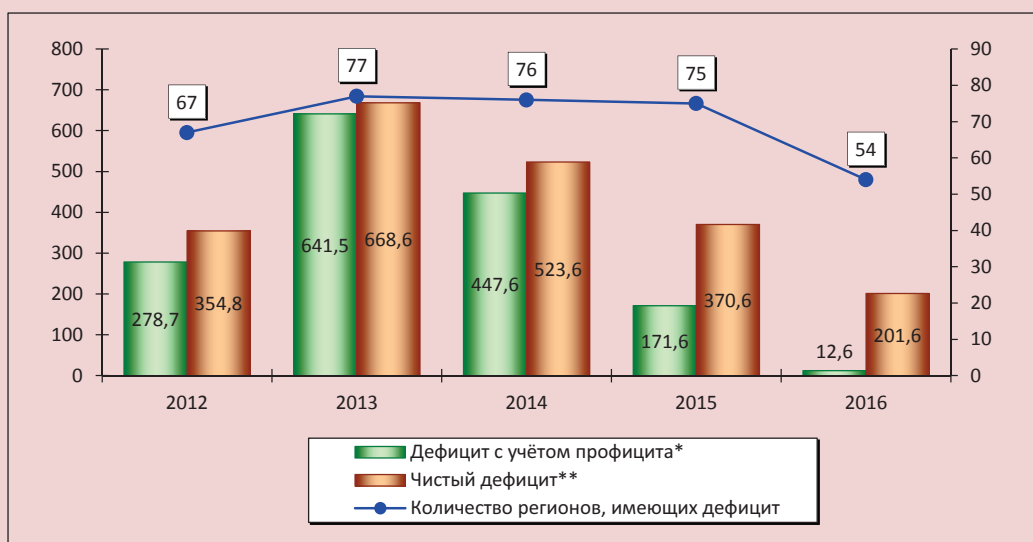
что для безусловного выполнения принятых расходных обязательств региональные власти будут вынуждены осуществлять новые заимствования, что неизбежно приведёт к эскалации рыночного долга.

Председатель Правительства РФ Д. Медведев, выступая на российском инвестиционном форуме в г. Сочи, заявил о том, что «дефицит региональных бюджетов уменьшился со 170 до 12,5 млрд. рублей» [3]. Так ли это в реальности? Во-первых, если говорить о региональных бюджетах, под которыми подразумеваются краевые, республиканские, областные бюджеты, то их дефицит, согласно данным Федерального казначейства, уменьшился со 108,2 до 2,4 млрд. руб. Во-вторых, за счёт рестрикции расходной части консолидированных бюджетов субъектов РФ и огромного профицита бюджета г. Москвы⁸ удалось сокра-

тить общий дефицит со 171,6 млрд. руб. в 2015 году до 12,6 млрд. руб. в 2016 году. В-третьих, по итогам 2016 года 54 региона так и не смогли сбалансировать свой бюджет. Без учёта регионов, исполнивших бюджет с профицитом, чистый дефицит субфедеральных бюджетов составил 201,6 млрд. руб., что в десятки раз превышает показатель дефицита в отчётности Федерального казначейства (рис. 10).

В 2016 году рост дефицита наблюдался в семнадцати регионах (табл. 8). Этот список дополнили экономически успешные регионы: г. Санкт-Петербург, имеющий масштабные обязательства по проведению чемпионата мира по футболу в 2018 году; Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область, в бюджеты которых недопоступили налоговые платежи из-за падения цен на нефть.

Рис. 10. Дефицит бюджетов субъектов РФ в 2012–2016 гг., млрд. руб.

* Данные отчётности Федерального казначейства.

** Данные расчётов автора.

⁸ Профицит бюджета г. Москвы составил 116 млрд. руб.

Таблица 8. Субъекты РФ с ростом дефицита бюджета в 2016 г.

Субъект	2015		2016		2016 к 2015, %
	Млн. руб.	%*	Млн. руб.	%*	
Удмуртская Республика	-7404	11,1	-7945	10,8	107,3
Омская область	-5155	6,5	-5562	6,7	107,9
Орловская область	-2804	8,8	-3228	9,9	115,1
Ярославская область	-4402	6,8	-5083	7,8	115,5
Костромская область	-3426	13,7	-3981	14,8	116,2
Белгородская область	-2588	3,2	-3059	3,7	118,2
Республика Хакасия	-5051	17,8	-7186	27,1	142,3
Ненецкий АО	-2185	11,8	-3381	23,3	154,7
Липецкая область	-268	0,4	-463	0,8	172,8
Республика Саха (Якутия)	-4323	2,3	-7539	3,8	174,4
Архангельская область	-2789	3,6	-5440	7,1	195,1
Республика Бурятия	-1222	2,3	-2529	4,9	207,0
Камчатский край	-277	0,4	-585	0,8	211,2
Курская область	-445	0,8	-2186	4,2	491,2
Сахалинская область	10706	0	-3263	2,1	х
Ханты-Мансийский АО	7267	0	-9115	3,7	х
г. Санкт-Петербург	7676	0	-19325	4,0	х

* Отношение дефицита к объёму доходов бюджета.
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таким образом, бюджетная консолидация не помогла большинству субъектов РФ решить проблему разбалансированности.

Результаты анализа исполнения субфедеральных бюджетов дают основания для следующих выводов. Кардинального перелома бюджетного кризиса в российских регионах, вызванного необходимостью выполнения предвыборных программ Президента РФ без соответствующего финансового обеспечения, не произошло. Максимум достижений — малозаметное снижение долговой нагрузки и замедление роста дефицита бюджетов отдельных территорий благодаря реструктуризации существенной части коммерческого долга в бюджетный. Но и бюджетные кредиты являются возвратными, что в ближайшие годы, вероятно, приведёт к новому витку рыночного долга.

Выделим основные тенденции, определяющие бюджетный процесс в субъектах РФ в 2016 году:

- падение реальных собственных доходов бюджетов, во многом обусловленное снижением поступлений налога на прибыль в регионах сырьедобывающей, металлургической и аграрной специализации;
- сокращение реальных поступлений НДФЛ, указывающее на ухудшение благосостояния россиян;
- снижение объёма безвозмездной помощи из федерального бюджета, ограничивающее возможности недолгового финансирования дефицита бюджетов;
- усиление структурных диспропорций расходной части бюджетов за счёт сворачивания производительных расходов;
- ускорение процесса оптимизации финансирования социальной сферы, чреватое снижением доступности государ-

ственных услуг и повышением социальной напряжённости в обществе;

— увеличение закрепитованности субфедеральных бюджетов, лишаящее регионы возможностей заимствования ресурсов для реализации инвестиционных проектов.

Перечисленные тенденции, приобретшие устойчивый характер, найдут своё продолжение в ближайшем бюджетном цикле. Очевидно, что в силу сохранения негативных тенденций социально-экономической динамики простых путей решения бюджетных проблем нет.

В большинстве регионов остро ощущается необходимость создания целостной системы управления промышленным и инвестиционным потенциалом. Без этого экономическая деятельность будет ориентирована только на обслуживание текущих потребностей в ущерб стратегическим приоритетам развития. К сожалению, как справедливо отмечает д.э.н. А.Е. Дворецкая, «стратегического видения бюджетных доходов у финансовых властей нет, поскольку не начаты серьёзные меры по диверсификации экономики. Не может быть здорового сбалансированного бюджета в несбалансированной экономике [6]».

Бюджетная политика российских властей неоднократно становилась объектом критики представителей экспертного сообщества [2, 7, 8, 11, 12, 13], большинство которых единодушны в том, что бюджетная система РФ не способствует развитию.

Вопреки заявлением Минфина РФ о нехватке финансовых ресурсов [1] результаты исследований ИСЭРТ РАН свидетельствуют о том, что резервы решения проблемы кризиса территориальных бюджетов есть, а именно:

1. Реформирование налогообложения доходов физических лиц посредством поэтапного установления дифференцирован-

ных ставок в отношении сверхдоходов. Как показали расчёты, введение прогрессии только в отношении долларовых миллиардеров способно удвоить поступления НДФЛ в бюджеты регионов [14].

2. Свободные остатки бюджетных средств, которые накапливаются на казначейских счетах в результате ошибок и просчётов при прогнозировании бюджетных параметров. На конец 2016 года остатки средств в целом по бюджетной системе страны составляли 1,6 трлн. руб., в том числе по бюджетам регионов — 0,4 трлн. рублей.

3. Инвентаризация действующих налоговых льгот по региональным и местным налогам (налоги на имущество) и их частичная или полная отмена в первую очередь для высокодоходных субъектов экономики. По нашим расчётам, в результате предоставления налоговых преференций в бюджеты регионов в 2015 году недопоступило 405,5 млрд. руб., или 40% имущественных платежей.

4. Принятие мер к взысканию дебиторской задолженности субфедеральных бюджетов, которая, по данным Федерального казначейства, за 2016 год выросла на треть и составила 1,3 трлн. руб.

5. Усиление ответственности главных распорядителей бюджетных средств за результаты исполнения расходов. В 2016 году на фоне бюджетной консолидации регионами не освоено 588,6 млрд. руб., или 6% выделенных ассигнований.

6. Законодательное закрепление распределения межбюджетных трансфертов субъектам РФ из федерального бюджета к началу составления региональных бюджетов на очередной финансовый цикл. Ежегодное несоблюдение предлагаемого порядка приводит к дезорганизации бюджетного процесса в регионах, в результате

чего несвоевременно распределённые и неизрасходованные трансферты возвращаются в федеральный бюджет. По итогам 2016 года регионы вернули 35,8 млрд. руб. неиспользованных субсидий и субвенций, что в два раза больше, чем в 2015 году.

7. Пролонгация проводившейся Правительством РФ в 2016 году политики трансформации рыночного долга в бюджетный.

8. Унифицирование методологии исчисления прибыли для налогообложения в направлении достижения максимальной прозрачности. Наряду с этим законодательные изменения должны предусматривать повышение транспарентности деятельности крупнейших налогоплательщиков, прежде всего в отношении детального раскрытия финансовой отчётности, которая должна обеспечивать заинтересованных пользователей данными об эффективности корпоративного управления [20]. Например, результаты проделанного в ИСЭРТ РАН анализа деятельности бюджетобразующего предприятия Вологодской области — ПАО «Северсталь» — показали, что в силу действия двойных стандартов исчисления налогооблагаемой базы фактическая ставка налога на прибыль, уплаченного корпорацией в 2015–2016 годах, составила 4,5% вместо стандартной ставки 20%, из-за чего бюджет потерял 23,4 млрд. рублей.

Несовершенство механизмов межбюджетного регулирования настоятельно

требует проведения ревизии полномочий регионов и оценки их доходного потенциала. Научно доказано и подтверждено практикой, что устойчивость развития федеральной, региональной и муниципальной системы может обеспечивать соотношение доходов и расходов в пропорции: 50% — Федерации и 50% — в консолидированный бюджет региона [19]. Игнорирование Правительством РФ этого соотношения имело своим следствием уменьшение за последнее десятилетие количества самодостаточных регионов с 20 до 13. На наш взгляд, в качестве одного из путей изменения порядка распределения налоговых доходов в бюджетной иерархии следует рассматривать передачу части поступлений налога на добавленную стоимость (НДС) в бюджеты регионов, в том числе за счёт отмены возврата из федерального бюджета НДС, уплаченного сырьевыми экспортёрами, что позволит получать ежегодные дополнительные доходы в сумме 1,7 трлн. рублей [9].

Подводя итоги исследования, сделаем следующее резюме. Хотя обсуждение проблем бюджетного кризиса субъектов РФ далеко от своего завершения, однако следует признать, что всё большее распространение находит понимание необходимости структурных реформ для его преодоления. В долгосрочной перспективе только через повышение экономической активности можно достичь баланса территориальных бюджетов.

Литература

1. Башкатова, А. Резервный фонд всё равно исчезнет [Электронный ресурс] / А. Башкатова. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-05-18/1_6990_neft.html
2. Бокарева, Л. Цели и риски реформы управления государственными финансами РФ / Л. Бокарева // Общество и экономика. — 2016. — № 12. — С. 46–64.
3. Выступление Д.А. Медведева на пленарном заседании российского инвестиционного форума «Сочи-2017» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/news/26566/>

4. Выступление Д.А. Медведева с отчётом о работе Правительства РФ в Государственной Думе РФ 19.04.2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/04/19/>
5. Гамукин, В.В. Бюджетные риски: среда, система, случай / В.В. Гамукин. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2015. – 328 с.
6. Дворецкая, А.Е. Среднесрочные перспективы бюджета РФ / А. Е. Дворецкая // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 104-119.
7. Дёгтев, А.С. Межбюджетные диспропорции: пугающие тенденции [Электронный ресурс] / А.С. Дёгтев. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/>
8. Дмитриева, О.Г. Бюджет плачевных итогов / О.Г. Дмитриева // Московский комсомолец. – 2013. – 23 окт.
9. Ильин, В.А. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика региона. – 2017. – № 1. – С. 25-37.
10. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления 2000–2015. Противоречивые итоги – закономерный результат / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 304 с.
11. Кашин, В.А. Промышленная политика и налоговое регулирование / В.А. Кашин, М.Д. Абрамов. – М.: ИПР РАН, 2015. – 164 с.
12. Кричевский, Н.А. Как заставить олигархов делиться с народом / Н.А. Кричевский // Московский комсомолец. – 2017. – 17 мар.
13. Петров, Ю.А. К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов? / Ю.А. Петров // Российский экономический журнал. – 2013. – № 4. – С. 24-39.
14. Поварова, А.И. Реформирование налога на доходы физических лиц – важнейший фактор стабилизации бюджетной системы / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6 (48). – С. 193-213.
15. Поварова, А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль: факторы и пути повышения / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 180-195.
16. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы (выпуск 38) / колл. авторов Института Гайдара. – М: Институт Гайдара, 2017. – 570 с.
17. Соколов, И. Бюджет как инструмент структурных преобразований в российской экономике: доклад на Гайдаровских чтениях 11.05.2017 г. [Электронный ресурс] / И. Соколов. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/141072879/>
18. Сулакшин, С.С. Социально-экономическое положение россиян в кризисный период / С.С. Сулакшин, Н.А. Хвьяля-Олинтер, Л.И. Кравченко. – М.: Наука и политика, 2017. – 48 с.
19. Татаркин, А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов / А.И. Татаркин // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 9-30.
20. Hendriksen E.S., Van Breda M.F. Accounting theory. – Homewood, IL: Irwin, 1992. – 905 p.

Сведения об авторе

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: air150663@yandex.ru)

Povarova A.I.

Administration of Regional Budgets in 2016: the Crisis Has Not Been Overcome

Abstract. Russian Prime Minister Dmitry Medvedev speaking in the State Duma with the report on the work of the Russian Government claimed that regional budget shortage has been eliminated and the number of regions with public debt exceeding revenues has been reduced [4]. This discussion makes the problem of proper assessment of sub-federal budgets relevant. Their deficit administration and accumulation of debts have become a steady trend in recent years. The past year has been marked by increased revenues and spending cuts, but even under these conditions most regions were unable to implement balanced budget policy: 54 constituent entities of the Russian Federation were running deficits with debts exceeding half their own revenues, which caused the weakening of investment and consumer demand. The situation is exacerbated by the decline in energy prices, destabilization of the Federal budget and a general decline in business activity in the country. The federal policy is also tightening: since 2014, there has been a steady decrease in financial support for territories, which forces regional authorities to address the issues of financing through local sources of revenues. Palliative measures taken by the Government of the Russian Federation provide only short-term alleviation of the situation but do not solve long-term problems. This, in particular, is evidenced by the growth trend of regions' market debt load renewed in 2016, despite attempts of Ministry of Finance to replace a significant part of market loans with budget loans. This article is a continuation of a series of publications started in 2010 in the ISEDT RAS journal reflecting the results of administration of sub-federal budgets. The purpose for the present study is to identify the peculiarities of the budget process in 2016. Its scientific novelty is determined by a comprehensive analysis which helps assess the condition of territorial budgets by all key parameters and develop specific proposals on measures to eliminate negative systemic factors. The results of this analysis contrast with the results summarized by the Chairman of the Russian Government. The main conclusion is that there are no signs of any improvement in the regions' budget systems, which, in our opinion, is largely due to the fact that federal authorities adapt to the critical state of territorial budgets instead of systematically solving the problems. The article can be used by government authorities for developing the fiscal policy, experts in finance, students and researchers.

Key words: budget of RF constituent entity, revenues, expenditures, deficit, loans, public and municipal debt, debt load, increase in budget incomes.

References

1. Bashkatova A. *Rezervnyi fond vse ravno ischeznet* [Reserve Fund will run dry any way]. Available at: http://www.ng.ru/economics/2017-05-18/1_6990_neft.html. (In Russian).
2. Bokareva L. *Tseli i riski reformy upravleniya gosudarstvennymi finansami RF* [Goals and risks in the RF Public Finance Management Reform]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy], 2016, no. 12, pp. 46-64. (In Russian).
3. *Vystuplenie D.A. Medvedeva na plenarnom zasedanii rossiiskogo investitsionnogo foruma "Sochi-2017"* [D.A. Medvedev's speech at the plenary session of Sochi-2017 Investment Forum]. Available at: <http://government.ru/news/26566/>. (In Russian).
4. *Vystuplenie D.A. Medvedeva s otchetom o rabote Pravitel'stva RF v Gosudarstvennoi Dume RF 19.04.2017 g.* [D.A. Medvedev's speech on the work of the RF Government in the State Duma of the Russian Federation, 19.04.2017]. Available at: <https://rg.ru/2017/04/19/>. (In Russian).

5. Gamukin V.V. *Byudzhetye riski: sreda, sistema, sluchai* [Budget risks: environment, system, cases]. Tyumen': Tyumenskii gosudarstvennyi universitet, 2015. 328 p. (In Russian).
6. Dvoret'skaya A.E. *Srednesrochnye perspektivy byudzheta RF* [Medium-term prospects of the RF budget]. *EKO*, 2016, no. 8, pp. 104-119. (In Russian).
7. Degtev A.S. *Mezhbyudzhetye disproportsii: pugayushchie tendentsii* [Inter-budget disproportions: daunting trends]. Available at: <http://rusrand.ru/analytics/>. (In Russian).
8. Dmitrieva O.G. *Byudzhetye plachevnykh itogov* [Budget of poor performance]. *Moskovskii komsomolets* [Moskovskii komsomolets paper], 2013, 23 October. (In Russian).
9. Pliyina V.A., Povarova A.I. *Nedostatki nalogovogo administrirovaniya krupnogo biznesa i ikh vliyanie na regional'nye byudzhety* [Drawback in large business tax administration and their influence on regional budgets]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], 2017, no. 1, pp. 25-37. (In Russian).
10. Pliyina V.A., Povarova A.I. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya 2000–2015. Protivorechivyye itogi – zakonomernyye rezul'taty* [Public administration efficiency 2000–2015. Controversial outcomes – expected results]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 304 p. (In Russian).
11. Kashin V.A., Abramov M.D. *Promyshlennaya politika i nalogovoe regulirovanie* [Industrial policy and fiscal regulation]. Moscow: IPR RAN, 2015. 164 p. (In Russian).
12. Krichevskii N.A. *Kak zastavit' oligarkhov delit'sya s narodom* [How to make oligarchs share with people]. *Moskovskii komsomolets* [Moskovskii komsomolets paper], 2017, 17 March. (In Russian).
13. Petrov Yu.A. *K formirovaniyu novoi ekonomicheskoi modeli: restriksiya byudzhetykh raskhodov ili povyshenie sobiraemosti nalogov?* [Towards the formation of a new economic model: budget expenditure constraints or increased fiscal performance?]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian journal of Economics], 2013, no. 4, pp. 24-39. (In Russian).
14. Povarova A.I. *Reformirovanie naloga na dokhody fizicheskikh lits – vazhneishii faktor stabilizatsii byudzhetoj sistemy* [Reforming individual income tax is the crucial factor in stabilizing the budgetary system]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 6 (48), pp. 193-213. (In Russian).
15. Povarova A.I. *Snizhenie fiskal'noi funktsii naloga na pribyl': faktory i puti povysheniya* [Reduction of the fiscal function of corporate tax: the factors and ways of increase]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3, pp. 180-195. (In Russian).
16. *Rossiiskaya ekonomika v 2016 godu. Tendentsii i perspektivy (Vypusk 38)* koll. avtorov Instituta Gaidara [Russian economy in 2016. Trends and prospects. (Issue 38)]. Moscow: Institut Gaidara, 2017. 570 p. (In Russian).
17. Sokolov I. *Byudzhetye kak instrument strukturnykh preobrazovaniy v rossiiskoi ekonomike: doklad na Gaidarovskikh chteniyakh 11.05.2017 g.* [Budget as a tool for structural transformations in the Russian economy: report at Gaidar Readings]. Available at: <https://docviewer.yandex.ru/view/141072879/>. (In Russian).
18. Sulakshin S.S., Khvylya-Olinter N.A., Kravchenko L.I. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie rossiyan v krizisnyi period* [Socio-economic situation of Russians during the crisis period]. Moscow: Nauka i politika, 2017. 48 p. (In Russian).
19. Tatarkin A.I. *Dialektika gosudarstvennogo i rynochnogo regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i munitsipalitetov* [Dialectics of state and market regulation of the socio-economic development of regions and municipal units]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], 2014, no. 1, pp. 9-30. (In Russian).
20. Hendriksen E. S., Van Breda M. F. *Accounting theory*. Homewood, IL: Irwin, 1992. 905 p.

Information about the Author

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, 160014, Vologda, Russian Federation; e-mail: aip150663@yandex.ru)

Статья поступила 06.06.2017.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.9

УДК 331.446.4, ББК 60.524

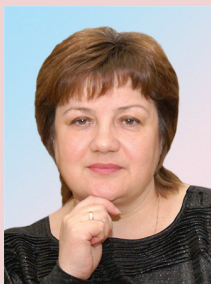
© Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А.

Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: galinaleonidova@mail.ru

**Елена Андреевна
ЧЕКМАРЕВА**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: miteneva@inbox.ru

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-22-01013 «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития» (2015–2016 гг.).

Для цитирования: Шабунова, А.А. Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 162-179. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.9

For citation: Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Socio-cultural reserves of economic growth: productivity of the work chosen according to one's calling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 162-179. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.9

Аннотация. В статье обобщены теоретические воззрения на сущность социокультурных факторов экономического роста. Выделены их компоненты (ментальные установки, нравственность, культурные традиции, профессиональное призвание), которые при эффективном использовании дают рост результативности трудовой деятельности. Рассмотрены теоретико-методологические подходы к категории «профессиональное призвание», определена его сущность и признаки (глубокая преданность избранному делу, высокая ответственность и самоотдача в профессии, бескорыстие и творческое отношение к труду, духовная связь человека с профессией, положительный психологический настрой в трудовой деятельности). Целью исследования стала оценка влияния профессионального призвания как социокультурного феномена на экономические показатели трудовой деятельности людей (например, заработная плата, эффективность и качество труда, мотивация к труду и т.д.), которые напрямую увязаны с проблематикой производительности труда как основы материального воспроизводства и продуктивности экономики. Дан анализ социологических исследований, проведенных в 2014 и 2016 гг. в Вологодской области. Их результаты позволили выделить группы работников в зависимости от работы по призванию и по специальности:

- первая группа – работающие по специальности и по призванию (39,7%);
- вторая группа – работающие по специальности, но не по призванию (4,5%);
- третья группа – работающие по призванию, но не по специальности (10,8%);
- четвертая группа – работающие не по специальности и не по призванию (12,1%).

Выделение групп работников региона по признакам «работы по специальности» и «работы по призванию» и определение экономических эффектов каждой из выделенных групп составили новизну исследования. В проведенном исследовании эмпирически подтверждена гипотеза о том, что работа по призванию даёт более выраженный экономический эффект, чем работа по специальности, и сопровождается ростом удовлетворённости работой и жизнью в целом. Выявлено, что если специальность и призвание не совпадают, то более интенсивной реализацией трудового потенциала и высокой зарплатой отличаются те, кто предпочёл работу по призванию. Обосновано, что экономический эффект работы по призванию выражается в большей отдаче от заработной платы, что дает, с одной стороны, расширение налоговой базы, с другой – высокий потребительский спрос со стороны таких работников. Кроме того, повышенный уровень реализации трудового потенциала приводит к росту производительности труда работников. Сделан вывод о необходимости учета феномена профессионального призвания в системе профессиональной ориентации и в работе кадровых служб предприятий и организаций.

Ключевые слова: профессиональное призвание, специальность, трудовой потенциал, реализация трудового потенциала.

Введение

Одной из актуальных проблем общественных наук является определение влияния разнообразных факторов на социально-экономическое развитие общества. В экономической науке все больше утверждений о том, что наряду с экономическими ресурсами не меньшее значение имеют и неэкономические. К последним относят социально-политические, географические,

психологические, инфраструктурные и другие факторы¹. Среди неэкономических факторов исследователями выделяются: информация, «качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных

¹ Ипатов П.Л., Динес В.А., Русановский В.А. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики // Экономика и управление. – 2009. – №3/6 (44). – С. 5-12.

знаний и навыков, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития»² (табл. 1). Воздействие неэкономических факторов носит опосредованный и многоступенчатый характер, имеет более продолжительный временной лаг в сравнении с действием экономических факторов. Непринятие их во внимание, как показывает экономическая практика, приводит к несвоевременности и неадекватности мер, осуществляемых на разных уровнях регулирования и прогнозирования народного хозяйства³.

Таблица 1. Неэкономические факторы роста экономики

Типы неэкономических факторов	Виды неэкономических факторов
Социально-политические	Социально-политическая стабильность Межэтническое и межконфессиональное согласие
Психологические	Предпринимательские склонности (предприимчивость) Мотивация
Географические и природно-климатические	Географические условия Климатические условия Световая зона
Инфраструктурные	Научная и техническая, коммуникационная, образовательная, медицинская, культурная инфраструктура
Социокультурные	Ментальные установки Нравственность Культурные традиции <i>Профессиональное призвание</i>
Источники: составлено авторами по: Ипатов П.Л., Динес В.А., Русановский В.А. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики // Экономика и управление. – 2009. – №3/6 (44). – С. 5-12; Седюкова Е.А., Безгласная Е.А. Неэкономические факторы и их влияние на успешность модернизации экономики // Научный электронный архив. – URL: http://econf.rae.ru/article/6442 (дата обращения: 28.11.2016).	

² Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – № 3(33). – С. 45-56.

³ Седюкова Е.А., Безгласная Е.А. Неэкономические факторы и их влияние на успешность модернизации экономики // Научный электронный архив. – URL: <http://econf.rae.ru/article/6442> (дата обращения: 28.11.2016).

В данной статье мы остановимся на определении влияния неэкономических факторов на экономическое развитие территории, выделив среди них социокультурные ресурсы, в числе которых – ментальные установки, жизненные ценности, национальные и культурные традиции населения, профессиональное призвание.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили данные социологических опросов о качественном состоянии трудового потенциала населения Вологодской области, проведенных ИСЭРТ РАН на территории региона в 2014 и 2016 годах⁴.

Для измерения качественных характеристик населения трудоспособного возраста в рамках мониторинга нами использовалась методика⁵, основанная на концепции качественных характеристик населения (Н.М. Римашевская). Она позволяет в индексной форме оценить восемь базовых качеств⁶ (физическое и психическое здоровье населения, когнитивный потенциал и творческие способности, коммуникабельность, культурный нравственный уровень, потребность в достижении) и рассчитать интегральный индекс качества трудового потенциала, трактуемого в представленной методике как социальная дееспособность (рис. 1).

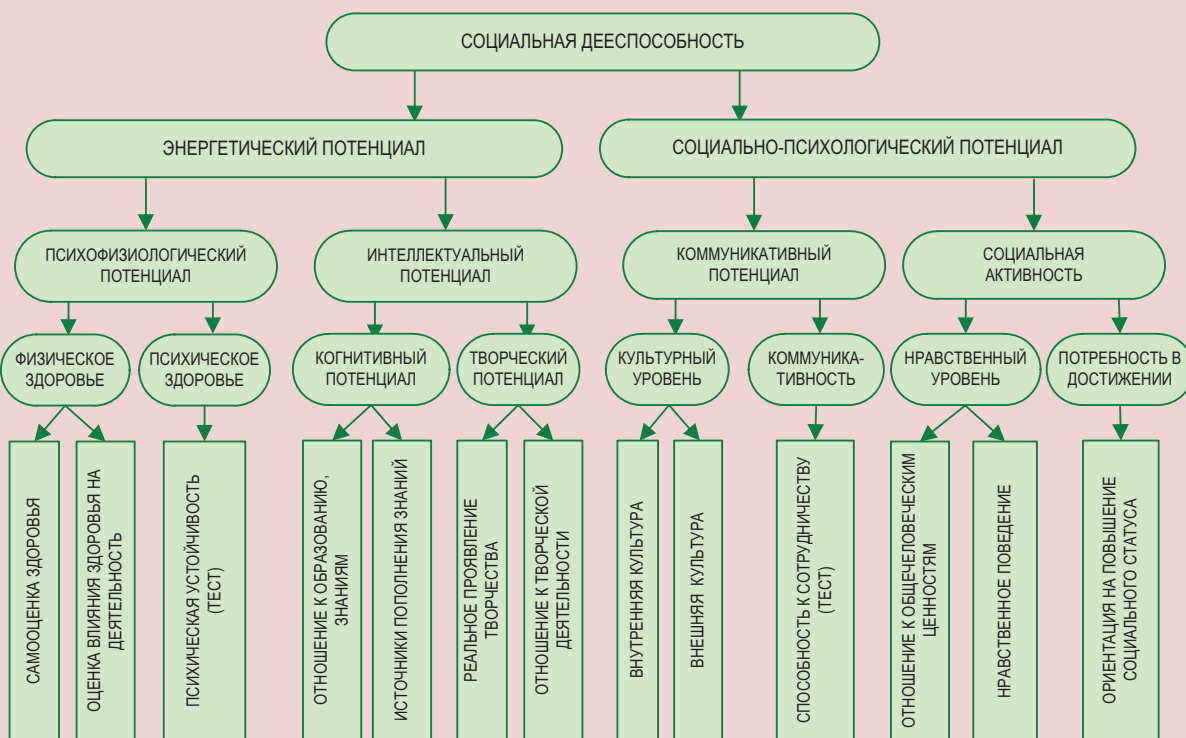
Следует отметить, что исследование проблемы профессионального призвания проводилось при поддержке Российского

⁴ Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборки – 1500 человек трудоспособного возраста. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3–4% при доверительном интервале 4–5%.

⁵ Римашевская Н.М. О методологии определения качественного состояния населения // Демография и социология. – Вып. 6. – М., 1993.

⁶ Оценка качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области проводится с 1997 г.

Рис. 1. Структура качества трудового потенциала

Источник: Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике : монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 195 с.

гуманитарного научного фонда с 2015 г. совместно с учеными Института социологии НАН Беларуси. При этом блок вопросов, оценивающих распространенность феномена, был использован также в исследованиях, выполненных ИСЭРТ РАН: «Качество трудового потенциала населения Вологодской области» (2014 и 2016), «Социокультурный портрет региона» (2015), «Профессиональное призвание» (2016). В работе приведены данные социологического опроса населения Могилевской области Республики Беларусь, проведенного сотрудниками Института социологии НАН Беларуси в 2016 г.

Теория

К социокультурным факторам экономического развития обращались в своих исследованиях такие ученые, как П. Соро-

кин, А. Ахиезер, А. Аузан, Н. Лапин, Л. Ионин, Н. Черныш, М. Горшков, В. Ядов и др.

Основные факторы любых социальных изменений, согласно исследованиям П.А. Сорокина, «находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют»⁷. Под «социокультурным» он понимал все то, что «люди получают от других людей благодаря непрерывающемуся взаимодействию с культурой как носителем надорганических ценностей». «Надорганические ценности» в данном случае это все производные сознания человека (язык, наука и философия, религия, искусство, право, этика, нравы, манеры, технические изобретения и т.п.).

⁷ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

«Социокультурность» в его понимании — базовая категория надорганизма (социального мира)⁸.

В работах А. Ахиезера «социокультурная среда» трактуется как внешняя по отношению к индивиду реальность. Причем, автор характеризует ее прежде всего «уровнем творческого потенциала окружающих субъекта людей, уровнем их рефлексии, например, уровнем, масштабом частной инициативы, сложившимся шагом новизны, мощностью, потоком и характером инноваций, содержанием господствующих ценностей, нравственного идеала и т.д.»⁹.

Российский экономист А. Аузан определил этот фактор как своеобразный «культурный код» (т.е. некоторый набор образов, связанный с каким-либо комплексом стереотипов в сознании), способный влиять на экономическое развитие стран¹⁰. Этот код, согласно теории А. Аузана, способствует пониманию и учету поведенческих реакций конкретного народа. Социокультурные факторы в этом смысле приобретают особое значение для экономической и политической трансформации¹¹.

Американский ученый Л. Харрисон определяет культуру как «систему ценностей, верований и установок, которые разделяют члены общества, формируемых главным образом окружающей средой, религией, превратностями истории и передаваемыми из поколения в поколение»¹²,

⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 14-16.

⁹ Ахиезер А.С. Некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. — 1995. — № 1. — С. 4-58.

¹⁰ Аузан А. Национальные ценности и модернизация. — М.: ОГИ; Полит.ру, 2010.

¹¹ Культурные факторы модернизации: доклад / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль, А.О. Ворончихина, Н.В. Зверева, А.В. Золотов, Е.Н. Никишина, А.А. Ставинская, 2011.

¹² Harrison L. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change Culture and Save It from Itself. — Oxford University Press, 2006.

что охватывает многие стороны развития человеческого общества и близко по содержанию к понятию цивилизация.

Вышесказанное позволяет предположить, что применение понятия «культурный (цивилизационный) код» в социологических исследованиях связано именно с этими подходами. По мнению белорусских ученых, изучение цивилизационного кода страны имеет целью изучить и дать рекомендации, как превратить в экономические результаты тот социокультурный потенциал, которым наделено население страны. «Максимальное использование национальных и культурных особенностей может значительно повысить качество жизни, сказаться на общем развитии общества»¹³.

Суть типологического подхода к культуре В. Абушенко заключается в том, что «в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения»¹⁴. К одной из моделей поведения, в частности трудового, можно отнести такое особое социокультурное явление, как выбор работы по призванию (профессиональное призвание).

Позиция В.Р. Шухатович заключается в исследовании феномена профессионального призвания как неэкономического

¹³ В Национальном пресс-центре презентовали книгу «Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minknews.by/blog/2016/01/06/v-natsionalnom-press-tsentre-prezentovali-knigu-belarus-na-puti-v-budushhee-sotsiologicheskoe-izmerenie/> (дата обращения: 29.11.2016).

¹⁴ Абушенко В. Л. Культурсоциология: возможность иного взгляда на социальную теорию // Вопросы социальной теории: научный альманах. — Т. 2. — Вып. 1(2). — М., 2008.

Таблица 2. Некоторые подходы к трактовке термина «профессиональное призвание»

Подход	Автор	Определение
Ценностный	С.Ю. Вишневский	Объективная социальная необходимость, стержень любой профессии, без которого она может существовать, но не может эффективно развиваться. Качественная характеристика деятельности личности, общности, поколения, общества, выражающаяся – рационально или иррационально – в осмыслении необходимости (как единство социальных интересов и потребностей, склонностей), готовности заниматься той или иной профессиональной деятельностью и в выборе реальных профессиональных ролей, статусов и институциональных позиций.
	А.Н. Косолапов	Влечение к какой-либо профессии, осознание своих потенциальных способностей или возможностей в овладении данной профессией.
	С.А. Шавель	Свободный выбор человека, основанный на способности к антиципации (предвосхищение результата деятельности) и интериоризации (присвоения) той социальной роли, с которой личность согласна себя идентифицировать.
	Е.В. Палей	Оценка профессии через призму своих ценностных ориентиров.
	А.В. Михайлов	Целостность проявления профессионально значимых, творчески уникальных качеств личности.
	К.В. Карпинский	Профессиональная деятельность, выступающая как конечная самодостаточная ценность, выполняющая функцию смыслообразования по отношению к целостной жизнедеятельности; понимание, переживание и осуществление личностью своей работы как смысложизненной ценности.
Мотивационный	Н.Р. Салихова	Интегрированное качество личности, проявляющееся в устойчиво положительном и эмоционально-волевом, избирательно-познавательном отношении к профессии, в готовности к самореализации в профессии.
	А.Ф. Караваев	Сложный акт появления и осознания мотивов выбора профессии.
	Э.Р. Хайруллина	Высшее проявление профессиональной направленности личности.
	Ф. Теннис	Феномен, способный формировать общностный тип социальных отношений на разных уровнях институциональной организации.
Факторный	В.Р. Шухатович	Явление, отражающее духовную связь человека с профессией, ассоциирующееся с глубокой преданностью избранному делу, высокой ответственностью, самоотдачей, бескорыстием, творческим отношением к труду.
	Л.Н. Максимова	Субъективный фактор, формирующий профессиональную культуру.

Источник: составлено авторами по: [12; 14; 19; 20; 24; 26; 31; 34; 39].

фактора экономического роста, одного из составляющих экономического развития, представляющего собой положительную динамику в экономике. Обращение к феномену профессионального призвания обусловлено тем, что в современных социогуманитарных концепциях неэкономические факторы, в разряд которых входит «профессиональное призвание»¹⁵, зачастую игнорируются.

Таким образом, целью исследования стала оценка влияния социокультурного

феномена профессионального призвания на экономические показатели трудовой деятельности людей (например, заработная плата, эффективность и качество труда, мотивация к труду и т.д.), которые напрямую увязаны с проблематикой производительности труда как основы материального воспроизводства и продуктивности экономики.

В научных трудах профессиональное призвание концептуализируется как (табл. 2):

- 1) работа в качестве смысла и главной цели жизни (ценность);
- 2) источник самореализации в жизни (мотив);

¹⁵ Шухатович В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 108-192.

3) способ выполнения профессиональной роли, предполагающий полную самоотдачу (трудовое поведение, неэкономический фактор развития экономики)¹⁶.

В начале XX в. к феномену «призвание» первыми обратились основоположники социологической науки М. Вебер и Э. Дюркгейм. Особый акцент в работах М. Вебера сделан на важности проявления внутренней устремленности, чувственности в реализации профессионального призвания¹⁷.

М. Вебер, обосновавший понятие «профессиональное призвание» применительно к профессии политика, выделял три основания для «господства»:

- 1) авторитет «вчерашнего лидера»;
- 2) авторитет «внеобыденного личного дара» (харизма);
- 3) господство «в силу легальности».

Однако профессиональное призвание политика «в его высшем выражении» связывалось М. Вебером с харизматическим лидерством, которое неотделимо от подчинения, основанного не на обычае или законе (как в первом и третьем случае), а в вере в него. По мнению ученого, призвание политика — это внутреннее ядро харизмы, проявляющееся как на чувственно-эмоциональном, так и на рациональном (сознательном) уровне¹⁸.

Э. Дюркгейм трактовал профессиональное призвание с точки зрения этики, делая акцент на профессионализме как важном

качестве призвания¹⁹. Этическая сторона профессионального призвания и в дальнейшем являлась предметом изучения многих ученых.

В частности, Д. Густафссон выделял черты, присущие профессиональному призванию: высокий уровень мотивации и глубокое видение целей²⁰. Его вывод состоял в том, что выполнение работы без призвания не имеет моральных и гуманистических корней, поскольку при этом теряется истинная сущность труда.

Призвание изучается в рамках ряда научных направлений (*табл. 3*).

В большинстве научных работ и направлений феномен призвания связывается с конкретной профессией (призвание к учительскому труду, журналистское призвание, политика как призвание и т.д.) или миссией (М. Вебер, П. Бурдьё, Г. Гегель), жизненным смыслом (Э. Мунье, С. Франк, Б. Вышеславский), внутренним долгом человека (В.Н. Лосский: призвание — личное соединение с Богом, совершенство человека²¹; И. Фихте: учёный ... по своему назначению учитель человеческого рода²²; Л.Н. Коган: цель и смысл жизни²³), творческим проявлением уникальности личности (Н. Бердяев, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет).

¹⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1991. — 575 с.

²⁰ Густафссон Д. Блейк и православие // Язык. Словесность. Культура. — 2013. — № 1; Gustafson J.M. Professions as «Callings» // The Social Service Review. — 1982. — Vol. 56. — № 4. — P. 509.

²¹ Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие [Электронный ресурс] // Богословские труды: сб. восьмой, посвященный В. Лосскому. — Режим доступа: <http://bogoslovie.todn.ru/lossky/10/204/>

²² Фихте И. Лекция IV. О назначении учёного [Электронный ресурс] // Несколько лекций о назначении учёного. Назначение человека. Основные черты современной эпохи. — Режим доступа: <http://vikent.ru/enc/2683/>

²³ Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. — М., 1984. — С. 184.

¹⁶ Карпинский К.В. Профессиональная деятельность и развитие личности как субъекта жизни // Личность профессионала в современном мире. — М.: Институт психологии РАН, 2013. — С. 25-59.

¹⁷ Шутова Е.А. Феномен призвания в работах М. Вебера // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 18. — С. 116-118; Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. — М.: Прогресс, 1990.

¹⁸ Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 707-735.

Таблица 3. Научные направления исследований феномена призвания человека

Концепции	Представители	Призвание – это...
Трансцендентальные	С.Л. Франк С. Мунье Б.П. Вышеславский	предназначение, задача, установленная абсолютным бытием
Социологические	М.Вебер К.Маркс И. Фихте П. Бурдьё С.Ю. Вишневский	социальный феномен, определяющий направленность человека на общество, необходимость воспроизводства общественных отношений. Важным признаком призвания признается деятельность (общественная, профессиональная и т.д.)
Индивидуалистические	К.Г. Юнг Х. Ортега-и-Гассет	цельная программа существования человека, побуждающая человека выбрать собственный жизненный путь, отличный от общепринятого
Онтологические	Г.Ф. Гегель И. Фихте Н. Бердяев	целостный феномен, существование которого связано с поиском смысла жизни

Источники: Вишневский С.Ю. Призвание как социокультурная проблема: историко-социологический анализ: автореф. дис. д-ра социолог. наук. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2006; Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете / пер. А.Б. Матвеева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chat.ru/~scbooks/>

В. Шухатович рассматривает призвание как социальный феномен, потому что оно является «продуктом человеческого мышления» и способно формировать «доверие между людьми»²⁴.

Профессиональное призвание – это глубокая преданность избранной профессии, высокая ответственность и самоотдача, бескорыстие и творческое отношение к труду, духовная связь человека с профессией, а также положительный психологический настрой в трудовой деятельности (удовольствие от труда, удовлетворение трудом и жизнью в целом). «Призвание – это точка соприкосновения природных способностей и личных предпочтений»²⁵.

Развивая идею В. Шухатович, мы попытались ответить на вопрос о влиянии работы по призванию на объективные экономические показатели трудовой деятельности (например, заработная плата, эффективность и качество труда и т.д.) и субъективное восприятие индивидом жизни и работы. Эмпирически подтвердили

²⁴ Шухатович В.Р. Призвание как социальный и культурный феномен: к вопросу о теории и методологии исследования // Социология. – М., 2010.

²⁵ Найти свое призвание. Как открыть свои истинные таланты и наполнить жизнь смыслом. – М., 2014. – 304 с.

гипотезу о том, что *работа по призванию даёт более выраженный экономический эффект, чем работа по специальности, и сопровождается ростом удовлетворённости работой и жизнью в целом.*

Результаты исследования

Данные социологических опросов показывают, что работа в соответствии с призванием характерна для более чем половины занятого населения Вологодской области (56,7% в 2014 г., 55,2% в 2016 г. по данным мониторинга качественного состояния трудового потенциала)²⁶ и значительной доли населения Могилевской области Республики Беларусь (42%).

В отраслевом разрезе наибольшие масштабы (более 70%) ментальная связь со своей профессией имеет место в Вооруженных Силах, культуре и образовании (тех сферах экономики, работа в которых в общественном сознании связывается с чувством долга, «служением людям»). Наименее распространено (менее 50%) призвание среди работников торговли и сельского хозяйства.

²⁶ Чекмарева Е.А., Шабунова А.А. Работа по призванию: выгодно ли это для экономики? // Социологический альманах. – Мн.: Белорусская наука, 2016. – №6. – С. 156-164.

Следует отметить, что данное исследование является оригинальным, поскольку выполняется только в Беларуси и Вологодской области, поэтому существенно ограничена его фактологическая база. Однако проведение в регионе нескольких социологических обследований дает возможность для обобщений и выводов о распространенности (проявленности) феномена среди работников, о его экономических эффектах.

Отличительную особенность исследования профессионального призвания в рамках мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, составляющей научную новизну, представляет оценка уровня реализации способностей и качественных характеристик работников в трудовой деятельности. Оценка степени использования качеств населения проводилась по разработанной в рамках вышеназванного подхода методике²⁷, основанной на блоке вопросов вида «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой мере используете свои качества и умения?» Для расчетов в анкете применяется следующая четырехбалльная шкала: использую в полной мере (на пределе своих возможностей) – 4 балла; более-менее полно (могу использовать больше) – 3; частично (мало) – 2; очень мало (по минимуму) – 1. В дальнейшем путем деления фактического числа баллов по данной шкале на максимально возможное и умножения на 100% для каждого респондента по каждому из восьми качеств был получен показатель, условно названный нами уровнем реализации качества трудового потенциала. Средний уровень реализации трудо-

вого потенциала отдельной социально-демографической группы рассчитывался как среднее арифметическое значений уровня реализации ее членов.

На основе вопросов, предложенных В. Шухатович²⁸: «Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?» и «Соответствует ли Ваша профессия (основная работа) Вашему призванию?», все работающие респонденты, за исключением не получавших специальности и затруднившихся ответить (в 2016 г. – это 32,9%), были разбиты на четыре группы, подлежащие дальнейшему подробному анализу:

- первая группа – работающие по специальности и по призванию (39,7%);
- вторая группа – работающие по специальности, но не по призванию (4,5%);
- третья группа – работающие по призванию, но не по специальности (10,8%);
- четвёртая группа – работающие не по специальности и не по призванию (12,1%).

По каждой из выделенных групп была проведена оценка качества трудового потенциала, уровня его реализации, средней заработной платы, удовлетворённости работой и жизнью и др.

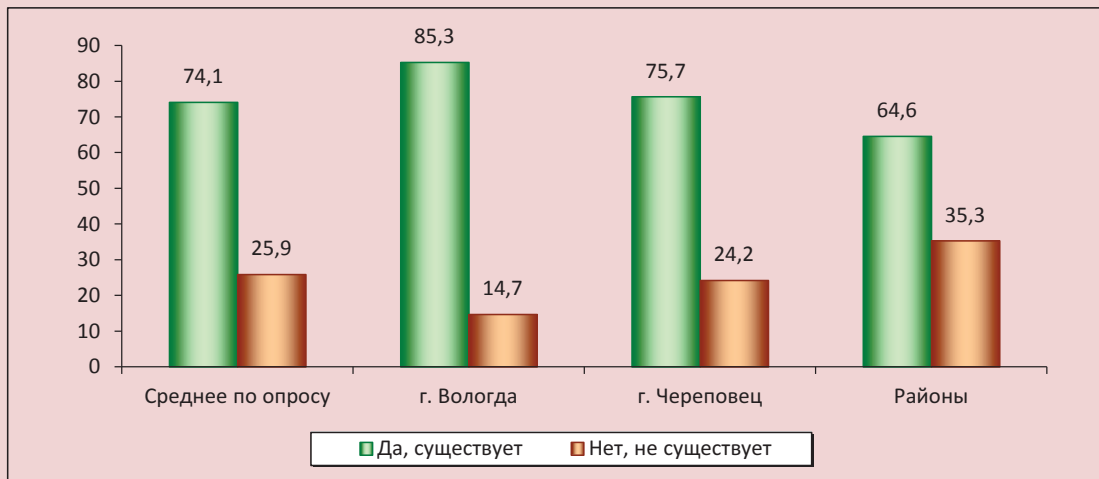
Предположение о наличии эмоциональной связи человека и профессии подтверждается ответами работающего населения Вологодской области (рис. 2). Практически каждый третий (74%) отмечает этот аспект социально-трудовых отношений.

Выделяя положительный психологический настрой в трудовой деятельности как компонент работы по призванию, мы счи-

²⁷ Чекмарева Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 165-172.

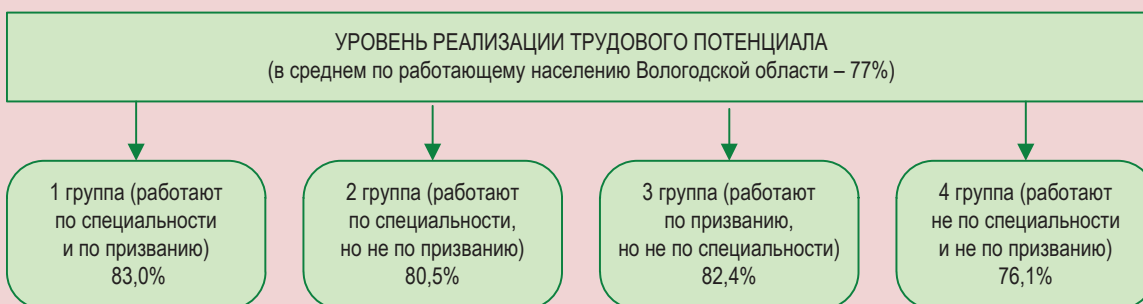
²⁸ Шухатович В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 188-192.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, существует ли духовная и эмоциональная связь человека с профессией (то, что называется призванием)?» (в % от числа опрошенных)

Источник: данные опроса населения Вологодской области по отношению к профессиональному призванию (2016 г.; 1500 чел.).

Рисунок 3. Уровень реализации трудового потенциала населения, работающего и не работающего в соответствии с призванием, %

Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН, 2016.

таем, что именно он дает, вкуже с остальными составляющими анализируемого феномена, тот экономический эффект, который выражается в большей экономической отдаче от более высокого уровня реализации трудового потенциала, предполагающего большую производительность труда (рис. 3).

Работа по призванию определяет, как показывают исследования, более высокий уровень заработной платы, означающий

большую налоговую базу для бюджета региона и соответственно больший потребительский спрос со стороны таких работников. В социально-психологическом плане эффект выражается в более высоких показателях удовлетворённости жизнью, работой, условиями труда (табл. 4) и даже, несмотря на отрицательный индекс, в большей удовлетворенности размером заработка.

Таблица 4. Индексы* удовлетворённости жизнью и работой в группах населения, работающего и не работающего в соответствии с призванием

Удовлетворённость	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?							
	2014 г.		2016 г.		2014 г.		2016 г.	
	Да		Нет		Затрудняюсь ответить			
Жизнью	0,506	0,692	0,088	0,333	0,264	0,510		
Работой	0,504	0,615	-0,088	0,031	0,094	0,345		
Размером заработка	-0,136	-0,039	-0,680	-0,409	-0,452	-0,259		
Условиями труда	0,443	0,495	-0,004	0,009	0,067	0,283		

* Каждый индекс получался путем вычитания частоты отрицательных ответов из частоты положительных и делением полученного значения на 100. Рассчитанный таким образом индекс принимает значения от 1 до -1, при этом минус означает численный перевес отрицательных суждений.
Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН, 2014 г., 2016 г.

Таблица 5. Основные характеристики групп работников, работающих/не работающих по специальности и призванию в Вологодской области в 2016 г.

Показатель	Работают по призванию и по специальности		Работают по призванию, но НЕ по специальности		Работают НЕ по призванию, но по специальности		Работают НЕ по призванию и НЕ по специальности	
	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.
Доля работников, %	32,8	39,7	12,3	10,8	4,3	4,5	9,5	12,1
Индекс качества трудового потенциала, ед.	0,702	0,704	0,697	0,698	0,667	0,670	0,654	0,685
Средняя заработная плата, руб.	20383	23725	20439	21139	16829	20932	15152	17170
Средний уровень реализации трудового потенциала, %	81,9	83	82,5	82,4	74,5	80,5	70,2	76,1

Источник: Данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, 2014 и 2016 гг.

Результаты измерений показали, что первая группа выделяется (табл. 5):

- во-первых, более высоким качеством трудового потенциала (интегральный индекс в этой группе составляет 0,704 ед. против 0,670; 0,698; 0,685 ед. во второй, третьей и четвертой группах соответственно);
- во-вторых, более высоким уровнем реализации трудового потенциала (уровень реализации качества трудового потенциала – 83,0% против 80,5; 82,4 и 76,1% соответственно);
- в-третьих, более высокой заработной платой (средняя зарплата в этой группе – 23725 руб., в других – 20932 руб., 21139 руб. и 17170 руб. соответственно).

При этом если специальность и призвание не совпадают, то более интенсивной реализацией трудового потенциала и

высокой зарплатой отличаются те, кто предпочёл работу по призванию (третья группа).

Если рассматривать субъективное восприятие жизни и работы, то здесь возникает интересный феномен: на первый план выходит именно третья группа – те, кто работает по призванию, но не по специальности. Эти люди испытывают своеобразную «эйфорию» от того, что нашли своё призвание и не побоялись отказаться от работы по специальности в пользу работы по призванию. Так, в третьей группе средний уровень удовлетворённости работой по пятибалльной шкале в 2016 году составлял 4,0 балла, в первой – 3,8 балла, во второй – 3,2 балла, в четвертой – 3,1 балла. Уровень удовлетворённости жизнью в целом у третьей группы также выше:

4,1 балла против 4,0, 3,5 и 3,5 балла соответственно. Все это подтверждает гипотезу исследования.

Обсуждение

Таким образом, мы видим, что феномен «профессиональное призвание» демонстрирует нам позитивные сигналы. Конечно, надо понимать, что нельзя руководствоваться только выделенным фактором отдельно от экономических факторов. Тем не менее следует учитывать его на всех уровнях управления – от предприятия до государства. Нужно способствовать не только формированию этих ресурсов, расширению их воздействия, но и их эффективному использованию.

Требуется существенное усиление профориентационной работы с молодежью,

раннее выявление склонностей и способностей детей и помощь им в определении своего призвания.

Необходим обязательный учет этого явления в работе каждого предприятия и организации, поощрение сотрудников к работе по призванию с учетом большего уровня реализации их трудового потенциала. При системной работе в этом направлении целесообразно обратить внимание на обязательное развитие на предприятиях эффективно функционирующей системы непрерывного образования, дающей возможность быстро переучиваться, а также создание институтов рынка труда, способствующих быстрому реагированию на запросы его агентов и повышающих гибкость сферы социально-трудовых отношений.

Литература

1. Абушенко, В.Л. Культурсоциология: возможность иного взгляда на социальную теорию / В.Л. Абушенко // Вопросы социальной теории: научный альманах. – Т. 2. – Вып. 1 (2). – М., 2008.
2. Аузан, А.А. Национальные ценности и модернизация / А.А. Аузан. – М.: ОГИ; Полит.ру, 2010.
3. Ахиезер, А.С. Некоторые проблемы социокультурной динамики / А.С. Ахиезер // Мир России. – 1995. – № 1. С. 4-8.
4. В Национальном пресс-центре презентовали книгу «Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsknews.by/blog/2016/01/06/v-natsionalnom-press-tsentre-prezentovali-knigu-belarus-na-puti-v-budushhee-sotsiologicheskoe-izmerenie/> (дата обращения: 29.11.2016 г.)
5. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990.
6. Вишневский, С.Ю. Призвание как социокультурная проблема: историко-социологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / С.Ю. Вишневский. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2006.
7. Горшков, М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М.К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – №3(33). – С. 45-56.
8. Густафссон, Д. Блейк и православие / Д. Густафссон // Язык. Словесность. Культура. – 2013. – № 1.
9. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука. – 1991. – 575 с.
10. Ионин, Л.Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса / Л.Г. Ионин // История буржуазной социологии XIX – начала XX века / под ред. И.С. Кона. – М.: Наука, 1979. – С. 164-179.
11. Ипатов, П.Л. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики / П.Л. Ипатов, В.А. Динес, В.А. Русановский // Экономика и управление. – 2009. – № 3/6 (44). – С. 5-12.
12. Караваев, А.Ф. Сущность и структура профессионального призвания / А.Ф. Караваев // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 4. – С. 52-54.

13. Карпинский, К.В. Профессиональная деятельность и развитие личности как субъекта жизни / К.В. Карпинский // Личность профессионала в современном мире. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – С. 25-59.
14. Карпинский, К.В. Смысл жизни и жизненный смысл профессии / К.В. Карпинский // Вестник ТГУ. – 2010. – №6. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smysl-zhizni-i-zhiznennyi-smysl-professii> (дата обращения: 01.12.2016).
15. Коган, Л.Н. Цель и смысл жизни человека / Л.Н. Коган. – М., 1984. – С. 184.
16. Косолапов, А.Н. Мотивация достижения как основа профессионально-ценностной установки / А.Н. Косолапов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 102-104.
17. Культурные факторы модернизации: доклад / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль, А.О. Ворончихина, Н.В. Зверева, А.В. Золотов, Е.Н. Никишина, А.А. Ставинская, 2011.
18. Леонидова, Г.В. Профессиональные намерения, мотивы деятельности в зависимости от трудоустройства по специальности, соответствия профессии призванию и способностям / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 6(73). – С. 28-36.
19. Максимова, Л.Н. Социологические интерпретации профессиональной культуры / Л.Н. Максимова // Вопросы культурологии. – 2008. – № 5. – С. 47-49.
20. Михайлов, А. В. Формирование призвания к профессии переводчика / А.В. Михайлов // Среднее профессиональное образование. – 2009. – № 2. – С. 20-22.
21. Найти свое призвание. Как открыть свои истинные таланты и наполнить жизнь смыслом / К. Робинсон и др. – М., 2014. – 304 с.
22. Ортега-и-Гассет, Х. В поисках Гете [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет; пер. А. Б. Матвеева. – Режим доступа: <http://www.chat.ru/~scbooks/>
23. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие [Электронный ресурс] // Богословские труды: сборник восьмой, посвященный В. Лосскому. – Режим доступа: <http://bogoslovie.todn.ru/lossky/10/204/>
24. Палей, Е.В. Ценности как осуществление человеческой природы / Е.В. Палей // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. – Вып. 1. – Иваново, 2006. – С. 91-94.
25. Римашевская, Н.М. О методологии определения качественного состояния населения / Н.М. Римашевская // Демография и социология. – Вып. 6. – М., 1993.
26. Салихова, Н.Р. Профессиональный выбор и реализуемость личностных ценностей в юности / Н.Р. Салихова // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 4. – С. 3-12.
27. Седюкова, Е.А. Неэкономические факторы и их влияние на успешность модернизации экономики / Е.А. Седюкова, Е.А. Безгласная // Научный электронный архив. – URL: <http://econf.rae.ru/article/6442> (дата обращения: 28.11.2016).
28. Соловьева, Т.С. Трудовые ресурсы России и Беларуси: к проблеме обеспеченности / Т.С. Соловьева, А.В. Попов // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 50-54.
29. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
30. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – С. 14-16.
31. Социальные ожидания – условие стабильности и устойчивости развития общества // Социальный порядок и жизнеспособность общества / С. А. Шавель [и др.]; отв. ред. С. А. Шавель. – Минск: Беларус. навука, 2007. – С. 178-179.
32. Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис; пер. с немец. Д.В. Скляднева. – СПб.: Даль В., 2002. – 452 с.
33. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – 107 с.
34. Фихте, И. Лекция IV. О назначении учёного [Электронный ресурс] / И. Фихте // Несколько лекций о назначении учёного. Назначение человека. Основные черты современной эпохи. – Режим доступа: <http://vikent.ru/enc/2683/>
35. Хайруллина, Э.Р. Содержание и структура профессионального призвания / Э.Р. Хайруллина. – Казань : Каз. гос. технол. ун-т, 2005. – 223 с.

36. Чекмарева, Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы / Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2(14). – С. 165-172.
37. Чекмарева, Е.А. Трудовая деятельность как форма реализации трудового потенциала / Е.А. Чекмарева // Трудовой потенциал как фактор устойчивого развития территории: материалы Рос. науч.-практ. семинара, г. Вологда, 16 – 17 декабря 2010 г. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – С. 147-157.
38. Чекмарева, Е.А. Работа по призванию: выгодно ли это для экономики? / Е.А. Чекмарева, А.А. Шабунова // Социологический альманах. – Минск: Беларуская навука, 2016. – № 6. – С. 156-164.
39. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования: монография / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с. – С. 26.
40. Шутова, Е.А. Феномен призвания в работах М. Вебера / Е.А. Шутова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18. – С. 116-118.
41. Шухатович, В.Р. Призвание как социальный и культурный феномен: к вопросу о теории и методологии исследования / В.Р. Шухатович // Социология. – М., 2010.
42. Шухатович, В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста / В.Р. Шухатович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 188-192.
43. Durkheim, E. Le conflit de la morale et de la sociologie by Simon Deploige // L'Année sociologique. Vol. 12. P. 326-328.
44. Gustafson J.M. Professions as «Callings» // The Social Service Review. – 1982. – Vol. 56. – № 4.
45. Harrison, L. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change Culture and Save It from Itself. – Oxford University Press, 2006.
46. Weber, M. Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. Pp. 77-128.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, врио директора, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Елена Андреевна Чекмарева – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: miteneva@inbox.ru)

Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A.

Socio-Cultural Reserves of Economic Growth: Productivity of the Work Chosen According to One's Calling

Abstract. The article summarizes theoretical views on the essence of socio-cultural factors in economic growth. We single out their components (mental attitudes, morality, cultural traditions, professional recognition), which, when used effectively, promote the growth of work performance efficiency. We also consider theoretical and methodological approaches to the category of “professional calling”, define its essence and features (such as deep commitment to the chosen field of work, high responsibility and

dedication in the profession, selflessness and creative attitude to the work, spiritual connection of man with the profession, positive mental attitude in the work). The aim of the research is to evaluate the impact of professional calling as a social and cultural phenomenon on the economic performance of work (for example, wages, efficiency and quality of work, motivation to work, etc.) that are directly linked to labor productivity as the basis for material reproduction and productivity of the economy. We analyze the sociological research conducted in 2014 and 2016 in the Vologda Oblast. The results allows us to identify groups of employees by work according to their calling and by work within their specialty: the first group includes those working within their specialty and according to their calling (39.7%); the second group – those working within their specialty but outside their calling (4.5%); the third group – those working according to their calling but outside their specialty (10.8%); the fourth group – those working outside their specialty and outside their calling (12.1%). Scientific novelty of the research consists in identifying the groups of workers in the region on the grounds of “working within one’s specialty” and “working according to one’s calling” and in determining the economic effects of each of the selected groups. In the current study, we empirically confirm the hypothesis that the work according to one’s calling gives a more pronounced economic impact than the work within one’s specialty, and is accompanied by the growth of satisfaction with work and life in general. We reveal that if the specialty and calling do not match, then those who chose their work according to their calling realize their labor potential more intensively and have higher wages. We prove that the economic effect of working according to one’s calling is expressed in a greater return on wages, which, on the one hand, broadens the tax base, on the other hand – increases consumer demand on the part of such workers. In addition, an increased level of implementation of the employment potential leads to growth of labor productivity. We conclude that it is necessary to take into account the phenomenon of professional calling in career guidance and in the work of personnel departments of enterprises and organizations.

Key words: professional calling, specialty, employment potential, implementation of labor potential.

References

1. Abushenko V.L. Kul'tursotsiologiya: vozmozhnost' inogo vzglyada na sotsi-al'nuyu teoriyu ["Kultursoziologie": the opportunity of different vision on social theory]. *Voprosy sotsial'noi teorii: nauchnyi al'manakh* [Issues of social theory: scientific almanac], 2008, vol. 2, no. 1 (2). (In Russian).
2. Auzan A.A. *Natsional'nye tsennosti i modernizatsiya* [National values and modernization]. Moscow: OGI; Polit.ru, 2010. (In Russian).
3. Akhiezer A.S. Nekotorye problemy sotsiokul'turnoi dinamiki [Some problems of social and cultural dynamics]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1995, no. 1, pp. 4-58. (In Russian).
4. *V Natsional'nom press-tsentre prezentovali knigu "Belarus' na puti v budushchee: sotsiologicheskoe izmerenie"* [The book “Belarus on the way to the future: a sociological dimension” was presented at the national press center]. Available at: <http://minknews.by/blog/2016/01/06/v-natsionalnom-press-tsentre-prezentovali-knigu-belarus-na-puti-v-budushchee-sotsiologicheskoe-izmerenie/> (accessed 29.11.2016). (In Russian).
5. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Progress, 1990. (In Russian).
6. Vishnevskii S.Yu. *Prizvanie kak sotsiokul'turnaya problema: istoriko-sotsiologicheskii analiz: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk* [Calling as a socio-cultural problem: a historical-sociological analysis: Doctor of Sociology dissertation abstract]. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. A.M. Gor'kogo, 2006. (In Russian).
7. Gorshkov M.K. Ob aksiomaticheskoi traktovke vliyaniya neekonomicheskikh faktorov na ekonomicheskii rost [On the axiomatic interpretation of the economic factors' impact on economic growth]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 45-56. (In Russian).

8. Gustafsson D. Bleik i pravoslavie [Blake and Orthodoxy]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2013, no. 1. (In Russian).
9. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labor in Society]. Moscow: Nauka, 1991. 575 p. (In Russian).
10. Ionin L.G. Sotsiologicheskaya kontsepsiya Ferdinanda Tennisa [Sociological concept of Ferdinand Tönnies]. In: Kon I.S. (Ed.). *Istoriya burzhuaznoi sotsiologii XIX – nachala XX veka* [The history of bourgeois sociology of the 19th – early 20th century]. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 164-179. (In Russian).
11. Ipatov P.L., Dines V.A., Rusanovskii V.A. Kontsept neekonomicheskikh faktorov v issledovaniyakh protsessov razvitiya natsional'noi ekonomiki [The concept of non-economic factors in studying the development of national economy]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], 2009, no. 3/6 (44), pp. 5-12. (In Russian).
12. Karavaev A.F. Sushchnost' i struktura professional'nogo prizvaniya [The nature and structure of professional calling]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today], 2005, no. 4, pp. 52-54. (In Russian).
13. Karpinskii K.V. Professional'naya deyatelnost' i razvitie lichnosti kak sub'ekta zhizni [Professional activities and the development of personality as a subject of life]. *Lichnost' professionala v sovremennom mire* [Personality of a professional in the modern world]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2013. Pp. 25-59. (In Russian).
14. Karpinskii K.V. Smysl zhizni i zhiznennyi smysl professii [The meaning of life and life meaning of profession]. *Vestnik TGU* [Tambov University Reports], 2010, no. 6. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/smysl-zhizni-i-zhiznennyi-smysl-professii> (accessed 01.12.2016). (In Russian).
15. Kogan L.N. *Tsel' i smysl zhizni cheloveka* [The goal and meaning of man's life]. Moscow, 1984. P. 184. (In Russian).
16. Kosolapov A.N. Motivatsiya dostizheniya kak osnova professional'no-tsennostnoi ustanovki [Achievement motivation as a basis of a professionally-valued purpose]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational idea], 2014, no. 5 (27), pp. 102-104. (In Russian).
17. Auzan A.A., Arkhangel'skii A.N., Lungin P.S., Naishul' V.A., Voronchikhina A.O., Zvereva N.V., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Stavinskaya A.A. *Kul'turnye faktory modernizatsii: doklad* [The report on cultural drivers of modernization]. 2011. (In Russian).
18. Leonidova G.V., Ustinova K.A. Professional'nye namereniya, motivy deyatelnosti v zavisimosti ot trudoustroistva po spetsial'nosti, sootvetstviya professii prizvaniyu i sposobnostyam [Professional intentions, motives, and activities, depending on employment within one's specialty, and the match between the job, one's professional calling, and abilities]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economics; entrepreneurship; law and management], 2016, no. 6 (73), pp. 28-36. (In Russian).
19. Maksimova L.N. Sotsiologicheskie interpretatsii professional'noi kul'tury [Sociological interpretations of professional culture]. *Voprosy kul'turologii* [issues of culture studies], 2008, no. 5, pp. 47-49. (In Russian).
20. Mikhailov A.V. Formirovanie prizvaniya k professii perevodchika [Developing the calling to the profession of interpreter]. *Srednee professional'noe obrazovanie* [Secondary vocational education], 2009, no. 2, pp. 20-22. (In Russian).
21. K. Robinson et al. *Naiti svoe prizvanie. Kak otkryt' svoi istinnye talanty i napolnit' zhizn' smyslom* [Finding your element: How to discover your talents and passions and transform your life]. Moscow, 2014. 304 p. (In Russian).
22. Ortega y Gasset J. *V poiskakh Gete* [In search of Goethe from within]. Translated by A.B. Matveev. Available at: <http://www.chat.ru/~scbooks/> (In Russian).
23. Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoi Tserkvi. Dogmatichekoe bogoslovie [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. *Bogoslovskie trudy: sbornik vos'moi, posvyashchenniy V. Losskomu* [Theological works: the eighth collection dedicated to V. Lossky]. Available at: <http://bogoslavie.todn.ru/lossky/10/204/> (In Russian).
24. Palei E.V. Tsennosti kak osushchestvlenie chelovecheskoi prirody [Values as a realization of human nature]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Humanities Department of Ivanovo State University of Chemistry and Technology], 2006, no. 1, pp. 91-94. (In Russian).
25. Rimashevskaya N.M. O metodologii opredeleniya kachestvennogo sostoyaniya naseleniya [On the methodology for determining the qualitative status of population]. *Demografiya i sotsiologiya* [Demography and sociology], 1993, no. 6. (In Russian).

26. Salikhova N.R. Professional'nyi vybor i realizuemost' lichnostnykh tsennostei v yunosti [Choosing a profession and the feasibility of personal values in adolescence]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan pedagogical journal], 2008, no. 4, pp. 3-12. (In Russian).
27. Sedyukova E.A., Bezglasnaya E.A. Neekonomicheskie faktory i ikh vliyanie na uspehnost' modernizatsii ekonomiki [Non-economic factors and their influence on the success of economic modernization]. *Nauchnyi elektronnyi arkhiv* [Online scientific archive]. Available at: <http://econf.rae.ru/article/6442> (accessed 28.11.2016). (In Russian).
28. Solov'eva T.S., Popov A.V. Trudovye resursy Rossii i Belarusi: k probleme obespechennosti [Labor resources in Russia and Belarus: on the problem of security]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], 2015, no. 3, pp. 50-54. (In Russian).
29. Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow: Astrel', 2006. 1176 p. (In Russian).
30. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. Pp. 14-16. (In Russian).
31. Shavel' S.A. et al. Sotsial'nye ozhidaniya – uslovie stabil'nosti i ustoichivosti razvitiya obshchestva [Social expectations – a prerequisite for the stability and sustainability of society]. In: Shavel' S.A. (Ed.). *Sotsial'nyi poryadok i zhiznesposobnost' obshchestva* [Social order and the vitality of society]. Minsk: Belarus. navuka, 2007. Pp. 178-179. (In Russian).
32. Tönnies F. *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii* [Community and society. Fundamental concepts of pure sociology]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. Saint Petersburg: Dal' V., 2002. 452 p. (In Russian).
33. Ilyin V.A., Gulin K.A., Leonidova G.V., Davydova V.V. *Trudovoi potentsial regiona: sostoyanie i razvitie* [Labor potential of a region: condition and development]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2004. 107 p. (In Russian).
34. Fichte I. Lektsiya IV. O naznachenii uchenogo [Lecture 4. On the mission of the scientist]. *Neskol'ko lektzii o naznachenii uchenogo. Naznachenie cheloveka. Osnovnye cherty sovremennoi epokhi* [Some lectures on the mission of the scientist. The purpose of man. The main features of the modern era]. Available at: <http://vikent.ru/enc/2683/> (In Russian).
35. Khairullina E.R. *Soderzhanie i struktura professional'nogo prizvaniya* [Content and structure of professional calling]. Kazan: Kaz. gos. tekhnol. un-t, 2005. 223 p. (In Russian).
36. Chekmareva E.A. Povyshenie urovnya realizatsii trudovogo potentsiala: rol' zarabotnoi platy [Rising in labor potential: the role of wages]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2 (14), pp. 165-172. (In Russian).
37. Chekmareva E.A. Trudovaya deyatel'nost' kak forma realizatsii trudovogo potentsiala [Labor activity as a form of realization of labor potential]. *Trudovoi potentsial kak faktor ustoichivogo razvitiya territorii: materialy Ros. nauch.-prakt. seminar, g. Vologda, 16–17 dekabrya 2010 g.* [Labor potential as a factor in sustainable development of territories: proceedings of the Russian research-to-practice seminar, Vologda, December 16–17, 2010]. Vologda: ISERT RAN, 2011. Pp. 147-157. (In Russian).
38. Chekmareva E.A., Shabunova A.A. Rabota po prizvaniyu: vygodno li eto dlya ekonomiki? [Working according to one's calling: is it beneficial for the economy?]. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological almanac], 2016, no. 6, pp. 156-164. (In Russian).
39. Leonidova G.V., Ustinova K.A., Popov A.V., Panov A.M., Golovchin M.A., Solov'eva T.S., Chekmareva E.A. *Chelovecheskii kapital territorii: problemy formirovaniya i ispol'zovaniya: monografiya* [Human capital of territories: problems of formation and use: monograph]. Ed. by A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2013. 184 p. P. 26. (In Russian).
40. Shutova E.A. Fenomen prizvaniya v rabotakh M. Vebera [The phenomenon of vocation in M. Weber's works]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 18, pp. 116-118. (In Russian).
41. Shukhatovich V.R. Prizvanie kak sotsial'nyi i kul'turnyi fenomen: k voprosu o teorii i metodologii issledovaniya [Calling as a social and cultural phenomenon: to the theory and methodology of research]. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: 2010. (In Russian).
42. Shukhatovich V.R. Professional'noe prizvanie: k voprosu o neekonomicheski-kh faktorakh ekonomicheskogo rosta [Professional vocation: on the subject of non-economic factors in economic growth]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 5 (35), pp. 188-192. (In Russian).

43. Durkheim E. Le conflit de la morale et de la sociologie by Simon Deploige. *L'Année sociologique*, vol. 12, pp. 326-328.
44. Gustafson J.M. Professions as "Callings". *The Social Service Review*, 1982, vol. 56, no. 4.
45. Harrison, L. *The Central Liberal Truth: How Politics Can Change Culture and Save It from Itself*. Oxford University Press, 2006.
46. Weber M. *Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press, 1946. Pp. 77-128.

Information about the Authors

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Interim Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Laboratory Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Elena Andreevna Chekmareva – Ph.D. in Economics, Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: miteneva@inbox.ru)

Статья поступила 01.02.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.10

УДК 314+364.1+364.2; ББК 87.7

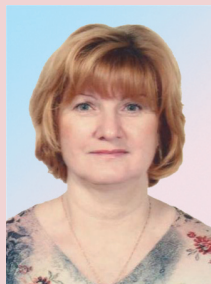
© Стыров М.М., Тихомирова В.В.

Проблемы и перспективы духовно-нравственного благополучия российского народа*

**Максим Михайлович
СТЫРОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
г. Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, Республика Коми,
ул. Коммунистическая, 26
E-mail: styrovmm@mail.ru

**Валентина Валентиновна
ТИХОМИРОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
г. Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, Республика Коми,
ул. Коммунистическая, 26
E-mail: vvtikhomirova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются статистические и социологические характеристики духовно-нравственного благополучия российского народа за период с 2000 по 2015 г. Предлагается авторская система этих показателей в виде трёх составляющих: личное, семейное и общественное. Особое внимание уделено проблемам смертности от внешних причин, вредных зависимостей, распада семей, аборт, преступности и экономического неравенства. Проводится мысль о нелинейной взаимосвязи между уровнем экономического развития и морально-психологическим климатом в обществе. Показано, что для российского общества в период с 2000 г. характерна тенденция духовного оздоровления, однако в отдельных показателях есть застой или даже

* Авторы выражают большую благодарность за поддержку в проведении исследования Владимиру Михайловичу Терехину.

Для цитирования: Стыров, М.М. Проблемы и перспективы духовно-нравственного благополучия российского народа / М.М. Стыров, В.В. Тихомирова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 180-195. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.10

For citation: Styrov M.M., Tikhomirova V.V. Problems and prospects of spiritual and moral well-being of the Russian people. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 180-195. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.10

ухудшение ситуации. Общий уровень духовного и нравственного здоровья населения России пока далёк от идеального состояния и от индикаторов многих зарубежных стран. Даётся характеристика недавних позитивных изменений в данной области и подчёркивается необходимость дальнейшего увеличения социальной и воспитательной составляющей в политике правительства. Авторы полагают, что Российская Федерация может и должна стать государством, в котором общими усилиями обеспечивается высокий уровень духовно-нравственного благополучия человека, приближающийся к лучшим мировым индикаторам, а затем и превосходящий их. Предлагаются конкретные мероприятия и направления действий для достижения данной цели. Рекомендуются более широко использовать упомянутые показатели благополучия человека при оценке успешности социально-экономического развития, а также внедрять в практику управления интегральные коэффициенты, комплексно характеризующие эту сферу. Сочтено целесообразным глубокое исследование морально-психологического состояния народа на основе статистики, социологических опросов и экспертных оценок, с организацией последующего постоянного мониторинга. Затрагивается вопрос о разработке концепций духовно-нравственного благополучия населения России и её регионов. Утверждается, что духовно-нравственное совершенствование народа является общей задачей органов государственной власти и религиозных организаций, а также рассматриваются отдельные принципы их взаимодействия.

Ключевые слова: духовно-нравственное благополучие, государство, личность, семья, общество, дети, человек.

Введение

При значительных успехах социально-экономического развития России за последние 10–15 лет духовно-нравственное состояние общества пока ещё очень далеко от идеального. В период с начала рыночных реформ некоторым его аспектам уделялось внимание в стратегических документах государства, а иные не рассматривались вовсе. Однако в настоящее время общественные настроения, научные исследования¹ и стратегия руководства страны подводят к необходимости систематической и целенаправленной политики в данной сфере. Стало понятным, что, хотя морально-психологический климат в об-

ществе очень тесно связан с уровнем экономического развития, эта связь не всегда является прямой и линейной, а иногда, наоборот, успехи в техническом и хозяйственном развитии дают повод для культурной деградации. Дискуссия об этом идёт в работах Е.В. Балацкого и Н.А. Екимовой [1], А.А. Куклина и Е.В. Васильевой [9], А.В. Юревича [14] и других авторов. «Нужно быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но всё-таки главное, что будет определять успех, — это качество людей, качество общества интеллектуальное, духовное, моральное», — говорит Президент России Владимир Путин².

С одной стороны, внутренний мир человека, где формируются его цели, ценности, нормы поведения, — это очень дели-

¹ См., например: [13; 16]; Преобразование и модернизация: духовные начала, цели, риски и шансы. — М.: Институт экономических стратегий РАН, 2011. — URL: <http://kpp-russia.ru/wp-content/uploads/2011/preobrazhenie-modernizacia-doklad-KPP.pdf>; Теребихин В.М. Солидарное общество в Республике Коми: проблемы и перспективы формирования // Официальный сайт Общественной палаты Республики Коми. — URL: http://op.rkomi.ru/dictionaries/mnenie_ekspertov/52980 (дата обращения: 24.05.2016).

² Путин В.В. Выступление на юбилейном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России. 19.09.2013. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>, доступ от 18.05.2016.

катная область, применительно к которой неуместны грубые идеологические шаблоны. Примеров в истории тому достаточно. С другой стороны, государство не может игнорировать смылосозидающую, воспитательную и охранительную функции образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации и некоммерческих организаций, от которых в огромной степени зависит душевное и физическое состояние каждого человека, семьи и общества в целом. Об осознании этого свидетельствуют принятые нормативные акты, затрагивающие ментальную часть жизни российского общества³.

Любая социальная девиация – беда прежде всего самого человека, которому не удаётся в полной мере раскрыть себя, состояться как личность, найти смысл своей жизни. Это и трагедия для родственников и друзей, испытывающих крах своих надежд и ожиданий. Наконец, это потеря для всего общества, лишаящегося своего активного члена, потенциального работника. Поэтому даже с сугубо утилитарной точки зрения страна должна быть заинтересована в долгосрочных инвестициях в повышение духовно-нравственного благополучия населения, не говоря уже о рассмотрении этих проблем через постулат о бесценности каждой души.

Определение понятий

Духовно-нравственное благополучие общества понимается нами как исправ-

³ Например, Основы государственной культурной политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (дата обращения: 20.05.2016); Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт Российской газеты. – URL: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 20.05.2016); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – URL: http://base.garant.ru/70284810/#block_1000 (дата обращения: 20.05.2016).

ность, отсутствие социальных «болезней», степень близости к идеалу тех социальных процессов, которые особенно тесно зависят от ценностно-мотивационных установок человека⁴. При этом под нравственностью подразумеваются способы действия, нормы поведения, поступки людей во взаимодействии друг с другом, а под духовностью – система высших идеалов, устремлений каждого отдельного человека, направленность его души. В таком смысле духовно-нравственное благополучие выступает важнейшим элементом понятия «здоровье», которое, согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения, трактуется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия человека⁵.

Мы предлагаем рассматривать духовно-нравственное благополучие общества на трёх уровнях – личном, семейном и общественном. Такой подход, на наш взгляд, позволит разграничить явления в данной области по масштабу их влияния, точнее выявить крепкие и уязвимые места, более адресно сфокусировать воздействие на них. Нами предлагается система показателей для экспресс-оценки каждой из перечисленных областей⁶ (рис. 1).

⁴ Понятия «морально-психологическое», «социально-психологическое» и «духовно-нравственное состояние/климат/здоровье» мы используем в настоящей статье как неполные синонимы понятия «духовно-нравственное благополучие».

⁵ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901977493>.

⁶ Авторы осознают, что ни статистические показатели, ни социологические опросы не могут в полной мере отразить столь тонкую сферу человеческой жизни, как духовно-нравственное состояние. К тому же статистические данные всегда подвержены различным искажениям, а результаты соцопросов очень субъективны и сильно зависят от ценностной шкалы, которой придерживается исследователь. Однако за неимением лучшей информации приходится пользоваться имеющейся, по возможности сопоставляя данные из разных источников друг с другом, а также с собственными наблюдениями.

Рис. 1. Структура и показатели духовно-нравственного благополучия общества*

* Составлено авторами (впервые опубликовано с некоторыми отличиями в статье: Стыров М.М., Тихомирова В.В. Духовно-нравственное благополучие населения Коми: нужна серьезная стратегия // Регион. – 2015. – № 7. – С. 2-4).

Эта система не претендует на всесторонность и на превосходство над другими известными подходами. Она базируется преимущественно на данных официальной статистики и призвана показать наиболее острые проблемы духовно-нравственного состояния общества. Вместе с тем она может служить отправной точкой для более углублённого исследования каждого блока, в т.ч. с привлечением данных субъективных оценок в рамках социологических опросов⁷.

За период с 2000 по 2015 г. во всех трёх блоках наблюдались преимущественно положительные перемены, однако большинство индикаторов по-прежнему свидетельствуют о тех или иных несовершенствах. По некоторым же явлениям происходи-

ло замедление положительного тренда или даже ухудшение ситуации. Рассмотрим данные официальной статистики и социологических опросов.

Основные тенденции

Личное благополучие

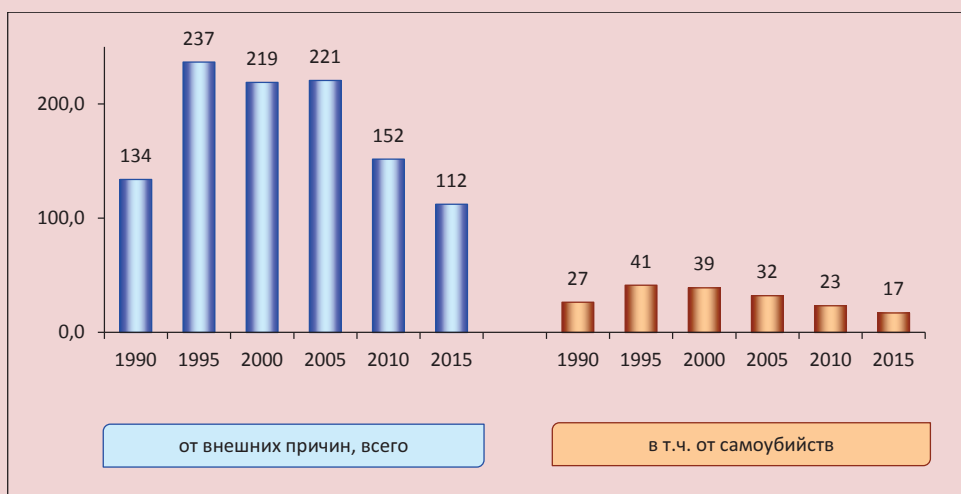
В настоящее время в России отмечается позитивная тенденция увеличения ожидаемой продолжительности жизни – с 65,3 года в 2000 г. до 71,4 года в 2015 году⁸, что, безусловно, свидетельствует как о физическом, так и о психическом оздоровлении народа. Однако о недостаточной воле к жизни и мотивации к созидательному труду и личному развитию, а отчасти и о неблагоприятных условиях жизни народа свидетельствуют очень высокий уровень смертности от внешних причин⁹, широкий масштаб различных зависимостей – алко-

⁷ На примере семейного благополучия углублённый анализ представлен нами в статье: Стыров М.М., Тихомирова В.В. Семейная жизнь в России: успехи и вызовы // Материалы научно-практической интернет-конференции «Актуальные проблемы российского общества в контексте новых вызовов современности» (г. Вологда, ИСЭРТ РАН, 27–31 марта 2017 г.). – URL: <http://forum-ic.isert-ran.ru/viewtopic.php?f=27&t=175> (дата обращения: 27.03.2017).

⁸ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo26.xls (дата обращения: 07.06.2016).

⁹ К внешним причинам смерти относятся убийства, самоубийства, несчастные случаи, отравления, утопления, пожары, дорожно-транспортные происшествия и т.п.

Рис. 2. Число умерших от внешних причин в России, на 100 тыс. населения за год

гольной, наркотической, табачной, токсикологической, игровой, зависимости от средств связи и информации.

Так, в расчёте на 100 тыс. человек населения смертность от внешних причин в России в 2015 г. составляла 112,3 чел., в т.ч. от самоубийств — 17,1 чел. в год¹⁰. Это гораздо ниже, чем в прежние годы (рис. 2), но в 2–2,5 раза выше показателей развитых зарубежных стран [5].

Первичная заболеваемость алкоголизмом и алкогольным психозом на те же 100 тыс. населения составляла 74,6 чел., что, конечно, не отражает весь реальный масштаб данной проблемы¹¹. Остаётся ста-

бильно высоким уровень заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения — около 2,5% от общей численности населения. Остро чувствуется необходимость повышения культуры общения и речи, снижения частоты нецензурной брани, к которой чаще или реже прибегают двое из трёх наших сограждан¹².

Семейное благополучие

Ситуация в этой сфере имеет некоторые существенные тенденции к улучшению, о чём говорит, например, рост рождаемости: за 2000–2015 гг. — с 8,7 до 13,3 малыша на 1000 человек населения в год. Однако уровень естественного воспроизводства на-

¹⁰ Здесь и далее, если не указано иное, цифровые данные в тексте и в рисунках представлены по источнику: Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата. — URL: <http://fedstat.ru> (дата обращения с 31.03.2016 по 30.01.2017); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. — М.: Росстат, 2007; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. — М.: Росстат, 2015.

¹¹ К сожалению, по вредным привычкам нет достоверных данных, они фиксируются только при совершении правонарушения или обращении в лечебные учреждения. К тому же нет чётко определённой грани между пробой, привычкой и зависимостью. И всё же по социологическим опросам можно примерно оценить распространённость табакокурения на уровне 30–35%, алкоголизма — 7–10%, наркомании — 3–5%. Источники: О курении и дыхании // Фонд «Общественное мнение». — URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12483> (дата обращения: 20.05.2016); Об алкоголизме и борьбе с ним // Фонд «Общественное мнение». — URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11492> (дата обращения: 20.05.2016); О наркомании // Фонд «Общественное мнение». — URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/11685> (дата обращения: 20.05.2016).

¹² О нецензурных выражениях // Фонд «Общественное мнение». — URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d082925> (дата обращения: 20.05.2016).

селения ненамного превосходит нулевую отметку (0,2–0,3%¹³) и по некоторым прогнозам в ближайшие годы вновь может стать отрицательным. Виной тому множество разноплановых причин: объективные социально-экономические проблемы, малочисленность поколения 1990-х гг., переход России к современному «малодетному» типу демографической динамики, а также недостаточная мотивация населения к продолжению и приумножению рода, неуверенность в будущем, ориентация на краткосрочные эгоистичные интересы. Более подробно некоторые из этих факторов рассматриваются в работах Л.А. Поповой, например [11].

Остаётся чрезвычайно высоким, без подвижек к снижению, уровень расторжения браков. Так, за 2006–2015 гг. в России на 1000 человек в среднем за год регистрировалось 8,5 новых пар и 4,7 разводов. Даже несмотря на некорректность прямого сопоставления этих цифр из-за половозрастных сдвигов, всё же очевидно, что распадается более половины всех заключённых семейных союзов. Причиной нарушения супружеского принципа «один раз на всю жизнь» является размытость нравственных устоев терпения и верности, зачастую – злоупотребление алкоголем или иные вредные привычки. Разрушение семьи обычно сильно деморализует супругов и крайне негативно сказывается на психическом развитии детей, вселяя в них страх и тревожность, что подтверждается широкомасштабными социологическими исследованиями [18]. Очень популярно сожительство без официального оформления отношений, из-за чего практически каждый четвёртый ребёнок рожда-

¹³ Естественное движение населения Российской Федерации / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096846203 (дата обращения: 08.06.2016).

ется вне зарегистрированного брака¹⁴, примерно столько же и далее воспитываются в неполных семьях¹⁵.

В России 770 тысяч детей (т.е. каждый тридцатый, в среднем по одному ребёнку из обычного школьного класса или детсадовской группы) находятся без попечения родителей¹⁶, подавляющее большинство из них – «социальные сироты», отцы и матери которых лишены родительских прав из-за девиантного поведения, невыполнения своих обязанностей. Отмечается большое число случаев жестокого обращения в отношении детей, в том числе в благополучных семьях. Благодаря осуществляемой профилактике семейного неблагополучия и детской безнадзорности в настоящее время происходит снижение численности семей, находящихся в социально опасном положении и состоящих на учете в учреждениях социального обслуживания. Но их число ещё весьма велико: в 2011 г. в стране было более 65 тыс. таких семей и около 120 тыс. воспитывающихся в них детей¹⁷.

Серьёзное беспокойство вызывает большое число искусственных прерываний беременности (абортов): в 2014 г. – 5 уничтоженных детей на 10 рождённых, за год – более 800 тысяч маленьких душ (рис. 3)¹⁸.

¹⁴ Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – С. 68. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf

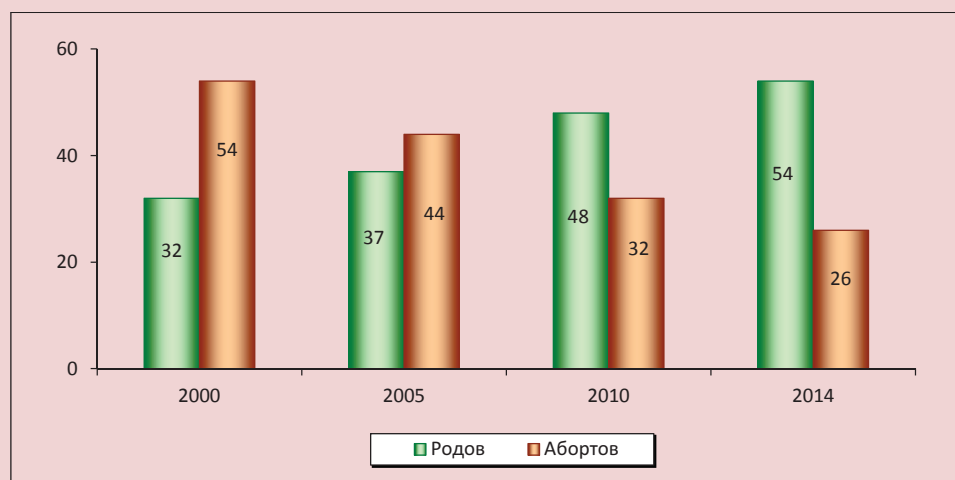
¹⁵ Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 6 «Число и состав домохозяйств» // Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.05.2016).

¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – С. 191. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/year/year15.rar

¹⁷ Социально опасное положение семьи и детей: анализ понятия и методология оценки. – М.: Вариант, 2015. – С. 5. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/147052524>

¹⁸ В этих цифрах отражаются только официальные статистические данные. С учётом же нелегальных аборт и использования abortивных контрацептивов реальное число детоубийств в стране по некоторым оценкам больше на порядок и сопоставимо со смертностью в годы Великой Отечественной войны [12].

Рис. 3. Количество родов и аборт в год на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет в целом по России за 2000–2014 гг.*

* Составлено авторами по данным: Демографический ежегодник России: стат. сб. за 2001–2015 гг.

Хорошо, что масштаб данного явления из года в год снижается, однако Россия пока остаётся одним из мировых «лидеров» по числу абортов¹⁹. Корни детоубийства кроются в слабом осознании ценности человеческой жизни, неупорядоченности половых отношений, пренебрежении к своему здоровью в долгосрочной перспективе, безответственном отношении к контрацепции, порой — в материальном и семейном неблагополучии. Большинству россиян аборт представляется хотя и нежелательным, но допустимым средством профилактики патологий здоровья, одинокого материнства, бедности²⁰ и т.д. Специалистам же хорошо известны его отдалённые

негативные последствия для физического и психического здоровья матери и всей семьи.

Общественное благополучие

Положительными чертами общественного благополучия являются высокий уровень поддержки власти населением на выборах, рост национального самосознания и патриотизма на фоне внешнеполитических неурядиц. Вопреки экономической рецессии, «индекс счастья» россиян уже несколько лет держится на максимальной за 25 лет точке: счастливыми ощущают себя более 80% жителей страны²¹. Происходит усиление внимания власти к общественным настроениям, введение в школьную програм-

¹⁹ Ульянов А.С. Аборты в России: как расстаться с позорным лидерством? // Православный портал о благотворительности и социальной деятельности «МИЛОСЕРДИЕ.RU». — URL: <https://www.miloserdie.ru/article/aborty-v-rossii-kak-rasstatsya-s-pozornym-liderstvom/> (дата обращения: 08.06.2016).

²⁰ В 2015 г. считали аборт морально допустимым 86% жителей России, из них 51% — в любом случае по желанию женщины, 35% — только при определённых обстоятельствах (Право на аборт // Левада-центр. — URL: <http://www.levada.ru/2015/07/02/pravo-na-abort/> (дата обращения: 07.06.2016)). По другим данным, оправдывают возможность детоубийства лишь 32% россиян (Этические нормы в современной России // Телефонный опрос Фонда «Общественное мнение» 22–23 июня 2013 г. — URL: <http://fom.ru/TSennosti/11069> (дата обращения: 08.06.2016)).

²¹ Уровень счастья в России-2016 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115976> (дата обращения: 27.01.2017).

му предмета «Основы религиозных культур и светской этики», повышение уровня оплаты труда в социальной сфере и т.д.

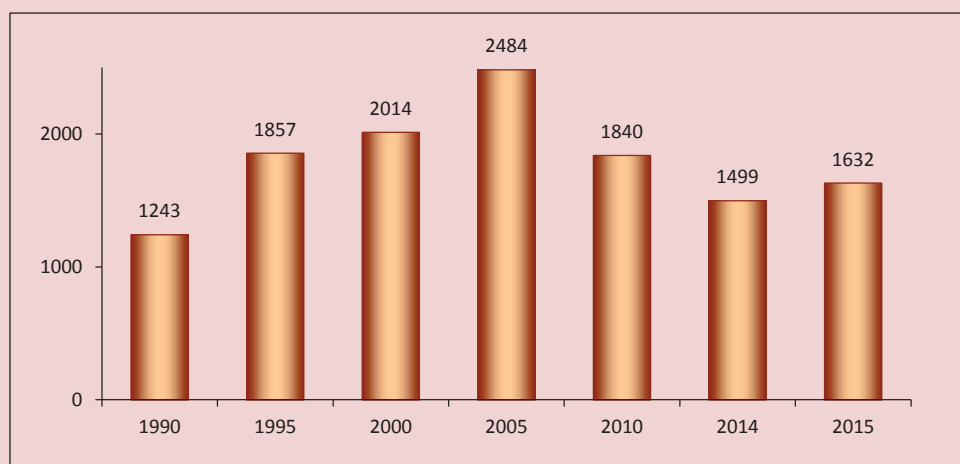
Однако о полной солидарности общества говорить пока нельзя. Имеет место как неявное, так и открытое противостояние власти, агрессивное недовольство внутренней и внешней политикой страны, напряжённость в межнациональных и межрелигиозных отношениях. Время от времени это проявляется в крупных социальных волнениях и акциях протеста.

Вместе с тем в анализе протестной активности следует различать две составляющие. Первая – конструктивная (эволюционная), вызванная действительными проблемами и осуществляемая законными методами. Вторая – деструктивная (революционная), руководимая искусственными лозунгами и мифами и опирающаяся на нелегальные силовые механизмы. Замечено, что антисоциальное поведение второго типа зачастую обуславливается не столько реальными внешними трудностями, сколь-

ко перекосами в воспитании и семейной жизни «бунтарей» [19]. Выяснение взаимного соотношения этих двух составляющих требует отдельного углублённого исследования, поэтому цифровые данные мы пока не приводим.

Серьёзной проблемой является высокий уровень преступности – более полутора тысяч уголовных преступлений в год на 100 тыс. человек населения, из них почти 8 убийств (в среднем по всему миру²² – около 6). Это обусловлено проблемами в социально-экономическом благосостоянии населения, особенно в моногородах и сельских районах, нарушениями в семейных отношениях, воспитании и социализации детей, длительным пренебрежением сферами образования и культуры, нередко – негативным влиянием средств массовой информации. В 2015 г. впервые после десятилетнего снижения уровня преступности отмечено его повышение на 10% (рис. 4). Более 50% уголовных правонарушений имеют экономическую мотивацию:

Рис. 4. Число зарегистрированных преступлений в России в год на 100 тыс. человек населения

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата. – URL: <http://fedstat.ru>

²² Global Study On Homicide – 2013 // United Nations Office On Drugs And Crime. Page 14. – URL: https://http://www.unodc.org/documents/gsh/pdfs/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf (дата обращения: 28.03.2017).

кражи, разбой, грабёж, мошенничества, незаконный оборот наркотиков. Примерно каждое пятое преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Важным фактором социальной напряжённости выступает чрезвычайно высокое экономическое неравенство, проистекающее из перекосов в системе распределения доходов, малой оплаты низкоквалифицированного труда, недостаточной эффективности мер социальной защиты, личной надломленности и пассивности многих людей, а нередко — из нехватки простой солидарности и милосердия в обществе. Каждый десятый житель имеет доходы ниже прожиточного минимума, каждый двадцатый из числа трудоспособных — безработный, разрыв в уровне денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения устойчиво составляет 15–16 раз (по некоторым экспертным оценкам с учётом скрытых доходов — вдвое больше²³) при неписаной международной норме до 10 раз. При этом за 2000–2015 гг. среднедушевая задолженность населения по кредитам возросла в сопоставимых ценах с 1,1 до 72,6 тыс. руб., т.е. в 65 раз²⁴ (!). Всё это обуславливает ощущение несправедливости, создаёт атмосферу недовольства и неприязни, служит почвой для личных и семейных неурядиц.

Предложения

Итак, цифры свидетельствуют о глубокой духовной и нравственной болезни российского общества. Конечно, во многих случаях кризисные явления связаны с бедностью или подавленностью сложными

жизненными обстоятельствами. Но всё же главная причина нездоровья видится в разрушении важнейших центров личного, семейного и общественного сознания, т.е. размывании системы ценностей, установок и мотивов поведения людей. Действительно, как свидетельствует практика, нередко причиной социальных девиаций становится утрата смысла жизни и моральная деградация у вполне обеспеченных, состоявшихся людей.

Вместе с тем нельзя не заметить мощную тенденцию духовного оздоровления общества в период с 2000 г. Это свидетельствует о пробуждении внутренних сил в народе, включении механизмов самосохранения и очищения после критических испытаний 1990-х годов. Такая цикличность общественного сознания хорошо известна и является объектом изучения в рамках цивилизационного подхода, в частности, в работах Б.Н. Кузика [8]. Академик РАН О.Т. Богомолов пишет: «Вернуть российскому народу веру в благородные идеалы, возродить чувство гордости за историческую судьбу и великие свершения прошлого, пробудить духовные и нравственные силы общества — вот какая сверхзадача сегодня стоит перед страной»²⁵.

История показывает, что моральное здоровье общества оказывается ключевым фактором его выживания и дальнейшего развития в переломные моменты жизни. Опросы населения подтверждают озабоченность граждан проблемами психологического климата в стране и понимание необходимости положительных преобразований в данной сфере²⁶.

²³ Кобяков А. Преодолеть разрыв // Сайт «Однако». — URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/preodolet-gazriv/> (дата обращения: 08.06.2016).

²⁴ Рассчитано авторами по данным: Финансы России. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2002. — С. 272; Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2015. — С. 545; <http://top-1f.ru/places/324-zadolzhennost-po-kreditam-na-dushu-naseleniya.html>

²⁵ Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. — М.: Институт экономических стратегий РАН, 2008. — 440 с. — С. 6-7.

²⁶ Чего делать нельзя, но иногда можно? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1434> (дата обращения 07.06.2016).

На наш взгляд, в качестве важнейшей цели развития России и каждого её региона и муниципалитета должно быть чётко обозначено сохранение и укрепление физического, социального, духовного здоровья жителей в долгосрочной перспективе. Российская Федерация должна стать государством, в котором общими усилиями каждого гражданина, органов власти и всех организаций обеспечивается высокий уровень духовно-нравственного благополучия человека, приближающийся к лучшим мировым индикаторам, а затем и превосходящий их. О достижении данной цели будет свидетельствовать устойчивое пребывание страны в десятке-двадцатке наиболее благополучных государств по каждому из вышерассмотренных целевых показателей (см. рис. 1) и/или соответствие этих показателей пороговым научно обоснованным нормам. Только в таком случае стремление нации к лидерству на международной арене будет оправданным.

Нужно, чтобы в перечне целевых установок федерального Правительства, региональных и местных органов власти больше присутствовали жизненные показатели благополучия человека, нежели отвлечённые экономические индикаторы, чтобы в первую очередь именно они использовались при оценке успешности социально-экономического развития. Знаковым событием было бы перемещение вопросов развития человека в структуре стратегий, прогнозов и программ социально-экономического развития со второстепенных и вспомогательных позиций к первоочередным и целевым. Полезным, на наш взгляд, будет внедрение в практику государственного управления одного или нескольких интегральных коэффициентов, комплексно характеризующих эту сферу общественной жизни. Попытки разработки и применения подобных показателей пред-

принимаются многими отечественными исследователями, например, В.В. Коссовым [7], Ф.М. Бородкиным и А.С. Кудрявцевым [2], М.В. Моревым и В.И. Поповой [10], Е.В. Васильевой [4], О.А. Козловой, Т.В. Гладковой, М.Н. Макаровой, Е.Х. Тухтаровой [6]. Наибольшую известность имеют индекс нравственного состояния общества и композитный индекс макропсихологического состояния общества, разработанные Институтом психологии РАН под руководством А.В. Юревича [15]. Вместе с тем эти показатели не отражают по отдельности блоки личного, семейного и общественного благополучия, а, значит, могут быть усовершенствованы в этом направлении.

Необходимо также глубокое исследование морально-психологического состояния народа на основе как статистических показателей, так и социологических опросов и экспертных оценок, с организацией последующего постоянного мониторинга (пример международного научного проекта такого рода — [20]). Ряд учёных и общественных деятелей, в частности В.М. Теребихин, ратуют за разработку полноценной концепции духовно-нравственного благополучия населения России и каждого региона в отдельности²⁷. Отметим, что в некоторых странах, например в Казахстане, разработка подобных программ уже является важным направлением государственной политики [17]. Возможно, будет также полезной оценка суммарного экономического ущерба от проявлений духовно-нравственного неблагополучия в обществе для более веского обоснования приоритетов государственной политики в этой области.

²⁷ Теребихин В.М. О проблеме духовно-нравственного развития // Сайт Viperson.ru. — URL: <http://viperson.ru/articles/terebihin-v-m-o-probleme-duhovno-nravstvennogo-razvitiya> (дата обращения: 20.05.2016).

По каждому из направлений духовно-нравственного благополучия населения России (личное, семейное, общественное) следует выполнить определённые задачи, т.е. действия по их реализации. Некоторые из них отражены на *рис. 5*. Они, в свою очередь, должны воплотиться в плане конкретных мероприятий, подлежащих выполнению органами власти в сотрудничестве с общественными организациями.

Взаимодействие с религиозными организациями

Вместе с тем понятно, что только лишь рост материального достатка и усилия органов государственной власти ещё не дадут людям подлинной радости жизни. Как многотысячелетний религиозный опыт человечества, так и новейшие нейробиоло-

гические исследования свидетельствуют о важности духовной составляющей в природе человека, его неразрывном союзе с божественным началом [22]. Не случайно за рубежом при подготовке специалистов, в частности врачей, этим вопросам уделяется всё больше внимания [21].

Поэтому и в России невозможно будет достичь исцеления души народа без серьёзного взаимодействия светской власти с традиционными вероисповеданиями. Так, например, около половины населения страны положительно оценивают и желают даже более активного влияния Русской Православной Церкви на моральную и духовную жизнь всего общества, не считая при этом, что она излишне вмешивается в политические вопросы²⁸.

Рис. 5. Задачи политики повышения духовно-нравственного благополучия населения России*

* Составлено авторами (впервые опубликовано с некоторыми отличиями: Стыров М.М., Тихомирова В.В. Духовно-нравственное благополучие населения Коми: нужна серьезная стратегия // Регион. – 2015. – № 7. – С. 2-4).

²⁸ Церковь и общество: вместе или порознь? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 24.06.2015 [http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295, доступ от 20.05.2016]; Одобрение роли РПЦ в государстве выросло до рекордного уровня // Левада-центр. 19.02.2016 [http://www.levada.ru/2016/02/19/odobrenie-rol-i-rpts-v-gosudarstve-vyroslo-do-rekordnogo-urovnya, доступ от 20.05.2016].

Действительно, верующий человек постоянно стремится к свободе от страстей и зависимостей, установлению добрых отношений с родными и всеми окружающими, наилучшему выполнению общественных обязанностей. Церковь видит корень всех социальных проблем в безбожии, в нарушении тех или иных библейских заповедей: «почитай отца твоего и мать твою» (Исх. 20, 12)», «не убивай» (Исх. 20, 13), «не прелюбодействуй» (Исх. 20, 14), «не кради» (Исх. 20, 15), «будьте милосердны» (Лк. 6, 36), «не упивайтесь вином» (Еф. 5, 18), «всякая душа да будет покорна высшим властям» (Рим. 13, 1) и др. «Отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днём, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пиროваниям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти», — призывает апостол Павел (Рим: 13, 12-14). А Святейший Патриарх Кирилл говорит: «Преображение — это та программа, которую Бог дал роду человеческому, и вся наша жизнь должна быть направлена на то, чтобы преобразовать себя и окружающий нас мир, преобразовать личные, семейные, общественные отношения, преобразовать и приукрашать лицо нашей Земли»²⁹.

Эти задачи во многом совпадают с интересами государственной власти. Хотя она не занимается загробной участью души, а ставит на первое место вопросы материального благосостояния и международной конкурентоспособности, но также хочет видеть в каждом человеке сво-

бодную и развитую личность, доброго семьянина, честного работника, порядочного гражданина.

Конечно, оздоровление общества может быть достигнуто только общими усилиями. Задача Церкви — в проповеди и на деле показывать идеал нравственной и духовной чистоты, свидетельствовать о божественном призвании каждого человека. «Исполняя миссию спасения рода человеческого, Церковь делает это не только через прямую проповедь, но и через благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Участие христианина в жизни окружающего мира должно основываться на понимании того, что мир, социум, государство являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очищению на началах бозаповеданной любви»³⁰. А в компетенции органов власти — помогать людям в достижении этого идеала через образование, здравоохранение, культуру, социальную защиту и средства массовой информации. Но при этом нельзя забывать, что «во взаимоотношениях между Церковью и государством должно учитываться различие их природ... Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии»³¹. «Опасной как для Церкви, так и для государства является ситуация, когда учение Христа пытаются трансформировать в государственную идеологию. Любая идеология одновременно объединяет и разделяет людей, противопоставляет одни сообщества другим» [3, с. 41].

²⁹ Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Слово после всенощного бдения в канун праздника Преображения Господня в Псково-Печерском монастыре // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1252275.html> (дата обращения: 18.05.2016).

³⁰ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви. 09.06.2008. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128>, доступ от 18.05.2016.

³¹ Там же.

Итак, в размышлениях о судьбах народа надлежит заботиться не только о внешних условиях его бытия, но и о внутренних силах и слабостях его менталитета. Это требует существенных изменений в нынешней системе социально-экономического управления. Но ведь именно вера в высокое при-

звание человека вообще и русского народа в частности и была главным стержнем России как цивилизации на протяжении тысячелетия. Значит, твёрдое следование этой вере может как преобразить к лучшему внутреннюю жизнь страны, так и возвестить остальному миру правильные идеи в XXI веке.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Экономические детерминанты психологического состояния общества / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2008. — № 2 (86). — С. 18-25.
2. Бородкин, Ф.М. Человеческое развитие и человеческие беды / Ф.М. Бородкин, А.С. Кудрявцев // Мир России. Социология. Этнология. — 2003. — № 1. — Том 12. — С. 138-182.
3. Васильев, А.В. Духовные основы взаимодействия Русской Православной Церкви и государства в интересах обеспечения военной безопасности / А.В. Васильев // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, 7-8 июня 2013 г. — СПб.: СПбГИПСР, 2013. — С. 39-41.
4. Васильева, Е.В. Дифференциация социально-психологического потенциала регионов России / Е.В. Васильева // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 6. — С. 123-128.
5. Кваша, Е.А. Смертность от внешних причин в России за полвека / Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова, В.В. Юмагузин // Демографическое обозрение: электронный научный журнал. — 2014. — № 4. — С. 68-95. — URL: https://demreview.hse.ru/data/2015/05/25/1096965706/DemRev_1_4_2014_68-95.pdf (дата обращения: 20.05.2016).
6. Методический подход к измерению качества жизни населения региона / О.А. Козлова, Т.В. Гладкова, М.Н. Макарова, Е.Х. Тухтарова // Экономика региона. — 2015. — № 2. — С. 182-193.
7. Коссов, В.В. Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики / В.В. Коссов // Мир России. Социология. Этнология. — 2001. — № 2. — Том 10. — С. 1-17.
8. Кузык, Б.Н. Россия и мир в XXI веке / Б.Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий РАН, 2006. — 640 с.
9. Куклин, А.А. Благосостояние и общественное здоровье населения России: адаптация к экономической нестабильности / А.А. Куклин, Е.В. Васильева // Экономика региона. — 2015. — № 1. — С. 64-76.
10. Морев, М.В. Социально-экономические аспекты нравственного состояния общества / М.В. Морев, В.И. Попова // Экономическое возрождение России. — 2010. — № 2 (24). — С. 120-128.
11. Попова, Л.А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования / Л.А. Попова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 2. — С. 79-93.
12. Потиха, В.В. Abortивное действие средств контрацепции / В.В. Потиха, А.А. Фокин. — М., СПб., 2013. — 44 с.
13. Сулакшин, С.С. Фундаментальный контекст концепта нравственного государства / С.С. Сулакшин. — М.: Научный эксперт, 2013. — 74 с.
14. Юревич, А.В. Нравственное состояние современного российского общества / А.В. Юревич // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов. — М.: Институт экономических стратегий РАН, 2010. — С. 152-174.
15. Юревич, А.В. Количественная оценка макropsychологического состояния современного российского общества / А.В. Юревич, Д.В. Ушаков, И.П. Цапенко // Психологический журнал. — 2007. — № 4. — С. 23-34.
16. Юревич, А.В. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка / А.В. Юревич, М.А. Юревич // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. — М.: Институт психологии РАН, 2012. — С. 21-41.

17. Aimagambetova, O. Features of Realization of Moral-Spiritual Formation in Post-Soviet Kazakhstan [Text] / O. Aimagambetova, A. Aimagambetov, M. Zholdassova // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – № 69. – P. 1383-1386.
18. Ellison, C.G. The effects of parental marital discord and divorce on the religious and spiritual lives of young adults [Text] / C.G. Ellison, A.B. Walker, N.D. Glenn, E. Marquard // *Social Science Research*. – 2011. – № 40. – P. 538-551.
19. Gaika, L.P. Development of Antisocial Behaviour / L.P. Gaika, M.C. Abdullaha, H. Eliasa, J. Uli [Text] // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. – 2010. – № 7 (C). – P. 383-388.
20. Michaelson, V. Developmental patterns of adolescent spiritual health in six countries [Text] / V. Michaelson, F. Brooks, I. Jirásek, J. Inchley, R. Whitehead, N. King, S. Walsh, C.M. Davison, J. Mazur, W. Pickett // *SSM – Population Health*. – 2016. – № 2. – P. 294-303.
21. Mitchell, C.M. Developing a Medical School Curriculum for Psychological, Moral, and Spiritual Wellness: Student and Faculty Perspectives [Text] / C.M. Mitchell, Z.D. Epstein-Peterson, J. Bandini, A. Amobi, J. Cahill, A. Enzinger, S. Noveroske, J. Peteet, T. Balboni, M.J. Balboni // *Journal of Pain and Symptom Management*. – 2016. – vol. 52. – № 5. – P. 727-736.
22. Vayalilkarottu, J. Holistic health and well-being: A psycho-spiritual/religious and theological perspective [Text] / J. Vayalilkarottu // *Asian Journal of Psychiatry*. – 2012. – № 5. – P. 347-350.

Сведения об авторах

Максим Михайлович Стыров – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория финансово-экономических проблем (Российская Федерация, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: styrovmm@mail.ru)

Валентина Валентиновна Тихомирова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория финансово-экономических проблем (Российская Федерация, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: vvtikhomirova@mail.ru)

Styrov M.M., Tikhomirova V.V.

Problems and Prospects of Spiritual and Moral Well-Being of the Russian People

Abstract. The article reviews statistical and sociological characteristics of spiritual and moral well-being of the Russian people during 2000–2015. The authors present their own system of indicators consisting of three components: personal, family and social well-being. Special attention is paid to issues of mortality caused by external causes, harmful addictions, family breakdown, abortion, crime and economic inequality. The article suggests there is a nonlinear correlation between the level of economic development and moral and psychological climate in the society. It shows that Russian society starting from 2000 is characterized by a trend of spiritual recovery; however, some indicators indicate stagnation or even deterioration. The general level of population's spiritual and moral health is far from perfect and is nowhere near the indicators of many foreign countries. The authors characterize the recent positive changes in these spheres and stress the need to pay even more attention to the social and educational component in the government policy. The authors believe that Russia can and should become a state where common efforts ensure a high level of person's spiritual and moral well-being, close to best global standards

and surpassing them eventually. They offer specific events and courses of action to achieve this goal and recommended making better use of the mentioned indicators of human well-being when evaluating the success of the socio-economic development, as well as implementing integral indices comprehensively characterizing this sphere into management practice. It seems appropriate to thoroughly study people's moral and psychological condition based on statistics, sociological surveys and expert estimates, with further continuous monitoring. The authors touch upon the development of concepts on spiritual and moral well-being of the Russian population. It is argued that people's spiritual and moral improvement is a joint responsibility of state authorities and religious organizations, with further review of individual principles of their interaction.

Key words: spiritual and moral well-being, state, individual, family, society, children, human.

References

1. Balatskii E.V., Ekimova N.A. Ekonomicheskie determinanty psikhologicheskogo sostoyaniya obshchestva [Economic determinants of psychological condition of the society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], 2008, no. 2 (86), pp. 18-25. (In Russian).
2. Borodkin F.M., Kudryavtsev A.S. Chelovecheskoe razvitiye i chelovecheskie bedy [Human development and human misery]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 2003, no. 1, vol. 12, pp. 138-182. (In Russian).
3. Vasil'ev A.V. Dukhovnye osnovy vzaimodeistviya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i gosudarstva v interesakh obespecheniya voennoi bezopasnosti [Spiritual foundations of interaction of the Russian Orthodox Church and the State in order to ensure military security]. *Sotsial'noe sluzhenie Pravoslavnoi Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social service of the Orthodox Church: problems, practice, prospects: proceedings of the all-Russian scientific conference], August 7–8th, 2013. Saint Petersburg: SPbGIPSR, 2013. Pp. 39-41. (In Russian).
4. Vasil'eva E.V. Differentsiatsiya sotsial'no-psikhologicheskogo potentsiala regionov Rossii [Differences in social and psychological potential of Russian regions]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2014, no. 6, pp. 123-128. (In Russian).
5. Kvasha E.A., Khar'kova T.L., Yumaguzin V.V. Smertnost' ot vneshnikh prichin v Rossii za polveka [Mortality from external causes in Russia over half a century]. *Demograficheskoe obozrenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Demographic review: scientific e-journal], 2014, no. 4, pp. 68–95. Available at: https://demreview.hse.ru/data/2015/05/25/1096965706/DemRev_1_4_2014_68-95.pdf (accessed 20.05.2016). (In Russian).
6. Kozlova O.A., Gladkova T.V., Makarova M.N., Tukhtarova E.Kh. Metodicheskii podkhod k izmereniyu kachestva zhizni naseleniya regiona [Methodological approach to measuring the quality of life of region's population]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], 2015, no. 2, pp. 182-193. (In Russian).
7. Kossov V.V. Dinamika kachestva zhizni v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii i napravlenost' sotsial'noi politiki [Quality of life performance in constituent entities of the Russian Federation and the focus of the social policy]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 2001, no. 2, vol. 10, pp. 1-17. (In Russian).
8. Kuzyk B.N. *Rossiya i mir v 21 veke* [Russian and world in the 21st century]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii RAN, 2006. 640 p. (In Russian).
9. Kuklin A.A., Vasil'eva E.V. Blagosostoyaniye i obshchestvennoye zdorov'ye naseleniya Rossii: adaptatsiya k ekonomicheskoi nestabil'nosti [Well-being and public health of the Russian population: adaptation to economic insecurity]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], 2015, no. 1, pp. 64-76. (In Russian).
10. Morev M.V., Popova V.I. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty нравstvennogo sostoyaniya obshchestva [Socio-economic aspects of moral condition of the society]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2010, no. 2 (24), pp. 120-128. (In Russian).
11. Popova L.A. Sovremennaya rossiiskaya demograficheskaya politika v oblasti rozhdaemosti: rezul'taty i napravleniya sovershenstvovaniya [Modern Russian demographic policy in the field of fertility: results and areas for improvement]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 2, pp. 79-93. (In Russian).

12. Potikha V.V., Fokin A.A. *Abortivnoe deistvie sredstv kontratseptsii* [Abortive effect of contraceptives]. Moscow, Saint Petersburg, 2013. 44 p. (In Russian).
13. Sulakshin S.S. *Fundamental'nyi kontekst kontsepta npravstvennogo gosudarstva* [Fundamental context of the concept of a moral state]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2013. 74 p. (In Russian).
14. Yurevich A.V. *Npravstvennoe sostoyanie sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Moral condition of the modern Russian society]. *Neekonomicheskie grani ekonomiki: nepoznanное взаимovliyanie. Nauchnye i publitsisticheskie zametki obshchestvovedov* [Non-economic boundaries of the economy: unknown mutual influence. Social scientists' scientific and publicistic notes]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii RAN, 2010, pp. 152-174. (In Russian).
15. Yurevich A.V., Ushakov D.V., Tsapenko I.P. *Kolichestvennaya otsenka makropsikhologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Quantitative estimation of the macro-psychological condition of the modern Russian society]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2007, no. 4, pp. 23-34. (In Russian).
16. Yurevich A.V., Yurevich M.A. *Dinamika psikhologicheskogo sostoyaniya rossiiskogo obshchestva: ekspertnaya otsenka* [Performance of the psychological condition of the Russian society: expert estimation]. *Npravstvennost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz* [Morality of the modern Russian society: psychological analysis]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2012. Pp. 21-41. (In Russian).
17. Aimaganbetova O., Aimaganbetov A., Zholdassova M. Features of Realization of Moral-Spiritual Formation in Post-Soviet Kazakhstan. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, no. 69, pp. 1383-1386.
18. Ellison C.G., Walker A.B., Glenn N.D., Marquard E. The effects of parental marital discord and divorce on the religious and spiritual lives of young adults. *Social Science Research*, 2011, no. 40, pp. 538-551.
19. Gaika L.P., Abdullaha M.C., Eliasa H., Uli J. Development of Antisocial Behaviour. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2010, no. 7 (C), pp. 383-388.
20. Michaelson V., Brooks F., Jirásek I., Inchley J., Whitehead R., King N., Walsh S., Davison C.M., Mazur J., Pickett W. Developmental patterns of adolescent spiritual health in six countries. *SSM – Population Health*, 2016, no. 2, pp. 294-303.
21. Mitchell C.M., Epstein-Peterson Z.D., Bandini J., Amobi A., Cahill J., Enzinger A., Noveroske S., Peteet J., Balboni T., Balboni M.J. Developing a Medical School Curriculum for Psychological, Moral, and Spiritual Wellness: Student and Faculty Perspectives. *Journal of Pain and Symptom Management*, 2016, vol. 52, no. 5, pp. 727-736.
22. Vayalilkarottu J. Holistic health and well-being: A psycho-spiritual/religious and theological perspective. *Asian Journal of Psychiatry*, 2012, no. 5, pp. 347-350.

Information about the Authors

Maksim Mikhailovich Styrov – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: styrovmm@mail.ru)

Valentina Valentinovna Tikhomirova – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: vvtikhomirova@mail.ru)

Статья поступила 03.02.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.11

УДК 336.22; ББК 65.261.4

© Львова Н.А., Покровская Н.В., Иванов В.В.

Социально ориентированное налогообложение и его восприятие (на материалах опроса будущих экономистов)

**Надежда Алексеевна
ЛЬВОВА**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191123, ул. Чайковского, д. 62
E-mail: lvova_n.a@mail.ru

**Наталья Владимировна
ПОКРОВСКАЯ**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191123, ул. Чайковского, д. 62
E-mail: nvpokrovskaia@gmail.com

**Виктор Владимирович
ИВАНОВ**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191123, ул. Чайковского, д. 62
E-mail: zlivv@mail.ru

Для цитирования: Львова, Н.А. Социально ориентированное налогообложение и его восприятие (на материалах опроса будущих экономистов) / Н.А. Львова, Н.В. Покровская, В.В. Иванов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 196-211. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.11

For citation: Lvova N.A. Pokrovskaya N.V., Ivanov V.V. Socially oriented taxation and how it is perceived (case study of a survey of economists-to-be). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 196-211. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.11

Аннотация. Статья посвящена перспективам адаптации нетрадиционных налоговых механизмов к задачам налогового администрирования светского мультикультурного государства. Цель исследования состояла в выявлении значимых факторов, которые определяют целесообразность введения социально ориентированных налогов в представлении будущих экономистов, обладающих низкой степенью информированности об альтернативных налоговых практиках и механизмах их реализации. Научная новизна результатов исследования заключается в обогащенной трактовке социально ориентированного налогообложения, которое предлагается рассматривать во взаимосвязи с религиозными налоговыми практиками, что существенно дополняет имеющиеся представления о специфике функционирования современных налоговых систем. Методология исследования включает применение опросного метода. Респондентами выступили будущие экономисты – студенты Санкт-Петербургского государственного университета. На первом этапе тестировался уровень осведомленности респондентов об альтернативных налоговых практиках. На втором этапе методом упорядоченной логистической регрессии была построена модель толерантности к социально ориентированному налогообложению. Было доказано, что уровень лояльности в данном вопросе зависит от восприятия респондентами социальной ответственности, включая механизмы ее практической реализации. В частности, релевантными оказались такие факторы, как готовность отказаться от части личного дохода в целях поддержки социально незащищенных групп населения; положительное отношение к негосударственному администрированию социально ориентированных налогов; ожидание соответствующих льгот по налогу на доходы физических лиц. Как показал опрос, респонденты, достаточно низко осведомленные о нетрадиционных налоговых практиках, демонстрируют высокую готовность к принятию дополнительных социальных обязательств. Представляется, что результаты исследования обладают научной значимостью в контексте развития представлений о современных налоговых механизмах, а также о религиозном и социально ориентированном налогообложении. Кроме того, они могут найти практическое применение в целях налогового администрирования в светских мультикультурных государствах. Перспективным направлением дальнейших исследований по данной проблематике представляются опросы будущих экономистов, повторяемые в разных регионах Российской Федерации, а также вовлечение в дискуссию о модернизации налоговых механизмов представителей академического и профессионального сообщества.

Ключевые слова: социально ориентированные налоги, религиозные налоги, исламские налоги, закят, налоговые механизмы, альтернативные налоговые механизмы, исламская налоговая система, исламская финансовая система.

Идея социальной справедливости стара, как мир, а точнее было бы сказать – как государство. Последнее, пожалуй, немыслимо без налогов. Таким образом, генетическая связь категорий социальной справедливости, налогов и государства неоспорима (см. подробнее: [4; 8; 9] и др.). Развитие форм и методов взимания налогов отражает эволюцию общественных представлений о функциях государства.

В современной практике построения налоговых систем на первый план выходят именно социальные аспекты. Платежеспособность податного населения, безусловно, всегда находила отражение в традиционных налоговых системах, однако выраженная социальная направленность отдельных обязательных платежей государству возникает лишь к началу XX в. Реализация социальной защиты населения в рамках

налогообложения может осуществляться различными способами, которые касаются установления *условий сбора и направлений расходов* средств. В первом случае речь идет о различных моделях социально ориентированного подоходного налога, налога на имущество и даже косвенных налогов. Второй способ применительно к налоговым системам реализуется в обязательных платежах, формирующих доходы системы социального страхования.

Динамичное развитие концепций всеобщего благосостояния и устойчивого экономического роста, нарастающий кризис системы социального страхования и другие вызовы последних десятилетий актуализируют исследование альтернативных подходов к налогообложению. Особенную значимость подобные исследования могут иметь для налоговой системы России, социальная ориентированность которой, по нашему мнению, выражена слабо (с учетом плоской шкалы и отсутствия необлагаемого минимума при налогообложении доходов граждан, а также регрессивного характера ставок обязательных взносов в рамках системы социального страхования).

Считается, что обеспечение социальной поддержки наименее обеспеченных слоёв населения как функция налоговых систем в рамках теории налогообложения возникает в первой половине XX в., а в практике индустриально развитых стран – в конце XIX в. (Германия) – начале XX в. (Великобритания) [6, с. 49]. Однако, если принять во внимание явление религиозных налогов и сборов, данная точка зрения не представляется столь очевидной. Так, церковная десятина, цели распределения которой всегда хотя бы отчасти носили социальный характер, взималась с древнейших времен. Любопытно, что одна из первых христианской церкви Киевской Руси носила название

Десятинной. На ее содержание св. князь Владимир выделил церковную десятину – десятую часть дохода княжеской казны¹.

В настоящее время религиозные налоги широко практикуются в исламе. Примечательно, что закят, социально ориентированный очистительный налог, выступает одним из пяти столпов мусульманской веры². Перечень и содержание исламских налогов являются предметом активных научных дискуссий [1]. В частности, широко обсуждается налоговая природа закята: одни исследователи считают его налогом, другие – неналоговым платежом [24]. Таким образом, природа исламских налогов дискуссионна не только с позиции современных интерпретаций священных текстов, но и относительно их налогового характера. Исламское налогообложение преимущественно рассматривается в трех ракурсах: в правовом, организационном и социальном. Наибольшее внимание уделяется именно правовым аспектам – сферам регулирования сбора и распределения закята [2], современной трактовке норм Корана и Сунны применительно к практике обязательных платежей [12; 23]. Особенности исламской юриспруденции в контексте религиозного налогообложения рассматриваются отдельными исследователями и применительно к светским государствам (например, США [21]). Однако все же преобладают исследования практики закята в государствах с преимущественным мусульманским населением. В частности, сформулированы общие направления реструктуризации исламских налоговых систем в соответствии с принципами взимания

¹ См. подробнее: Десятинная церковь [Электронный ресурс] // Портал: Православие.RU. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/56220.html>.

² Коран: Сура 9, Ат-Тауба (Покаяние) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://islam-koran.com/Сура_9?_Ат-Тауба_\(Покаяние\)](http://islam-koran.com/Сура_9?_Ат-Тауба_(Покаяние)).

закрыта [13] и их реализация применительно к взиманию закята с компаний в Малайзии [25]. В рамках анализа социальной роли закята была продемонстрирована позитивная роль закята в преодолении проблемы бедности в Пакистане в 2004–2006 гг. [11], а также в штате Келантан (Малайзия) в 2008 году [19]. Однако социальные аспекты закята в налоговых системах, в которых он не введен на государственном уровне, слабо представлены в литературе. При этом переосмысление теории и практики религиозных налогов в контексте восприятия социально ориентированного налогообложения в светском мультикультурном государстве позволяет взглянуть на данную проблематику по-новому, что и определило цель и задачи исследования.

Цель исследования состояла в выявлении значимых факторов, которые определяют целесообразность введения социально ориентированных налогов в представлении будущих экономистов (студентов Санкт-Петербургского государственного университета), обладающих низкой степенью информированности об альтернативных налоговых практиках и механизмах их реализации. Основные задачи, таким образом, включали: анализ особенностей социально ориентированного налогообложения в исламской финансовой системе для характеристики условного социально ориентированного налога в целях опроса будущих экономистов; формирование и реализацию программы данного опроса.

Научная новизна полученных результатов заключается в обогащенной трактовке социально ориентированного налогообложения, которое предлагается рассматривать во взаимосвязи с религиозными налоговыми практиками, что существенно дополняет имеющиеся представления о специфике функционирования современных налоговых систем. В частности, новый

ракурс исследования исламских налоговых механизмов, как представляется авторам, позволит имплементировать богатый опыт взаимодействия с налогоплательщиками-мусульманами для целей обоснования актуальных направлений развития налоговой политики светского мультикультурного государства.

Специфика социально ориентированного налогообложения в исламской финансовой системе

Начало современного этапа развития исламских финансовых механизмов традиционно датируется 1960–1970 годами³. В настоящее время отмечается наличие всех ключевых элементов исламской финансовой системы: финансовых рынков, институтов, инструментов и поддерживающей инфраструктуры. Данная система характеризуется стремительными темпами развития [15], но для ее структуры характерны институциональные и региональные диспропорции: более 90% исламских финансовых активов приходится на банковский сектор [14], подавляющая часть ресурсов сконцентрирована в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Отметим, что перспективы внедрения исламских финансовых механизмов во многом связаны с религиозной демографией. Примечательно, что в России численность мусульман оценивается на уровне 10% населения [22]. Однако потенциал исламской финансовой системы остается малореализованным.

³ Первые исламские финансовые посредники начали функционировать в Египте и Малайзии. В 1973 г. был учрежден важнейший наднациональный институт – Исламский банк развития. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. институты беспроцентной экономики начинают международную экспансию. Первой немусульманской страной, в которой в 1978 г. была открыта исламская инвестиционная компания, стал Люксембург. Первый розничный исламский банк в Европе начал работу в 2004 г. в Великобритании. В XXI в. исламская финансовая индустрия рассматривается как значимое явление финансовой экономики (см. подробнее: [10]).

зованным, включая регионы с преобладающим мусульманским населением. В то же время ситуация с исламским налогообложением обстоит иначе: исламские налоговые механизмы, в отличие от механизмов финансового сектора, реально функционируют [7].

Подчеркнем, что исламские финансы подчинены требованиям мусульманского права – шариата. Уникальные особенности исламской финансовой системы, проявляющиеся и в специфическом налогообложении, связаны с тем, что приоритетное внимание уделяется этическим принципам общественных отношений. Ислам не отрицает социального неравенства, но настаивает на обеспечении равных возможностей, осуждая необоснованное обогащение. В этой связи определяющими финансовыми принципами являются запрет ссудного процента, спекуляций, чрезмерного риска, финансирования недопустимой деятельности, а также, что чрезвычайно важно в целях нашего исследования, требование уплаты специального налога – закята. Закят выступает центром исламской налоговой системы, представляя собой группу обязательных платежей, предполагающую обложение разнообразных объектов и категорий плательщиков при различном необлагаемом минимуме по дифференцированным ставкам. Данные платежи отвечают единообразным принципам взимания и перераспределения [7], в том числе:

1. Обязательность уплаты, которая является следствием религиозного долга мусульман. Таким образом, репрессивно-фискальные инструменты внешнего принуждения к уплате налога замещаются технологиями побуждения, ориентированными прежде всего на личную ответственность налогоплательщика.

2. Регулярность и четко определенные размеры платежей. Величина и сроки упла-

ты закята соответствуют требованиям шариата (представлены в Коране и Сунне, а также в их толкованиях).

3. Целевая направленность расходованных привлеченных средств (предусмотрена в Коране, см.: Сура 9, Ат-Тауба). Налоговые поступления могут быть использованы в интересах следующих категорий лиц: нищих; бедных; лиц, собирающих закят; лиц, сердца которых привлекаемы к Исламу; рабов; должников; лиц на пути Аллаха и путников.

4. Возможность администрирования вне рамок государственных институтов, которые традиционно обеспечивают законность и гарантируют обязательность взимания налогов в светском обществе.

Абстрагируясь от религиозной составляющей, можно выделить ряд сущностных признаков закята. Во-первых, закят является «очистительным» налогом, а не пожертвованием, что отражается в мотивах и механизме его взимания. Во-вторых, цели налогообложения подчиняются принципам социальной справедливости. Таким образом, с финансовой точки зрения сущность закята сводится к тому, что это специальный налог, направленный на поддержку отдельных (прежде всего социально незащищенных) групп населения. В-третьих, плательщиками закята являются исключительно мусульмане. Следовательно, региональная структура исламской налоговой системы далеко не всегда соответствует административно-территориальному устройству современных стран. Кроме того, мусульмане несут двойное налогообложение, уплачивая не только закят, но и традиционные налоги по месту своей налоговой юрисдикции. Закят является составляющей государственной налоговой системы в Йемене, Ливии, Малайзии, Пакистане, Саудовской Аравии и Судане.

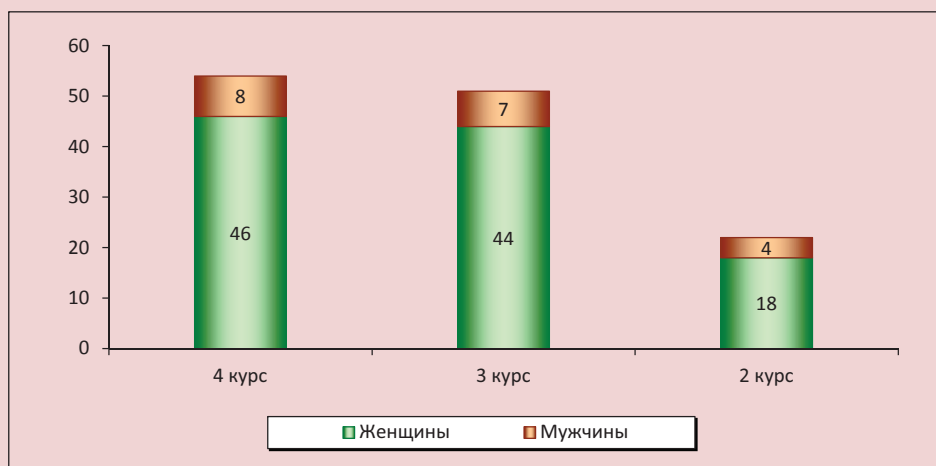
Еще в девяти мусульманских странах (Бангладеш, Бахрейн, Египет, Индонезия, Иордан, Иран, Кувейт, Ливан и Объединенные Арабские Эмираты) государство в той или иной степени поддерживает институт закята путем предоставления льгот для его плательщиков (в том числе в отношении смягчения двойного налогообложения), а также принимая участие в расходовании привлеченных средств и (или) контроле за их перераспределением. В других мусульманских странах администрирование закята осуществляется без участия государства [3]. Такая ситуация тем более характерна для стран, в которых ислам не является преобладающим вероисповеданием. В России, как несложно предположить, закят не является частью налоговой системы государства. Однако он добровольно уплачивается мусульманами в негосударственные фонды.

Методология и данные

В целях исследования был проведен опрос будущих экономистов – студентов бакалавриата по направлению «Экономика» Санкт-Петербургского государственного университета 2, 3 и 4 курсов⁴. В анкетировании приняли участие 127 человек. Генеральная совокупность составляет 870 человек. Опрос проводился в апреле 2015 г. Состав респондентов представлен на *рис. 1*.

Анкета включала 20 утверждений, составляющих два смысловых блока: первый касался восприятия концепции социальной справедливости; второй – уровня информированности респондентов о религиозном налогообложении с акцентом на исламской налоговой практике в контексте функционирования исламской финансовой системы, что отражает предмет исследования (*табл. 1*). Сбор данных осуществлялся авторами посредством анкетирования в бумажном виде.

Рис. 1. Состав респондентов

Источник: составлено авторами.

⁴ Заметим, что опросный метод достаточно широко практикуется в исследованиях исламских финансов. Вместе с тем данные исследования, как правило, посвящены финансовой индустрии [5; 16]. В качестве интересного исключения выступает работа Р. Модали и Дж. Попа [20], доказывающая гипотезу о позитивном влиянии религиозности на степень лояльности к уплате налогов.

Таблица 1. Содержание анкеты

Вопросы, касающиеся восприятия социальной справедливости	Вопросы, позволяющие оценить уровень осведомленности
1. Финансовые отношения должны соответствовать строгим нравственным принципам	11. Я информирован(а) о специфике религиозных налогов и сборов
2. Финансовая система должна способствовать социально справедливому распределению дохода в обществе	12. Религиозное налогообложение целесообразно вне зависимости от уровня подушевого дохода
3. Финансовая поддержка социально незащищенных групп населения должна обеспечиваться государством	13. Религиозное налогообложение имеет экономический смысл в странах с большим процентом верующего населения
4. Финансовая поддержка социально незащищенных групп населения является обязательным элементом социальной ответственности бизнеса	14. Религиозные налоги и сборы, как правило, взимаются специализированными религиозными организациями
5. В вопросе финансовой поддержки социально незащищенных групп населения ответственность несет все общество	15. Религиозные налоги и сборы не входят в состав российской налоговой системы
6. Следует ввести специальный налог, направленный на поддержку социально незащищенных групп населения	16. Я информирован(а) о специфике исламских финансов
7. Сбором и распределением средств на поддержку социально незащищенных групп населения должны заниматься специализированные негосударственные фонды с общедоступной и прозрачной отчетностью	17. Ключевым принципом исламских финансов является запрет ссудного процента
8. Я готов(а) отказываться от части дохода в целях поддержки социально незащищенных групп населения	18. Исламские финансы существуют как в мусульманских, так и не в мусульманских странах
9. Я готов(а) осуществлять пожертвования в специализированные негосударственные фонды в целях поддержки социально незащищенных групп населения	19. Я информирован(а) о специфике исламских налогов
10. Расходы на поддержку социально незащищенных групп населения должны влиять на налог на доходы физических лиц	20. В России существуют исламские налоги
Примечание. Авторы намеренно не включали в анкету вопрос о вероисповедании респондентов, поскольку он вступал бы в некоторое противоречие с гипотезами об уровне информированности об альтернативных налоговых практиках. Однако данный аспект оценивался косвенным способом. Респондентам предлагалось указать регион, в котором они получили среднее образование. Регионы были подразделены на две группы: 1) регионы с преобладающим мусульманским населением; 2) другие регионы. Соответственно, в модель была введена фиктивная переменная, которая, однако, не продемонстрировала статистической значимости. Источник: составлено авторами.	

Отметим, что утверждения анкеты могут быть дополнительно структурированы по двум группам:

1) в зависимости от содержания – на четыре блока: а) этические основы финансовых отношений (1–5); б) механизмы поддержки социально незащищенных групп населения (6–10); в) информированность о религиозных налогах и сборах (11–15); г) информированность об исламских финансах (16–20);

2) по уровню значимости субъективного фактора – на два блока: а) утверждения, касающиеся субъективного восприятия предмета исследования, в том числе предполагающие субъективную оценку информированности (1–10; 11–13, 16, 19); б) утверждения, позволяющие оце-

нить уровень знаний о религиозном налогообложении и об исламских финансах (14, 15, 17, 18, 20).

Каждое утверждение предполагало ранжирование отношения респондента от негативного («совершенно неверно», «скорее неверно») до позитивного («скорее верно», «верно»). Кроме того, допускался вариант «затрудняюсь ответить». Распределение ответов показано в *табл. 2*.

Первый этап исследования заключался в тестировании гипотезы о низком уровне информированности респондентов об альтернативных налоговых практиках, в том числе об исламском налогообложении, которое выступает значимым феноменом современной исламской финансовой системы.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов

№ утверждения	Затрудняюсь ответить	Совершенно неверно	Скорее неверно	Скорее верно	Совершенно верно
1	1%	3%	20%	59%	17%
2	0%	2%	13%	47%	38%
3	0%	2%	2%	39%	57%
4	0%	4%	48%	39%	9%
5	0%	3%	36%	48%	13%
6	2%	17%	46%	29%	6%
7	0%	4%	18%	48%	30%
8	0%	16%	41%	37%	6%
9	1%	6%	44%	45%	4%
10	2%	43%	27%	11%	17%
11	1%	50%	29%	14%	6%
12	6%	1%	14%	39%	40%
13	9%	13%	17%	51%	10%
14	15%	8%	21%	49%	7%
15	8%	9%	15%	29%	39%
16	5%	35%	17%	34%	9%
17	16%	2%	13%	32%	37%
18	14%	3%	24%	45%	14%
19	4%	44%	25%	22%	5%
20	13%	39%	35%	11%	2%

Источник: составлено авторами.

На *втором этапе* осуществлялось моделирование толерантности к социально ориентированному налогообложению на примере условного налога с признаками zakata.

Гипотезы исследования были сформулированы следующим образом:

H_0 : толерантность к введению соответствующего налога не зависит от исследуемых субъективных (восприятие социальной ответственности) и объективных (гендерная принадлежность, курс обучения) факторов.

H_1 : толерантность к введению соответствующего налога зависит от исследуемых факторов.

Моделирование осуществлялось в программе Stata 11.

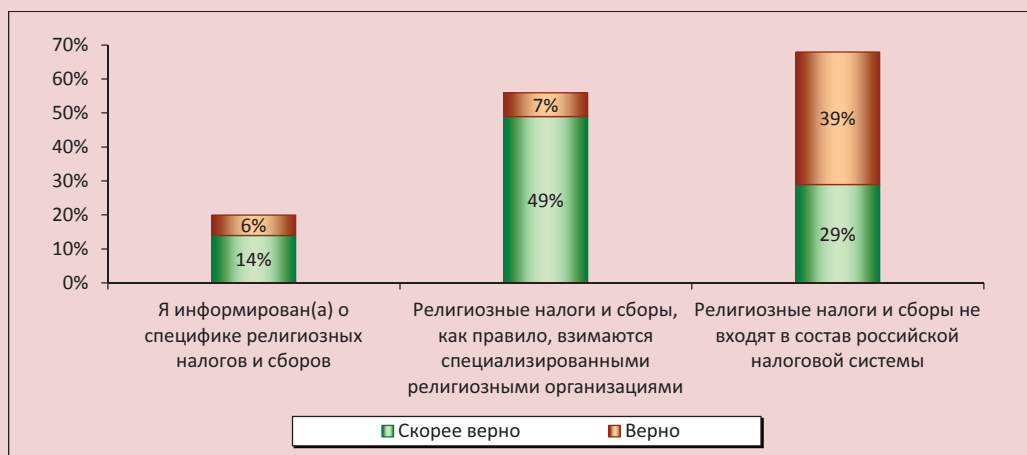
В своем исследовании мы исходили из допущения о низком уровне информированности респондентов о предмете исследования. Данная гипотеза нашла достаточно полное подтверждение.

В частности, более половины студентов признают, что не информированы о религиозных налогах и сборах (*рис. 2*).

Наиболее низкий уровень информированности отмечается в отношении исламских налогов. Только 5% респондентов полагают, что они осведомлены в данном вопросе. В то же время примечательно, что все они ошибочно признают, что данные налоги отсутствуют в России. Таким образом, субъективная оценка информированности может быть подвергнута закономерным сомнениям (*рис. 3*).

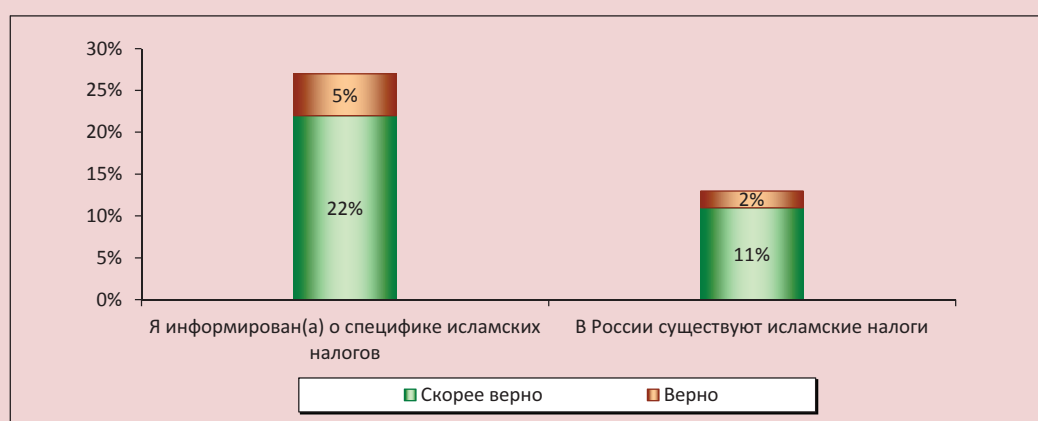
Примечательно, что лишь 10% обучающихся считают себя осведомленными о специфике исламских финансов. В то же время 32% респондентов выбрали правильный ответ о том, что ключевым принципом исламских финансов является запрет ссудного процента. При этом лишь 14% считает, что исламская финансовая система функционирует как в мусульманских, так и не в мусульманских странах (*рис. 4*).

Рис. 2. Уровень информированности о религиозных налогах и сборах

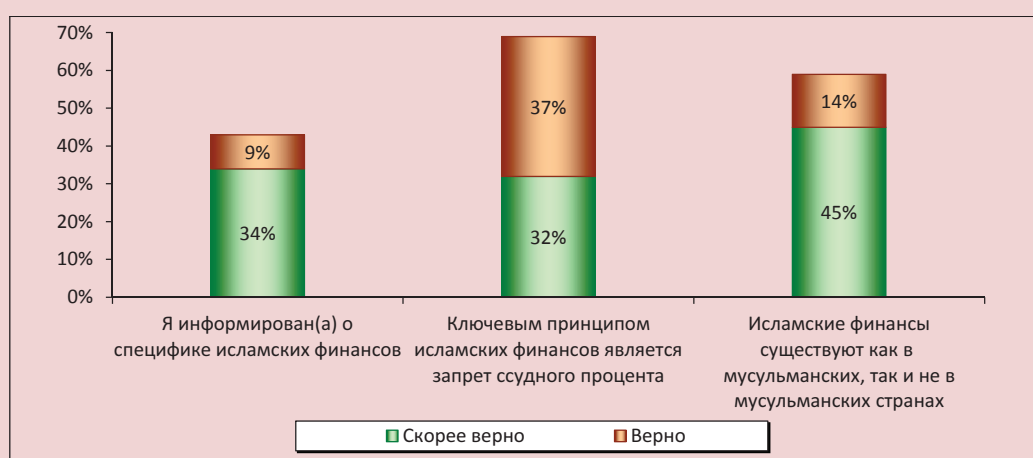
Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Уровень информированности об исламских налогах

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Уровень информированности об исламской финансовой системе

Источник: составлено авторами.

Таким образом, субъективно низкая оценка информированности в данном случае подтверждается лишь до некоторой степени и, следовательно, может быть охарактеризована как чрезмерно осторожная. С нашей точки зрения это можно объяснить неудовлетворенностью респондентов уровнем своих знаний по данной проблематике и потенциальной заинтересованностью в ее дальнейшем изучении.

Проверка гипотез о толерантности к социально ориентированному налогообложению на примере условного налога с признаками закята осуществлялась с применением метода упорядоченного выбора (логит-спецификация, ordered logit).

Для исследования факторов, влияющих на лояльность в данном вопросе, было выбрано утверждение «б» анкеты («следует ввести специальный налог, направленный на поддержку социально незащищенных групп населения»), отношение к которому было представлено в виде упорядоченной переменной (Y). По условиям опроса данная переменная могла принимать одно из четырех возможных значений, при этом *наименьшее означало «совершенно не согласен» с введением налога, а наибольшее — «совершенно согласен»*. Наблюдения, в которых респонденты затруднялись ответить на поставленные вопросы, были исключены из итоговой модели. Таким образом, она включала 122 наблюдения из 127.

Первоначальный набор факторов, *предложенный для характеристики отношения к социально ориентированным налогам*, включал в себя:

— девять упорядоченных дискретных переменных, принимающих значения: «1» — не согласен, «2» — скорее не согласен, «3» — скорее согласен, «4» — согласен:

отношение к утверждениям 1–5 и 7–10 первого блока анкеты, посвященным восприятию социальной справедливости;

— фиктивную переменную, соответствующую полу респондента («1» — для мужчин, «0» — для женщин);

— две фиктивные переменные, соответствующие году обучения респондента («1» для студентов третьего года обучения, «0» — иное; «1» — для студентов второго года обучения, «0» — иное).

Отбор значимых факторов проводился на основе t -критерия на пятипроцентном уровне значимости.

Полученная модель имеет следующий вид:

$$Y = -0,58 \times X_1 + 0,50 \times X_2 + 1,00 \times X_3 + 0,46 \times X_4 + 1,31 \times X_5.$$

Y — отношение к введению специального социально ориентированного налога, предполагающее один из четырех вариантов:

1) если $Y \leq Y_0$, то «совершенно не согласен»;

2) $Y_0 < Y \leq Y_1$, то «скорее не согласен»;

3) $Y_1 < Y \leq Y_2$, то «скорее согласен»;

4) $Y_2 < Y$, то «совершенно согласен»;

X_1 — согласие с тем, что финансовая поддержка социально незащищенных групп населения является обязательным элементом социальной ответственности бизнеса (утверждение 4);

X_2 — согласие с тем, что администрированием социально ориентированных налогов должны заниматься специализированные негосударственные фонды с общедоступной и прозрачной отчетностью (утверждение 7);

X_3 — личная готовность респондента отказываться от части дохода в целях поддержки социально незащищенных групп населения (утверждение 8);

X_4 – мнение о том, что расходы на поддержку социально незащищенных групп населения должны учитываться при налогообложении доходов физических лиц (утверждение 10);

X_5 – студенты 2 года обучения.

Подробные характеристики модели⁵ представлены в *табл. 3*.

Как следует из таблицы, лояльность к введению условного налога с признаками заката имеет положительную связь с согласием в отношении утверждений 7, 8, 10 и отрицательную – с согласием в отношении утверждения 4. Иными словами, уровень толерантности в данном случае определяется готовностью к отказу от части дохода для поддержки социально незащищенных групп населения, а также уровнем доверия к профильным негосударственным организациям. Шансы согласия на введение социально ориентированного налога существенно выше для студентов 2 курса, чем для студентов 3 и 4 курсов. Такой результат объясняется с нашей точки зрения тем,

что студенты младшего возраста в меньшей степени ассоциируют себя с налогоплательщиками.

Исследование показало, что согласие респондентов с некоторыми утверждениями является статистически незначимым, в том числе: с необходимостью соответствия финансовых отношений строгим нравственным принципам; с задачей финансовой системы способствовать социально справедливому распределению дохода в обществе; с обеспечением финансовой поддержки социально незащищенных групп населения государством; с ответственностью всего общества в вопросе финансовой поддержки социально незащищенных групп населения; с готовностью осуществлять пожертвования для поддержки социально незащищенных слоев населения в определенное время и определенной сумме. Любопытно, что на толерантность к социально ориентированному налогообложению не влияют гендерные различия. Следует особо отметить, что большинство

Таблица 3. Модель толерантности к социально ориентированному налогообложению

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	z-статистика	Вероятность
X_1	-.579599	.2680124	-2.16	0.031
X_2	.502654	.2363988	2.13	0.033
X_3	1.001874	.2457274	4.08	0.000
X_4	.459762	.1670974	2.75	0.006
X_5	1.315009	.4765873	2.76	0.006
Точки отсечения				
Y_0	1.595964	1.064465		
Y_1	4.453875	1.12938		
Y_2	7.111679	1.259993		
Логарифм функции правдоподобия	-121.01352	Псевдо- R^2		0,162
		LR-статистика		47.02
		Вероятность (LR-статистика)		0,0000

Источник: составлено авторами.

⁵ Модель обсуждалась авторами на конференциях «The 27th IBIMA conference: Innovation management and education excellence vision 2020: from regional development sustainability to global economic growth» [17], а также «The ICAAT 2016 conference: 5th International conference on Accounting, Auditing, and Taxation» [18].

респондентов присоединились к мнению о том, что финансовые отношения должны способствовать справедливому распределению дохода в обществе (табл. 4).

Существенная часть опрошенных готова регулярно осуществлять пожертвования в целях поддержки социально незащищенных групп населения. Тем не менее далеко не все из них согласны с введением специального социально ориентированного налога. На наш взгляд, это позволяет сделать вывод о том, что определяющим признаком любого налога является его принудительный характер.

Выводы

Исследование подтвердило наличие статистически значимой зависимости между отдельными аспектами восприятия социальной ответственности, включая механизмы ее практической реализации, и

уровнем толерантности к социально ориентированному налогообложению. Как показал опрос, будущие экономисты из Санкт-Петербурга, достаточно низко информированные о специфических примерах реализации альтернативных налоговых механизмов на практике, демонстрируют высокую готовность к принятию дополнительных социальных обязательств. Лояльность к введению условного социально ориентированного налога с признаками закята положительно зависит от следующих факторов: готовность отказаться от части личного дохода в целях поддержки социально незащищенных групп населения; положительное отношение к негосударственному администрированию социально ориентированных налогов; ожидание соответствующих льгот по налогу на доходы физических лиц.

Таблица 4. Отношение к социальной роли финансовых отношений

Вариант ответа	Затрудняюсь ответить	Совершенно неверно	Скорее неверно	Скорее верно	Совершенно верно
4 КУРС					
Финансовая система должна способствовать социально справедливому распределению дохода в обществе (2)	0%	2%	19%	46%	33%
Я готов(а) отказываться от части дохода в целях поддержки социально незащищенных групп населения (8)	0%	22%	26%	41%	11%
Следует ввести специальный налог, направленный на поддержку социально незащищенных групп населения (6)	2%	24%	46%	21%	7%
3 КУРС					
Финансовая система должна способствовать социально справедливому распределению дохода в обществе (2)	0%	2%	12%	39%	47%
Я готов(а) отказываться от части дохода в целях поддержки социально незащищенных групп населения (8)	0%	14%	53%	29%	4%
Следует ввести специальный налог, направленный на поддержку социально незащищенных групп населения (6)	2%	18%	47%	29%	4%
2 КУРС					
Финансовая система должна способствовать социально справедливому распределению дохода в обществе (2)	0%	4%	5%	64%	27%
Я готов(а) отказываться от части дохода в целях поддержки социально незащищенных групп населения (8)	0%	5%	50%	45%	0%
Следует ввести специальный налог, направленный на поддержку социально незащищенных групп населения (6)	0%	0%	41%	50%	9%
Примечание. В скобках указан номер утверждения анкеты. Источник: составлено авторами.					

Результаты исследования, развивая традиционные представления о налоговых механизмах в контексте религиозного и социально ориентированного налогообложения, обладают не только научной, но и определенной практической значимостью. С нашей точки зрения опыт религиозного налогообложения может найти успешное применение в налоговом администрировании мультикультурных светских государств, включая Российскую Федерацию. Примечательно, что исламские налоговые механизмы, ориентированные не на принуждение, а на эффективную мотивацию, реализуются с применением инновационных инструментов. Например, в России применяются передовые технологии администрирования закята: величину налога можно рассчитать с помощью онлайн-

калькулятора, а перечислить средства — с привлечением широкого спектра платежных инструментов (наличные средства, банковский перевод, оплата банковской картой, виртуальными деньгами, по смс с телефона и т. д.). Таким образом, создается максимальное удобство для налогоплательщика, обеспечивается его вовлеченность и заинтересованность, что в свою очередь является залогом преодоления экономического неравенства в обществе. Перспективным направлением дальнейших исследований по данной проблематике представляются опросы будущих экономистов, повторяемые в разных регионах Российской Федерации, а также вовлечение в дискуссию об альтернативных налоговых механизмах представителей академического и профессионального сообщества.

Литература

1. Беккин, Р.И. Исламские налоги в системе налогообложения мусульманских стран [Текст] / Р.И. Беккин // Налоговая политика и практика. — 2007. — №6 (54). — С. 42-47.
2. Беккин, Р.И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов [Текст] / Р.И. Беккин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — Т. 155. — № 3-2. — С. 134-144.
3. Гурнак, А.В. Религия и власть: поиск компромисса в налогообложении мусульманских стран [Текст] / А.В. Гурнак, Е.Н. Вишневецкая, А.Ю. Гурнак // Экономика. Налоги. Право. — 2014. — № (3). — С. 46-50.
4. Еременко, Е.А. Специальные налоговые режимы и концепция справедливости налогообложения [Текст] / Е.А. Еременко // Финансы. — 2015. — № 9. — С. 76-80.
5. Калимулина, М.Э. Социокультурные факторы в национальной модели экономики России (на основе социологического исследования по исламской экономике и финансам среди населения России и стран СНГ) [Текст] / М.Э. Калимулина // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. — 2010. — № 2 (42). — С. 13-20.
6. Караваева, И. Социально ориентированное налогообложение: теория вопроса [Текст] / И. Караваева, М. Елицур // Экономическая политика. — 2010. — № 6. — С. 47-58.
7. Львова, Н.А. Особенности исламского налогообложения в условиях современной финансовой системы [Текст] / Н.А. Львова, Н.В. Покровская // Финансы и кредит. — 2015. — № 8. — С. 31-40.
8. Пансков, В.Г. Принцип справедливости в налогообложении: вопросы теории и практики [Текст] / В.Г. Пансков // Финансы. — 2015. — № 2. — С. 26-30.
9. Пушкарева, В.М. История финансовой мысли и политики налогов [Текст] / В.М. Пушкарева. — М.: Финансы и статистика, 2008. — 191 с.
10. Современные финансовые рынки [Текст] / В.С. Воронов [и др]. — М.: Проспект, 2016. — 564 с.
11. Abdullah N., Derus A., Al-Malkawi H. The Effectiveness of Zakat in Alleviating Poverty and Inequalities: a Measurement Using a Newly Developed Technique. *Humanomics*, 2015, № 31 (3), p. 314-329.
12. Al-Qardawi Yu. *Fiqh al Zakah: a Comparative Study of Zakah, Regulations and Philosophy in the Light of Quran and Sunnah*. — Jeddah: Scientific Publishing Centre, King Abdulaziz University, 2000. 369 p.

13. Awad M. Adjusting Tax Structure to Accommodate of Zakah Management of Zakah in Modern Muslim Society, Imtiaz, I. (ed). Islamic Development Bank, 2000, pp. 77-96.
14. Islamic Finance. The UK Islamic Finance Secretariat (UKIFS) Report. – October 2013. Available at: <http://www.thecityuk.com/assets/Uploads/Islamic-finance-2013-F.pdf>.
15. Islamic Financial Services Industry Stability Report. 2015. Available at: http://www.ifsb.org/docs/2015-0520_IFSB%20Islamic%20Financial%20Services%20Industry%20Stability%20Report%202015_final.pdf.
16. Maswood, Y. Islamic Banking – a Cross Cultural Patronage Study among the Students in Chennai / Y. Maswood, Y. Lokeswara Choudary // Asian Social Science. – 2015. – № 11 (4). – P. 310-318.
17. Lvova, N.A. The Attitude to Islamic Taxation in Russia: Does Financial Ethics Matter? / N.A. Lvova, N.V. Pokrovskaya, V.V. Ivanov // Innovation management and education excellence vision 2020: from regional development sustainability to global economic growth. The 27th IBIMA conference proceedings. – 2016. – P. 294-304.
18. Lvova, N.A. Unconventional tax mechanisms in a secular state: prospects of adaptation in Russia N.A. Lvova, N.V. Pokrovskaya, V.V. Ivanov // Proceedings of the 5th International Conference on Accounting, Auditing, and Taxation (ICAAT 2016) / Ed. Prof. Jaan Alver. P. 318-326.
19. Mohd Ali, A. The Effectiveness of Zakat in Reducing Poverty Incident: an Analysis in Kelantan, Malaysia / A. Mohd Ali, Z. Rashid, F. Johari, M. Aziz // Asian Social Science. – 2015. – № 11 (21). – P. 355-367.
20. Mohdali, R. The Influence of Religiosity on Taxpayers' Compliance Attitudes: Empirical Evidence from a Mixed-Methods Study in Malaysia / R. Mohdali, J. Pope // Accounting Research Journal. – 2014. – № 27 (1). – P. 71-91.
21. Powell, R. Zakat: Drawing Insights for Legal Theory and Economic Policy from Islamic Jurisprudence / R. Powell // University of Pittsburgh Tax Review. – 2009. – № 7 (43). – P. 43-101.
22. Religious Diversity Index Scores by Country. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pewforum.org/2014/04/04/religious-diversity-index-scores-by-country/>
23. Saleem, Sh. Islamic Concept of Taxation / Sh. Saleem // Renaissance. – 1992. – № 2 (10).
24. Shaikh, S. An Alternate Approach to Theory of Taxation and Sources of Public Finance in an Interest Free Economy / S. Shaikh. – MRPA Paper. – 2009. – 14 p.
25. Yusuf, M. Measurement Model of Corporate Zakat Collection in Malaysia: A Test of Diffusion of Innovation Theory / M. Yusuf, A. Derus // Humanomics. – 2013. – № 29 (1). – P. 61-74.

Сведения об авторах

Надежда Алексеевна Львова – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62; e-mail: lvova_n.a@mail.ru)

Наталья Владимировна Покровская – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62; e-mail: nvpokrovskaya@gmail.com)

Виктор Владимирович Иванов – профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62; e-mail: zlivv@mail.ru)

Lvova N.A. Pokrovskaya N.V., Ivanov V.V.

Socially Oriented Taxation and How It Is Perceived (Case Study of a Survey of Economists-To-Be)

Abstract. The article discusses the prospects for adapting unconventional tax mechanisms to tax administration in a secular multicultural state. The purpose of the study is to identify significant factors which determine the advisability of establishing socially oriented taxes as perceived by economists-to-be that do not possess enough information about alternative tax practices and mechanisms for their implementation. Scientific novelty of the research consists in the fact that it considers socially-oriented taxation in more detail; this type of taxation is suggested to be considered in conjunction with religious tax practices, which significantly complements existing ideas about the specifics of functioning of modern tax systems. The research methodology includes the use of the questionnaire method. The respondents are future economists – students of Saint Petersburg State University. At the first stage, we test the level of awareness of respondents about alternative tax practices. During the second stage, with the help of ordered logistic regression, we design a model that shows the degree of tolerance to socially oriented taxation. We prove that the level of loyalty in this question depends on respondents' perception of social responsibility, including the mechanisms for its practical implementation. In particular, of relevance are factors such as the willingness to give up part of personal income to support socially vulnerable groups; positive attitude toward non-state administration of socially oriented taxes; expectation of corresponding benefits on individual income tax. The survey proves that respondents who do not have enough knowledge about non-traditional tax practices show a high degree of willingness to take additional social obligations. We think that the results of the research have scientific significance in the context of development of ideas about current tax mechanisms, as well as religious and socially oriented tax. In addition, they can be applied in tax administration in secular multicultural states. We think that a promising direction for further studies in this area is to carry out surveys among economists-to-be in various regions of the Russian Federation, as well as to involve representatives of the academic and professional community in the debate on modernization of tax arrangements.

Key words: socially oriented taxes, religious taxes, Islamic taxes, zakat, tax mechanisms, alternative tax arrangements, Islamic tax system, Islamic financial system.

References

1. Bekkin R.I. Islamskie nalogi v sisteme nalogooblozheniya musul'manskikh stran [Islamic taxes in the tax system of Islamic countries]. *Nalogovaya politika i praktika* [Tax policy and practice], 2007, no. 6 (54), pp. 42-47.
2. Bekkin R.I. Islamskoe finansovoe pravo i ego rol' v regulirovanii islamskikh finansov [Islamic financial law and its role in the regulation of Islamic finance]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences.], 2013, vol. 155, no.3-2, pp. 134-144.
3. Gurnak A.V., Vishnevskaya E.N., Gurnak A.Yu. Religiya i vlast': poisk kompromissa v nalogooblozhenii musul'manskikh stran [Religion and power: searching for a compromise in the taxation of Islamic countries]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2014, no. 3, pp. 46-50.
4. Eremenko E.A. Spetsial'nye nalogovye rezhimy i kontseptsiya spravedlivosti nalogooblozheniya [Special tax regimes and the concept of justice in taxation]. *Finansy* [Finances], 2015, no. 9, pp. 76-80.
5. Kalimulina M.E. Sotsiokul'turnye faktory v natsional'noi modeli ekonomiki Rossii (na osnove sotsiologicheskogo issledovaniya po islamskoi ekonomike i finansam sredi naseleniya Rossii i stran SNG) [Socio-cultural factors in the national economy of Russia (on the basis of the sociological research on Islamic economics and finance among the population of Russia and CIS countries)]. *Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda* [Economics. Entrepreneurship. Environment], 2010, no. 2 (42), pp. 13-20.
6. Karavaeva I., Elitsur M. Sotsial'no orientirovannoe nalogooblozhenie: teoriya voprosa [Socially oriented taxation: theory]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2010, no. 6, pp. 47-58.
7. L'vova N.A., Pokrovskaya N.V. Osobennosti islamskogo nalogooblozheniya v usloviyakh sovremennoi finansovoi sistemy [Features of Islamic taxation in the modern financial system]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2015, no. 8, pp. 31-40.

8. Panskov V.G. Printsip spravedlivosti v nalogooblozhenii: voprosy teorii i praktiki [Principle of fairness in taxation: theory and practice]. *Finansy* [Finances], 2015, no. 2, pp. 26-30.
9. Pushkareva V.M. *Istoriya finansovoi mysli i politiki nalogov* [History of financial thought and tax policy]. Moscow: Finansy i statistika, 2008. 191 p.
10. Voronov V.S. *Sovremennye finansovye rynki* [Modern financial markets]. Moscow: Prospekt, 2016. 564 p.
11. Abdullah N., Derus A., Al-Malkawi H. The Effectiveness of Zakat in Alleviating Poverty and Inequalities: a Measurement Using a Newly Developed Technique. *Humanomics*, 2015, no. 31 (3), pp. 314-329.
12. Al-Qardawi Yu. *Fiqh al Zakah: a Comparative Study of Zakah, Regulations and Philosophy in the Light of Quran and Sunnah*. Jeddah: Scientific Publishing Centre, King Abdulaziz University, 2000. 369 p.
13. Awad M. *Adjusting Tax Structure to Accommodate of Zakah Management of Zakah in Modern Muslim Society*. Islamic Development Bank, 2000. Pp. 77-96.
14. *Islamic Finance. The UK Islamic Finance Secretariat (UKIFS) Report. – October 2013*. Available at: <http://www.thecityuk.com/assets/Uploads/Islamic-finance-2013-F.pdf>.
15. *Islamic Financial Services Industry Stability Report. 2015*. Available at: http://www.ifsb.org/docs/2015-0520_IFSB%20Islamic%20Financial%20Services%20Industry%20Stability%20Report%202015_final.pdf.
16. Maswood Y., Lokeswara Choudary Y. Islamic Banking – a Cross Cultural Patronage Study among the Students in Chennai. *Asian Social Science*, 2015, no. 11 (4), pp. 310-318.
17. Lvova N.A., Pokrovskaya, N.V. Ivanov V.V. The Attitude to Islamic Taxation in Russia: Does Financial Ethics Matter? *Innovation management and education excellence vision 2020: from regional development sustainability to global economic growth. The 27th IBIMA conference proceedings*. 2016. Pp. 294-304.
18. Lvova N.A., Pokrovskaya N.V., Ivanov V.V. Unconventional tax mechanisms in a secular state: prospects of adaptation in Russia. *Proceedings of the 5th International Conference on Accounting, Auditing, and Taxation (ICAAT 2016)*. Pp. 318-326.
19. Mohd Ali A., Rashid, Z. Johari F., Aziz M. The Effectiveness of Zakat in Reducing Poverty Incident: an Analysis in Kelantan, Malaysia. *Asian Social Science*, 2015, no. 11 (21), pp. 355-367.
20. Mohdali R., Pope J. The Influence of Religiosity on Taxpayers' Compliance Attitudes: Empirical Evidence from a Mixed-Methods Study in Malaysia. *Accounting Research Journal*, 2014, no. 27 (1), pp. 71-91.
21. Powell R. Zakat: Drawing Insights for Legal Theory and Economic Policy from Islamic Jurisprudence. *University of Pittsburgh Tax Review*, 2009, no. 7 (43), pp. 43-101.
22. *Religious Diversity Index Scores by Country*. Available at: <http://www.pewforum.org/2014/04/04/religious-diversity-index-scores-by-country/>
23. Saleem Sh. Islamic Concept of Taxation. *Renaissance*, 1992, no. 2 (10).
24. Shaikh S. *An Alternate Approach to Theory of Taxation and Sources of Public Finance in an Interest Free Economy. MRP Paper*. 2009. 14 p.
25. Yusuf M., Derus A. Measurement Model of Corporate Zakat Collection in Malaysia: A Test of Diffusion of Innovation Theory. *Humanomics*, 2013, no. 29 (1), pp. 61-74.

Information about the Authors

Nadezhda Alekseevna L'vova – Associate Professor, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Credit Theory and Financial Management, Saint Petersburg State University (62, Tchaikovsky Street, Saint Petersburg, 191123, Russian Federation; e-mail: lvova_n.a@mail.ru)

Natal'ya Vladimirovna Pokrovskaya – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Credit Theory and Financial Management, Saint Petersburg State University (62, Tchaikovsky Street, Saint Petersburg, 191123, Russian Federation; e-mail: nvpokrovskaya@gmail.com)

Viktor Vladimirovich Ivanov – Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Credit Theory and Financial Management, Saint Petersburg State University (62, Tchaikovsky Street, Saint Petersburg, 191123, Russian Federation; e-mail: zlivv@mail.ru)

Статья поступила 17.01.2017.

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.12

УДК 314.17, ББК 60.7

© Козлова О.А., Тухтарова Е.Х., Илинбаева Е.А.

Методические вопросы оценки устойчивости трудоспособного населения к негативному экологическому воздействию*

**Ольга Анатольевна
КОЗЛОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: olga137@mail.ru

**Евгения Хасановна
ТУХТАРОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: tyevgeniya@yandex.com

**Екатерина Александровна
ИЛИНБАЕВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

Для цитирования: Козлова, О.А. Методические вопросы оценки устойчивости трудоспособного населения к негативному экологическому воздействию / О.А. Козлова, Е.Х. Тухтарова, Е.А. Илинбаева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 212-227. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.12

For citations: Kozlova O.A., Tukhtarova E.Kh., Ilinbaeva E.A. Methodological issues of assessing the resilience of the working-age population against negative environmental impacts. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 212-227. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.12

Аннотация. Целью настоящей работы является исследование устойчивости региональных человеческих популяций к экологическому воздействию на основе оценки, с одной стороны, показателей качества экологических условий жизнедеятельности и формирования здоровья населения, с другой стороны, показателей смертности населения по ряду причин, возникающих от ухудшения экологической обстановки. Индикаторами ухудшения могут выступать рост объемов промышленного производства, уровня энергопотребления, плотности населения, рост количества автомобильного транспорта и т.д. Данное исследование обусловлено тенденциями второго эпидемиологического перехода, в соответствии с которым заболевания и причины смертности населения обусловлены преимущественно эндогенными факторами, связанными с естественным старением человеческого организма, возрастным снижением его жизнеспособности и сопротивляемости неблагоприятным внешним воздействиям, в том числе и экологическим. Оригинальность исследования состоит в оценке устойчивости населения к данному виду воздействия в регионах с разной концентрацией населения и размещения объектов хозяйственной деятельности, а также причин заболеваемости и смертности населения от данного вида воздействия. Использование в работе системного подхода позволяет не только учесть многокомпонентное влияние факторов на протяжении значительного промежутка времени (десятилетний период), но и оценить их совокупное воздействие на устойчивость самосохранительного поведения населения. По результатам исследования сделаны выводы о том, что регионы с высоким уровнем промышленного производства создают условия для усиления негативной динамики смертности населения в трудоспособном возрасте. Иная ситуация в менее развитых регионах, в которых население достаточно адаптировано к экологическому влиянию. По итогам эконометрических расчетов, тесная корреляционная связь установлена между причинами смертности населения от раковых заболеваний, болезнями органов дыхания и показателями экологического воздействия – загрязнения окружающей среды автомобильными выбросами (выхлопами). Полученные результаты исследования могут быть использованы при обосновании и принятии стратегически важных решений по направлению «новое качество» жизни населения. Применение результатов исследования ориентированно на принятии решений, основанных не просто на их интерпретации, с позиции улучшения или ухудшения обстановки в регионах, а на оценке устойчивости региональных человеческих популяций к экологическому воздействию, негативно сказывающемуся на состоянии здоровья населения.

Ключевые слова: оценка, промышленно развитые регионы, устойчивость, экологическое воздействие, причины заболеваемости и смертности, трудоспособное население.

Введение

В соответствии с принципами устойчивого развития Конференции ООН, принятого в Рио-де-Жанейро в 1992 г., «социально-экономическое развитие страны должно быть направлено на улучшение жизни всех людей, сохранение природных ресурсов, усиление ответственности за деятельность, наносящую ущерб окружающей среде». Однако сложившаяся отраслевая структура хозяйствования во многих

регионах обусловила не только характер и темпы экономического развития, но и предопределила высокую техногенную нагрузку на окружающую среду. Тенденция ухудшения условий жизнедеятельности и, как следствие, состояния здоровья населения постоянно нарастает и это особенно проявляется в промышленно развитых регионах. Понимание данной проблемы властными структурами и общественностью способствовало тому, что экология

и охрана окружающей среды отнесены к числу важнейших приоритетов развития Российской Федерации, поскольку играют определяющую роль в формировании «нового качества жизни», которое ориентировано на создание экологически безопасной и комфортной среды проживания людей, их работы и отдыха, на рост продолжительности жизни населения и снижение заболеваемости, вызванной неблагоприятными экологическими условиями [15].

В целом экологическое воздействие на демографические процессы – это проявление влияния факторов экономического роста, индикаторами которого выступают объемы промышленного производства, увеличение количества автомобильного транспорта [24], уровень энергопотребления, рост плотности населения [23], размещение отходов производства и потребления [28], уровень застройки и плотность городов [22].

Степень воздействия факторов определяется интенсивностью их давления на окружающую среду. В связи с этим происходит снижение «ассимиляционного потенциала биосферы¹ и окружающей среды»² и как следствие – возникновение социального риска, увеличение заболеваемости населения, сокращение демографического и трудового потенциала, снижение «качества» среды для жизнедеятельности людей.

¹ *Ассимиляционный потенциал биосферы* – способность её восстанавливать свою функцию по поддержанию жизни в зависимости от возмущающих внешних – (Солнца и космоса) и внутренних факторов естественного круговорота вещества и энергии, хозяйственной деятельности человека;

² *Ассимиляционный потенциал окружающей среды* – способность среды усваивать, перерабатывать отходы конкретной производственной деятельности людей в пределах конкретных природных комплексов и экосистем. Нивелировать энергетические, вещественные влияния производства посредством жизнедеятельности, естественного круговорота вещества и энергии в структуре природного комплекса, отличающегося от структуры и функции биосферы иерархически более низким уровнем организации системы.

Таким образом, создание благоприятных условий для жизнедеятельности и естественного воспроизводства населения на сегодняшний момент имеют первостепенное значение, особенно в регионах с высокой концентрацией населения и объектов промышленного производства, поскольку здоровье человека определяется основной триадой, включающей наряду с фактором наследственности факторы качества жизни и факторы окружающей среды.

Данная проблема определила основную цель настоящей работы, ориентированной на исследование жизнеспособности (устойчивости) трудоспособного населения российских регионов к экологическому воздействию на основе оценки, с одной стороны, показателей качества экологических условий жизнедеятельности, с другой стороны, показателей смертности населения от заболеваний, обусловленных, в том числе, состоянием окружающей среды.

Методологическая основа исследования

Анализ научной литературы показал, что понятие «устойчивость» используется в различных предметных областях и рассматривается как состояние той или иной сферы жизнедеятельности человека. Так, например, Гаврикова А.В. вводит понятие демографической устойчивости, под которой автором понимается состояние, обеспечивающее непрерывное возобновление и рост количественных и качественных демографических структур в соответствующих исторических и социально-экономических условиях. В качестве важнейших компонентов, оказывающих влияние на демографическую устойчивость, автор приводит динамику численности населения, рождаемости, смертности, миграции и социального развития населения [5]. Гайфуллин А.Ю. исследует социальную устойчивость как состояние элементов общества

на определенной территории, обеспечивающее стабильность функционирования всей пространственной социальной системы и устойчивое положение ее агентов, противодействуя внешним и внутренним угрозам в длительной перспективе [7]. Б.Т. Величковский рассматривает устойчивость как жизнеспособность нации через взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении здоровья населения России [3].

В данной работе под устойчивостью понимается способность системы совпадать по признакам до и после воздействия различных факторов и вызванных «шоков». С теоретической точки зрения ключевую роль в адаптации человеческих популяций к изменениям играют внешние факторы, тогда как внутренние (социальные) перестают оказывать существенное влияние [14].

Методологическая база для исследования устойчивости трудоспособного населения к экологическому воздействию основана на ключевых положениях общей теории систем, предполагающей изучение устойчивости населения в рамках популяционной системы, а также его способности к самоподдерживающемуся развитию, рассматриваемому как ключевое свойство устойчивости [17].

Понятие окружающей среды как совокупности естественных и искусственных биологических, физических, химических, а также социальных факторов, способных оказывать прямое и косвенное влияние на состояние абиотической и биотической компоненты биосферы, включая человека, сформулировано К.С. Бурдиным в 1985 году [2]. С данным понятием согласуется утверждение о том, что показатели здоровья населения являются наиболее объективным критерием оценки влияния

окружающей среды, нежели простое сопоставление концентраций отдельных загрязнителей с экологическими и санитарными нормами [18], из чего можно сделать вывод, что показатели здоровья населения интегрально учитывают комплексное и комбинированное воздействие, в том числе и неидентифицированных загрязнителей, оказывающих влияние на организм человека.

В своей работе Н.В. Зайцева, П.В. Трусова, П.З. Шур и другие подчеркивают, что при экспозиции комплекса химических факторов загрязнения атмосферного воздуха, транспортного шума, а также воздействия негативных факторов образа жизни неприемлемый риск для здоровья человека возрастает к 47 летнему возрасту и усиливается к 58 годам [21].

Наряду с этим, продолжительность человеческой жизни зависит и от многих других факторов. Демография и медицина традиционно разделяет факторы смертности населения на две составляющие: эндогенные (внутренние причины) и экзогенные (внешние причины) [27]. К первой группе относят естественные причины смертности – старение, врожденные пороки, наследственные заболевания. Тогда как экзогенные факторы связаны с влиянием внешней среды. К этой группе можно отнести социально-экономические факторы, состояние окружающей среды, а также эффективность действующей в стране системы здравоохранения.

Согласно международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, к внешним причинам отнесены транспортные несчастные случаи, воздействие дыма, огня и пламени, контакт с ядовитыми животными и растениями, путешествия и лишения, алкогольная интоксикация, травмы, полученные вследствие военных

операций и т.п. [13]. Высокий уровень смертности населения от болезней системы кровообращения многие эксперты связывают с действием психологических факторов [4]. Б.Т. Величковский [3], установил определяющую роль «социального стресса» в изменении здоровья населения, особенно в период системных перемен, происходящих в стране.

До начала XIX в. многие ученые отмечали преобладание экзогенных факторов над эндогенными. Однако в середине XIX в. стали меняться представления о характере негативного воздействия различных факторов на здоровье человека. В соответствии с концепцией эпидемиологического перехода А.Р. Омрана [26] изменения в подходе по определению причин заболеваемости и смертности населения [6] вызваны тем, что в структуре «новой» патологии на первое место выходят заболевания и причины смерти, обусловленные преимущественно эндогенными факторами, связанными с естественным старением человеческого организма, возрастным снижением его жизнеспособности и сопротивляемости неблагоприятным внешним воздействиям [9]. Последнее связано с экобиологическими причинами, в числе которых и условия окружающей среды [6]. Позднее данное утверждение нашло отражение в докладе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в котором было отмечено, что вклад экобиологических факторов в смертность населения составляет 20-30 % [10] в среднем по миру.

Методы

Оценка устойчивости населения к воздействию экологических факторов строилась на основе методики эколого-энергетического рейтингового агентства «Интерфакс – Эра». Достоинство данной методики заключается в использовании системного подхода для оценки многоком-

понентного влияния экологических факторов на протяжении значительного промежутка времени, что позволяет оценить их совокупное воздействие на здоровье населения. Поскольку устойчивость в широком плане – это способность системы сохраняться в условиях происходящих изменений, то частота и сила изменений в однородных системах напрямую влияют на ее устойчивость и могут быть использованы для ее оценки. Такой подход к оценке основан на том, что и внешние, и внутренние воздействия влияют на систему и ее параметры, отклоняют их от «нормы». Когда воздействие заканчивается, параметры системы возвращаются к норме. Частое изменение базовых параметров отражает «чувствительность» системы к воздействиям, т.е. ее неустойчивость. Соответственно, об устойчивости системы можно судить по низкой изменчивости (вариации) ее ключевых признаков [20].

Базируясь на использовании данного подхода, для получения корректной оценки устойчивости населения к влиянию негативных экологических факторов в качестве параметров вариации изменчивости используется среднее квадратичное отклонение значений числа умерших в трудоспособном возрасте в расчете на 100 тыс. населения, находящихся в данной возрастной категории от его среднего многолетнего уровня. Полученный показатель и будет вариацией признака, и уже по его величине можно проводить сравнения данного показателя в разных регионах, интерпретируя их в категориях жизнеспособности и устойчивости в целом по России.

При этом чем выше вариация изменчивости этих показателей, тем более неустойчива популяционная система. Таким образом, высокая вариация устойчивости населения свидетельствует о значительных рисках его здоровью.

Для получения количественной оценки изменения устойчивости населения в российских регионах были использованы данные Росстата о различных причинах смертности трудоспособного населения за 2005–2014 гг. В результате расчетов средний многолетний уровень значений, среднее квадратичное отклонение, а также коэффициенты вариации были получены по нижеследующим формулам.

1. Показатель смертности трудоспособного населения в среднем за 10 лет рассчитывается по формуле 1:

$$CT' = 1/10 \sum_1^{10} CT_t, \quad (1)$$

где CT_t – смертность трудоспособного населения за определенный год, определяемая как число умерших в трудоспособном возрасте в расчете на 100 тыс. населения данной возрастной категории;

10 – количество лет.

Среднее квадратичное отклонение по смертности трудоспособного населения, иллюстрирующее ежегодное отклонение показателя смертности от среднего за определенный период времени, рассчитывается согласно формуле 2:

$$CT'' = \sqrt{1/10 \sum_1^{10} (CT_t - CT')^2}. \quad (2)$$

2. Индекс устойчивости населения рассчитывается согласно формуле 3:

$$V = CT'' / CT', \quad (3)$$

где V – индекс вариации устойчивости населения к воздействию негативных факторов.

Расчет производился для каждого субъекта Российской Федерации (за исключением Республики Крым и г. Севастополя) за десятилетний период.

Далее был проведен расчет индекса суммарного экологического воздействия по показателям выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и выхлопам от автомобильного транспорта. Для оценки степени антропогенной нагрузки, связанной с концентрацией хозяйственной деятельности и населения в черте поселений, в расчеты были добавлены показатели площади дорог и застроек.

На основе полученных среднеарифметических оценок экологических показателей и площадей дорог и застроек была проведена оценка экологического воздействия по следующей формуле:

$$TE = EA / road + EI / AB, \quad (4)$$

где TE – показатель суммарного экологического воздействия, т/га;

EA – выбросы загрязняющих веществ от автомобильного транспорта в среднем за 10 лет, тыс. т;

$road$ – площадь дорог в среднем за 10 лет, тыс. га;

EI – выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников в среднем за 10 лет, тыс. т;

AB – площадь всех застроек в среднем за 10 лет, тыс. га.

Динамика социально-экономического и экологического состояния регионов России отличается высокой степенью дифференциации, которая в методическом плане достаточно тяжело поддается измерению при поиске адекватной средней тенденции в целом по регионам. В связи с этим анализ взаимосвязи индекса вариации устойчивости населения (V) и показателя суммарного экологического воздействия (TE) в региональном разрезе проводился с помощью метода наименьших квадратов. Представляется, что данный метод в наилучшей степени позволяет решать задачу сглаживания экспериментальных зависимостей и поиска

средней статистической закономерности при исследовании временных рядов, в которых значения имеют высокую степень разброса.

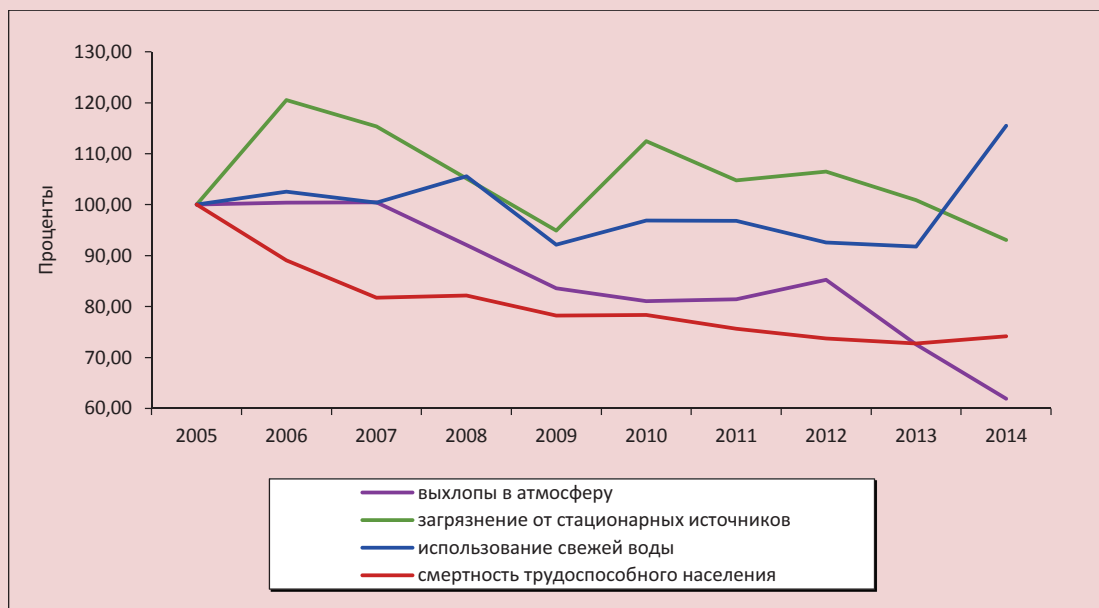
В ходе анализа экологического состояния регионов России и структуры смертности трудоспособного населения в течение последнего десятилетия была отмечена возросшая роль одних факторов и снижение влияния других. Так, если в советский период загруженность производственных мощностей была близка к 100%, то это в основном и определяло состояние окружающей среды. Однако, в условиях реформ 90-х годов, произошедшее сжатие объемов промышленного производства перестало оказывать доминирующее воздействие на экологическую составляющую. На первый план по уровню негативного воздействия начали выступать факторы, обусловленные процессами урбанизации, и связанный с этим рост антропогенной нагрузки

на окружающую среду на территориях с высокой плотностью хозяйственной деятельности и населения.

Несмотря на общий тренд снижения показателей по выбросам в атмосферу и снижению смертности населения (рис. 1), состояние уровня загрязнения воздуха во многих регионах Российской Федерации характеризуется как повышенное, опасное и очень опасное. Об этом свидетельствует ежегодно публикуемый доклад Министерства природных ресурсов и экологии России [11].

Как отмечается специалистами, загрязнение атмосферного воздуха является одним из ключевых факторов риска для здоровья людей [25], поскольку ежедневное потребление воздуха взрослым человеком составляет 12 м³ [18]. Об этом свидетельствуют практически повторяющиеся тенденции этих двух показателей до 2013 г. При этом традиционными загрязнителями

Рис. 1. Динамика показателей состояния экологии и смертности трудоспособного населения в России за 2005–2014 гг., % (2005 = 100%)

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

атмосферного воздуха являются пыль, окислы азота, окись углерода, формальдегид, углеводороды и сернистый газ [8]. Все эти загрязняющие компоненты составляют основу автомобильных выбросов.

Анализ полученных результатов

На основе полученных показателей вариации по экологии была оценена степень их влияния на показатели вариации смертности трудоспособного населения по ряду причин заболеваемости. Такой подход позволяет проводить оценку взаимосвязи показателей смертности трудоспособного населения, с одной стороны, с показателями заболеваемости (новообразования, инфекционные и паразитарные болезни, болезни системы кровообращения, органов пищеварения и дыхания), обусловленной в том числе и негативным экологическим воздействием, с другой стороны, — с показателями, характеризующими качество экологических условий жизнедеятельности человека, определяющих состояние его здоровья.

Для определения тесноты связи была сформирована матрица корреляции (таблица) между различными причинами заболеваемости, вызывающими смертность населения в активных рабочих возрастах, в том числе и с учетом экологического воздействия.

Проведенный корреляционный анализ позволил сделать вывод, что наибольший вклад в смертность трудоспособного населения оказывают внешние причины ($R=0,88$). Высок уровень корреляции показателей смертности населения и заболеваний системы кровообращения ($R=0,85$), органов дыхания и пищеварения (соответственно 0,86 и 0,77).

Прослеживается достаточно тесная взаимосвязь воздействия экологических факторов на показатели смертности по причинам заболеваемости. Так, к последствиям загрязнения окружающей среды автомобильными выхлопами согласно таблице можно отнести смертность населения по причине заболеваний системы кровообращения ($R=0,62$), органов пищеварения ($R=0,61$) и дыхания ($R=0,53$). Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников наибольшее воздействие оказывают на смертность населения от болезней органов пищеварения ($R=0,63$), органов дыхания ($R=0,54$) и кровообращения ($R=0,60$). К последствиям загрязнения водных объектов по результатам анализа относится смертность населения от заболеваний органов пищеварения ($R=0,58$), системы кровообращения ($R=0,58$) и органов дыхания ($R=0,55$). Коэффициент корреляции показателей

Результаты корреляционного анализа показателей экологического воздействия и смертности населения от некоторых видов заболеваний

Причины смертности по болезням	Общая смертность трудоспособного населения	Экологическое воздействие		
		Выбросы	Выхлопы	Сбросы
Коэффициент корреляции (R)*				
Внешние	0,88	0,43	0,41	0,48
Органы пищеварения	0,77	0,63	0,61	0,58
Органы дыхания	0,86	0,54	0,53	0,55
Система кровообращения	0,85	0,60	0,62	0,58
Раковые заболевания	0,71	0,44	0,52	0,44
Паразитарные заболевания	0,42	0,13	0,11	0,14

* Корреляция между смертностью трудоспособного населения и смертностью по видам заболеваний.

воздействия экологических факторов и причин смертности населения от паразитарных заболеваний свидетельствует об отсутствии связи.

В процентном отношении вклад внешних причин в показатель смертности населения трудоспособного возраста составил 20%, болезней системы кровообращения

– 23%, органов дыхания – 19%, органов пищеварения – 16% (рис. 2).

Из экологических факторов наибольшее негативное воздействие на состояние здоровья оказывают выхлопы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, исходящие от автомобильного транспорта (рис. 3).

Рис. 2. Вклад основных видов заболеваний в показатель смертности населения трудоспособного возраста, %

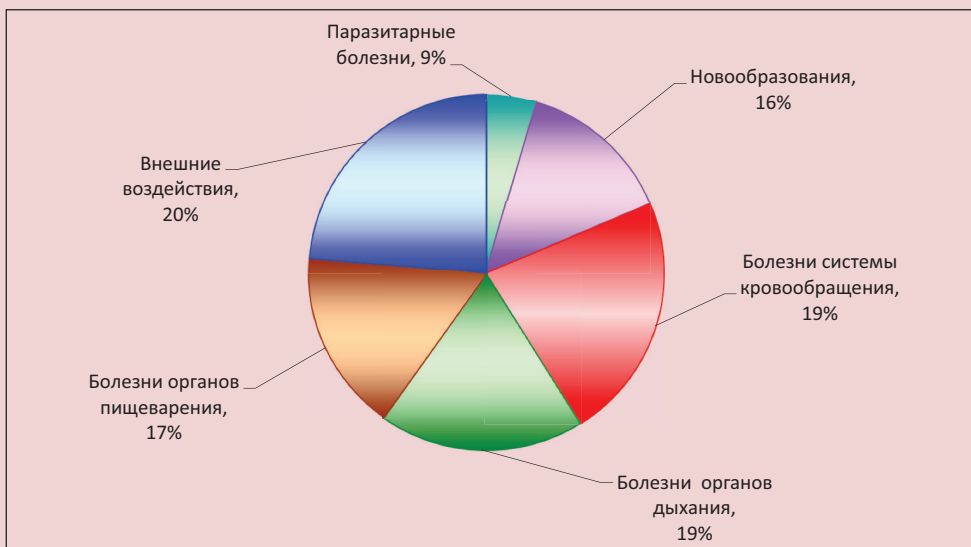
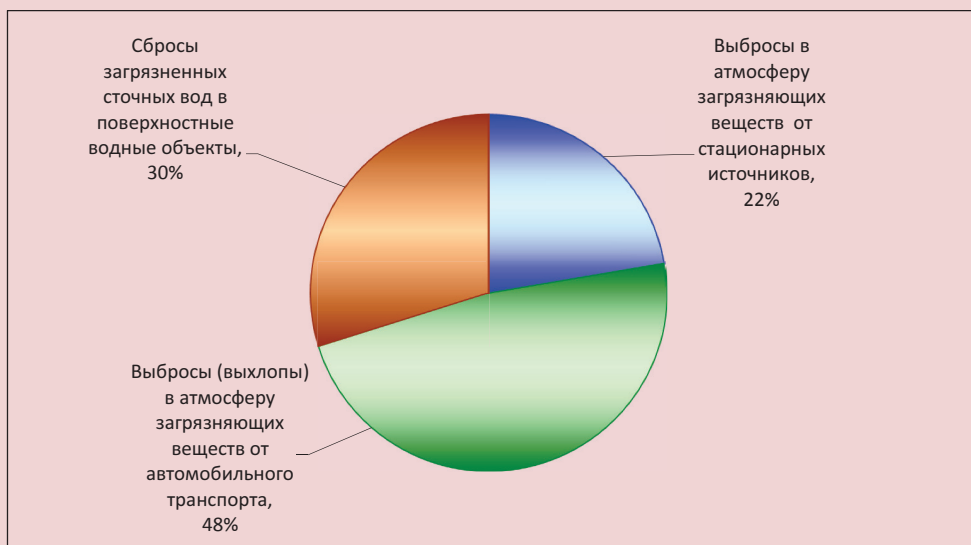

Рис. 3. Вклад негативного воздействия экологических факторов в возникновение различных видов заболеваний населения трудоспособного возраста, %

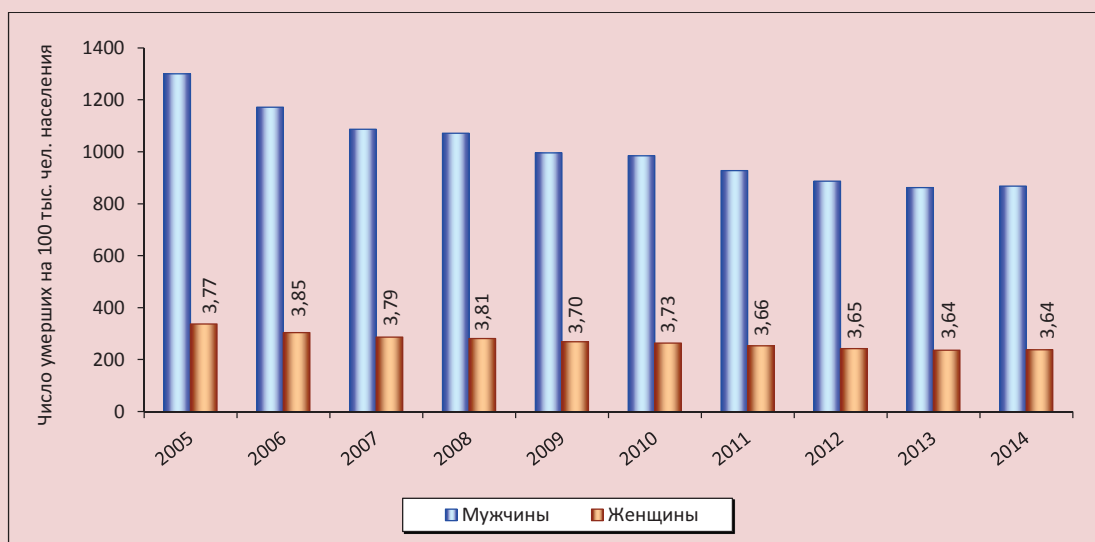
В гендерном аспекте отметим, что смертность от заболеваний системы кровообращения у мужчин трудоспособного возраста гораздо выше, чем у женщин. Самые высокие значения коэффициента смертности характерны для мужчин в возрастном интервале от 25 до 50 лет, для женщин – в интервале 25–40 лет. В целом за период с 2005 по 2014 г. смертность в данной возрастной группе у мужчин увеличилась в 1,6–2,4 раза, у женщин – в 1,6–2,3 раза [1].

На протяжении анализируемого десятилетнего периода коэффициент смертности у мужчин более чем в 3 раза превышал соответствующий показатель у женщин (рис. 4).

В территориальном аспекте негативное экологическое воздействие на здоровье особенно ярко проявляется в регионах с высокой концентрацией хозяйственной деятельности и, как следствие, высокой плотностью населения.

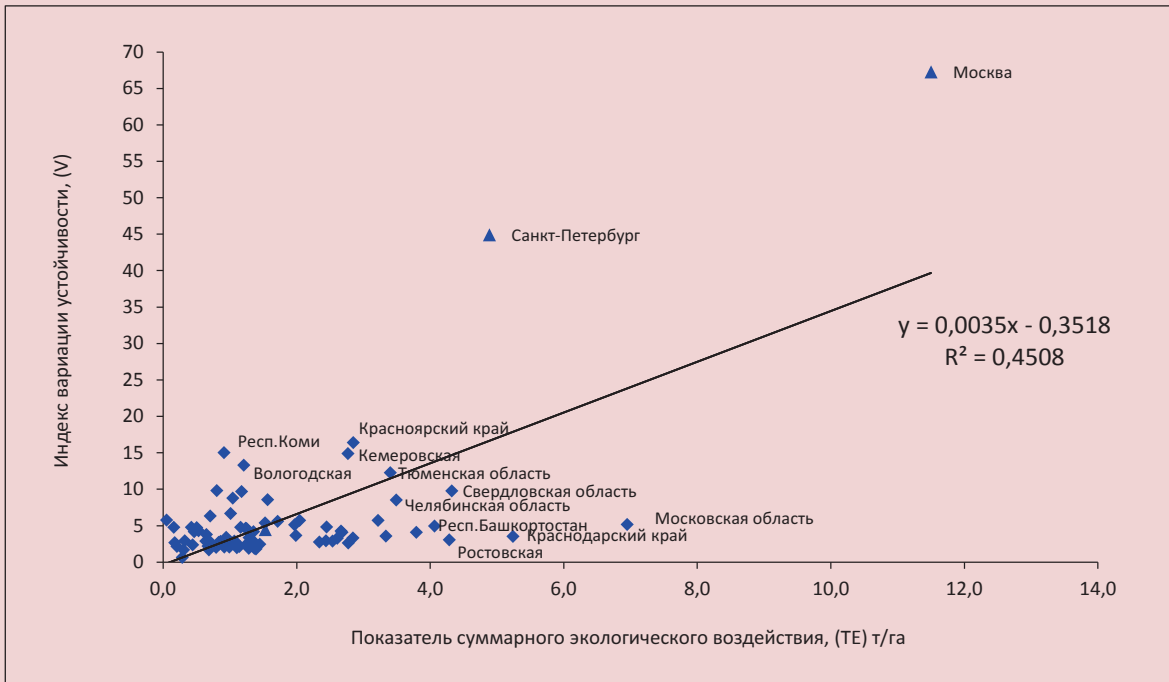
Этот тезис подтверждается результатами анализа взаимосвязи показателя суммарного экологического воздействия и индекса вариации устойчивости населения в региональном разрезе, приведенными на рисунке 5. Это также подтверждается результатами рейтинговой оценки «качества жизни» в регионах России [19]. Так, например, такие регионы, как Красноярский край, Республика Коми, Московская и Свердловская области, занимают лидирующие позиции в группе «экономическое развитие» по показателям объемов производства товаров и услуг. В этих же регионах экологическая обстановка оценивается как неблагоприятная: Красноярский край занимает 85 место, Республика Коми – 82, Московская область – 65, Свердловская область – 69. Что касается данных по заболеваемости населения, то в группе «заболеваемость» по показателям смертности населения в трудоспособном возрасте Московская область занимает 19 место, а

Рис. 4. Динамика гендерной структуры смертности трудоспособного населения в России за 2005–2014 гг.

Источник: Демографический ежегодник России / Росстат.

Рис. 5. Оценка вклада суммарного экологического воздействия в показатель вариации устойчивости населения в российских регионах в среднем за период 2005–2014 гг.

Источник: расчеты авторов.

Свердловская – 17. В остальных регионах показатели смертности несколько ниже.

Вместе с тем следует отметить, что в этих регионах устойчивость населения гораздо выше, нежели в регионах с еще более высоким уровнем концентрации хозяйственной деятельности и населения, к каким относятся Москва и Санкт-Петербург. Это может свидетельствовать о том, что роль антропогенных факторов в хозяйственной деятельности человека значительно возрастает с концентрацией хозяйственной деятельности и населения, становясь все большей угрозой для его здоровья и жизни.

Следует отметить, что неблагоприятная экологическая ситуация в таких мегаполисах, как г. Москва и г. Санкт-Петербург, настолько сильно оказывает влияние на общие показатели смертности в среднем по

России, что при удалении этих регионов из анализа пропадает статистическая связь между индексом суммарного экологического воздействия и индексом вариации устойчивости населения. Вместе с тем, как уже было отмечено выше, использованный метод наименьших квадратов позволяет не только сгладить региональные различия, но и выделить адекватную среднюю закономерность по России.

Как показывают результаты анализа, вклад суммарного экологического воздействия в вариацию устойчивости населения регионов в среднем за 10 лет составил 45% (см. рис. 5), при этом полученный коэффициент эластичности свидетельствует, что при снижении на 10% суммарного экологического воздействия устойчивость населения к негативному влиянию экологических факторов повысится на 0,03%.

Заключение

Полученные результаты исследования способствуют выявлению и более углубленному пониманию значимых функциональных компонентов формирования здоровья и условий жизнедеятельности населения, а также его устойчивости к различного рода негативным воздействиям на территориях с высокой концентрацией хозяйственной деятельности. Тесная взаимосвязь экологических показателей и показателей смертности населения характеризует своего рода «давление» на

состояние здоровья населения и уровень его устойчивости к воздействию факторов окружающей среды. Возможность использования управленческими структурами предложенного методического инструментария оценки в практике принятия решений позволяет делать адекватные выводы о качестве экологических условий жизни населения в регионах и их влияния на состояние здоровья населения и принимать эффективные меры по снижению негативного влияния факторов окружающей среды.

Литература

1. Берзин, Б.Ю. Траектории воспроизводства институтов социальной изоляции отдельных групп населения в регионах России [Текст] / Б.Ю. Берзин, А.И. Кузьмин, О.А. Пышминцева // Экономика региона. – 2015. – № 3. – С. 123-133.
2. Бурдин, К. С. Основы биологического мониторинга [Текст] / К.С. Бурдин. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 158 с.
3. Величковский, Б.Т. Жизнеспособность Нации. Роль социального стресса и генетических особенностей популяции в развитии демографического кризиса и изменении состояния здоровья населения России [Текст] / Б.Т. Величковский. – М.: РАМН, 2009. – 176 с.
4. Гаас, Г.Н. Особенности заболеваемости населения трудоспособного возраста болезнями системы кровообращения по данным ОМС [Электронный ресурс] / Г.Н. Гаас, А.А. Модестов // Социальные аспекты здоровья населения. – 2011. – Т. 17. – № 1. – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/259/30/lang,ru>
5. Гаврикова, А.В. Демографические процессы Республики Башкортостан в контексте проблемы устойчивости территориальных образований [Электронный ресурс] / А.В. Гаврикова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19833>.
6. Газизуллина, П.Г. Классификации факторов заболеваемости и смертности [Электронный ресурс] / П.Г. Газизуллина // Экономические науки. – Режим доступа: http://ecsn.ru/files/pdf/201305/201305_149.pdf
7. Гайфуллин, А.Ю. Методический подход к оценке социальной устойчивости территориальных образований [Текст] / А.Ю. Гайфуллин // Известия Уфимского научного центра РАН. – Уфа, 2016. – № 1. – С. 104-109.
8. Методические подходы к обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия на основе методологии управления риском для здоровья населения [Текст] / В.Б. Гурвич, С.В. Кузьмин, С.В. Ярушин, О.В. Диконская, Б.И. Никонов, О.Л. Малых, Н.И. Кочнева, Т.М. Дерстуганова // Гигиена и санитария. – 2015. – № 2. – С. 82-87.
9. Демографическая модернизация России, 1900–2000 [Текст] / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
10. Доклад Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/deaths-attributable-to-unhealthy-environments/ru/>
11. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecogodoklad.ru/>
12. Методические подходы к оценке риска воздействия разнородных факторов среды обитания на здоровье населения на основе эволюционных моделей [Текст] / Н.В. Зайцева, П.В. Трусов, П.З. Шур, Д.А. Кирьянов, В.М. Чивгинцев, М.Ю. Цинкер // Анализ риска здоровью. – 2013. – № 1. – С. 15-23.

13. Инструкция по использованию Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем десятого пересмотра (утв. Министерством здравоохранения РФ 25 мая 1998 г. № 2000/52-98) [Электронный ресурс] / Информационно-справочная система Гарант. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70805430/#ixzz4MwmOT0vj>
14. Калужский, М.Л. Общая теория систем [Текст] / М.Л. Калужский. — Омск, 2011. — 178 с.
15. Новое качество жизни [Электронный ресурс] / Государственные программы. — Режим доступа: <http://programs.gov.ru/Portal/>
16. Оганов, Р.Г. Демографическая ситуация и сердечно-сосудистые заболевания в России: пути решения проблем [Текст] / Р.Г. Оганов, Г.Я. Масленникова // Кардиоваскулярная терапия и профилактика — 2007. — № 8. — С. 7-14.
17. Оценка человеческого потенциала [Электронный ресурс] / Интерфакс-Эра. — Режим доступа: <http://interfax-era.ru/reitingi-regionov/2009/otsenka-chelovecheskogo-potentsiala#part9>
18. Экологические проблемы и здоровье России [Текст] / И.И. Потапов, Е.В. Карцева, С.В. Корешкова, И.А. Щетинина // Экономика природопользования. — 2016. — № 1. — С. 15-34.
19. Рейтинг городов по «качеству жизни» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf
20. Рейтинги устойчивого развития регионов Российской Федерации, 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://interfax-era.ru/sites/default/files/page/files/reiting_eco_2.pdf
21. Совершенствование национальной политики в области гигиены и обеспечения безопасности труда [Текст] / П.З. Шур, Н.В. Зайцева, В.Б. Алексеев, Д.М. Шляпников // Гигиена и санитария. — 2015. — № 2. — С. 72-75.
22. Edward, Ng. Designing High Density Cities — For Social and Environmental Sustainability [Text] / Ng. Edward // Earthscan Publications Ltd., London, UK, 2009. — 342 p.
23. Lori, M. H. The environmental implications of population dynamics [Text] / M.H. Lori // RAND, 2000. — xxiii, 98 p.
24. Mindell, J.S. Synergies between low carbon and healthy transport policies. [Text] / J.S. Mindell, J.M. Cohen, S. Watkins, N. Tyler // Proceedings of the Institution of Civil Engineers — Transport. — 2011. — 164 p.
25. Moshammer, H. Air quality as respiratory health indicator: a critical review. [Text] / H. Moshammer, P. Wallner // Int J Occup Med Environ Health. — 2011.
26. Omran, A.R. The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change [Text] / A.R. Omran // Milbank Memorial Fund Quarterly. — 1971. — Vol. 49.
27. Smallman-Raynor, M. Late stages of epidemiological transition: health status in the developed world [Text] / M. Smallman-Raynor, D. Phillips // Health & Place. — 1999. — Vol. 5. — I. 3. — P. 209-222.
28. Teuschler, L.K. Current and future risk assessment guidelines, policy, and methods development for chemical mixtures [Text] / L.K. Teuschler, R.C. Hertzberg // Toxicology. — 1995.

Сведения об авторах

Ольга Анатольевна Козлова — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, к. 504; e-mail: olga137@mail.ru)

Евгения Хасановна Тухтарова — ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, к. 522; e-mail: tyevgeniya@yandex.com)

Екатерина Александровна Илинбаева — ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, к. 419; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru)

Kozlova O.A., Tukhtarova E.Kh., Ilinbaeva E.A.

Methodological Issues of Assessing the Resilience of the Working-Age Population Against Negative Environmental Impacts

Abstract. The purpose for the research is to study the resilience of regional human population against environmental impacts based on evaluation of quality indicators of environmental living conditions and promotion of population's health on the one hand, and on population's mortality for a number of causes related to environmental degradation on the other hand. Indicators of environmental degradation may include expanding industrial production, energy consumption, population density, growing number of motor vehicles etc. The study is initiated by the trends of the second epidemiologic transition according to which diseases and causes of mortality are mostly attributable to endogenous factors related to natural ageing of a human body, its declining age-related vitality and resistance to adverse external impacts including environment. The novelty of the research lies in assessment of both population's resilience against this kind of impacts in regions with varied concentration of population and facilities used for economic purposes, and causes of morbidity and mortality from this type of impacts. The system approach used for the research helps both take into account the multicomponent influence of factors over a substantial period of time (a ten year period) and assess their cumulative impact on the sustainability of population's self-preservation behavior. According to the research results, highly industrialized regions strengthen the negative dynamics of working-age population mortality. The situation is different in less industrialized regions where the population is sufficiently adapted to environmental impacts. According to econometric estimates, causes of cancer mortality are closely correlated with respiratory diseases and indicators of environmental impact – environmental pollution with vehicle emissions (exhaust fumes). The research results can be used in justification and adoption of strategic solutions in creating “new quality” of life. The application of research results is focused on making decisions based not only on their interpretation, from the standpoint of improvement or deterioration of the regional situation, but also on the regional assessment of resilience of the human population to environmental impacts adversely affecting population's health.

Key words: assessment, industrialized regions, resilience, environmental impacts, causes of morbidity and mortality, working-age population.

References

1. Berzin B.Yu., Kuz'min A.I., Pyshmintseva O.A. Traektorii vosproizvodstva institutov sotsial'noi izolyatsii ot del'nykh grupp naseleniya v regionakh Rossii [Trajectories of reproduction of institutes of social isolation of separate population groups in Russian regions]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], 2015, no. 3, pp. 123-133. (In Russian).
2. Burdin K.S. *Osnovy biologicheskogo monitoringa* [Basics of biological monitoring]. Moscow: MGU, 1985. 158 p. (In Russian).
3. Velichkovskij B.T. *Zhiznesposobnost' Natsii. Rol' sotsial'nogo stressa i geneticheskikh osobennostei populyatsii v razviti demograficheskogo krizisa i izmenenii sostoyaniya zdorov'ya naseleniya Rossii* [Viability of the Nation. The role of social stress and population's genetic components in the development of demographic crisis and in health-related changes of the Russian population]. Moscow: RAMN, 2009. 176 p. (In Russian).
4. Gaas G.N., Modestov A.A. Osobennosti zaboлеваemosti naseleniya trudospobnogo vozrasta boleznyami sistemy krovoobrashcheniya po dannym OMS [Characteristics of circulatory disease incidence among the working-age population according to Compulsory Medical Insurance]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of population health], 2011, vol. 17, no. 1. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/259/30/lang,ru> (In Russian).

5. Gavrikova A.V. Demograficheskie protsessy Respubliki Bashkortostan v kontekste problemy ustoichivosti territorial'nykh obrazovaniy [Demographic processes of the Republic of Bashkortostan in the context of the issue of stability of territorial units]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 1–2. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19833> (In Russian).
6. Gazizullina P.G. Klassifikatsii faktorov zabolevaemosti i smertnosti [Classifications of factors of morbidity and mortality]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. Available at: http://ecsn.ru/files/pdf/201305/201305_149.pdf (In Russian).
7. Gaifullin A.Yu. Metodicheskii podkhod k otsenke sotsial'noi ustoichivosti territorial'nykh obrazovaniy [Methodological approach to assessing social resilience of territorial units]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [(Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre)], 2016, no.1, pp. 104-109 (In Russian).
8. Gurvich V.B., Kuz'min S.V., Yarushin S.V., Dikonskaya O.V., Nikonov B.I., Malykh O.L., Kochneva N.I., Derstuganova T.M. Metodicheskie podkhody k obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya na osnove metodologii upravleniya riskom dlya zdorov'ya naseleniya [Methodological approaches to the assurance of sanitary-epidemiological welfare on the base of the methodology of population's health risk management]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2015, no 2, pp. 82-87. (In Russian).
9. Vishnevskii A.G. (Ed.). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 257 p. (In Russian).
10. *Doklad Vsemirnoi organizatsii zdravookhraneniya* [World Health Organization report]. Available at: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/deaths-attributable-to-unhealthy-environments/ru/> (In Russian).
11. *Doklad o sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy* [Report on the state and protection of environment]. Available at: <http://www.ecogodoklad.ru/> (In Russian).
12. Zaitseva N.V., Trusov P.V., Shur P.Z., Kir'yanov D.A., Chivgintsev V.M., Tsinker M.Yu. Metodicheskie podkhody k otsenke riska vozdeystviya raznorodnykh faktorov sredy obitaniya na zdorov'e naseleniya na osnove evolyutsionnykh modelei [Methodical approaches to health risk assessment of heterogeneous environmental factors based on evolutionary models]. *Analiz riska zdorov'yu* [Health risk analysis], 2013, no. 1, pp. 15-23. (In Russian).
13. Instruksiya po ispol'zovaniyu Mezhdunarodnoi statisticheskoi klassifikatsii boleznei i problem, svyazannykh so zdorov'em desyatogo peresmotra (utv. Ministerstvom zdravookhraneniya RF 25 maya 1998 g. № 2000/52-98) [Operation manual of the International statistical classification of diseases and health-related issues, tenth revision (approved by Ministry of Health of the Russian Federation, May 25th, 1998 no. 2000/52-98)]. *Informatsionno-spravochnaya sistema Garant* [Garant information system.]. Available at: <http://base.garant.ru/70805430/#ixzz4MwmOT0vj> (In Russian).
14. Kaluzhskii M.L. *Obshchaya teoriya sistem* [General system theory]. Omsk, 2011. 178 p. P. 47. (In Russian).
15. *Novoe kachestvo zhizni* [New quality of life]. *Gosudarstvennyye programmy* [State programs]. Available at: <http://programs.gov.ru/Portal/>. (In Russian).
16. Oganov R.G., Maslennikova G.Ya. Demograficheskaya situatsiya i serdechno-sosudistye zabolevaniya v Rossii: puti resheniya problem [Demographic situation and cardiovascular diseases in Russia: solutions of problems]. *Kardiovaskuljarnaja terapiya i profilaktika* [Cardiovascular therapy and prevention], 2007, no. 8, pp. 7-14. (In Russian).
17. Otsenka chelovecheskogo potentsiala [Assessment of human potential]. *Interfax-era*. Available at: <http://interfax-era.ru/reitingi-regionov/2009/otsenka-chelovecheskogo-potentsiala#part9> (In Russian).
18. Potapov I.I., Kartseva E.V., Koreshkova S.V., Shchetinina I.A. Ekologicheskie problemy i zdorov'e Rossii [Environmental problems and health of Russia]. *Ekonomika prirodopol'zovaniya* [Environmental economics] 2016, no 1, p. 15-34, p. 16. (In Russian).
19. *Reiting gorodov po "kachestvu zhizni"* [Quality of Life Rating of cities]. Available at: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf
20. *Reitingi ustoichivogo razvitiya regionov Rossiiskoi Federatsii, 2010* [Region's sustainable development rating of Russia]. Available at: http://interfax-era.ru/sites/default/files/page/files/reiting_eco_2.pdf
21. Shur P.Z., Zaitseva N.V., Alekseev V.B., Shlyapnikov D.M. Sovershenstvovanie natsional'noi politiki v oblasti gigieny i obespecheniya bezopasnosti truda [Improvement of the national hygiene and labor safety policy]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2015, no. 2, pp. 72-75. (In Russian).

22. Edward Ng. *Designing High Density Cities – For Social and Environmental Sustainability*. Earthscan Publications Ltd., London, UK, 2009, 342 p.
23. Lori M.H. *The environmental implications of population dynamics*. RAND, 2000, xxiii, 98 p.
24. Mindell J.S., Cohen J.M., Watkins S., Tyler N. *Synergies between low carbon and healthy transport policies*. *J.S. Mindell, Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Transport*, 2011, 164 p.
25. Moshhammer H., Wallner P. *Air quality as respiratory health indicator: a critical review*. *Int J Occup Med Environ Health*, 2011.
26. Omran A.R. The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change. *Milbank Memorial Fund Quarterly*, 1971, vol. 49.
27. Smallman-Raynor M., Phillips D. Late stages of epidemiological transition: health status in the developed world. *Health & Place*, 1999, vol. 5, issue 3, pp. 209-222.
28. Teuschler L.K., Hertzberg R.C. *Current and future risk assessment guidelines, policy, and methods development for chemical mixtures*. 1995.

Information about the Authors

Ol'ga Anatol'evna Kozlova – Doctor of Economics, Professor, Head of Center for Research of Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Head of Centre for Socio-Economic Dynamics Research (29, Moskovskaya Street, Office 504, 620014, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: olga137@mail.ru)

Evgeniya Khasanovna Tukhtarova – Research Associate, Leading Economist, Center for Research of Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Office 522, 620014, Yekaterinburg; e-mail: tyevgeniya@yandex.com)

Ekaterina Aleksandrovna Ilinbaeva – Leading Economist, Research Associate, Department of Regional Entrepreneurship Policy, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Office 419, 620014, Yekaterinburg; e-mail: e-ilinbaewa777@mail.ru)

Статья поступила 22.08.2016.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.13

УДК 336.761.5; ББК 65.264.132

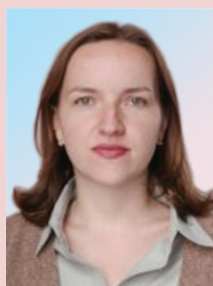
© Галанов В.А., Галанова А.В., Шибяев С.Р.

Случайное и закономерное изменение цены акции в зависимости от длины временного интервала

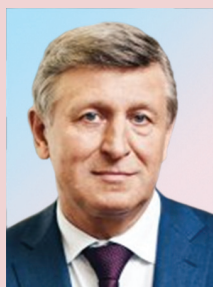
**Владимир Александрович
ГАЛАНОВ**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
E-mail: vagalanov@mail.ru

**Александра Владимировна
ГАЛАНОВА**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация, 101000, ул. Мясницкая, д. 20
E-mail: alga@mail.ru

**Сергей Рафаилович
ШИБАЕВ**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
E-mail: fdo1@mail.ru

Для цитирования: Галанов, В.А. Случайное и закономерное изменение цены акции в зависимости от длины временного интервала / В.А. Галанов, А.В. Галанова, С.Р. Шибяев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 228-241. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.13

For citation: Galanov V.A., Galanova A.V., Shibaev S.R. Random and regular stock price change depending on a time span. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 228-241. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.13

Аннотация. Целью исследования выступает установление зависимости между хаотичностью (случайностью) изменения цены акции и общеизвестной тенденцией к её росту в зависимости от длины временного интервала. Сама постановка вопроса в данной статье, в отличие от работ других ученых по проблематике случайного характера цены акции, является новой. Используемый метод исследования состоял в определении критерия разделения изменения цены акции на случайную и закономерную составляющие и последующее сравнение пропорции между случайным и закономерным изменением цены акции на примере 10 акций крупнейших и всемирно известных компаний из разных секторов экономики, торговавшихся на Нью-Йоркской фондовой бирже, для нескольких временных интервалов: один день, неделя, месяц, квартал, полугодие и один год. Основные результаты выполненной работы заключаются в том, что по мере увеличения временного интервала доля закономерного начала в цене акции возрастает, но только до определенного, значимого по своему уровню предела. Само по себе увеличение временного периода анализа изменений (колебаний) цены акции не позволяет утверждать, что случайный характер изменчивости цены акции имеет неограниченную тенденцию к снижению. Область применения полученных результатов носит научно-прикладной характер. С одной стороны, данные выводы полезны для целей обучения студентов и участников рынка по проблематике рынка ценных бумаг. С другой стороны, в практическом плане данный вопрос интересен тем, что понимание закономерности изменения пропорции между случайностью и неслучайностью (закономерностью) в цене акции на рынке может использоваться участниками фондового рынка при выработке их стратегий торговли для разных временных интервалов. Перспективы дальнейшей научной работы в исследуемой области охватывают вопросы уточнения деления факторов изменения цены акции на закономерные и случайные, количественную оценку их влияния на динамику цены акции, а также вопросы связи длительности временного интервала инвестирования с риском случайного изменения цены акции, выходящей за расчетные пределы ее закономерного изменения.

Ключевые слова: цена акции, тенденция к росту, случайное изменение, закономерное изменение, временной интервал, предел изменения, пропорция, фондовая биржа.

Теоретическая основа исследования и предшествующие исследования

В основу проведенного исследования легли, с одной стороны, теории случайного блуждания цен, а с другой стороны, наличие закономерности роста цен акций на фондовом рынке за более-менее продолжительные промежутки времени, что в обобщенном виде проявляется в росте фондовых индексов, несмотря на все известные в истории кризисные события на данном рынке и в экономике в целом.

Вопросы случайности в динамике цен акций постоянно находятся в центре вни-

мания теоретиков и практиков фондового рынка. К настоящему времени написано большое количество статей по самым разным аспектам случайной природы цены акции, основу которых составляют работы М. Кендалла [16], П. Самуэльсона [21], Ю. Фамы [12,13], У. Шарпа и других исследователей. Почему-то считается, что теоретические изыскания по данному вопросу ведут свое начало от известной работы Луи Башелье [8], что не совсем корректно в силу двух обстоятельств.

Во-первых, эта работа Луи Башелье была написана в самом начале XX века, но забыта на полвека и стала известной («об-

наруженной») лишь в 50-х годах. В силу этого нельзя утверждать, что исследование проблемы случайного характера цены акции началось именно с данного автора.

Во-вторых, о случайной природе цены акции было известно экономистам и до Башелье (см., например, [20]). Даже Маркс, задолго до Башелье, писал, что цене акции присущ случайный характер, и это не было его собственным открытием, т.к. он в данном случае просто обобщал то, что уже было известно экономистам-исследователям и в XIX веке. «Рыночная стоимость этих бумаг отчасти спекулятивна, т.к. определяется не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным» [6, с. 10].

Но для нашего исследования данная позиция важна еще и тем, что в ней четко прослеживается подход к изменчивости цены акции во времени, который носит вовсе не чисто случайный характер, как это обычно видится со стороны участников рынка и вышеобозначенных экономистов-теоретиков. Данный подход означает, что в изменении цены акции следует видеть единство ее и случайного и неслучайного (закономерного) изменений.

Такое же понимание характера изменения цены акции было и у последователей учения Маркса. Например, Р. Гильфердинг в его известном произведении «Финансовый капитал», изданном в 1910 году (а книга была написана в основном к 1905 г.), также неоднократно отмечал: «... Так и для курсов (-акций), наряду с собственно определяющими цены моментами, следует различать те случайные моменты, которые выражаются в изменяющемся соотношении спроса и предложения» [7, с. 190].

Поскольку такой подход к рассмотрению цены акции обычно отсутствует, то можно сказать, что, по сути, отсутствуют и статьи, в которых затрагивалась бы про-

блема поиска количественного соотношения случайной и закономерной сторон изменения цены акции. Можно обоснованно предположить, что это соотношение должно быть различным на временных интервалах, существенно различающихся между собой по длительности.

В работах российских авторов (Алехин [1], Берзон [2] и др.) обычно указывается на то, что динамика цены акции характеризуется наличием и случайных колебаний, и тенденции к ее росту, но ни о каких подходах к выявлению их соотношения между собой не говорится. Кроме того, следует заметить, что закономерное в движении цены акции обычно понимается только как тенденция к росту цены, хотя, рассуждая логически, тенденция к снижению цены столь же возможна, как и тенденция к ее росту. Например, относительное ухудшение положения компании на рынке, которое может продолжаться многие годы, неизбежно ведет к соответствующей динамике рыночной цены ее акций.

В то же время в работах, посвященных моделям цены акции, упор делается на математическое описание случайного процесса изменения цены, причем понимается под этим не случайность вообще, а «закономерная случайность» в виде следования колебаний цены акции закону нормального, а точнее – логнормального, распределения вероятностей. Здесь сама вероятностная случайность принимает форму особого рода закономерности, получая математический вид винеровского процесса и процесса Ито. Логнормальное распределение есть всегда односторонняя закономерность, т.е. закономерность одного направления – роста цены акции. Но для разных временных интервалов законом может быть как рост цены акции, так и ее снижение. Кроме того, в математических моделях «закономерность» находит выражение еще и в на-

личии констант, прямо не связанных с дисперсией, но опосредованно зависящих от нее через общий (единый) механизм расчетов модели цены акции. В целом следует отметить, что ни логнормальность распределения вероятностей, ни константы, в силу их «неизменности», при любых их «совершенствованиях» не позволяют выявить изменение роли случайной и закономерной составляющих применительно к разным временным интервалам колеблющейся во времени цене акции.

Тенденция к росту или снижению цены акции коренится в том, что акция есть форма, в которой капитал существует в сфере обращения в качестве товара. Цель любого капитала – получение наибольшей прибыли. За счет этой прибыли капитал постоянно возрастает, но в силу изменения спроса на создаваемые им товары размер функционирующего капитала не только возрастает, но и время от времени может сокращаться. Поэтому законом динамики цены акции, в большинстве случаев, является ее бесконечный рост, но только в форме постоянных ее случайных движений (колебаний) то вверх, то вниз от своего предыдущего уровня.

Под случайностью будем понимать изменчивость, будущий результат которой неизвестен. В этом случае сама изменчивость есть случайная изменчивость. Поэтому корректно утверждение, что цены акций изменяются случайным образом, т.е. никто не знает (или нет закона), какой будет по своей денежной величине цена акции в следующий или какой-то иной будущий момент времени.

Результат изменения какого-либо объекта может быть заранее известен или неизвестен. Известность будущего события обычно имеет место, если имеется (известен человеку) закон изменения объекта или если это событие есть результат целе-

направленной деятельности человека. Первое характерно для многих явлений природы. Например, закон тяготения управляет движением Земли вокруг Солнца, и потому ее будущее местоположение может быть определено заранее. Второе характерно, когда человек, применяя законы природы, создает из имеющегося вещества природы нужные ему вещи. Созданная вещь сначала существовала только в качестве мысленной абстракции, или цели, но затем она воплотилась в материальное благо. Каждый произведенный товар – это изменение вещества природы, результат которого был известен еще до того, как совершился процесс его производства.

Изменчивость цены – это непостоянство ее значений во времени. Как и цена любого товара, рыночная цена акции изменчива, но эти ее изменения заранее обычно неизвестны. Количественные размеры цены акции в разные моменты времени различаются, хотя иногда могут и совпадать. Изменчивость цены акции есть причина существования приростной доходности, или положительной разницы в ценах, но она же есть и основа возможной убыточности от купли-продажи акции, что совершенно нежелательно участнику рынка. Поэтому очевидно субъективное желание последнего как-то избежать негативного результата в будущем, что заставляет более глубоко исследовать само явление изменения цены акции.

Существуют два типа изменения цены акции: изменение как движение цены вверх или вниз и изменение цены как отличие предыдущего ее значения от следующего.

Первый тип изменения – это случайность в единстве с закономерностью. При этом случайность каждого из этих двух видов изменений имеет либо вероятность, равную 0,5, или одно из изменений имеет

большую вероятность, что означает наличие тенденции изменения цены вверх или вниз. В случае цены акции существует тенденция к росту цены, а потому вероятность роста цены акции выше, чем вероятность ее снижения.

Второй тип изменения — это случайность без вероятности или, когда случайность любого возможного изменения имеет ограниченную вероятность, существенно меньшую, чем 0,5. Случайность без вероятности аналогична бесконечно малой вероятности того, что шар коснется поверхности в данной его точке, т.е. в пределе такая вероятность равна нулю.

Однако на организованном рынке цена акции меняется только кратно определенному шагу, размер которого устанавливается биржей. Поэтому каждое следующее возможное значение цены для единичной сделки известно, т.к. составляет собой текущую цену плюс или минус шаг изменения цены. Но с учетом количественного несовпадения лотов на покупку и на продажу или при большом количестве сделок в единицу времени сам средний шаг, т.е. среднее изменение цены от сделки к сделке, превращается в случайную величину. В этом смысле случайность изменения цены акции есть результат случайно складывающегося множества проделанных «шагов».

Таким образом, с любой стороны рассмотрения изменения цены акции это изменение есть всегда единство случайности и закономерности. Выражаясь философски, следует сказать, что закономерно само изменение цены акции, а вот ее неизменность есть не что иное, как случайность отсутствия самого процесса ее изменения. С одной стороны, случайное событие — это всегда событие, уровень сложности понимания которого превышает уровень имеющихся научных знаний о нем. Случайно

по отношению к человеку все то, что он не может объяснить. Поэтому углубление познания цены акции есть путь сокращения «сферы случайности», присущей этой цене. С другой стороны, случайность не существует в отрыве от закономерности. Цена акции случайна, но уже самая ее изменчивость — закономерна. Закономерно и самое общее направление изменения цены акции как внешней (рыночной, оборотной) формы существования капитала, непосредственно создающего прибыль. Поэтому логично предположить, что в случайных колебаниях цены акции есть «островки» закономерностей, а в любого рода закономерности, относящиеся к цене акции, «закономерно» встроены и определенные «отрезки» случайности.

Знание о существовании пропорциональности между случайной и закономерной составляющими цены акции может быть полезно для трейдеров (спекулянтов и инвесторов), осуществляющих свои торговые операции (стратегии) на разных временных горизонтах.

Гипотеза исследования состояла в следующем: по мере увеличения размеров временного интервала доля случайного фактора в цене акции уменьшается, а доля закономерного фактора возрастает.

Для целей данного исследования под *случайным изменением* цены акции понимается ее изменение, которое выходит за уровень, принимаемый за норматив ее закономерного изменения. В качестве *норматива закономерного изменения* использовалось изменение цены акции за данный временной интервал, рассчитываемое на основе изменения цены акции за год в целом.

Выбранными временными интервалами являлись: день, неделя, месяц, квартал, полугодие и один год.

Таблица 1. Расчёт норматива закономерного изменения цены по видам акций применительно к каждому временному интервалу

Вид акции	Изменение цены акции за 2013 год (цена закрытия 31.12.13 – цена открытия 02.01.13 (по модулю))	Изменение цены акции за день $(гр.3) = (гр.2) / 360$ дней	Изменение цены акции за неделю $(гр.4) = (гр.2) / 52$ недели	Изменение цены акции за месяц $(гр.5) = (гр.2) / 12$ месяцев	Изменение цены акции за квартал $(гр.6) = (гр.2) / 4$ квартала	Изменение цены акции за полугодие $(гр.7) = (гр.2) / 2$ полугодия
1	2	3	4	5	6	7
1. General Electric Co.	6,52	0,018111	0,125385	0,5433333	1,63	3,26
2. Walt Disney	25,6	0,071111	0,492308	2,1333333	6,4	12,8
3. Pepsi Co Inc.	13,76	0,038222	0,264615	1,1466667	3,44	6,88
4. Procter & Gamble Co.	12,76	0,035444	0,245385	1,0633333	3,19	6,38
5. Exxon Mobil Corp.	13,41	0,03725	0,257885	1,1175	3,3525	6,705
6. IBM	6,52	0,018111	0,125385	0,5433333	1,63	3,26
7. McDonalds Corp.	7,63	0,021194	0,146731	0,6358333	1,9075	3,815
8. Johnson & Johnson	20,57	0,057139	0,395577	1,7141667	5,1425	10,285
9. JPMorgan Chase & Co.	13,5	0,0375	0,259615	1,125	3,375	6,75
10. Deutsche Bank AG	2,6	0,007222	0,05	0,2166667	0,65	1,3

Случайным образом были отобраны 10 акций крупнейших всемирно известных компаний из различных секторов экономики, торговавших на Нью-Йоркской фондовой бирже: General Electric Co. (1), Walt Disney (2), PepsiCo Inc. (3), Procter & Gamble Co. (4), Exxon Mobil Corp. (5), IBM (6), McDonalds Corp. (7), Johnson & Johnson (8), JPMorgan Chase & Co. (9), Deutsche Bank AG (10).

Изменения цены анализировались за более-менее бескризисный 2013 год. По каждой акции из имеющейся отчетности (база данных Macrobond) были рассчитаны фактические отклонения ее цены от «норматива» для каждого выбранного временного интервала. Расчет значений этого норматива для каждого вида акций приведен в *табл. 1*.

Итоги расчетов сгруппированы в несколько таблиц, по которым можно достаточно наглядно увидеть весь ход рассуждений, позволяющий на основе последовательности расчетных шагов сделать некоторые качественные выводы относи-

тельно выявления в колебательных изменениях цены акции не только случайного, но и закономерного фактора. Это позволяет заключить, что, все-таки, в хаотичной динамике цены акции имеются и «поля» закономерности.

Краткое описание метода анализа

Для получения исходной информации было сделано: 30 случайных выборок для дневного интервала, 4 случайные выборки для недельного интервала, взяты все 12 месяцев, все четыре квартальных интервала и оба полугодия (шестимесячные интервалы).

Значения цен каждой акции сравнивались с «нормативом» и отклонения суммировались по их модулю.

Результаты уровней случайного изменения цен для каждого временного интервала определялись по всем выбранным 10 акциям и затем усреднялись по каждому временному интервалу.

Полученные результаты сравнивались по периодам времени, при этом уровень случайности за день был принят за 100%.

«Перекрестные» результаты проведенных расчетов приведены в табл. 2.

Как видно из таблицы, доля случайного фактора в цене акции снижается по мере увеличения временного интервала, но в разной мере. По сравнению с предыдущим интервалом случайный фактор всегда снижается на меньшую величину, чем его значение, когда различие составляет несколько временных интервалов от дневного интервала.

На основе данных табл. 2 (графа 2), т.е. по имеющимся точкам, был построен график изменения доли случайного фактора в цене акции в зависимости от длины временного интервала (рис. 1). На рис. 1 и по-

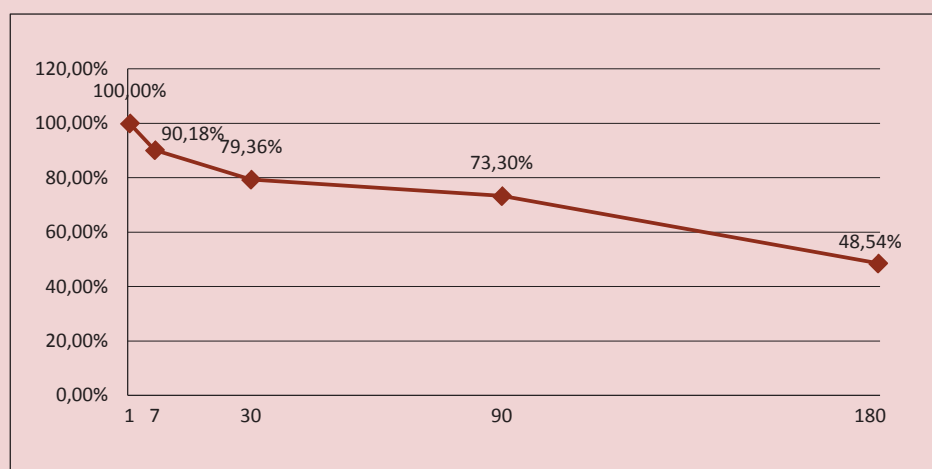
следующих рисунках по оси ординат отражается доля случайного фактора в цене акции в процентах, а по оси абсцисс откладываются временные интервалы в днях.

На основе таблицы 2 и наглядного изображения ее результатов на рис. 1 можно сделать следующие предварительные выводы. Доля случайного фактора в изменении цены акции за недельный период составляет примерно 90%; доля случайного фактора в изменении цены акции за период в один месяц – примерно 79%; доля случайного фактора в изменении цены акции за квартал – примерно 73%; доля случайного фактора в изменении цены акции за полугодие составляет примерно 49%.

Таблица 2. Доля случайного фактора в цене акции и ее изменение по временным интервалам

Временной интервал	Усреднённая доля случайного фактора в изменении цены акций	Уменьшение случайного фактора по отношению к дневному интервалу	Уменьшение случайного фактора по отношению к недельному интервалу	Уменьшение случайного фактора по отношению к месячному интервалу	Уменьшение случайного фактора по отношению к квартальному интервалу
1	2	3	4	5	6
Дневной	100,00%	–	–	–	–
Недельный	90,18%	9,82%	–	–	–
Месячный	79,36%	20,64%	10,82%	–	–
Квартальный	73,30%	26,70%	16,88%	6,06%	–
Полугодовой	48,54%	51,46%	41,64%	30,82%	24,76%

Рис. 1. Изменение доли случайного фактора в цене акции

Таким образом, необходимо отметить, что наиболее существенное снижение доли случайного фактора в цене акции наблюдается не ранее полугодия. На наш взгляд, это связано с тем, что примерно за полугодие у компании уже имеется более достоверная (более надежная) и более полная (более «богатая») по сравнению с месяцем и кварталом отчетность о результатах ее деятельности. Обычно за это время уже явно вырисовывается увеличение (или уменьшение) функционирующего капитала компании. А ведь именно величина капитала компании и есть основа «закономерного» роста цены ее акции. В то же время, если речь идет о коротких промежутках времени, то применительно к ним изменение цены акции в наибольшей степени случайно. Это можно объяснить тем, что участники рынка за столь короткие сроки не могут «единодушно» оценить деятельность компании уже в силу того, что, с одной стороны, нет достаточной отчетности о работе компании, но главное – никто на рынке, даже сама компания, еще часто вообще не представляет, как она «сработала» за столь короткие промежутки времени.

Следующим этапом анализа является расчет линии тренда путем построения разных по своей форме уравнений регрессии:

- рис. 2* – линейная регрессия,
- рис. 3* – логарифмическая зависимость,
- рис. 4* – экспоненциальная зависимость,
- рис. 5* – степенная зависимость.

Таким образом, согласно любой из примененных моделей регрессии, показывающих общий тренд, имеем:

1. По мере увеличения размеров временного интервала доля случайного фактора в изменении цены акции уменьшается, а доля закономерного фактора возрастает.
2. В пределах от месяца до трех месяцев (квартала) доля случайного фактора снижается существенно медленнее, чем это характерно для расширения временного интервала от квартала до полугодового интервала.
3. В пределах от месяца до квартала доля случайного фактора снижается всего на шесть процентных пунктов против примерно двадцати пунктов снижения за период от одного дня до одного месяца. Такое резкое замедление снижения доли случайного фактора можно объяснить тем, что

Рис. 2. Тренд доли случайного фактора согласно линейной модели

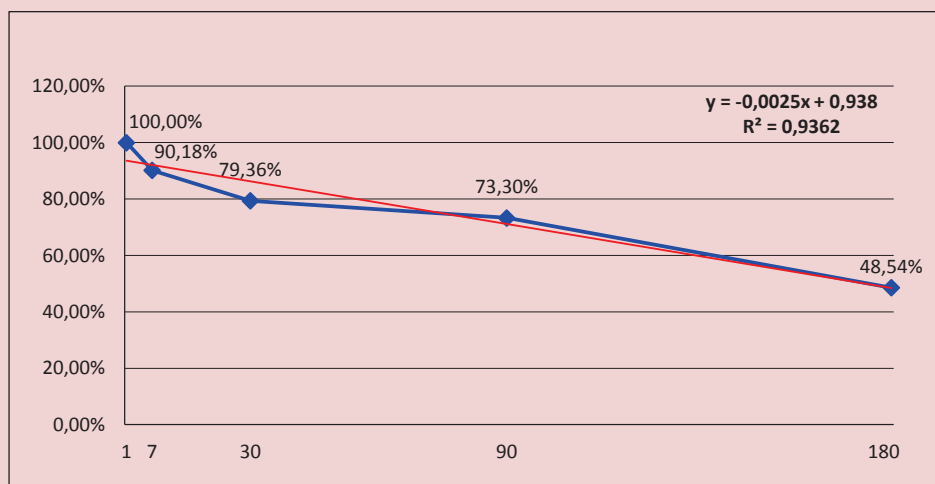

Рис. 3. Тренд доли случайного фактора согласно логарифмической модели

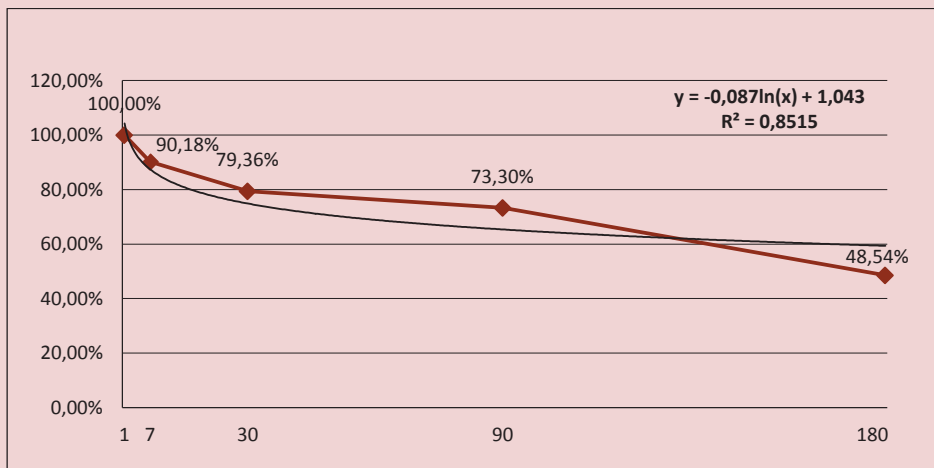

Рис. 4. Тренд доли случайного фактора согласно экспоненциальной модели

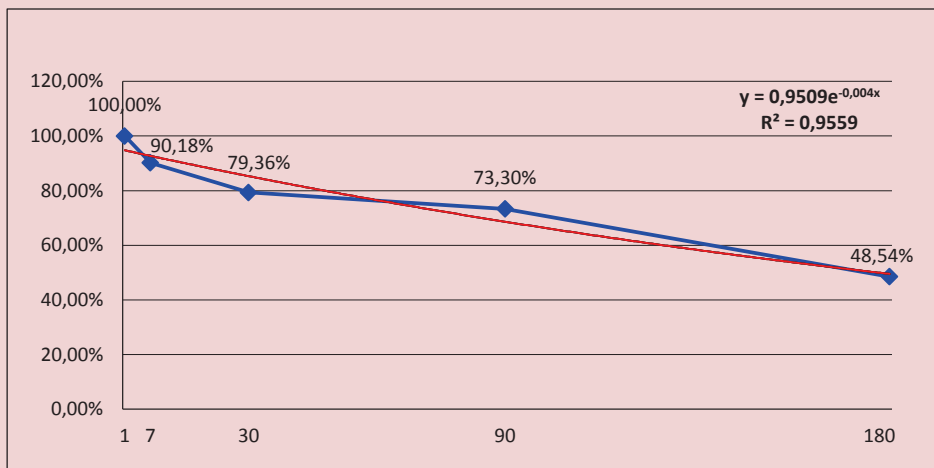
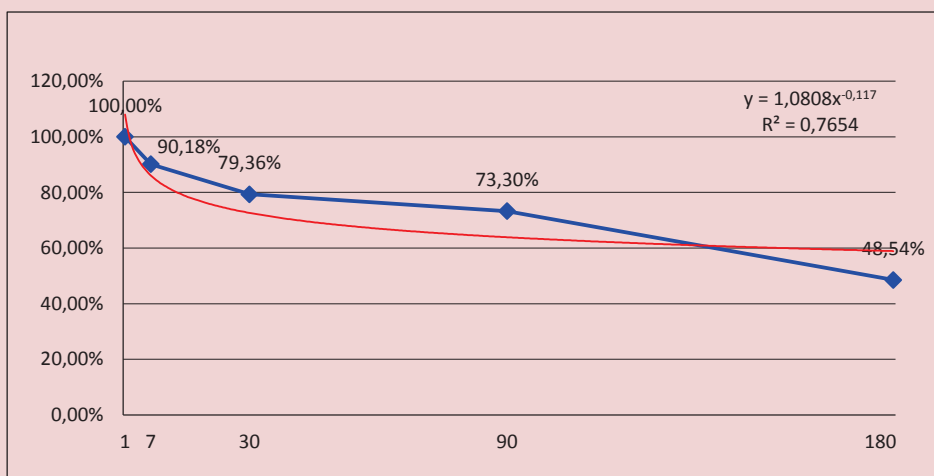

Рис. 5. Тренд доли случайного фактора согласно степенной модели

в период до месяца изменение цены уже «выбрало» весь «запас случайности», т.е. уже «испробованы» главные возможности колебаний («размаха») цены акции в условиях отсутствия результатов работы капитала за данный период времени. Дальнейшее увеличение временного интервала до квартала ничего не прибавляет к заложенной в цене акции «случайности», но еще не может и существенно уменьшить этот потенциал в силу того, что существенного прироста информации на рынке об экономической эффективности капитала акционерного общества еще нет.

Если проанализировать вышеприведенные модели с позиций их статистического «качества», то наилучшим образом фактическую динамику доли случайного фактора описывает экспоненциальная функция, т.к. у нее наиболее высокий показатель R^2 (табл. 3).

Однако если попробовать продолжить по данным моделям расчеты доли случайного фактора за пределы года, то, как следует из табл. 4, начиная с некоторого временного интервала (в среднем уже через 1,5–2 года в зависимости от компании) изменение доли случайного фактора по раз-

Таблица 3. Сравнительные размеры показателя R^2

Линейная функция	Логарифмическая функция	Экспоненциальная функция	Степенная функция
$y = -0,0025x + 0,938$	$y = -0,087\ln(x) + 1,043$	$y = 0,9509e^{-0,004x}$	$y = 1,0808x^{-0,117}$
$R^2 = 0,9362$	$R^2 = 0,8515$	$R^2 = 0,9559$	$R^2 = 0,7654$

Таблица 4. Прогноз доли случайного фактора в изменении цены акции за пределы года

Годы	Дни	Степенная функция	Линейная функция	Экспоненциальная функция	Логарифмическая функция
	x	y	y	y	y
	1	1,08	0,94	0,95	1,04
	7	0,86	0,92	0,92	0,87
	30	0,73	0,86	0,84	0,75
	90	0,64	0,71	0,66	0,65
0,5	180	0,59	0,49	0,46	0,59
1	360	0,54	0,04	0,23	0,53
1,5	540	0,52	-0,41	0,11	0,50
2	720	0,50	-0,86	0,05	0,47
2,5	900	0,49	-1,31	0,03	0,45
3	1080	0,48	-1,76	0,01	0,44
3,5	1260	0,47	-2,21	0,01	0,42
4	1440	0,46	-2,66	0,00	0,41
4,5	1620	0,46	-3,11	0,00	0,40
5	1800	0,45	-3,56	0,00	0,39
5,5	1980	0,44	-4,01	0,00	0,38
6	2160	0,44	-4,46	0,00	0,38
6,5	2340	0,44	-4,91	0,00	0,37
7	2520	0,43	-5,36	0,00	0,36
7,5	2700	0,43	-5,81	0,00	0,36
8	2880	0,43	-6,26	0,00	0,35
8,5	3060	0,42	-6,71	0,00	0,34
9	3240	0,42	-7,16	0,00	0,34
9,5	3420	0,42	-7,61	0,00	0,34
10	3600	0,41	-8,06	0,00	0,33

ным моделям не всегда принимает рациональные значения.

Данные таблицы показывают, что только по степенной функции и по логарифмической функции дальнейшее снижение доли случайного фактора резко замедляется, что можно трактовать как наиболее подходящие формы корреляционной зависимости, несмотря на то что у них, как это ни парадоксально с точки зрения теории математической статистики, наименьший R^2 .

Поэтому, на наш взгляд, наиболее подходящим является использование степенной или логарифмической зависимостей, выбор между которыми можно сделать, лишь решая какую-то конкретную задачу, а не проблему в целом.

Конкретные показатели того или иного уравнения полностью зависят от множества характеристик статистической выборки, которая необходима трейдеру: исходной базы информации, количества рассмотренных компаний, временных интервалов.

Однако независимо от того, в пользу какой зависимости делается выбор участником рынка, уже приведенный прогнозный пример показывает, что доля случайного фактора уменьшается вовсе не пропорционально росту временного интервала, а скорее по гиперболе, что позволяет говорить о том, что у тенденции к снижению случайного фактора обязательно имеется свой количественный предел.

Теоретически наличие (существование) такого предела вытекает из того, что никому и никогда не удастся избавиться от случайности изменения цены акции, как бы мы ни увеличивали временной интервал. Закономерность существует только в единстве со случайностью. «Обнуление» случайного фактора означало бы, что нечто стало только закономерным, что просто невозможно.

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать два главных вывода:

1. В цене акции всегда сосуществуют случайность и закономерность изменения. Невозможно избавиться от случайного характера изменения цены акции, но и не следует пренебрегать существованием закономерности этих изменений. Торговец на фондовом рынке, который основывается только на понимании случайного характера изменения цены акции, может упустить существенную выгоду от ситуации на рынке, для которой характерен процесс следования цены акции за существенным ростом капитала соответствующей компании. И наоборот, «слепое» следование возникшему на рынке, например, повышательному тренду, трактуемому трейдером как некая ценовая закономерность, может обернуться для него крупными потерями, поскольку сам этот тренд может быть результатом случайного одностороннего неравновесия спроса и предложения по данной акции, а вовсе не результатом роста капитала компании.

2. С увеличением временного интервала доля случайного фактора в изменении цены акции имеет тенденцию к снижению, но только до определенного предела. Обычно считают, что инвестирование, т.е. покупка акции на длительные сроки, есть некая гарантия того, что ее цена обязательно существенно вырастет. На самом деле из единства закономерного и случайного в цене акции следует, что даже с течением времени от случайного момента в ее ценообразовании невозможно избавиться. Случайным обязательно будет, по крайней мере, тот момент, насколько вырастет цена данной акции. Ведь капитал компании возрастает благодаря не только усилиям, предпринимаемым самой компанией, но и наличию благоприятных условий для этого со сто-

роны рынка соответствующего товара или услуги. Случайность, скрытая в самом товаре, заключается уже в том, что он «не вечен» и заменяем все новыми товарами. Отсюда, если цена акции будет расти в течение, например, срока инвестирования на пять лет, то это вовсе не гарантирует, что она будет расти и в случае инвестирования на срок десять лет. Закономерность изменения цены акции есть результат столкновения случайных многочисленных рыночных факторов, и даже небольшое измене-

ние в их наборе и размерах снова приводит к хаотичности рыночной цены акции.

Именно поэтому профессиональные инвесторы на фондовом рынке обычно «инстинктивно» понимают, что нельзя инвестировать на длительные сроки. Само инвестирование имеет некие разумные сроки, за пределами которых это инвестирование превращается в свою противоположность — в спекулятивную игру на случайных изменениях цены акции с непредсказуемым результатом.

Литература

1. Алехин, Б. Случайное блуждание цен на бирже / Б. Алехин // Рынок ценных бумаг. — 2004. — № 12 (14). — С. 12-14.
2. Берзон, Н.И. Зависимость риска и доходности активов от временного горизонта инвестирования / Н.И. Берзон // Университетское управление: практика и анализ. — 2008. — № 3.
3. Галанов, В.А. Сущность акции / В.А. Галанов // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. — М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. — № 8.
4. Галанов, В.А. Акция как противоречие / В.А. Галанов, А.В. Галанова // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. — 2014. — № 7-8. — М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014.
5. Келасев, В. Движение цен: случайность или закономерность / В. Келасев // Валютный спекулянт. — 2002. — Окт.
6. Маркс, К. Капитал / К. Маркс — Т. 3. — Ч. 2. — М., Политиздат, 1957.
7. Гильфердинг, Р. Финансовый капитал / Р. Гильфердинг. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1957.
8. Bachelier, Louis. Théorie de la speculation. Paris, Gauthier-Villars, 1900.
9. Cootner, Paul H. "Stock Prices: Random vs. Systematic changes," *Industrial Management Review*, III (Spring 1962), 24-45.
10. Cootner, Paul H., "The Random Character of Stock Market Prices." Cambridge: The M.I.T. Press, 1964.
11. Fama, Eugene F., "Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work," *The Journal of Finance*. 1970. Vol. 25, № 2, pp. 383-417.
12. Fama, Eugene F., "Random Walk in Stock Market Prices," *Financial Analysts Journal* 21 (5). September — October 1965, pp. 55-59.
13. Fama, Eugene F., "The Behavior of Stock-Market Prices," *The Journal of Business*, Vol. 38, № 1. (Jan., 1965), 34-105.
14. Houthakker, H., "Systematic and Random Elements in Short-Term Price Movements," *American Economic Review* 51 (1961), pp. 164-172.
15. Granger, Clive W. J., and Morgenstern Oskar, "The Random Walk Hypothesis of Stock Market Behavior," *Kyklos*, XVII (January, 1964), 1-30.
16. Kendall, Maurice G., "The Analysis of Economic Time-Series — Part I: Prices," *Journal of the Royal Statistical Society* 96, Part I (1953), 11-25.
17. Lo, Andrew W. and MacKinlay A. Craig, "A Non-Random Walk Down Wall Street," Princeton University Press, 2011.
18. Lo, Andrew W. and MacKinlay A. Craig, "Stock Market Prices Do Not Follow Random Walks: Evidence From A Simple Specification Test," *The Review of Financial Studies* (1988) 1 (1): 41-66.
19. Malkiel, Burton G., "A Random Walk Down Wall Street: The Time-Tested Strategy for Successful Investing." 11th edition. W.W. Norton & Company, Inc., 2015.
20. Regnault, Jules. *Calcul des Chances et Philosophie de la Bourse*, Mallet-Bachelier, Paris 1863.

21. Samuelson, Paul A., "Proof That Properly Anticipated Prices Fluctuate Randomly," *Industrial Management Review*, 6:2 (1965 : Spring) pp. 41-49.
22. База данных Macrobond www.macrobond.com

Сведения об авторах

Владимир Александрович Галанов – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры управления рисками, страхования и ценных бумаг, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: vagalanov@mail.ru)

Александра Владимировна Галанова – доцент, кандидат экономических наук, доцент департамента финансов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: alga@mail.ru)

Сергей Рафаилович Шibaев – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления рисками, страхования и ценных бумаг, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: fdol@mail.ru)

Galanov V.A., Galanova A.V., Shibaev S.R.

Random and Regular Stock Price Change Depending on a Time Span

Abstract. The purpose for the research is to identify the correlation between random (accidental) stock price changes and its well-known tendency to grow depending on a time span. In contrast to the works of other scholars on the issue of the random nature of stock prices the presentation of the issue is new in the current research. The research method consisted of identifying the criterion stock price change separation into random and regular components and further comparing the proportions between random and regular stock price change on the example of 10 stocks of the largest world-known companies from representing different economic sectors traded on New York stock exchange for several time spans: one day, week, month, quarter, half-year and one year. The main research results suggest that with the increase in time span the share of the regular origin of the stock price increases, but only up to a certain significant limit. The increase in the time period of analyzing the stock price changes (fluctuations) does not prove that the random character of stock price change has an unlimited downward trend. The scope of the research results has scientific and practical nature. On the one hand, these findings are useful in teaching students and market participants on the issue of securities market. On the other hand, in practical terms, this issue is interesting as understanding the patterns of changes in proportions between random and non-random (regular) nature of share price in the market can be used by market participants when setting their trading strategies for different time spans. The prospects of further research in this sphere cover the division of factors changing the stock price into regular and random, quantification of their influence on stock price dynamics, as well as issues of correlation between the investment time span and the risk of random stock price change beyond the estimated limits of its regular change.

Key words: stock price, upward trend, random change, regular change, time span, price limit, proportion, stock exchange.

References

1. Alekhin B. Sluchainoe bluzhdanie tsen na birzhe [Random price walk at the stock exchange]. *Rynok tsennykh bumag* [Stock exchange], 2004, no. 12 (14), pp. 12-14. (In Russian).

2. Berzon N.I. Zavisimost' riska i dokhodnosti aktivov ot vremennogo gorizonta investirovaniya [Dependence of risk and profitability of financial instruments on time horizon of investment]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis], 2008, no. 3. (In Russian).
3. Galanov V.A. Sushchnost' aktsii [Stock essence]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova* [Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics], Moscow: REU im. G.V. Plekhanova, 2014, no.8. (In Russian).
4. Galanov V.A., Galanova A.V. Aktsiya kak protivorechie [A stock as a contradiction]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo torгово-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of the Russian State University of Trade and Economy], 2014, no. 7–8. Moscow: REU im. G.V. Plekhanova, 2014. (In Russian).
5. Kelasev V. Dvizhenie tsen: sluchainost' ili zakonomernost' [Price change: random or regular]. *Valyutnyi spekulyant* [Currency speculator], 2002, October. (In Russian).
6. Marx K. *Kapital* [Capital: critique of political economy]. Vol. 3, ch. 2. Moscow: Politizdat, 1957. (In Russian).
7. Hilferding R. *Finansovyi kapital* [Finance capital]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1957. (In Russian).
8. Bachelier Louis *Théorie de la speculation*. Paris, Gauthier-Villars, 1900.
9. Cootner Paul H. Stock Prices: Random vs. Systematic changes. *Industrial Management Review*, no. 3 (Spring 1962), pp. 24-45.
10. Cootner Paul H. *The Random Character of Stock Market Prices*. Cambridge: The M.I.T. Press, 1964.
11. Fama Eugene F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *The Journal of Finance*, 1970, vol. 25, no. 2, pp. 383-417.
12. Fama Eugene F. Random Walk in Stock Market Prices. *Financial Analysts Journal*, 1965, no. 21 (5), September–October, pp. 55-59.
13. Fama Eugene F. The Behavior of Stock-Market Prices. *The Journal of Business*, 1965, vol. 38, no. 1, January, pp. 34-105.
14. Houthakker H. Systematic and Random Elements in Short-Term Price Movements. *American Economic Review*, 1961, no. 51, pp. 164-172.
15. Granger Clive W. J., Morgenstern O. The Random Walk Hypothesis of Stock Market Behavior. *Kyklos*, 1964, no. 16, January, pp. 1-30.
16. Kendall Maurice G. The Analysis of Economic Time-Series – Part I: Prices. *Journal of the Royal Statistical Society*, 1953, no. 96, part 1, pp. 11-25.
17. Lo Andrew W., MacKinlay A. Craig. *A Non-Random Walk Down Wall Street*. Princeton University Press, 2011.
18. Lo Andrew W., MacKinlay A. Craig. Stock Market Prices Do Not Follow Random Walks: Evidence From A Simple Specification Test. *The Review of Financial Studies*, 1988, no. 1 (1), pp. 41-66.
19. Malkiel B.G. *A Random Walk Down Wall Street: The Time-Tested Strategy for Successful Investing*. 11th edition. W.W. Norton & Company, Inc., 2015.
20. Regnault J. *Calcul des Chances et Philosophie de la Bourse*. Mallet-Bachelier, Paris 1863.
21. Samuelson P. A. Proof That Properly Anticipated Prices Fluctuate Randomly. *Industrial Management Review*, 1965, no. 6:2, pp. 41-49.
22. *Database Macrobond*. Available at: www.macrobond.com

Information about the Authors

Vladimir Aleksandrovich Galanov – Doctor of Economics, Professor, Department for Risk Management, Insurance and Securities, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanniy Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: vagalanov@mail.ru)

Aleksandra Vladimirovna Galanova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department for Finance, National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: alga@mail.ru)

Sergei Rafailovich Shibaev – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department for Risk Management, Insurance and Securities, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanniy Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: fdol@mail.ru)

Статья поступила 17.11.2016.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.14

УДК 334.012(469); ББК 65.29(4Пор)

© Суэльда де Альбукерке Ферейра, Мануэла Рау де Альмьеда Каллу, Жевсон Сильва Андраде, Фернанда де Мейо Диаз Гимарайш

Миграция во время кризиса: может ли предпринимательство быть решением?

На примере бразильских предпринимателей в Лиссабоне (Португалия)

Суэльда де Альбукерке Ферейра

Лиссабонский университет, Центр географических исследований (CEG-UL), Центр по изучению миграции, территорий и сообществ (MIGRARE)
E-mail: sueldaalbuquerque@hotmail.com

Жевсон Сильва Андраде

Берлинский технический университет, Федеральный университет Пернамбуку
E-mail: gevsonga@gmail.com

Мануэла Рау де Альмьеда Каллу

Федеральный университет Алагоаса (Бразилия), Автономный университет Барселоны, Католический университет Пернамбуку
E-mail: manu.callou30@gmail.com

Фернанда де Мейо Диаз Гимарайш

Автономный университет Барселоны, Католический университет Кампинаса, Латиноамериканская ассоциация исследователей коммуникации
E-mail: fermdgui@gmail.com

Для цитирования: Миграция во время кризиса: может ли предпринимательство быть решением? На примере бразильских предпринимателей в Лиссабоне (Португалия) / Суэльда де Альбукерке Ферейра и др. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 242-258. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.14

For citation: Suelda de Albuquerque Ferreira, Manuela Rau de Almeida Callou, Gevson Silva Andrade, Fernanda de Mello Dias Guimaraes. Migration in Times of Crisis: Can Entrepreneurship be a Solution? The Case of Brazilian Entrepreneurs in Lisbon (Portugal). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 242-258. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.14

Аннотация. Сегодня мировое сообщество переходит на новый этап планирования миграционных потоков. В эпоху глобализации экономики, реорганизации рынка труда, социальных, культурных, политических и экономических изменений можно выделить следующие причины миграции: наличие «факторов притяжения» в принимающей стране, сети, объединяющей принимающие страны и страны-доноры, что минимизирует проблемы и риски, сопряженные с миграцией, а также, разумеется, экономические аспекты, выраженные в возможности обеспечить себе более благоприятные условия жизни за счет повышения заработка в принимающей стране. Совершенно очевидно, что, будучи необходимым для преобразования преобладающего в обществе способа производства, кризис, с которым на сегодняшний день столкнулось мировое сообщество, ставит перед мировой экономикой сложнейшие задачи. В этой части исследования нами проанализирована важность предпринимательской деятельности женщин-мигрантов, которая, столкнувшись с экономикой, требующей динамичного развития, могла бы обосновать экономический и социальный потенциал, который пользуется преимуществом малоизученных рыночных сегментов. Это происходит за счет того, что миграционный процесс предоставляет мигрантам новые условия, способствующие развитию человеческого капитала. Иными словами, материальная/интеллектуальная аккумуляция индивидов, объединенная с их способностью к «самопереосмыслению», приводит к появлению новых экономических механизмов.

Ключевые слова: миграция; бразильские женщины-предприниматели, иммигрировавшие в Португалию; кризис и устойчивость.

1. Введение

Невозможно осмыслить процесс становления общества и его культурной идентификации, не принимая во внимание миграцию населения. Другими словами, влияние внутренней и внешней миграции рассматривается в качестве важнейшей характеристики конкретной нации.

Миграция – явление, приобретающее всё большее значение как на международном, так и национальном уровнях. По данным исследования Организации Объединенных Наций, в конце тысячелетия число мигрантов превысило 200 миллионов человек, что свидетельствует о важности исследования этого явления.

В 80-х годах XIX века Бразилия перестала быть историческим преемником иммигрантов и окончательно трансформировалась в страну эмигрантов, что привело к явному сдвигу в сторону миграционных потоков – международной миграции. Это событие также имело место во многих других странах Латинской Америки (Carvalho, 1996).

В этом смысле можно утверждать, что механизмы международной миграции изменяются по разным причинам: люди ищут более благоприятные условия жизни; экономический кризис в период войны; рост бедности; стихийные бедствия. Еще одной причиной миграции является трудоустройство или учеба за границей. Однако основной причиной международной миграции по-прежнему остается экономический фактор.

Многие ученые настаивают на том, что инновации в предпринимательстве являются способом повышения дохода, поскольку предпринимательская деятельность создает новые рабочие места и рынки сбыта, а также может играть немаловажную роль в экономике принимающей страны, особенно в ситуациях, когда задействован большой объем капитала или значительное число иммигрантов инвестирует в открытие собственного бизнеса и исследование новых экономических возможностей. Иммигранты, приезжающие в страну с

новыми идеями, проектами и технологиями, при наличии благоприятных условий способствуют активизации и стимулированию определенных отраслей деятельности в определенных территориальных зонах (GEM, 2004).

Таким образом, возможность для мигрантов открыть собственный бизнес может стать хорошей альтернативой борьбы с кризисом. Человеческий капитал, опыт работы в странах-донорах и социальный капитал при объединении вносят значительный вклад как важные факторы.

Итак, рассмотрение миграции с социологической точки зрения и ее взаимосвязи с предпринимательством является одним из главных вопросов этой статьи. С учетом особенностей изучаемого явления, теоретических дискуссий в научной литературе и концепций, разработанных исследователями в этой области, можно сказать, что настоящее исследование является библиографическим. Тем не менее оно оригинально и важно, поскольку освещает важные вопросы, служа предметом дискуссий о взаимосвязи миграции и предпринимательской деятельности женщин, и деятельность бразильских предпринимателей в Лиссабоне (Португалия).

Несмотря на кризис, с которым в настоящее время борется Бразилия и другие страны, в этих странах по-прежнему имеют место миграционные процессы. Взаимодействуя с экономикой, требующей динамичного развития, предпринимательская деятельность иммигрантов — инвестиция, представляющая собой явные преимущества. Учитывая отсутствие инвестиционной и предпринимательской инициативы, в особенности в регионах, испытывающих наибольшую потребность в рынке сбыта принимающей страны, предпринимательская деятельность иммигран-

тов может представлять собой экономический и социальный потенциал, заполняя ниши на рынках сбыта.

2. Миграция: концепции и перспективы

Согласно Evangelista и Carvalho (2001), Sandroni (1999) и Todaro (1979), миграция — избирательный процесс, затрагивающий лиц, имеющих определенные экономические, социальные, образовательные и демографические характеристики. Относительное влияние экономических и неэкономических факторов может различаться не только между странами и регионами, но и между различными группами населения и определенными географическими районами, переходя из одной области (района миграции) в другую область (район миграции). За счет изменения численности и состава населения (распределение по полу, возрасту и составу рабочей силы) миграция — одна из основ популяционной динамики, наряду с такими показателями, как рождаемость и смертность. Выявлено различие между международной миграцией (между странами) и внутренней миграцией (между регионами) [Evangelista и Carvalho, 2001, с. 1–2].

Тем не менее, согласно вышеуказанным авторам, к теме дискуссий можно отнести и различные типологии миграции населения, которые будут варьироваться в зависимости от размера принимающего района и района-донора.

Начнем с макропространства глобального масштаба, которое рассматривает миграцию между различными странами. В качестве основы в данном исследовании приняты решения Организации Объединенных Наций, представленные Friedrich и Schultz (2008), где авторы размышляют о временном характере международных миграционных потоков, разделяя их на короткие и длинные периоды. Рекомендации

ООН определяют «долгосрочного мигранта» как лицо, которое переезжает в другую страну для проживания в ней на срок не менее одного года (12 месяцев), так что принимающая страна, по сути, становится его/ее новой страной проживания. С точки зрения страны-донора человек будет считаться долгосрочным эмигрантом, а с точки зрения принимающей страны — долгосрочным иммигрантом, в то время как «краткосрочные мигранты» — это лица, переезжающие в другую страну на срок от 3 до 12 месяцев, за исключением случаев, когда причиной поездки в страну является отдых, отпуск, посещения друзей и родственников, бизнес, медицинское лечение или религиозное паломничество. В целях ведения международной миграционной статистики страны постоянного проживания краткосрочных мигрантов рассматриваются как страны назначения в течение периода, который мигранты проводят в ней (ООН, 1998 с. 18 и Fassmann, 2008, с. 22–23).

Следовательно, можно сказать, что периоды являются миграционными, если их продолжительность составляет более четырех месяцев; периоды менее трех месяцев рассматриваются как обычное посещение страны с целью туризма, отдыха или бизнеса, а это еще один элемент, который может использоваться для подтверждения состояния туризма. Что касается коротких периодов пребывания в стране, то соглашения между различными странами подтверждают, что в течение этого периода граждане этих стран могут свободно перемещаться по территории без визы. Таким примером может быть соглашение между Бразилией и странами Евросоюза.

В этом смысле необходимо наличие взаимодействия между элементами, регулирующими эти причины и мотивы, которые в основном связаны с капиталистическим

воспроизводством компаний, включенных в эту систему. В поисках такой взаимосвязи Ravenstein в XIX веке представил свои так называемые «законы миграции», которые, по словам Pacheco и Patarra (1997, с. 29), стали отправной точкой для анализа миграции населения, сопряженного с поиском взаимосвязей между экономической деятельностью и пространственным положением отдельных социальных групп. Отмечается также, что миграция происходит на территориях вблизи промышленных и/или коммерческих центров, распространяясь по кругу и вовлекая все сельские и городские районы-доноры (Pacheco и Patarra, 1997, с. 29–30).

Как отметили авторы, миграционный процесс следует понимать как заранее определенный процесс, этапы которого должны протекать в одном и том же порядке.

Очевидно, что миграционные законы были описаны Ravenstein в ходе исторического этапа, когда растущий промышленный капитализм нуждался в объяснении, как стимулировать процесс увеличения численности трудовых ресурсов. Для европейской действительности того времени это представляло собой начало процесса урбанизации.

Соотнеся это с настоящим моментом, можно заключить, что вышеприведенное высказывание актуально. Это не объясняет мотивы смены деревни на город; смена места жительства скорее происходит по причинам появления новых направлений развития. Другими словами, миграционные потоки продолжают внедряться и в капитализм, создавая ситуацию «текучки» с большим количеством свободных кадровых ресурсов.

В частности, в Бразилии официальные данные о внутренних миграционных потоках можно отследить в переписях населе-

ния, однако важно отметить, что существуют некоторые преграды, которые в конечном счете препятствуют пониманию этого процесса, которые мы рассмотрим ниже.

Согласно Lacomba (2008) миграция населения представляется во все периоды истории важным фактором (вос-) производства различных групп. Иными словами, последствия внутренней и международной миграции и обратной миграции представляются актуальными для определения миграционных потоков и их роли в условиях новых возможностей интеграции на рынке труда.

В последние десятилетия миграция играет значительную роль во всем мире, что обуславливает пристальное внимание исследователей к её характеристикам и временному характеру миграционных потоков, процессам, задачам и способам, с помощью которых мигранты выстраивают социальные отношения в принимающей стране и странах-донорах в рамках явления, называемого в современной литературе транснационализмом (Siqueira, 2006; Castles, 2009; Portes, 1999).

Международная миграция представлена различными моментами, такими как уровни эволюции, непропорциональность продолжительности в современном глобализованном мире, известными также как миграционные нагрузки (FNUAP, 1998). Феномен глобализации повлек за собой социальные изменения не только в Северном полушарии, но и в Южном, усилив тем самым трудности в процессе миграции и перемещений по стране.

В 80-х годах Бразилия переживала глубокий экономический кризис, сопряженный с высоким уровнем безработицы, растущей инфляцией, отсутствием безопасности. Этот период стал именоваться «потерянным десятилетием» в противовес

«экономическому чуду 70-х» (Sales, 1995). На фоне кризиса, сопровождавшегося политикой экономического спада, включающей такие меры регулирования, как введение кредитных ограничений, повышение процентных ставок, сокращение государственных расходов, изменения в распределении заработной платы, бразильское общество вдохновилось идеей восстановления демократии и прав граждан.

Процесс глобализации 80-х гг. немало поспособствовал иммиграции в США, представляющие интерес для иммигрантов из Бразилии и стран Латинской Америки (Martes, 1999). В то же время в стране под влиянием внутренних изменений начался процесс экономической реструктуризации, движимый (ре-) демократизацией. С другой стороны, ситуация на международной арене негативно повлияла на возможности экономического роста.

Стоит помнить, что медленный экономический рост, высокая инфляция и отсутствие инвестиций означают, что больше молодых людей начали искать альтернативные пути социального воспроизводства.

В начале 90-х годов в стране наблюдается стабилизация экономики и укрепление демократических процессов. То, что сейчас называется экономической стабилизацией, представляет начальный период «Plano Real» (президенты Итамар Франку и Фернандо Энрики Кардозу), во время которого укрепляется курс валют, снижается инфляция, расширяется доступ к кредитным ресурсам и происходит структурирование нового этапа национального развития.

Период характеризуется увеличением инвестиций в инфраструктуру со стороны государства и политики (пере-) распределения доходов, инициированной еще администрацией президента Лулы да Силва, что привело к увеличению числа людей, работающих с потребителями.

В середине 2006 года экономический кризис усилился, распространившись и в США, первоначально в жилищном секторе, что вызвало безработицу значительной части мигрантов, работавших в сфере строительства. Произошло сокращение рабочих часов и размер почасовой оплаты труда, что соответственно привело к снижению доходов. Кризис также ударил по тем, кого привлекли кредитные возможности и кто решил вложить свои сбережения в покупку недвижимости в этой стране, а потом не смог выполнить свои обязательства в связи с увеличением объемов ежемесячных платежей. Для многих из этих эмигрантов возвращение в свою страну стало единственным выходом из ситуации.

Экономический кризис быстро распространился на остальной мир, его последствия ощущаются до сих пор во многих странах (Siqueira, 2010; Siqueira и Santos, 2012). Европы он достиг в 2008 году, когда американский банк Lehman Brothers, одно из самых авторитетных финансовых учреждений с 1850 г., объявил о банкротстве. Банкротство банка привело к волне экономической рецессии по всему миру, затронувшей, в частности, Евросоюз.

По Brussee (2005) кризис начался в 90-х годах и был вызван отсутствием равновесия на финансовом рынке, что привело к огромному числу инвесторов, нацеленных на быструю окупаемость. В результате они приобретали субстандартные права, регулируя финансовый кризис, отмеченный профицитом, что предполагает намерение извлечь выгоду при огромном риске повышения ежемесячных платежей за недвижимость.

В результате терактов в США 11 сентября 2001 года закон об иммиграции в США становится вопросом национальной безопасности, представляя больше ограничений на въезд иностранцев в страну. Кроме

того, финансовый кризис, обрушившийся на США в начале 2006 года, что непосредственно сказалось на рынке недвижимости, повлиял на сокращение числа рабочих мест, снижение прибыли, особенно среди иммигрантов, работающих в сфере строительства. В связи с этим многие мигранты решают вернуться на родину (Siqueira, 2009). Первым пунктом эмиграции бразильцев в другие страны в большем масштабе стал город Говернадор-Валадарис в штате Минас-Жерайс. В 1960-х гг. некоторые жители иммигрировали в Соединенные Штаты в поисках работы на вторичном рынке труда.

В 1970-е гг. начали формироваться миграционные сети, а во второй половине 1980-х гг. они были объединены, став одним из самых крупных эмиграционных потоков бразильцев в другие страны. Позже другие муниципалитеты стали частью этого потока. Кроме того, другие страны, такие как Португалия, Италия, Испания и Великобритания, вошли в список принимающих стран для бразильских мигрантов (Siqueira, 2008, 2009, 2010; Siqueira и Santos, 2012).

Португалия, вторая по популярности среди бразильских иммигрантов принимающая страна, переживает серьезный спад миграции в связи с падением экономических показателей в последние годы. Страна была принята в состав Европейского общего рынка в 1986 году, а в 1991 году стала членом Евросоюза. Позже, в 1999 году, в стране был введен евро. Извлекая выгоду из постоянно прибывающих источников финансирования, португальское правительство инвестировало в инфраструктуру и стремится повысить производительность традиционных секторов экономики.

Экономический кризис 2008 года начался на фоне уязвимого положения страны, низких темпов экономического роста

и высокой потребности во внешнем финансировании государственного долга (Nunan и Peixoto, 2012; Aguiar-Confraria и др., 2012; Amaral, 2010; Mota и др., 2010). Уровень безработицы вырос с 8,1% в 2007 году до 12,9% в 2011 году; среди проживающих в стране иммигрантов этот показатель вырос с 9,6 до 17,0% за вышеуказанный период. По данным Национального института статистики уровень безработицы в первом квартале 2013 года с учетом всего экономически активного населения составил 17,7%. Несмотря на отсутствие официальной статистики, можно сделать вывод, что уровень безработицы среди иммигрантов также повысился по сравнению с 2011.

Как отметил Padilla (Padilla и Xavier, 2009), «глобализация способствовала тому, что Европа стала одним из самых важных пунктом для иммиграции, в том числе и из Латинской Америки». Martínez Buján (2003) также ссылается на недавний феномен «латинской американизации» иммигрантов в Испании; Padilla (2006) отмечает «латинскую американизацию» миграционных потоков в странах Пиренейского полуострова и «бразилиализацию» миграционных потоков в Португалии. Это миграционное движение отражает динамику капитализма, универсальное производство, распределение труда и продвижение новых информационно-коммуникационных и транспортных технологий, событий, оказавших влияние на консолидацию транснационального пространства (Iorio и Ferreira, 2015).

По Ferreira (2012), как социальное существо иммигрант будет выстраивать новую систему отношений в процессе интеграции, в частности в формировании семьи через её воссоединение; формировать новые привычки или рабочие группы (общественные практики), которые должны быть проанализированы всякий раз, когда из-

меняется экономическая среда, узаконившая размещение в принимающей стране, а намерение вернуться или эмигрировать в другую страну становится реальным в рамках миграционной политики.

Миграционные явления могут быть восприняты как перемещения физического и социального пространства коллективной группы или отдельных лиц, которые могут быть продублированы по категориям социальных связей с возможностью возврата (Sayad, 2000). Действительно, в процессе миграции роли, выполняемые иммигрантами на протяжении всей личной и общественной жизни, принимают постоянный «временный» характер.

Возвращение на родину, несомненно, желание и мечта всех иммигрантов; тем не менее потерявший зрение и мечтающий вернуть его обратно, понимает, что это невозможно. Единственный вариант для них — остаться в стране и испытывать тоску по родине (Sayad, 2000).

По Rivera-Sanchez (2013), обратная миграция — процесс, которая представляет часть миграционного движения, а не конечный этап миграционного цикла. То есть возвращение в страну происхождения является не «окончательным и постоянным», а лишь стадией миграции, поскольку это приводит к изменениям в характере местного населения и дает определенный «миграционный» опыт.

3. Кризис и устойчивость: на примере женщин-предпринимателей из Бразилии

Поскольку процесс миграции неразрывно связан с процессом социального воспроизводства, как было продемонстрировано ранее, выживание индивида является важнейшим элементом поведения каждого гражданина. Как поэтично говорит Gonzaguinha (1983), «человек заставляет себя страдать, убивает свои мечты, ведь мечта — это и есть его жизнь, а над этим

нужно работать [...], а без работы у него нет совести, а без совести они умирают и даже убивают...»

Таким образом, жизнь человека связана с работой, и в этом смысле роль рынка можно представить в рамках определения модели поведения экономически активных индивидов. Запас рабочей силы служит элементом, который изменяется во времени и пространстве.

Внутри основной западной экономической модели капитализм является важным элементом ввиду некоторых его особенностей, которые становятся решающими в процессе (вос-) производства индивидов.

По сравнению с капитализмом прошлых лет экономическая эволюция на фоне современного капитализма возникает, наоборот, в результате вопиющего неравенства в реализации инициатив и влияния. Партнеры находятся не только в сети соглашений о свободной торговле, но и в сети навязанных экономических отношений. Доминирование, умышленное или нет, стало неотъемлемой частью современного анализа (Perroux, 1974).

Размышляя о вышепредставленных характеристиках, присущих капитализму, важно понимать прямую взаимосвязь экономических времен (высокого и низкого объема производства). Именно они определяют эластичность массы населения, которое станет активным участником рынка труда. Следует отметить, что наиболее подвержены пагубному влиянию изменений в производственном поведении мигранты и часть населения страны с низким уровнем образования, поскольку эти люди, как правило, занимающие более низкооплачиваемые должности, наиболее уязвимы к вариациям на рынке труда.

Эти вариации часто приводят к кризисным явлениям и представляют результат

внутренней организации капитализма, который постоянно находится в состоянии кризиса, тем самым «усугубляя его, вторгаясь не только в сферу глобального финансирования, но и в остальные сферы общественной, экономической и культурной жизни» (Mészáros, 2009).

Из таких размышлений понятно, что кризис – это то, что придет неизбежно. По мнению автора, такие кризисы необходимы для обеспечения (ре-) организации производственного процесса. В этом процессе нижние слои населения наиболее уязвимы. Таким образом, существует необходимость (пере-) изобретения производственного процесса. Однако именно у этих слоев населения есть механизмы устойчивости к изменениям.

Эпистемологически слово «устойчивость» или «эластичность» (англ. *resilience*) родом из латыни, с латинского *resilio* переводится как «возвращение в прежнее состояние» и используется в технике и физике, чтобы определить способность физического тела возвращаться в нормальное состояние после перенесенной нагрузки. Классические эксперименты, которые привели к открытию эластичности, были выполнены путем приложения определенного давления к проводу для того, чтобы выявить его способность к упругой деформации; когда давление прекращалось, материал принимал свое исходное состояние (Yunes, 2003, Barlach и др., 2008).

Как можно наблюдать, устойчивость вполне объективно характеризуется способностью индивидов, предметов и явлений восстанавливаться и возвращаться к исходному положению или точке отсчета. У менее обеспеченных слоев населения эта способность крайне развита ввиду их стремления выжить в неблагоприятных условиях.

Таким образом, феномен устойчивости, или эластичности, может рассматриваться как характеристика населения, сбрасываемого со счетов в период кризиса крупным бизнесом, обеспечивающим неполную занятость. Таким образом, человек будет иметь возможность «переродиться» в первую очередь через свое собственное «творчество». Предпринимательство является своего рода творческим откликом иммигрантов, ищущих лучших условий труда и жизни.

Хотя мы понимаем, что предпринимательство — положительный момент для женщин-иммигрантов, важно различать «благоприятное предпринимательство» и «вынужденное предпринимательство». По Andreassi и др. (2011), человек может вдохновиться идеей вести предпринимательскую деятельность в двух случаях: по необходимости или по возможности. Причины, выделяющие предпринимателей в вышеуказанные категории соответственно следующие: необходимость открытия бизнеса и наличие благоприятных условий для предпринимательства. «Вынужденные» предприниматели — «часть населения, занимающаяся предпринимательской деятельностью без какого-либо другого варианта трудоустройства» (Andreassi и др., 2011, с. 89). Предприниматели «по возможности» сосредоточены в той части населения, которая «участвует в предпринимательской деятельности не потому, что они не имеют другого варианта трудоустройства, а потому, что они определили свои возможности для ведения бизнеса и хотят их использовать» (Andreassi и др., 2011, с. 89).

Поэтому относительно проблемы предпринимательства среди женщин-иммигрантов, их опыта и бизнес-стратегий на рынке труда речь главным образом идет о потребностях, вызванных удаленностью от

родной страны и пребыванием в незнакомой среде принимающей страны, а также о навыках, приобретенных в стране-доноре.

Существует несколько предпринимательских концепций. Одной из самых известных в научной литературе является *глобальный мониторинг предпринимательства*. Эта концепция утверждает, что предпринимательство — «любая попытка открытия нового бизнеса или создания нового предприятия, например, автономной деятельности, новой компании или расширения существующего предприятия, лицом, группой лиц или уже существующих компаний» (GEM, 2004).

Некоторые авторы отстаивают идею предпринимательства как инновационного фактора, поскольку предприниматель создает доход и инновации. Иная точка зрения относит предпринимательство к самозанятости, объединяющей инициативных людей со способностью противостоять рискам, нанимающих людей от своего имени. К другим характеристикам можно отнести способность предвидеть риски, силу убеждения и лидерские качества.

Предпринимательская деятельность создает рабочие места и новые рынки сбыта, что благоприятно влияет на экономику страны, поскольку определенное количество людей инвестирует в открытие бизнеса, учитывая экономическую среду, которая обеспечивает возможность для ведения бизнеса. Как полагают Malheiros (2008) и Oliveira (2004), иммигранты выступают инициаторами новых идей, проектов и технологий, создают возможности, которые активизируют и повышают эффективность некоторых отраслей экономики в отдельных территориальных пространствах (Malheiros 2008,).

Что касается предпринимательства женщин-иммигрантов в Лиссабоне, то оно возникает как альтернатива сегментиро-

ванному рынку труда в принимающей стране. Предпринимательство становится одним из важных элементов для иммигрантов, формой трудовой интеграции, с возможным сохранением профессии из страны происхождения; создает новые рабочие места и развивает навыки и компетенции.

Нами было обнаружено, что предпринимательская инициатива, по-видимому, связана с «человеческим капиталом», термином, используемым для характеристики человеческих возможностей и интеллектуального потенциала населения.

Теория человеческого капитала базируется на двух направлениях: одно рассматривает значимость работника, который после обучения приносит личную пользу и новые возможности для организации путем увеличения производительности труда. Другое связано с собственными инвестициями в создание «личного капитала» от приобретенных знаний и опыта (Stein, 2003). Действительно, оба направления могут быть взаимодополняющими, поскольку отталкиваются от индивидуальных усилий индивидов для улучшения знания в определенной сфере деятельности.

Но можно считать, что разница между ними в том, что в последнем случае индивид стремится самостоятельно совершенствоваться, а в первом — это делает какая-либо организация, предлагающая выгодные условия. Однако в процессе миграции для мигрантов могут открываться новые возможности развития собственного капитала. Мы полагаем, что в исследуемом случае женщин-иммигрантов человеческий капитал имеет отношение к людям, которые вкладывают свое время и опыт в самообучение с целью найти более благоприятные условия труда в выбранной принимающей стране.

В этом контексте Амартия Сен относит человеческие способности к концепции

человеческого капитала. По его словам, теория человеческого капитала рассматривает человека как часть общественного процесса, однако важно то, что человек может участвовать в собственном процессе, «чтобы расширить человеческий потенциал и обрести свободную, достойную жизнь» (Sen, 1999 год, с. 334, цит. по Stein, 2003).

По определению предприниматели — это люди, из-за чего культурные аспекты, связанные с появлением бразильских иммигрантов в Лиссабоне по-разному влияют на социальный контекст. По мнению авторов, в США и некоторых странах Западной Европы предпринимательство достигает более высоких уровней, поскольку они более устойчивы к таким факторам, как риск, конкуренция и индивидуализм, в отличие от стран, где эти свойства не так ярко выражены, например в Японии. Что касается Бразилии, то здесь, несмотря на то, что страна признана одной из наиболее предприимчивых стран в мире на сегодняшний день (Minnitu, Vygrave; Autio, 2006, цит. по Fontenelle и др.), еще сохраняются культурные барьеры для создания и ведения нового бизнеса.

Таким образом, хотя теория человеческого капитала предполагает важность поддержки предпринимательской деятельности, могут возникать некоторые расхождения в зависимости от культурных особенностей людей. К примеру, человек с высоким уровнем образования скорее предпочтет занятость в формальном секторе и не станет идти на риск, в то время как человек с более низким уровнем образования более склонен заниматься предпринимательской деятельностью в поисках повышения социального статуса, чтобы компенсировать недостаток инвестиций в формальный человеческий капитал (Fontenelle и др., 2011).

А. Сен больше склонен придерживаться второго направления, которое утверждает, что человек стремится к саморазвитию, в том числе и через предпринимательскую деятельность. Обращение к понятию «человеческий потенциал» как важному аспекту развития человеческого капитала для нас представляется актуальным в силу ответственности человека за свои успехи и достижения. Таким образом, А. Сен говорит, что человеческий капитал связан не только с осуществлением экономических преобразований, но и с поощрением социального и политического развития.

Для развития человеческого капитала необходимо удовлетворять интересы иммигрантов, а также предоставлять возможности доступа к информации. Лиссабон видится нам как место, обладающее определенным коммерческим потенциалом, дающим возможность иммигрантам открыть собственное дело. Кроме того, бразильские предприниматели делятся необходимыми знаниями и трудовыми умениями.

В этом смысле Yáñez утверждал, что для развития новых возможностей необходимо, чтобы люди имели начальные знания.

При оценке возможности повышения квалификации в качестве предпосылки выступает наличие потенциала по уровню знаний, первичных социальных связей (семья, родственники, соседи), с помощью которого можно получить доступ к информации о возможностях (Yáñez, 2001).

Что касается женщин-иммигрантов, для расширения своих возможностей для ведения бизнеса, например, на рынке косметических услуг (салоны красоты) им необходимы знания и определенные умения (в частности, подстригать волосы, делать маникюр и т.д.). Без этих умений трудно использовать инструменты парикмахера правильно и эффективно. Наличие интереса является основной причиной, побужда-

ющей иммигрантов к приобретению новых навыков и умений. Большинство из них начинает инвестировать в человеческий капитал для того, чтобы понять, что нужно развивать и другие аспекты, например интеллектуальные способности и профессиональные навыки. Для того чтобы это произошло, важно наличие внешних факторов, таких как среда, в которой обитают женщины-иммигранты, семья и общество, к которому они принадлежат. Эти аспекты могут укрепить их решимость в развитии новых возможностей обучения.

Еще одним важным аспектом считается географическое пространство, где работает иммигрант, поскольку если это область, которая имеет историю борьбы за права иммигрантов, чувство признания и возможностей для них еще больше обостряется. Что касается роли семьи, Yáñez (2001) отмечает, что семья может играть важную роль в отношении направленности решений, которые нужно принять иммигрантам по отношению к человеческому капиталу. В этой связи Schultz (1985) объясняет, что человеческий капитал может быть повышен за счет опыта работы в стране происхождения и в стране пребывания.

Ценность человеческого капитала зависит от дополнительных вложений со стороны граждан. Человеческий капитал способствует повышению производительности труда и производственных мощностей, ценных для производства, как сельскохозяйственного, так и промышленного, отечественного производства, временных и других ресурсов, которые студенты распределяют на образование и мигранты — на поиск более благоприятных условий труда и жизни (Schultz, 1985).

Таким образом, инвестиции в человеческий капитал дают преимущества при разумном их осуществлении со знанием дела в целях получения информации о трудоу-

стройстве. Когда иммигранты усваивают и развивают навыки, они начинают получать результаты от своей работы, поскольку используют эти навыки на практике. Кроме того, стремление к трудоустройству, связанному с опытом, полученным в результате самообучения в стране происхождения, способствует дальнейшему укреплению связей между принимающими странами и странами-донорами.

Putham (2001) объясняет, что по аналогии с человеческим капиталом социальный капитал объединен в одну систему: особенности социальной организации, доверие и нормы, которые способствуют координации и сотрудничеству для взаимной выгоды. Социальный капитал увеличивает преимущества инвестиций в физический и человеческий капитал (Putham, 2001).

Именно в этом смысле социальный капитал относится к социальным отношениям, касательно действий, предпринимаемых людьми для облегчения взаимодействия и сотрудничества. Гражданское участие имеет значимость при формировании социального капитала. Автор объясняет, что такое участие уже является формой социального капитала и чем больше развиты эти системы в обществе, тем выше вероятность того, что участники могут сотрудничать с ними для получения прибыли (Putham, 1993, цит. по Franco, 2001). Следовательно, чем больше создано каналов участия, тем больше капитала будет произведено.

Сотрудничество является важным фактором в этом процессе не только потому, что люди, — а в данном исследовании женщины-иммигранты, — могут помогать друг другу, но в основном потому, что сотрудничество может способствовать достижению определенных видов целей, повышая общее благосостояние. Пока такое сотрудничество существует между людьми, имми-

гранты могут добиться преимуществ, которые смогут улучшить ситуацию на рынке труда.

Putham (2001) также отмечает, что доверие, системы и стандарты являются аспектами, составляющими социальный капитал, взаимосвязанными и, как правило, суммируемыми. Автор объясняет, что в процессе взаимодействия между людьми на работе этот факт не только обеспечивает взаимодействие, но и способствует возникновению и поддержанию доверия. Он также добавляет, что социальный капитал представляет собой одно из «общественных благ». Другими словами, это не частная собственность тех, кто получает от этого выгоду, а социальные связи, которые создаются для поддержания интегрированного сообщества.

Также, по мнению автора, системы гражданского участия содействуют развитию стандартов взаимности, взаимопомощи: человек делает одолжение другому, который позже, уже в иной ситуации, его отблагодарит.

Общество, основанное на всеобщей взаимности, является более эффективным, чем общество недоверия. Доверие — это своего рода смазочный материал для социальной жизни (Putham, 2001).

Уточняется, что если люди полагаются друг на друга в выполнении определенных действий, намечается тенденция к их взаимодействию за пределами норм всеобщей взаимности и систем гражданского участия.

Таким образом, женщины-предприниматели для развития социального капитала способствуют «открытию» информации и доступа к ведению собственного бизнеса. Это чувство доверия между людьми из своего окружения также укрепляет уверенность в намерении вести бизнес и создает так называемые сети сотрудничества.

Районы (и некоторые другие системы гражданского участия) могут быть надежными и ненадежными, содействующими укреплению доверия к людям, которых знают в районе, и недоверия к неизвестным из-за пределов сети (Levi, 2001).

Когда люди узнают друг друга ближе, они начинают устанавливать связи взаимодействия между собой и выполнять действия вместе, что помогает укрепить уверенность друг в друге. Однако те, кто остается за пределами этой деятельности или является частью бразильской общины в Лиссабоне, например, могут восприниматься как фактор подозрительности. Но, став ближе, они начинают создавать отношения дружбы и сотрудничества, завоеывая доверие.

Это означает, что в районах, где распространено взаимодействие членов общины, более вероятно наличие сотрудничества и взаимодействия. Такие действия основываются на доверии и стандартах, что приводит к развитию социального капитала. Бразильские женщины-предприниматели, живущие в Лиссабоне, например, получают выгоду от такого рода сотрудничества.

Franco (2001) также считает, что социальный капитал имеет отношение к возможности сотрудничества между общинами. Однако личностные особенности личности не создают социальный капитал. Вместо этого способ организации такой группы индивидов в обществе может благоприятствовать или нет возникновению и воспроизводству социального капитала (Franco, 2001). Например, если определенные люди соберутся вместе, чтобы обсудить вопросы, затрагивающие их местности, такие как отсутствие безопасности из-за нехватки сотрудников полиции, они пишут список предложений и направляют их в местные органы власти, распределяя обязанности между участ-

никами при выполнении действий. Тогда речь идет о производстве социального капитала.

Однако французский социолог Пьер Бурдьё (2000) рассматривает социальный капитал с другой точки зрения, понимая под ним совокупность ресурсов группы с прочными внутренними связями, укоренившейся системой знаний и взаимным признанием. По его мнению, социальный капитал характеризуется следующими критериями: 1) принадлежность к группе; 2) наличие отношений материального и символического обмена; 3) степень институционализации и, наконец, 4) наличие ресурсов внутри группы.

Наличие сети отношений или принадлежность к группе является важным аспектом создания социального капитала. Эта особенность отличает его от других видов капитала, таких как культурный и экономический, основа которых — на индивидуальном уровне. Автор утверждает, что такие группы, как аристократия, семья или клуб для избранных, стабильны и, следовательно, институционализированны и что ее члены хотят сохранить эти связи. Так строится социальный капитал, объединяя людей для поддержания социальных связей.

Таким образом, долгосрочные социальные связи и взаимодействия между членами группы важны. Эти взаимодействия формируют вторичные ресурсы капитала, которые обсуждает Бурдьё (2000); это происходит на добровольной основе и создает прочные связи как в организационных аспектах, что обеспечивает права и требования, так и в плане субъективных чувств, таких как дружба, уважение и признание. Эти преимущества приобретаются и погашаются на основе солидарности между членами группы.

Мы полагаем, что женщины-иммигранты могут способствовать наращиванию че-

ловеческого и социального капитала, каждый из которых сможет усилить свою деятельность, помимо сотрудничества и взаимодействия друг с другом. Таким образом, шансы того, что социальный капитал станет частью человеческого капитала, скорее всего будут выше.

4. Заключительные выводы

Предпринимательство иммигрантов представляет собой инвестиции, которые предлагают явные преимущества на фоне экономики, требующей динамичного развития. Учитывая отсутствие инвестиционной и предпринимательской инициативы, особенно в сферах, наиболее в этом нуждающихся на рынке принимающей страны, необходимо подчеркнуть, что предпринимательская деятельность иммигрантов может содействовать развитию экономического и социального потенциала.

Таким образом, миграция может быть охарактеризована структурными факторами (экономическими, политическими...), где индивидуальные или коллективные решения закрепляются социальным капиталом, который осуществляет связь мигрантов с семьей, друзьями и страной происхождения. При установлении связей между страной происхождения и страной

пребывания, между мигрантами и коренными жителями в пространстве и времени происходит формирование сети социальных ролей, включенных в межличностные отношения, которые свидетельствуют о том, что миграция – социальный продукт.

Человеческий капитал способствует также развитию предпринимательства. Параллельно с этим люди совершенствуют свои навыки и создают инновации на рынке. При этом иммигранты могут расширить свои возможности трудоустройства или сами могут создавать рабочие места, а также укреплять социальные связи и развивать социальный капитал.

Иными словами, предпринимательство мигрантов имеет принципиальное значение в период кризиса, когда его эластичность, т.е. способность к адаптации – стратегия, будет применимой как в районах, которые будут «поглощать» мигрантов в качестве элементов, производящих блага, так и в стране происхождения. Поэтому при возвращении на родину мигранты помимо капитала приносят также жизненный опыт, который трансформируется в социальный капитал и используется в предпринимательской деятельности в качестве нового способа воспроизводства капитала.

References

1. Aguiar-Contraria L., Alexandre F., Pinho C. (2012) O euro e o crescimento da economia portuguesa: uma análise contrafactual. Lisboa, *Análise Social*, 203, XLVII (2.º): 298-321.
2. Amaral, L. (2010) Portugal, a Grande Recessão e a Europa. Lisboa, IPRI-UNL, *Relações Internacionais*, v. 27: 083-091.
3. Andreassi et al (2011). Global Entrepreneurship Monitor-GEM. Empreendedorismo no Brasil. Curitiba: IBPQ. Available at: < http://www.ibqp.org.br/upload/tiny_mce/Empreendedorismo%20no%20Brasil%202011.pdf>. Accessed 27 maio 2016.
4. Barlach, L.; Limongi-França, A. C. & Malvezzi, S. (2008) O Conceito de Resiliência Aplicado ao Trabalho nas Organizações. *Interamerican Journal of Psychology Interam. Psychol*, v.42, n.1 Porto Alegre. Accessed in 6th of January 2016, on <http://www.psicorip.org/Resumos/PerP/RIP/RIP041a5/RIP04211.pdf>
5. Brussee, W (2005). The second great depression. Starting 2007. Eding 2020. EUA: Booklcker.
6. Carvalho, J. (1996) O saldo dos fluxos migratórios internacionais no Brasil na década de 80: uma tentativa de estimação. In: Patarra, N. L. (Coord.). *Migrações Internacionais Herança XX Agenda XXI*. FNUAP. Campinas. 217-226.
7. Castles, S. (2009) *Globalização, Transnacionalismo e Novos Fluxos Migratórios – dos trabalhadores convidados às migrações globais*. Fim de Século. Lisboa
8. Castles. S e Miller, M. J, eds, (1998) *The age of migration international population movements on the modern world*. Houndmills, Macmillan.

9. Charbit, Y.; Hily, M.-A. ; Poinard, M. (1997) *Le va-et-vient identitaire. Migrants portugais et villages d'origine*. Paris, PUF. Institut National D'Études Démographiques, Cahier, n° 140.
10. Evangelista, F. R.; Carvalho, J. M. M. De. (2001) Algumas considerações sobre o êxodo rural no Nordeste. ETENE/BNB. Fortaleza
11. Fassmann, H. Zirkuläre Arbeitsmigration in Europa – eine kritische Reflexion. In: Friedrich, K. und Schultz, A. (Hrsg.) (2008) *Brain drain oder brain circulation? Konsequenzen und Perspektiven der Ost-West-Migration*. In: Forum IFL, Leipzig: Leibniz-Institut für Länderkunde. Heft 8. S. 21-29.
12. Fernandes, D e Santos, C. M (2012). Empreendedora: um estudo sobre as conseqüências do empreendedorismo nas organizações. *Revista de Administração de Empresas - ERA*, v. 7, n. 1, Art. 6, jan./jun. 2008. Disponível em: <<http://www.scielo.br/pdf/raeel/v7n1/a07v7n1.pdf>> Acesso em: 15 jun. 2012.
13. Fnuap (1998). *Resumo do Programa de Ação da Conferência Internacional sobre População e Desenvolvimento*. Brasília.
14. Fontenele, R; Moura, H; Leocadio, A (2011). Capital humano, empreendedorismo e desenvolvimento: evidências empíricas nos municípios do Ceará. *Rev. Adm. Mackenzie – RAM*, v. 12, n. 5, São Paulo, set/out. 2011, p. 182-208.
15. Global Entrepreneurship Monitor-GEM (2004). *Estudo de Avaliação do Potencial Empreendedor em Portugal em 2004*. Projecto GEM, Portugal.
16. Gonzaguinha (1983). *Um homem também chora*. Bei: Gonzaguinha -Alô, alô Brasil, LP/CD EMI/Odeon.
17. Iorio, J.; Ferreira, S (2015). Fluxos migratórios de brasileiros em Portugal: O retorno e a “nova vaga dos estudantes em vias de qualificação. *Leopoldianum. Revista de Estudos e Comunicações da Universidade Católica de Santos*. Ano 39. Santos, Brasil.
18. Ferreira, S (2012). “Empreendedorismo e Reprodução Social das Migrantes Brasileiras em Portugal: Uma análise a respeito de seu papel na configuração espacial entre o país de acolhimento e o país de origem”. Trabalho apresentado no XVIII Encontro Nacional de Estudos Populacionais, ABEP, realizado em Águas de Lindóia/SP – Brasil.
19. Lacomba, J (2008). *Historia de las migraciones internacionales: historia, geografía, análisis e interpretación*. Madrid: Catarata.
20. Levi, M (2001). Capital social y asocial: ensayo crítico sobre making democracy work, de Robert Putnam. En: Herreros, F. y Francisco, A. de (org.). *Zona abierta: capital social*, p. 105-119.
21. Malheiros, J (2008). “Comunidade de origem indiana na Área Metropolitana de Lisboa – iniciativas empresariais e estratégias sociais criativas na cidade” in *Migrações*, nº3, Observatório da Imigração.
22. Martes, A. (1999) *Brasileiros nos Estados Unidos: um estudo sobre imigrantes em Massachusetts*. Paz e Terra. São Paulo.
23. Martínez, B. (2003) *La reciente inmigración latinoamericana a España*. Serie Población y Desarrollo, n. 40. CELADE. Santiago do Chile.
24. Mézáros, I. (2009) *A crise estrutural do capital*. Boitempo. São Paulo.
25. Mota, J; Lopes, L; Antunes, M. (2010). A economia global e a crise da dívida soberana na União Europeia: a situação de Portugal e Espanha. Porto Alegre. *Indicadores Econômicos FEE*, v. 38, n. 2: 83-98.
26. Nunan, C; Peixoto, J. (2012). Crise econômica e retorno dos imigrantes brasileiros em Portugal. Brasília. *Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana - REMHU*, Ano XX, Nº 38, p. 233-250.
27. OECD. (2007) *International Migration Outlook*. OECD. Paris.
28. Oliveira, C. (2004) *Estratégias Empresariais de Imigrantes em Portugal*. ACIME. Lisboa.
29. Pacheco, C. A. und Pantara, N. (1997) *Movimentos migratórios anos 80: novos padrões*. In: Pantara, N. Baeninger, R., Bógus, L. und Jannuzzi, P. (Hrsg.). *Migração, condições de vida e dinâmica urbana: São Paulo 1980-1993*. UNICAMP. Campinas. S. 25- 52.
30. Padilla, B. (2006) *Integração dos «Imigrantes Brasileiros Recém-Chegados» na Sociedade Portuguesa: Problemas e Possibilidades*. In: Machado, I. (Org.). *Um Mar de Identidades. A imigração brasileira em Portugal*. Ed. da UFSCar. São Carlos.
31. _____ (2009) *As Migrações latino – americanas para Europa: uma análise retrospectiva para entender a mobilidade atual*. In: Padilla, B. e Xavier, M. (Org.). *Migrações*, n.5. Observatório da Imigração. Lisboa.
32. Perroux, F. (1974) *O Capitalismo*. Amadora: Livraria Bertrand
33. Portes, A. (1999) *Migrações Internacionais. Origens, tipos e modos de incorporação*. Celta Editores. Oeiras.
34. Putnam, R. (2001) *La comunidad próspera: el capital social y la vida pública*. In: Herreros, F. y Francisco, A. (comp.). *Capital Social, zona abierta* n. 94-95: 89-104.

35. Globo, O (2009) RELEMBRE o que é subprime. O Globo, Caderno de Economia, 23 mar. 2009. Accessed in 8th of January 2016, on <http://oglobo.globo.com/economia/relembre-que-subprime-3144507>
36. Rivera, L. (2013) Migración de retorno y experiencias de reinserción en la zona metropolitana de la Ciudad de México. In: REMHU – Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana. Brasília, Ano XXI, n. 41: 55-76.
37. Sales, T. (1995) Brasileiros longe de casa. Cortez. São Paulo.
38. Sayad, A. (1998) A imigração ou os paradoxos da alteridade. EDUSP. São Paulo. pp. 299.
39. _____. (2007) O retorno: elemento constitutivo da condição do migrante. Travessia, vº 13, número especial: 7-32.
40. Schultz, T. (1985) Invirtiendo en la gente: la cualificación personal como motor económico. Ariel. Barcelona.
41. Sen, Amartya. (2000) Desenvolvimento como liberdade. Companhia das Letras. São Paulo.
42. Siqueira, S. (2006) Migrantes e empreendedorismo na Microrregião de Governador Valadares: Sonhos e frustrações no retorno. Tese de Doutorado em Sociologia e Política, Universidade Federal de Minas Gerais.
43. _____, S. (2008) Emigrants from Governador Valadares: Projects of Return and Investment. In: Jouet-Pastre, C. and Braga, L. J. (Editors). Becoming Brazuca. Brazilian Immigration to United States. Cambridge - Massachusetts: Harvard University Press. 175-194.
44. _____, S. (2009) Sonhos, sucesso e frustrações na emigração de retorno. Brasil/Estados Unidos. Argumentvm. Belo Horizonte.
45. _____, S. (2010) Emigração, crise econômica e retorno à terra natal. Revista de Economia Política e História Econômica, v. 21: 5-25.
46. _____, Sueli; SANTOS, Mauro. (2012) Crise econômica e retorno dos emigrantes da Microrregião de Governador Valadares. Travessia. São Paulo. Revista do Migrante, v. 70: 27-47.
47. Stein, R. H. (2003) Capital social, desenvolvimento e políticas públicas. Serviço Social e Sociedade, v. 73: 157-197.
48. Yáñez, C. (2001) El capital humano y las políticas sociales en la agenda del desarrollo centrado en las personas. Revista Instituciones y Desarrollo, n. 8 y 9: 299-324. Institut Internacional de Governabilitat de Catalunya. Barcelona

Интернет-источники:

49. Instituto de Emprego e Formação Profissional – IEFP <<http://www.iefp.pt>>
50. Organizações das Nações Unidas – ONU <www.un.org>

Сведения об авторах

Суэльда де Альбукерке Ферейра – специалист по социальной психологии, студент докторантуры по миграции, факультет географии и территориального планирования Лиссабонского университета, кандидат наук, степень магистра по географии, филологический факультет Лиссабонского университета, инженер-исследователь Центра географических исследований (CEG-UL), Центра по изучению миграции, территорий и сообществ (MIGRARE) (E-mail: sueldaalbuquerque@hotmail.com)

Мануэла Рау де Альмьеда Каллу – адъюнкт-профессор курса по связям с общественностью Федерального университета Алагоаса (Бразилия), кандидат наук, магистр в области коммуникаций Автономного университета Барселоны, бакалавр по связям с общественностью Католического университета Пернамбуку (E-mail: manu.callou30@gmail.com)

Жевсон Сильва Андраде – адъюнкт-профессор курса по обучению географии на степень бакалавра Кампуса Мата-Норте университета в Пернамбуку, стипендиат Бразильского национального комитета научного и технологического развития, кандидат гуманитарных наук Берлинского технического университета, степень магистра по географии Федерального университета Пернамбуку (E-mail: gevsonsa@gmail.com)

Фернанда де Мейо Диаз Гимарайш – аспирант и магистр в области коммуникаций Автономного университета Барселоны, степень бакалавра в области журналистики Католического университета Кампинаса, научный сотрудник Группы по связи и социальной ответственности, коммуникаций и социальных изменений Латиноамериканской ассоциации исследователей коммуникации (E-mail: fermdgui@gmail.com).

Suelda de Albuquerque Ferreira, Manuela Rau de Almeida Callou,
Gevson Silva Andrade, Fernanda de Mello Dias Guimarães

Migration in Times of Crisis: Can Entrepreneurship be a Solution? The Case of Brazilian Entrepreneurs in Lisbon (Portugal)

Abstract. The planet watches a new planning phase of migration flows. In the era of economic globalization, restructuring of labor markets, social, cultural, political and economic transformations, the decision to migrate is linked to reasons such as the existence of pull factors in the destination, of a network linking origin and destination that minimize the constraints and dangers of the journey and, of course, economic aspects represented by the ability to achieve a “better life” with the gains obtained at the destination. It is clear that, although indispensable for the reorganization of the predominant mode of production in our society, the crisis we experience brings great challenges for the global economy. In this chapter, we analyze the importance of the female immigrant entrepreneurship that, faced with an economy that requires movement, could prove an economic and social potential that benefits from occasions and market segments little explored. This is because in the migration process, there may be new contexts for immigrants, which enables the development of its human capital. In other words, the material/intellectual accumulation of these individuals linked to its ability to reinvent themselves end up contributing to new economic arrangements.

Key words: migration, Brazilian women entrepreneurs in Portugal, crisis and resilience.

Information about the Authors

Suelda de Albuquerque Ferreira – Specialist in Social Psychology, Doctoral Student in Migration by the Institute of Geography and Spatial Planning (IGOT) of the University of Lisbon (UL), PhD Scholarship Holder by the Foundation for Science and Technology (FCT) in Portugal. Master Degree in Geography – Education and Development. Faculty of Letters. Lisbon University. Researcher of the Center of Geographical Studies (CEG-UL). Migrations, Spaces and Societies Center (MIGRARE). (E-mail: sueldaalbuquerque@hotmail.com)

Manuela Rau de Almeida Callou – Adjunct Professor of the Public Relations Course of the Federal University of Alagoas (UFAL). Vice-Coordinator of the Course of Public Relations of the Federal University of Alagoas. Phd and Master in Communication by the Autonomous University of Barcelona (UAB). Bachelor Degree in Public Relations— Catholic University of Pernambuco (UNICAP). (E-mail: manu.callou30@gmail.com)

Gevson Silva Andrade – Adjunct Professor of the Degree Course in Geography of the Mata. Norte Campus of the University of Pernambuco (UPE). Scholarship Holder EXP-B NPq/MDA. Phd in Human Sciences by the Technical University of Berlin (Tub). Master Licensee in Geography – (UFPE). (E-mail: gevsonga@gmail.com)

Fernanda de Mello Dias Guimarães – Phd .Student and Master in Communication by the Autonomous University of Barcelona (UAB) Bachelor Degree in Journalism by the Catholic University of Campinas (PUC-Campinas). Researcher of the Communication and Social Responsibility Group (COMRESS) and of the Communication and Social Change of ALAIC. (E-mail: fermdgui@gmail.com)

Статья поступила 02.05.2017.

Исследование постоянной миграции населения депрессивных регионов России

**Константин Анатольевич
ЧЕРНЫШЕВ**

Вятский государственный университет
Киров, Российская Федерация, 610000, ул. Московская, д. 36
E-mail: kochern@rambler.ru

Аннотация. Развитие России в постсоветский период характеризуется усилением межрегиональных социально-экономических различий, появлением разного рода проблемных, в том числе депрессивных, территорий. К группе депрессивных регионов относится десять субъектов РФ, где экономический спад сопровождается сокращением численности жителей и оттоком населения в результате безвозвратной миграции. Целью работы стало выявление специфики миграционных процессов в экономически депрессивных регионах России и разработка предложений по оптимизации миграционной политики. Информационную базу исследования составили официальные данные Росстата. В статье проведён анализ процессов постоянной миграции населения российских депрессивных регионов, предложена периодизация миграции населения за постсоветский период и определены причины происходивших изменений. Определены показатели миграционного прироста и убыли населения в депрессивных субъектах РФ по потокам постоянной миграции: межрегиональной, международной со странами ближнего и дальнего зарубежья. Для анализа миграционного обмена с зарубежными странами рассчитаны коэффициенты интенсивности миграционных связей, ранее использовавшиеся только в исследованиях внутрироссийской миграции. В формировании территориальной структуры потоков постоянной миграции определяющее значение имела близость к отдельным государствам и традицион-

Для цитирования: Чернышев, К.А. Исследование постоянной миграции населения депрессивных регионов России / К.А. Чернышев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 259-273. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.15

For citation: Chernyshev K.A. The study of permanent migration of economically depressed regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 259-273. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.15

ные связи регионов. Выявлены особенности миграционной ситуации в экономически депрессивных регионах. Потери населения происходят в результате межрегиональной миграции. В международной миграции отмечается миграционный прирост за счёт стран СНГ. Указывается на положительные последствия притока мигрантов из стран бывшего СССР: восполнение потерь населения, возникающих в результате естественной убыли, межрегиональной миграции и эмиграции в развитые страны дальнего зарубежья. Поток иммиграции в депрессивные регионы тормозит процесс старения постоянного населения, сокращает гендерную диспропорцию. Указывается на более благополучную миграционную ситуацию в регионах, относящихся к Центральному федеральному округу, привлекательных для мигрантов из стран ближнего зарубежья. Сложившаяся миграционная ситуация является следствием проблем экономической и социальной сфере депрессивных регионов. Решение проблемы миграционного оттока требует усилий, предпринимаемых совместно федеральными и региональными органами власти.

Ключевые слова: Россия, депрессивные регионы, постоянная миграция, миграционный отток, коэффициент интенсивности миграционных связей, постсоветский период.

Введение. Развитие России в постсоветский период характеризовалось значительными трансформационными процессами, обусловленными стремительным переходом к рыночной экономике и её последующим становлением. Одним из последствий радикальных преобразований, затронувших практически все сферы жизни общества, стало усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации, появление разного рода проблемных территорий.

В качестве одного из типов таких территорий можно выделить депрессивные регионы, которые в процессе перехода от планового хозяйствования к рыночным отношениям стали отличаться сравнительно низкими экономическими показателями, хотя в прошлом эти регионы были развитыми, занимая по ряду производств ведущие места в стране. В качестве главного критерия депрессии обычно называется спад производства, прежде всего в промышленности [5; 15]. Нередко целые субъекты федерации обладают выраженными качествами депрессивности.

Возникновение очагов региональной экономической депрессии в постсоветский

период связано как с проблемами адаптации регионов к изменившимся условиям хозяйствования, так и снижением конкурентоспособности «старых» отраслей промышленности. Негативные изменения в экономике регионов определили социальные последствия, поскольку «тотальная территориальная депрессия в российском варианте всегда имеет исключительно мощный социальный крен: вслед за экономическим потенциалом начинает стремительно разрушаться социальный и эти процессы подстёгивают друг друга» [4, с. 252-253]. Спад производства сопровождался ростом безработицы, снижением уровня жизни, распространением негативных социальных явлений, а также различными проблемами в демографической сфере (рост смертности, снижение рождаемости, миграционная убыль) и др.

Отдельные авторы предлагают рассматривать отрицательное сальдо миграции в качестве одного из критериев депрессии [7]. С нашей точки зрения использование показателя миграционной убыли (как и показателей воспроизводства населения) не в полной мере отражает суть региональной депрессии как в первую очередь

экономического явления. Уровень и темпы развития регионов оказывают влияние на процессы миграции [20], однако отток населения может быть обусловлен как длительными негативными изменениями в экономике конкретных регионов, так и влиянием других факторов (экологическая обстановка, локальные конфликты, близость регионов притяжения мигрантов и др.). Однако объемы, характер протекания и результаты миграционных процессов являются важными индикаторами социально-экономических проблем регионов, не менее информативными, чем объем и динамика ВРП, инвестиционной активности и пр.

Идентификация депрессивных регионов. Исследователями предлагаются различные критерии, позволяющие отнести определенную территорию к числу депрессивных. Наиболее востребованными показателями при выделении депрессивных регионов являются спад промышленного производства, уровень безработицы, размер ВРП на душу населения. Для определения перечня депрессивных субъектов РФ и последующего изучения миграционной ситуации нами были использованы следующие критерии.

1. Снижение объемов промышленного производства. Критерий отражает представление о депрессивных регионах как промышленно развитых, но переживших спад производства. С нашей точки зрения существенным можно считать снижение объемов промышленного производства до уровня не более 70% по сравнению с 1991 г.

2. Объем ВРП на душу населения существенно ниже среднероссийского уровня. Спад в отраслях промышленности за постсоветский период не всегда сопровождался снижением показателя ВРП на душу населения. Это относится к субъектам РФ, где снижение объемов промыш-

ленного производства сочеталось с развитием других секторов экономики (в первую очередь Москва, Санкт-Петербург) или происходило на фоне значительного сокращения численности населения (Камчатский край). Некорректно относить к числу депрессивных регион, в котором показатель ВРП на душу населения соответствует среднероссийскому уровню или превышает его. К категории депрессивных мы относим субъекты РФ, где ВРП на душу населения составляет менее 70% от среднероссийского уровня.

3. Уровень безработицы выше среднероссийского. Спад производства в промышленных регионах сопровождается ростом уровня безработицы. Поскольку последние несколько лет отмечались кризисные явления в экономике России, сопровождавшиеся изменением ситуации на рынке труда, то уровень безработицы рассчитывался в среднем за 2008–2015 гг.

4. Объем производства промышленной продукции на душу населения. Пороговое значение принималось равным более чем 30% по отношению к среднему в РФ уровню производства промышленной продукции на душу населения. Данный показатель необходим, чтобы отделить из отобранного множества субъекты РФ, которые не имели промышленной направленности экономики ни в прошлом, ни в настоящее время и традиционно относятся к группе слаборазвитых (республики Северного Кавказа, Алтай, Калмыкия, Еврейская автономная область).

В соответствии с предложенной методикой к категории депрессивных регионов по итогам 2011–2015 гг. ежегодно относились десять субъектов РФ (табл. 1). Депрессивные регионы не образуют значительных смежных ареалов на территории страны, преимущественно располагаясь в Европейской части России. Промышлен-

Таблица 1. Экономическое и социальное положение депрессивных регионов России*

Депрессивный регион	Объем промышленного производства в 2015 г. в сравнении с уровнем 1991 г. (в сопоставимых ценах), %	Объем производства промышленной продукции на душу населения в 2015 г., в текущих ценах		Валовой региональный продукт на душу населения в 2015 г., в текущих ценах		Уровень безработицы в среднем за 2008–2015 гг.		Численность населения		
		тыс. руб.	в % к среднероссийскому уровню	тыс. руб.	в % к среднероссийскому уровню	в регионе, %	насколько больше среднероссийского уровня, %	в 1991 году, тыс. чел.	в 2015 году, тыс. чел.	2015 г. к 1991 году, %
Ивановская обл.	33,9	114,3	34,1	165,5	37,2	6,44	0,15	1293,9	1033,4	79,9
Орловская обл.	55,3	147,4	44,0	269,9	60,6	6,69	0,40	896,7	762,5	85,0
Смоленская обл.	67,4	228,5	68,1	267,3	60,1	6,50	0,21	1158,1	961,7	83,0
Псковская обл.	65,8	133,9	39,9	204,8	46,0	7,95	1,66	843,5	648,7	76,9
Волгоградская обл.	59,5	285,0	85,0	288,2	64,7	7,48	1,19	2631,0	2551,7	97,0
Чувашская Респ.	56,7	135,8	40,5	202,4	45,5	7,31	1,02	1338,5	1237,4	92,4
Кировская обл.	53,2	165,9	49,5	212,5	47,8	7,28	0,99	1650,3	1300,9	78,8
Ульяновская обл.	57,6	209,3	62,4	239,2	53,7	6,59	0,30	1416,1	1260,1	89,0
Курганская обл.	54,6	123,1	36,7	207,6	46,6	9,41	3,12	1106,1	865,9	78,3
Алтайский край	64,2	122,1	36,4	206,7	46,4	8,46	2,17	2647,1	2380,8	89,9

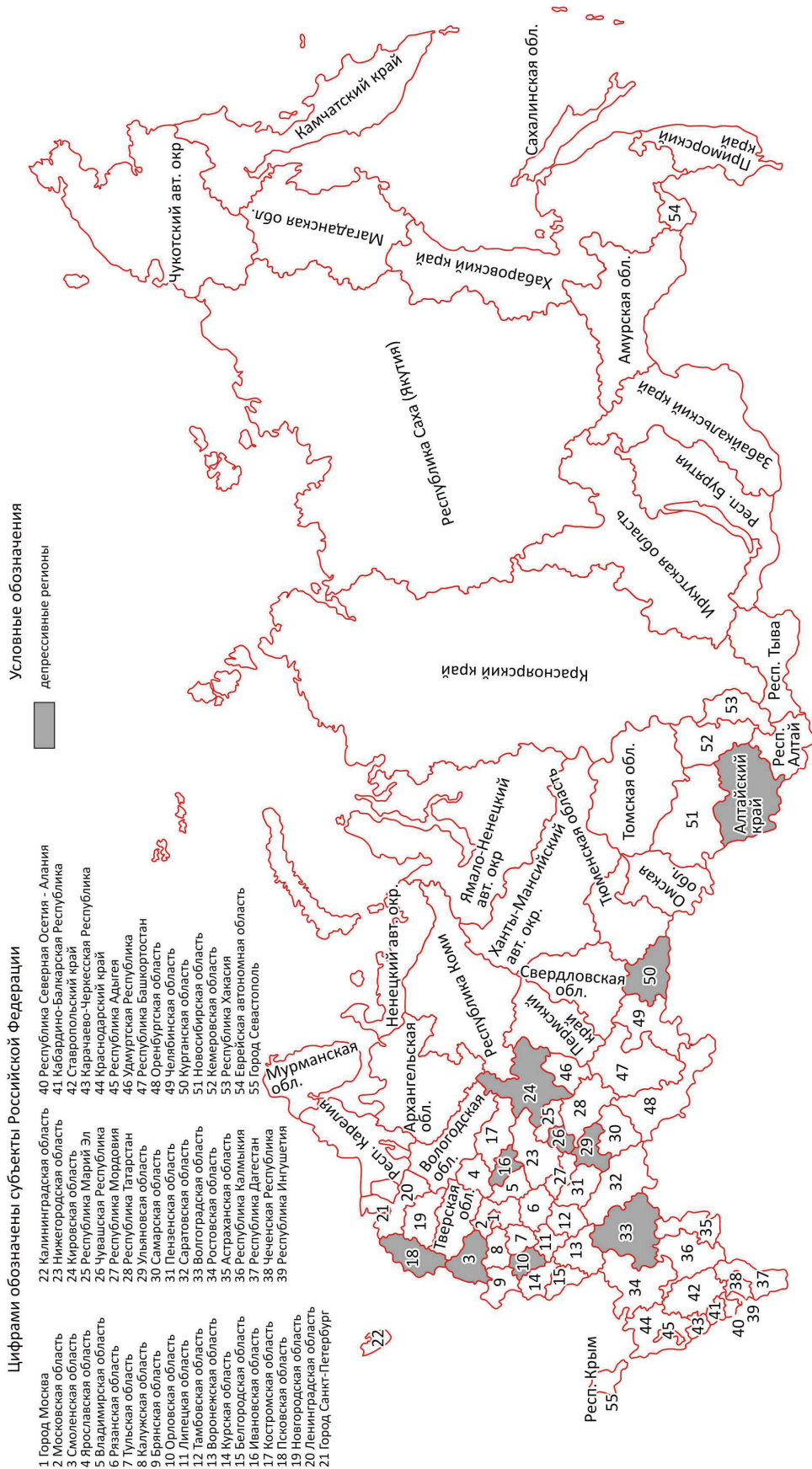
* Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. – М.: Росстат, 2016. – 1326 с.; Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#

ность данных регионов не смогла без потрясений перейти к рыночной экономике в силу объективных причин: доминирования «старых» отраслей, проникновения на рынок страны конкурентов из-за рубежа, снижения объёмов госзаказа, разрыва хозяйственных связей с бывшими республиками СССР. Это сочеталось с отсутствием в депрессивных субъектах РФ выраженных факторов, способных сделать переход менее болезненным (экспортно-ориентированных ресурсных отраслей, столичного статуса и пр.). Выделенные депрессивные территории сосредоточены в пределах Приволжского и Центрального (по 3), Южного, Северо-Западного, Уральского, Сибирского (по 1) федеральных округов (рис. 1).

Миграционные процессы имеют свою специфику в депрессивных регионах и требуют подробного рассмотрения. Имеется опыт изучения процессов миграции в

группах регионов, выделенных по сходным проблемам социально-экономического развития: приграничных [8], староосвоенных [9], нефтегазодобывающих [13] и др. Следствием экономического спада в депрессивных регионах стал отток населения в результате постоянной (безвозвратной) миграции. При этом исследования миграции населения депрессивных регионов, осуществлялись только на уровне отдельных субъектов РФ [1; 2; 16]. В ряде работ, где рассматривается демографическая проблематика, явление региональной депрессивности связывается с различной результативностью процессов воспроизводства или миграции населения [6], для чего используется понятие «регионы, депрессивные относительно миграционного прироста». Имеются также примеры региональных демографических исследований, когда дотационные регионы рассматриваются в качестве депрессивных [3].

Рис. 1. Депрессивные регионы России

Миграционные потоки и миграционные связи населения депрессивных регионов.

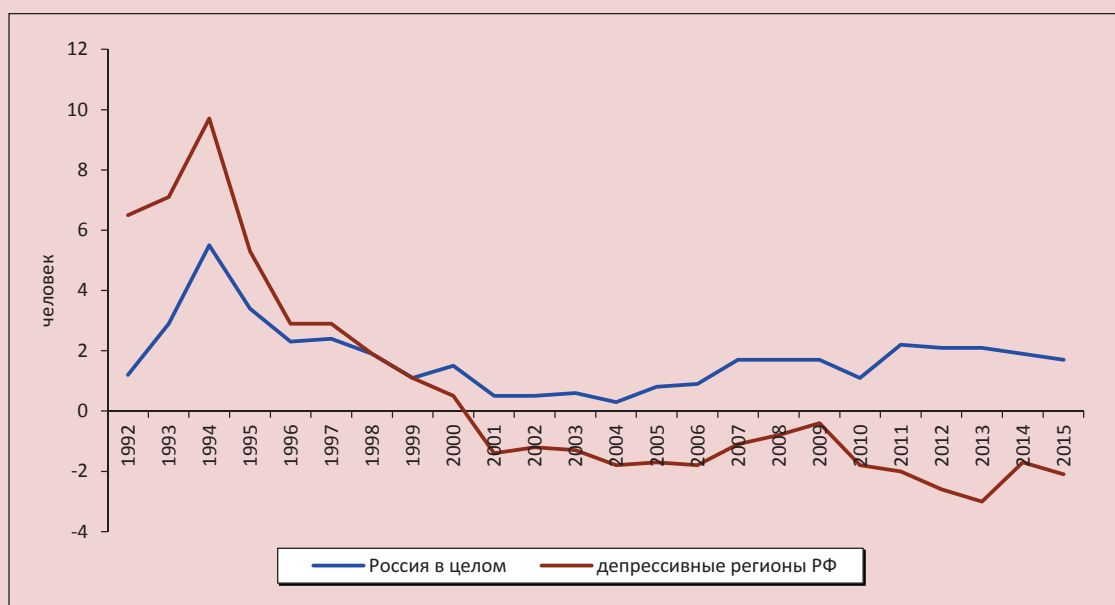
Источниками информации о постоянной миграции населения депрессивных регионов послужили данные текущего учёта, представленные в статистических сборниках и пересчитанные с учётом численности населения депрессивных субъектов РФ по итогам переписей. В течение постсоветского периода имели место заметные колебания регистрируемых объёмов внутрироссийской и международной постоянной миграции, обусловленные как изменением потока мигрантов, так и неоднократным пересмотром порядка миграционного учёта. Это сделало малополезным анализ динамики абсолютных величин и показателей интенсивности миграции в регионах [12], однако на результаты нашего анализа принципиально не повлияло, поскольку

изменения касались всех регионов страны, а показатели миграции рассчитывались в целом за длительный период.

Потери населения в группе депрессивных регионов за постсоветский период были значительны. В течение 1992–2015 годов численность населения депрессивных регионов РФ сократилась с 15,0 до 13,0 млн. чел., несмотря на миграционный прирост в конце XX века. Основную роль в сокращении численности населения в течение постсоветского периода играла естественная убыль.

Динамика миграционных процессов в депрессивных субъектах России в постсоветский период отличалась неравномерностью. В 1990-е годы депрессивные регионы имели более высокие показатели миграционного прироста, чем Россия в целом (рис. 2). В этот период большинство реги-

Рис. 2. Миграционный прирост (убыль) на 1 тыс. чел. в депрессивных регионах России в течение постсоветского периода*

* Рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. – М.: Логос, 1996.

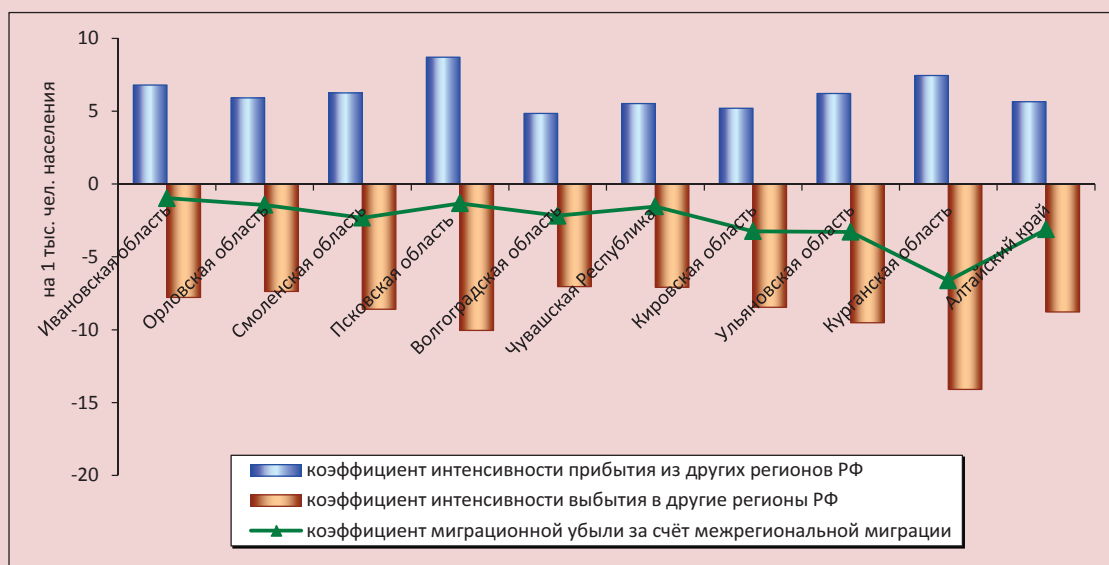
онов Европейской России испытывало небывалый миграционный прирост, что было вызвано вынужденной миграцией из нестабильных регионов бывшего СССР, переселением из зоны Севера. Полагаем, что заметная часть потока мигрантов, прибывавших в депрессивные субъекты РФ в течение 1990-х гг., была представлена лицами, составлявшими те значительные объёмы мигрантов, которые на протяжении десятилетий покидали эти регионы, а также их родственниками, т.е. миграция во многом носила возвратный характер. Это возможно, когда люди сохраняли связи с регионом выбытия, местными жителями, которые помогли бы в обустройстве. Такое переселение могло происходить не в самые экономически благополучные регионы. Таким образом, в условиях стрессовой миграции депрессивные регионы, в течение многих лет отдававшие население, могли рассчитывать и на приток мигрантов.

К началу 2000-х гг. миграционный потенциал русского населения был в значительной степени исчерпан. Произошла постепенная трансформация политически мотивированной межгосударственной миграции в экономически мотивированное переселение соотечественников и представителей титульных народов СНГ [11]. Однако депрессивные субъекты РФ, не имея ярко выраженных притягательных факторов, стали проигрывать конкуренцию за основные потоки мигрантов, которые в результате направлялись в другие субъекты РФ. Кроме того, экономический подъём в России 2000-х гг. сопровождался увеличением оттока населения из депрессивных регионов в более привлекательные в миграционном отношении субъекты РФ. Потери населения депрессивных регионов во внутрироссийской миграции не перекрываются притоком мигрантов из ближнего зарубежья. В Смоленской области ми-

грационная убыль проявилась в 1999 г., а целом по группе регионов данного типа – с 2001 г. С этого времени группа депрессивных регионов ежегодно теряет население в результате безвозвратной миграции, что делает необходимым более подробное рассмотрение миграционных процессов в 2001–2015 гг. За этот период потери населения депрессивных регионов в результате постоянной миграции согласно данным текущего учёта составили 339,3 тыс. чел. Сальдо миграции населения депрессивных регионов сформировалось в результате взаимодействия с другими регионами России и со странами ближнего и дальнего зарубежья.

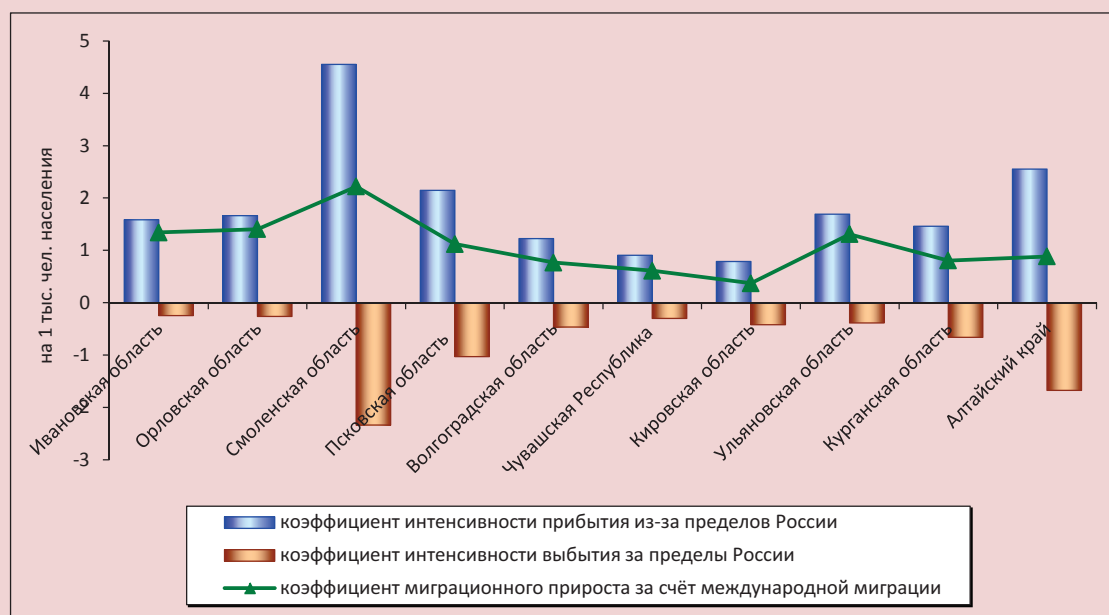
Соотношение объёмов миграции с численностью населения регионов позволяет выделить субъекты РФ с наиболее высокой интенсивностью разных потоков миграции в течение 2001–2015 гг. Интенсивность выбытия мигрантов в группе депрессивных регионов в другие субъекты РФ выше, чем в среднем по стране, хотя и заметно различается по регионам. В свою очередь, почти все рассматриваемые субъекты РФ отличаются относительно низкой интенсивностью межрегиональной миграции по прибытию. Исключение составляет Псковская область, где интенсивность прибытия из других регионов России несколько превышает среднероссийский уровень. Наименьший коэффициент миграционной убыли в результате взаимодействия с другими регионами регистрируется в Ивановской, Псковской, Орловской областях (рис. 3). Эти субъекты РФ расположены вблизи столичных регионов – основных центров притяжения мигрантов. Постоянная выездная миграция в Москву и Санкт-Петербург здесь может частично замещаться временными формами [17]. Наиболее заметными потери населения в результате миграции в другие регионы России были в Курганской,

Рис. 3. Интенсивность межрегиональной миграции населения депрессивных регионов России в 2001–2015 гг.*

* Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году: статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2016; Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>

Рис. 4. Интенсивность международной миграции населения депрессивных регионов России в 2001–2015 гг.*

* Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году: статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2016; Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>

Ульяновской и Кировской областях, а также в Алтайском крае. Следует учитывать, что исследования миграций, проведённые на основе материалов переписей населения, указывают на недоучёт миграционного оттока из депрессивных регионов [19].

По сравнению с остальной Россией в депрессивных регионах интенсивность международных миграций несколько ниже. Наименьшая интенсивность прибытий из-за рубежа отмечается в регионах, удалённых как от границ, так и основных центров миграционного притяжения (в Кировской области и Чувашии). Население приграничных депрессивных субъектов РФ (Смоленская и Псковская области, Алтайский край) в большей мере вовлечено в международную миграцию (рис. 4).

Наиболее высокий миграционный прирост за счёт безвозвратной международной миграции имеют субъекты, входящие в Центральный федеральный округ. Объём и территориальная структура миграций с

зарубежными странами также заметно различаются между субъектами РФ, поскольку определяются географическим положением и традиционными связями регионов.

В миграционном обмене большинства депрессивных субъектов РФ с государствами дальнего зарубежья в 2000-е гг. отмечался отрицательный баланс. Максимальные потери населения в обмене с зарубежными странами зафиксированы в Алтайском крае, преимущественно вследствие эмиграции этнических немцев в ФРГ. При этом отдельные регионы, в первую очередь Смоленская область, в обмене с государствами дальнего зарубежья имеют незначительный миграционный прирост (табл. 2).

Основной объём миграционного оборота в международной миграции во всех депрессивных регионах приходится на страны ближнего зарубежья. В разрезе отдельных субъектов РФ можно отметить, что почти все из них имеют положительное сальдо миграции в обмене со всеми госу-

Таблица 2. Потоки постоянной миграции населения в депрессивных регионах России за 2001–2015 гг., чел.*

Депрессивный регион	Число прибывших			Число выбывших			Миграционный прирост (убыль) в отношениях		
	из других регионов	из стран СНГ, Балтии, Грузии	из других зарубежных стран	в другие регионы	в страны СНГ, Балтии, Грузии	в другие зарубежные страны	с другими регионами	со странами СНГ, Балтии, Грузии	с другими зарубежными странами
Ивановская область	112 755	25 164	1 118	128 766	2 862	1 181	-16 011	22 302	-63
Орловская область	72 705	20 109	330	90 352	2 485	709	-17 647	17 624	-379
Смоленская область	95 911	62 882	6 846	131 377	29 668	6 078	-35 466	33 214	768
Псковская область	93 381	21 849	1 168	107 529	8 986	2 027	-14 148	12 863	-859
Волгоградская область	192 109	46 068	2 464	278 099	8 468	9 825	-85 990	37 600	-7 361
Чувашская Республика	106 453	14 835	2 633	136 073	3 112	2 622	-29 620	11 723	11
Кировская область	110 801	15 833	947	179 618	7 026	1 869	-68 817	8 807	-922
Ульяновская область	124 748	31 298	2 630	190 573	5 173	2 533	-65 825	26 125	97
Курганская область	106 822	20 575	370	201 733	8 017	1 424	-94 911	12 558	-1 054
Алтайский край	213 025	89 189	6 966	330 109	32 620	30 341	-117 084	56 569	-23 375
Все депрессивные регионы	1 228 710	347 802	25 472	1 774 229	108 417	58 609	-545 519	239 385	-33 137

* Рассчитано по: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году: статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2016; Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>

дарствами СНГ (исключение – небольшая миграционная убыль в обмене Алтайского края с Белоруссией). Если проанализировать имеющиеся данные о территориальной структуре миграций за 2004–2015 гг., то можно увидеть, что основным источником миграционного прироста для Ульяновской, Волгоградской, Псковской и Ивановской областей являлся Узбекистан, и это характерно и для всей России. Для двух депрессивных субъектов РФ – Курганской области и Алтайского края – основным миграционным донором выступал Казахстан, для Чувашии, Орловской и Кировской областей – Украина, для Смоленской области – Белоруссия. С 2014 г. для всех депрессивных регионов Европейской России основным источником мигрантов стала Украина.

Однако удельный вес мигрантов из отдельных стран в общем объеме миграций населения каждого региона не в полной мере отражает реальную интенсивность существующих миграционных связей, поскольку зависит от численности населения государств. Например, очевидно, что показатели объема миграции и удельный вес в миграционном обороте для Узбекистана будут выше, чем аналогичные показатели для Молдавии, поскольку численность населения этих стран различается на порядок. Исключить влияние на показатель интенсивности миграционных связей таких факторов, как численность населения территорий и абсолютные масштабы миграционных потоков, позволяет использование коэффициентов интенсивности миграционных связей (КИМС), которые рассчитываются по формулам:

$$\text{КИМС выб.} = \frac{B_{ij}}{\sum B_{ij}} : \frac{S_i}{\sum S_i},$$

$$\text{КИМС приб.} = \frac{P_{ij}}{\sum P_{ij}} : \frac{S_i}{\sum S_i},$$

где КИМС приб. – коэффициент интенсивности миграционных связей (по прибытию); КИМС выб. – коэффициент интенсивности миграционных связей (по выбытию); B_{ij} – число выбывших из региона j в страну i ; P_{ij} – число прибывших в регион j из страны i ; S_i – средняя численность населения страны j за период; $\sum B_{ij}$ – суммарное число выбывших из депрессивных регионов в рассматриваемые страны; $\sum P_{ij}$ – суммарное число прибывших в депрессивные регионы из рассматриваемых стран; $\sum S_{ij}$ – суммарная численность населения рассматриваемых стран [10].

Данный коэффициент применяется в исследованиях потоков внутренней миграции для оценки интенсивности связей между субъектами РФ [14]. Нами были рассчитаны КИМС для миграционного взаимодействия депрессивных регионов со странами СНГ, Балтии, Грузией, США, ФРГ, Израилем. Высокие значения по прибытию и по выбытию (более 10) характерны для миграционного обмена депрессивных регионов с отдельными странами СНГ (табл. 3), а также взаимодействия Псковской области с Латвией и Эстонией. Анализ миграционных связей со странами дальнего зарубежья выявил повышенные значения КИМС для Чувашии и Израиля. В большинстве случаев высокий КИМС обусловлен географической близостью регионов и конкретных стран, а также низким, даже по сравнению с депрессивными субъектами РФ, уровнем социально-экономического развития и небольшой численностью населения отдельных зарубежных стран.

Основные выводы. Депрессивные территории традиционно оцениваются как проблемные по сравнению с более успешно развивающимися субъектами РФ. Снижение экономических показателей в условиях депрессии, очевидно, должно

Таблица 3. Страны с высокими значениями КИМС в обмене с депрессивными регионами за 2004–2015 гг.*

Депрессивный регион	КИМС по прибытию более 10	КИМС по выбытию более 10
Ивановская область	Армения, Молдавия	–
Орловская область	Армения, Киргизия, Молдавия	–
Смоленская область	Белоруссия	Белоруссия
Псковская область	Армения, Молдавия, Эстония	Эстония
Волгоградская область	Армения	Армения
Чувашская Республика	Армения, Таджикистан	–
Кировская область	Армения	Армения
Ульяновская область	Армения	–
Курганская область	Казахстан, Киргизия	Казахстан
Алтайский край	Казахстан, Киргизия, Таджикистан	Казахстан

Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2004: стат. сб. – М.: Росстат, 2005; Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. – М.: Росстат, 2015.

увеличивать отток населения в результате безвозвратной миграции. Главной особенностью для всех депрессивных регионов России и одновременно одним из проявлений экономической депрессии выступает убыль населения в результате внутрироссийской миграции. Однако в течение постсоветского периода происходило сопряжение этой тенденции с увеличением стрессовой и возвратной миграции после распада СССР в 1990-е гг. и экономически обусловленной миграции в 2000-е гг. Будучи миграционно привлекательной для выходцев из ближнего зарубежья частью страны, депрессивные субъекты РФ в течение всего постсоветского периода притягивали мигрантов из стран СНГ. В условиях сокращения численности населения в депрессивных субъектах РФ иммигранты являются важным источником пополнения трудовых ресурсов таких регионов, частично компенсирующим, по крайней мере количественно, убыль населения, возникающую в результате естественной убыли, межрегиональной миграции и эмиграции в развитые страны дальнего зарубежья. Поток иммиграции в депрессивные регионы дает не только ощутимые количественные результаты, но и тормозит процесс старения постоянного населения, сокращает

гендерную диспропорцию. В формировании территориальной структуры потоков безвозвратной миграции в 2000-е гг. определяющее значение имела близость к определенным государствам и традиционные связи регионов.

Можно выявить более благополучную миграционную ситуацию в регионах, относящихся к Центральному федеральному округу, что, на наш взгляд, связано с тем, что депрессивные субъекты РФ, близко расположенные к столичному региону, привлекательнее для мигрантов из стран ближнего зарубежья. При этом переселенцы могут рассматривать депрессивные субъекты как транзитную территорию для дальнейшего перемещения по России. Кроме того, близость ряда депрессивных регионов к Московской агломерации делает возможной замену постоянной миграции населения временными формами трудовой миграции.

Сложившаяся в миграционной сфере ситуация представляет следствие проблем в экономической и социальной сфере депрессивных регионов. При сохранении существующих межрегиональных различий часть населения депрессивных субъектов РФ неизбежно будет настроена на вовлечение в процессы постоянной или

временной миграции. По этой причине мероприятия, проводимые властями депрессивных субъектов РФ и направленные на снижение миграционного оттока молодежи и населения трудоспособном возрасте, не всегда дают ожидаемый результат. Осуществление миграционной политики в депрессивных регионах должно быть увязано с мероприятиями по социально-экономическому развитию данных субъектов РФ, причем в качестве главной цели должно рассматриваться обеспечение качества жизни местного населения, прежде всего за счёт повышения заработной платы, формирования новых рабочих мест, развития социальной инфраструктуры. В то же время должны быть сведены к минимуму административные механизмы, затрудняющие временную трудовую миграцию из депрессивных территорий (ограничение регистрации, получение социальных услуг вне региона постоянного проживания и пр.). Обсуждения заслуживают механизмы, позволяющие перераспределять средства, получаемые бюджетами принимающих регионов от трудовой деятельности мигрантов, в пользу отдающих население депрессивных территорий.

Актуальным для депрессивных регионов аспектом миграционной политики является регулирование иммиграции из стран

ближнего зарубежья, в первую очередь Евразийского экономического союза. К числу очевидных последствий такого рода миграции, проявляющихся как в депрессивных, так и в других регионах России, можно отнести снижение стоимости рабочей силы и требований к условиям труда. Замена местных работников на иностранных способствует деградации рынка труда депрессивных регионов, где и без того отмечается высокий уровень безработицы, а также усиливает миграционный отток. Трудящиеся из депрессивных субъектов РФ оказываются в условиях конкуренции с иностранцами на рынках труда как «своих» регионов, так и субъектов РФ, являющихся центрами притяжения временных и постоянных мигрантов в масштабах страны (столичные, нефтегазодобывающие регионы и др.), а работодатели отдают предпочтение иностранцам, нередко нелегальным, мигрантам [18].

Решение миграционных и социально-экономических проблем депрессивных субъектов РФ невозможно без участия федерального центра. Отдельные мероприятия по регулированию миграции в регионах носят в основном информационно-пропагандистское содержание и должны быть дополнены мерами экономического и административного характера.

Литература

1. Василенко, П.В. Особенности миграционного движения населения Псковской области в постсоветский период [Текст] / П.В. Василенко // Народонаселение. — 2014. — № 2. — С. 50-57.
2. Евдокимов, С.И. Миграции населения как отражение экономической привлекательности региона (на примере Псковской области) [Текст] / С.И. Евдокимов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2010. — № 1. — С. 108-112.
3. Ижейкина, Н.М. Демографические процессы в благополучных и депрессивных регионах России (сравнительный анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. / Н.М. Ижейкина. — М: ИСПИ РАН, 2007. — 23 с.
4. Лексин, В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития [Текст] / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. — М.: УРСС, 2007. — 368 с.
5. Леонов, С.Н. Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий [Текст] / С.Н. Леонов // Известия РАН. Сер. Географическая. — 2005. — № 2. — С. 68-76.

6. Маньшин, Р.В. Демографическое развитие Южного федерального округа [Текст] / Р.В. Маньшин, М.Х. Абидов // Народонаселение. – 2008. – № 2. – С. 81-86.
7. Мильчаков, М.В. Факторы и динамика развития депрессивных регионов и городов России [Текст]: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. / М.В. Мильчаков. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – 25 с.
8. Михель, Е.А. Миграционные процессы в зеркале трансформаций: приграничные регионы России [Текст] / Е.А. Михель, О.С. Крутова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2. – С. 86-96.
9. Мкртчян, Н.В. Миграционная ситуация в староосвоенных регионах России [Текст] / Н.В. Мкртчян, Л.В. Карачурина // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2006. – Т. 4. – С. 535-559.
10. Рыбаковский, Л.Л. Региональный анализ миграций [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.
11. Рыбаковский, О.Л. Миграция населения постсоветской России [Текст] / О.Л. Рыбаковский // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2016. – Т. 66. – № 1. – С. 30-37.
12. Рыбаковский, О.Л. Постоянная миграция населения российских регионов [Текст] / О.Л. Рыбаковский, В.С. Судоплатова // Народонаселение. – 2015. – № 3. – С. 4-14.
13. Рязанцев, С.В. Миграционная ситуация в России и нефтегазовых регионах Западной Сибири [Текст] / С.В. Рязанцев // Безопасность Евразии. – 2004. – № 3 (17). – С. 164-190.
14. Рязанцев, С.В. Внутрироссийская миграция населения: тенденции и социально-экономические последствия [Текст] / С.В. Рязанцев // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 37-49.
15. Сидоренко, О.В. Формирование селективной региональной политики социально-экономического развития проблемных регионов [Текст]: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. / О.В. Сидоренко. – Иркутск: БГИЭП, 2011. – 39 с.
16. Чернышев, К.А. Миграции населения депрессивного региона [Текст] / К.А. Чернышев // Народонаселение. – 2016. – Т. 1. № 1. – С. 52-63.
17. Brunarska, Z. Regional out-migration patterns in Russia. EUI Working Paper RSCAS [Электронный ресурс] / Z. Brunarska, 2014. – 23 p. – Режим доступа: <http://cadmus.eui.eu/handle/1814/31382> [Дата обращения: 01.02.2017].
18. Judah, B. Russia's Migration Crisis [Текст] / B. Judah // Survival: Global Politics and Strategy. – 2013. – Vol. 55. – № 6. – P. 123-131.
19. Kashnitsky, I. Cohort Research on Russian Youth Intraregional Migration and Education [Текст] / I. Kashnitsky // Beder Journal of Educational Science. – 2013. – Vol. 4. – № 1. – P. 22-30.
20. Wegren, S. Patterns of Internal Migration during the Russian Transition [Текст] / S. Wegren, C. Drury // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2001. – Vol. 17. – № 4. – P. 15-42.

Сведения об авторе

Константин Анатольевич Чернышев – доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Вятский государственный университет (Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; e-mail: kochern@rambler.ru)

Chernyshev K.A.

The Study of Permanent Migration of Economically Depressed Regions

Abstract. Russia's development in the post-Soviet period is characterized by enhanced interregional socio-economic disparities, emergence of different kinds of troubled territories including depressed areas. The group of depressed regions includes ten constituent entities of the Russian Federation where economic recession is accompanied by reduction in the number of residents and the population outflow as a result

of permanent migration. The purpose for this research is to identify the specific features of migration processes in economically depressed regions and elaborate proposals to optimize migration policy. The information base of the research is represented by official data of Rosstat. The article analyzes the processes of permanent migration in depressed areas, proposes periodization of migration process in the post-Soviet period and defines the reasons for the occurred changes. The author identifies net migration indicators and population decline in depressed Russian regions by flows of permanent migration: interregional and international between neighboring and distant countries. Analysis of migration exchange with foreign countries was conducted with the help of migration intensity indices previously used only in studies of domestic migration. The formation of the territorial structure of permanent migration flows was mostly based on proximity to specific countries and traditional ties between regions. The author identifies the peculiarities of migration in economically depressed regions. Population loss is the result of interregional migration. International migration is characterized by migration gain due to CIS countries. The study indicates positive consequences of migration flows from countries of the former USSR: restoration of population losses as a result of natural decline, interregional migration and emigration to developed far abroad countries. The immigration flow to depressed regions slows down the process of resident population ageing reducing gender disparity. The author point to a better migration situation in regions of the Central Federal district attractive to migrants from the neighboring countries. The current immigration situation is the result of economic and social issues in depressed regions. The solution to the problem of migration requires joint effort of federal and regional authorities.

Key words: Russia, economically depressed areas, permanent migration, migration outflow, migration intensity index, post-Soviet period.

References

1. Vasilenko P.V. Osobennosti migratsionnogo dvizheniya naseleniya Pskovskoi oblasti v postsovetkii period [Specifics of migration in Pskov oblast in the post-Soviet time]. *Narodonaselenie* [Population], 2014, no. 2, pp. 50-57.
2. Evdokimov S.I. Migratsii naseleniya kak otrazhenie ekonomicheskoi privlekatel'nosti regiona (na primere Pskovskoi oblasti) [Migration as a reflection of the region's economic attractiveness]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's united scientific journal], 2010, no. 1, pp. 108-112.
3. Izheikina N.M. *Demograficheskie protsessy v blagopoluchnykh i depressivnykh regionakh Rossii (sravnitel'nyi analiz): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05.* [Demographic processes in prosperous and depressed Russian regions (comparative analysis): Ph.D. in Economics dissertation abstract: 08.00.05.]. Moscow: ISPI RAN, 2007. 23 p.
4. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *Gosudarstvo i regiony. Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya* [The state and its regions. Theory and practice of state management of territory's development]. Moscow: URSS, 2007. 368 p.
5. Leonov S.N. Tipologiya problemnykh regionov na osnove otsenki mezhhregional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh i finansovykh razlichii [Classification of problematic regions based on estimation of interregional socio-economic and financial differences]. *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya* [Herald of RAS. Series; Geography], 2005, no. 2, pp. 68-76.
6. Man'shin R.V., Abidov M.Kh. Demograficheskoe razvitie Yuzhnogo federal'nogo okruga [Demographic development of the South Federal district]. *Narodonaselenie* [Population], 2008, no.2, pp. 81–86.
7. Mil'chakov M.V. *Faktory i dinamika razvitiya depressivnykh regionov i gorodov Rossii: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk: 25.00.24* [Factors and dynamics of development in depressed Russian regions and cities :Ph.D. in Geography dissertation abstract: 25.00.24]. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, 2012. 25 p.
8. Mikhel' E.A., Krutova O.S. Migratsionnye protsessy v zerkale transformatsii: prigranichnye regiony Rossii [Migratory processes as mirrored by the transformations: border regions in Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2, pp. 86-96.

9. Mkrtchyan N.V., Karachurina L.V. Migratsionnaya situatsiya v staroosvoennykh regionakh Rossii [Migration situation in depressed Russian regions]. *Nauchnye trudy Instituta narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Academic papers of RAS Institute of Economic Forecasting], 2006, vol. 4, pp. 535-559.
10. Rybakovskii L.L. *Regional'nyi analiz migratsii* [Regional analysis of migration]. Moscow: Statistika, 1973. 159 p.
11. Rybakovskii O.L. Migratsiya naseleniya postsovetsoi Rossii [Migration in the post-Soviet Russian]. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Policy. Series: social sciences], 2016, vol. 66, no. 1, pp. 30-37.
12. Rybakovskii O.L., Sudoplatova V.S. Postoyannaya migratsiya naseleniya rossiiskikh regionov [Constant migration of population in Russian regions]. *Narodonaselenie* [Population], 2015, no. 3, pp. 4-14.
13. Ryazantsev S.V. Migratsionnaya situatsiya v Rossii i neftegazovykh regionakh Zapadnoi Sibiri [Migration situation in Russia in oil- and gas-rich regions of Western Siberia]. *Bezopasnost' Evrazii* [Eurasia security], 2004, no. 3 (17), pp. 164-190.
14. Ryazantsev S.V. Vnutrirossiiskaya migratsiya naseleniya: tendentsii i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya [Domestic migration: trends and socio-economic consequences]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2005, no. 7, pp. 37-49.
15. Sidorenko O.V. *Formirovanie selektivnoi regional'noi politiki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya problemnykh regionov: avtoref. dis. ... dokt. ekon. nauk: 08.00.05.* [Development of selective regional policy of the socio-economic development in depressed regions: Doctor of Economics dissertation abstract]. Irkutsk: BGIEP, 2011. 39 p.
16. Chernyshev K.A. Migratsii naseleniya depressivnogo regiona [Population migration in depressed region]. *Narodonaselenie* [Population], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 52-63.
17. Brunarska Z. Regional out-migration patterns in Russia. *EUI Working Paper RSCAS*, 2014. 23 p. Available at: <http://cadmus.eui.eu/handle/1814/31382> [Accessed: 01.02.2017].
18. Judah B. Russia's Migration Crisis. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2013, vol. 55, no. 6, pp. 123-131.
19. Kashnitsky I. Cohort Research on Russian Youth Intra-regional Migration and Education. *Beder Journal of Educational Science*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 22-30.
20. Węgren S., Drury C. Patterns of Internal Migration during the Russian Transition. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2001, vol. 17, no. 4, pp. 15-42.

Information about the Author

Konstantin Anatol'evich Chernyshev – Ph.D. in Geography, Associate Professor, Department for Public and Municipal Administration, Vyatka State University (36, Moskovskaya Street, Kirov, 610000, Russian Federation; e-mail: ochern@rambler.ru)

Статья поступила 28.03.2017.

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).

2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.

3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.

4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру,

полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

**АКТ
приёма-передачи произведения**

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № ____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись

_____ / _____
ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.08.2017.
Дата выхода в свет 31.08.2017.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,8. Тираж 500 экз. Заказ № 230.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru